Ж 6 8/30

Kb 8/30

К 68/30

С. ВОЗНЕСЕНСКИЙ

РАЗЛОЖЕНИЕ КРЕПОСТНОГО ХОЗЯЙСТВА И КЛАССОВАЯ БОРЬБА В РОССИИ 1800 1860 Г.Г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТКАТОРЖАН
МОСКВА
1932

Б. 3. 27/98 К 56/9

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА
ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН
И
ССЫЛЬНО
ПОСЕЛЕНЦЕВ

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА

ВОСПОМИНАНИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ, ДОКУМЕНТЫ И ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОШЛОГО РОССИИ

1932

№ 10 (LXXXVII)

МОСКВА

К56 3/9

С. В. ВОЗНЕСЕНСКИЙ

РАЗЛОЖЕНИЕ КРЕПОСТНОГО ХОЗЯЙСТВА И КЛАССОВАЯ БОРЬБА В РОССИИ

в 1800—1860 гг.

ОЧЕРКИ

Гос. Центр.
Историческая
Библиотека

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

Обложка работы художника В. С. Резникова

Ответственный редактор В. Н. Соколов. Технический редактор С. М. Матвеев. Корректор С. Е. Винар. Сдана в производство 21/IV—32 г. Подписана к печати 3/X—32 г. Издат., № 45. Уполномоч. глав. № В — 30854., Формат бумаги 62 × 94 см. Печ. л. 18. Тираж 5 100. Зак. Т. 530
7-я типография Мособлполиграфа „Искра Революции", Москва, Арбат Филипповский пер., 13.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 7060
5 " VI 1933 г.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР

7060-33 W

ВВЕДЕНИЕ

Торговый капитал и его роль в экономическом развитии России XVI—XVIII вв.

Последняя четверть XVIII века в истории русского народного хозяйства является эпохой, когда стали создаваться, наконец, у нас необходимые предпосылки для развития в стране капиталистического способа производства.

Действительно, к этому времени общественное разделение труда достигло в России уже таких размеров, что в торговый оборот стали втягиваться более или менее широкие народные массы, жившие до того преимущественно в условиях натурального хозяйства. Кроме того, среди этих масс появились слои, уже отрывавшиеся от орудий производства, прежде всего от земли, и вынужденные в силу этого приобретать средства к существованию продажей своей рабочей силы. Таким образом, в России в исходе XVIII века начали образовываться и довольно емкий внутренний рынок, и достаточно многочисленная рабочая сила, эти две необходимые предпосылки для возникновения крупного, капиталистического производства.

До этого времени капитал, сложившийся еще в Московской Руси в XVI—XVII вв., действовал почти исключительно лишь в области обмена. Рынок в ту эпоху был невелик, так как он обслуживал преимущественно потребности высших слоев туземного общества и заграницы, торговые сношения с которой встречали однако большие препятствия, благодаря отсутствию удобных путей сообщения, а поэтому и не могли быть значительными. Крестьянство же, составлявшие основные кадры населения, почти все, чем оно

нуждалось, производило собственным трудом, в собственном хозяйстве, основу которого повсеместно составляло земледелие, в соединении с теми или иными промыслами, носившими подсобный характер. В эту начальную эпоху развития торгового капитала главная масса продуктов в стране производилась, таким образом, для непосредственного потребления сельских производителей, и только избытки обращались в товары, реализовавшиеся при посредстве купечества на внутреннем или внешнем рынке, а затем в виде податей и оброков поступавшие в руки правительства и землевладельческого класса.

При такой слабости обмена в этот период в стране продолжало доминировать мелкое производство, но, в противоположность предшествующему периоду «раннего феодализма» с его натуральным хозяйством, это производство все более и более теряло свою самостоятельность или, лучше сказать, замкнутость. В центре государства, а также на южной и западной окраинах крестьяне в своем подавляющем большинстве постепенно закрепощались землевладельческому дворянству. Здесь эксплоатация народной массы принимала форму крепостничества, выражавшуюся экономически во все растущем денежном оброке, а местами и начинавшей расширяться барщине. На севере и частью на востоке, где благодаря отдаленности этих областей, а также недостатку в них удобных для земледелия пространств почти не развилось частное крупное землевладение, жившие здесь черносошные крестьяне и инонационалы закабалялись непосредственно самому государственному аппарату, выкачивавшему из них прибавочный продукт в виде податей, также из натуральных становившихся денежными.

Подати и оброки, в их денежной форме, служившие теперь главным источником существования правительства и землевладельческого дворянства, усиленно побуждали массу мелких производителей обращаться к рынку, на котором они могли реализовать излишки своего хозяйства. Товарооборот, в который втягивалось крестьянство и покоренные народности, носили, таким образом, в значительной мере однобокий характер: мелкий производитель, закабаленный землевладельцу и государству, продавал продукты своего труда, но почти ничего не покупал, отдавая вырученные деньги господствующему классу и аппарату его власти. Эта особенность тогдашней русской экономики прекрасно обрисована в труде Даниила, принца из Бухова, посетившего в

1578 г. Московское государство. «Положение... крестьян,— пишет он,— самое жалкое. Их принуждают платить по нескольку денег каждую неделю великому князю и своим господам; они имеют скот, плоды и, кроме того, что-нибудь из сельских вещей; отказывая себе во всем, они продают их соседним гражданам [горожанам.— С. В.], а сами вместе с женами и детьми довольствуются черным хлебом, живут очень бедно, одеваются в толстейшее сукно и сами себе делают обувь из древесной коры, чтобы только не нуждаться в работе сапожников»[1].

Народная масса, превращая часть своих продуктов на рынке в товары, подвергалась здесь эксплоатации уже со стороны торговцев, которые диктовали ей рыночные цены и таким путем на ряду с казной и землевладельцами также наживали огромные состояния. Купеческий капитал особенно широко развернул свою деятельность на северной, восточной и юго-восточной окраинах Московского государства, где добывались наиболее ходкие, особенно для заграничного торга, товары и где не было развито дворянское землевладение. Не даром именно здесь и сложились в XVI—XVII вв. наиболее крупные торговые предприятия знаменитых Строгановых и ряда других московских «гостей».

Таким образом с половины XVIII века, т. е. в эпоху своего «первоначального накопления» в Московской Руси, господствующее положение в экономике страны одинаково занимали дворяне-землевладельцы и именитые торговцы, или гости, как бы географически поделившие между собой сферы эксплоатации народного труда. Дворянству достались крепостные крестьяне-землеробы центра и юго-западных окраин, выносившие на рынок лен, пеньку, коноплю, кожи, сало и хлеб; купечеству — государственные крестьяне — промышленники и кустари — и инонационалы, жившие на северо-востоке, с их дегтем и смолой, воском и медом, мехами, ворванью, рыбой и полотнами.

Складывавшийся в стране торговый капитал, орудуя в области товарообмена, долгое время ограничивался лишь простым втягиванием в рыночные отношения мелких экономически самостоятельных производителей. Другими словами, он подчинял себе, но еще не преобразовывал самого способа производства, которое оставалось, как и в предшеству-

---

[1] Даниил, принц из Бухова. «Начало и возвышение Москвы». М., 1877 г., стр. 71.

ющую натурально-хозяйственную эпоху, мелким, кустарно-крестьянским. Правда, местами росла барская запашка на монастырской и частновладельческой земле, существовавшая раньше в очень скромных размерах, и даже появилось с десяток или два устроенных царем, патриархом и иностранцами железоделательных и стекольных заводов и бумажных мельниц, но все это для XVI—XVII вв. не было характерным. Крупные хозяйства царя Алексея Романова, боярина Морозова, патриарха Никона, Соловецкого или Троице-Сергиева монастырей, — все эти хозяйства XVII века можно перечесть по пальцам, — являлись исключением. Мало того, несмотря на свои размеры, хозяйства эти отнюдь не носили капиталистического характера: с одной стороны, они все велись, главным образом, с помощью принудительного труда мелких самостоятельных производителей, с другой — ставили себе, как всякое феодальное хозяйство, чисто потребительские задачи, только осуществляя их не непосредственно, так сказать, натурально-хозяйственным путем, а через рынок: продажа произведенных излишков имела в виду не накопление капитала и его помещение в производстве, а получение денежных средств, шедших на удовлетворение личных потребностей собственника-феодала, будь то царь, боярин или монастырь.

Напротив, для XVII века являлось типичным скорее хозяйство такого рода, какое было, например, у стольника А. И. Безобразова. Хозяйство это, среднее по размерам, в исходе XVII века лишь начинало терять свой натуральный характер, и его излишки, реализовавшиеся владельцами на рынке, были еще крайне незначительны[1]. Центр тяжести в ту эпоху попрежнему лежал для дворянина-землевладельца во внеэкономической эксплоатации крестьян полуденежным, полунатуральным оброком и барщиной, — эксплоатации, размеры которой все более и более росли, а для купца — в экономическом закабалении мелких производителей посредством рыночных и ростовщических операций.

Эта эксплоатация способствовала, с одной стороны, росту всякого рода ранее бывших подсобными промыслов, с другой — расширению земледелия. О распространении в XVII веке скотоводства и добывающей промышленности, преимущественно связанной с лесом и водой, много говорят современ-

---

1 А. В. Новосельский. «Вотчинник и его хозяйство в XVIII веке», М., 1928 г., стр. 183.

ные иностранные путешественники. Особенно ценны в этом отношении данные о русском отпуске за границу через Архангельск, приведенные Родесом и относящиеся к середине XVII века[1]. Так, продуктов скотоводства вывозилось тогда на 550 тыс. руб., продуктов добывающей промышленности (мехов, икры, воска, ворвани и т. п.) на 296 тыс. руб., продуктов земледелия на 264 тыс. руб., и продуктов обрабатывающей промышленности — лишь на 29 тыс. руб. Эта структура вывоза, однако, не отражала действительного удельного веса различных отраслей народного хозяйства в его целом. Дело в том, что земледелие, без сомнения, играло в народнохозяйственной жизни страны наиболее крупную роль, но его продукты не могли найти широкого сбыта на внешнем рынке благодаря уже одному тому, что находившийся в распоряжении Москвы архангелогородский путь был мало доступен для крайне непортативных земледельческих товаров. В этом отношении прекрасным доказательством может служить тот факт, что когда при Грозном Москва овладела на некоторое время Нарвой, то, по сообщению Флетчера[2], из этого порта ежегодно стало уходить до ста кораблей, нагруженных льном и пенькой; после же потери Нарвы число кораблей сократилось до прежнего числа — пяти. Это показывает, насколько значительной могла быть при благоприятных рыночных условиях уже в исходе XVI века земледельческая продукция Московской Руси, по крайней мере, продукция в области технических культур — льна, а также пеньки. В течение XVII века земледельческая продукция Московской Руси на самом деле стала значительно развиваться, так как уже один рост податей и оброков заставлял крестьянство лихорадочно расширять свои запашки. В замосковных уездах, т. е. в центральной области государства, в конце XVI века крестьянская пашня в государевых, монастырских и дворянских имениях не превышала 2,6 десятин на двор, а уже в первой половине XVII века она доходила до 6—6,1 десятин на двор и во второй половине до 7—9,3 десятин[3].

Правда, это был чисто экстенсивный рост, так как производительность труда попрежнему стояла очень низко: если в «тощий год», именно 1604 г., а такие неурожайные годы

---

[1] Б. Г. Курц. «Состояние России в 1650—1688 гг. по донесению Родеса». М., 1915 г.

[2] Флетчер. «О государстве русском». Изд. 3-е. Спб., 1906 г.

[3] Ю. В. Готье. «Замосковный край в XVII в.», М., 1906 г., стр. 513.

выпадали часто, в принадлежащем новгородскому Софийскому Дому селе Полянах пшеница родилась сам 1,13, жито — сам 2,9 и овес — сам 1,32[1], то в последней четверти этого века в Ельце наиболее крупный урожай для ржи был сам 3,9, а для овса — сам 2,05[2].

Но развитию, хотя бы и экстенсивному, земледелия, при крайней затруднительности сношений с заграницей, ставился уже во второй половине XVII века известный предел. Дело в том, что в Московской Руси внутренний рынок для сельскохозяйственного сырья рос крайне медленно. Объяснялось это главным образом тем, что из двух основных форм общественного разделения труда, какие исчерпывающе обрисованы К. Марксом[3], — отделения города от деревни и распадения страны на более или менее обширные, диференцировавшиеся в хозяйственном отношении районы, — в тогдашней России вторая форма значительно опередила первую. Городов, как центров экономической жизни, у нас было немного, и притом в большинстве своем они носили не столько ремесленный, сколько торговый характер. Предъявлять поэтому сколько-нибудь значительный спрос на продукты сельского хозяйства, поскольку они не шли за границу, эти города в большинстве своем не могли. Москва, куда ежедневно прибывало в середине XVI века от 700 до 800 возов с хлебом и рыбою, из которых часть — и именно с хлебом — направлялась далее на север[4], являлась скорее исключением. Что же касается распадения страны на отдельные районы, то этот процесс в XVII веке был уже ярко выраженным. Север, примыкавший к Белому морю, и Приуралье все более развивали связанную с лесом и водой добывающую промышленность, центр государства специализировался на земледелии и кустарных промыслах, а южные окраины значительно расширяли скотоводство. Но не говоря уже о степном юге, и лесные северо-восточные области одновременно занимались также земледелием, вслед-

---

1 Б. Д. Греков. «Очерки по истории хозяйства новгородского Софийского Дома. II. Собственное сельское хозяйство», в «Летописи занятий Пост. Ист.-Археогр. Комиссии», I. (XXXIV), Л., 1927 г., стр. 135.

2 И. Н. Миклашевский. «К истории хозяйственного быта Московского государства, т. I. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII в.». М., 1894 г., стр. 231.

3 К. Маркс. «Капитал», т. I.

4 Описание английской экспедиции Р. Ченслера, составленное Клем. Адамсом, в «Известиях англичан о России во второй половине XVI века» в «Чтениях в Общ. Ист. и Др. Рос.», 1884 г., кн. 4.

ствие чего и они в общем мало приобретали покупного хлеба.

Вследствие этого, если в XVI—XVII вв. лен, пенька, сало и кожи занимали в товарном обороте видное место, то не так обстояло дело с основным для русского сельского хозяйства продуктом — хлебом. Товарность зерновой продукции продолжала быть незначительной, как очень низкой была и цена на зерно. Этим обстоятельством посетивший Московию в 30-х годах XVII века Олеарий объяснял тот факт, что «в некоторых местах страны, где нет никакого сбыту хлеба, земля не обрабатывается вовсе, хотя бы и была удобна к тому, и лишнего запаса хлеба не делают, довольствуясь тем, что нужно на годовой запас... От этого бездна прекрасной плодоносной земли оставляется без возделывания» [1].

Не мудрено, что, при недостаточной емкости внутреннего сельскохозяйственного рынка, господствующий не только экономически, но и политически землевладельческий класс уже при Алексее Михайловиче выдвигал грандиозную проблему внешней политики — приобретение балтийских берегов. В этом отношении его вполне поддерживала и верхушка московского купечества — известные своим экономическим могуществом гости. Дело в том, что почти полуторастолетняя хищническая эксплоатация торговым капиталом севера и востока России значительно уменьшила природные богатства этого края. За пушниной и прочими товарами купцу приходилось итти уже в далекую Сибирь. Кроме того, в XVII веке все более развивалась и торговля шелком, шедшим из Персии. Пользоваться при таких условиях архангелогородским путем становилось мало выгодным: на таких больших расстояниях капиталы не могли быстро оборачиваться. Наконец, в течение XVII века стали изменяться и запросы западно-европейских стран, ведших торговлю с Московской Русью. Их все больше и больше начали привлекать лен, пенька и хлеб, т. е. как раз такие продукты, которые нельзя было в значительных количествах подвезти к Архангельску из-за отдаленности места их производства. При таких условиях перенесение торговых путей с Белого моря на Балтийское становилось вопросом жизни для ко-

---

[1] Адам Олеарий. «Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах». М., 1870 г., стр. 118.

мандующих классов московского общества — землевладельческого дворянства и крупной торговой буржуазии. И в Петровскую эпоху они этот вопрос благополучно разрешили.

Завоевание Прибалтийского побережья, действительно, дало мощный толчок дальнейшему развитию в России торгово-капиталистических отношений. Северная война, в своем результате, привела к значительному расширению как внутреннего, так и внешнего рынка. Внутренний рынок вырос, главным образом, за счет потребностей государственного хозяйства, нуждавшегося в массовом количестве изделий обрабатывающей промышленности, которых существовавшее в стране кустарное производство дать не могло. Регулярная армия и усложнившийся бюрократический аппарат требовали сукна, холста, парусины, предметов вооружения, бумаги. Приобретать все это за границей, — первоначально так и делалось, — в дальнейшем представлялось затруднительным хотя бы по чисто финансовым соображениям. Петровскому правительству, естественно, пришлось в силу этого вступить на путь промышленного протекционизма и с помощью целого ряда мероприятий вызвать к жизни крупное производство, в форме мануфактуры [1].

Но на этом пути экономическая политика русского правительства встретила неодолимое препятствие в экономической действительности. В передовых западно-европейских странах мануфактурная промышленность, вызванная, как и у нас, ростом рынка, имела своей базой разлагавшееся цеховое ремесло, в области которого уже сложился класс рабочих, лишенных орудий производства. Отсюда она и стала черпать необходимый ей квалифицированный труд. Чернорабочую же силу в этих странах с избытком поставляла деревня, где шел в это время процесс обезземеления более или менее значительных слоев крестьянства. В России, напротив, ремесленная промышленность в городах была крайне неразвита, и промышленные изделия поставлялись преимущественно кустарями, которые не только не были отделены от орудий производства, но еще не успели порвать тесной связи и с землей, с земледельческим хозяйством. У нас в эти времена не было ничего похожего на английское, например, отораживание полей, сгонявшее крестьян с насиженных гнезд и превращавшее их в бездомный пролетариат. Русское дворянство, всячески осваивая земли государ-

[1] М. И. Туган-Барановский. «Русская фабрика в прошлом и настоящем», т. I. Изд. 3-е. Спб., 1907 г.

ственных крестьян, в то же время еще больше стремилось закрепить за собой их самих.

Система всякого рода поощрений, энергично проводимая Петровским правительством, привела к тому, что капитал, как туземный, накопленный преимущественно в сфере торговли, так и заграничный, устремился в область организации крупного, мануфактурного производства, но он вскоре увидел, что в стране с крайне недиференцированным, крепко спаянным с землей населением, в стране, где ремесло еще слишком недостаточно выделилось из области добывающей промышленности, для развития мануфактур не хватает свободных рабочих рук. Эту особенность нашей тогдашней экономики отметил еще кн. Щербатов. «Наши крестьяне,— писал он,— были не привычны ни к каким работам и ни за какие деньги на фабрики итти не желали»[1]. Недостаток наемных рабочих, на труде которых были основаны немногие ранние мануфактуры, заставил Петровское правительство широко практиковать приписку к фабрикам и заводам государственных крестьян, обязанных вместо платежа подушных денег отрабатывать эти деньги на заводской работе[2], ссылать в фабрично-заводскую работу нищих и преступников[3], а в 1721 г. разрешить предпринимателям не из дворян покупать к своим промышленным предприятиям частновладельческие деревни[4]. Стремясь всеми способами снабдить фабрично-заводские предприятия рабочей силой, Петр в 1722 г. предписал даже, чтобы беглые помещичьи крестьяне, успевшие сделаться мастеровыми, были оставлены на фабриках и заводах впредь до нового распоряжения[5]. Таким путем, была создана необходимая для развития крупного производства масса чернорабочих, в то время, как квалифицированные рабочие обычно вызывались первое время из-за границы.

В результате уже в конце Петровской эпохи появилось до 230 фабрик и заводов[6] мануфактурного типа, работавших

---

1 Предложение кн. Щербатова на «голос», читанный в Комиссии 1767 г. от депутата города Ельца. «Сочинения кн. Щербатова», т. I. Спб., 1896 г., стр. 126.

2 П. С. З., т. XI, № 8196, п. 3.

3 Там же, т. VI, № 4006, и т. V, № 3218.

4 Там же, т. VI, 3711.

5 Там же, т. VI, № 4055.

6 Кириллов. «Цветущее состояние Всероссийского государства». М., 1841 г.

преимущественно на принудительном труде, получившем позже название поссессионного.

Другой особенностью возникшего в России крупного мануфактурного производства было то, что оно по-преимуществу обслуживало нужды казны, а не вольного рынка, который в своих низах попрежнему вполне довольствовался кустарными изделиями, а в верхах — заграничным ввозом. Выполнение казенных заказов ставило тогдашние «фабрики» и «заводы» в монопольное положение, изолировало их от рыночных отношений, от конкуренции. Это обстоятельство, в связи с принудительным трудом, обрекало их на технический застой. Не мудрено поэтому, что фабрично-заводские изделия долгое время не могли в России бороться на вольном рынке с кустарными, которым они уступали в своем качестве и которых превосходили своей ценой.

Таким образом, торговый капитал, при поддержке правительства, создал у нас в первой четверти XVIII века поссессионную мануфактуру, но эта мануфактура не была по существу своему капиталистической.

Во второй четверти XVIII века рядом с поссессионной мануфактурой, принадлежавшей большей частью купечеству, возникла и стала быстро расти мануфактура вотчинная, или дворянская. Наличие в руках дворянства большого количества крепостных крестьян, сельскохозяйственная эксплоатация которых в нечерноземной полосе не всегда представляла достаточно выгод, и огромные барыши поссессионных фабрик и заводов, работавших на казну, побудили дворян, особенно крупных, энергично взяться за фабрично-заводское предпринимательство. В результате в начале Екатерининского царствования вотчинная мануфактура уже значительно потеснила поссессионную: у нее было то преимущество, что ее владельцу принадлежали крепостные души, а купцу их приходилось приобретать покупкою. Нечего и говорить, что вотчинная мануфактура еще менее, чем поссессионная, походила на капиталистическое предприятие. Количественно в период между концом Петровского царствования и началом Екатерининского мануфактуры эти, поссессионные и в особенности вотчинные, значительно увеличились и в таких отраслях производства, как выделка холста и парусины и добыча чугуна, не только полностью удовлетворяли спрос казны, но и много вывозили за границу.

В ту же Петровскую эпоху, рядом с рынком на изделия обрабатывающей промышленности, вырос и рынок, главным

образом внешний, для продуктов сельского хозяйства. Приобретение портов на Балтийском побережье, и особенно устройство Петербурга, перенесло центр тяжести торговых сношений с Западной Европой с берегов Белого моря на берега Балтийского. Это обстоятельство не только привело к количественному росту оборотов внешней торговли, но вызвало и качественные изменения в нашем вывозе. В XVI и XVII вв. среди статей русского вывоза, как нам уже известно, доминировали продукты добывающей промышленности или скотоводства; земледельческие же продукты — лен, пенька и хлеб—занимали сравнительно скромное место. Это значило, что районами, поставлявшими товары для внешнего рынка, были в ту эпоху преимущественно северные и восточные области Московского государства, где земледельческое хозяйство лишь с трудом удовлетворяло потребности местного населения, а прибавочный продукт доставляли всевозможные промысла. Центр государства с юго-западными окраинами, носивший исключительно сельскохозяйственный характер, напротив, был тогда очень слабо связан с внешним рынком. Лен, пеньку и особенно хлеб из отдаленных от Белого моря областей экспортировать за границу представлялось мало выгодным.

Перенесение в Петровскую эпоху торговли с Западной Европы на Балтийское побережье повело к тому, что доминирующее место в русском вывозе, начиная со второй четверти XVIII века, заняли уже продукты производства областей, прилегающих к Балтийскому морю. Пенька и лен, сало и кожи стали теперь главными вывозными товарами, а в некоторые годы приобретал известное значение и вывоз хлеба. Сельскохозяйственный рынок в России, таким образом, значительно расширился. Помимо заграничного, здесь имело место и некоторое увеличение внутреннего спроса, именно со стороны казны, вынужденной с устройством регулярной армии закупать большие массы провианта и фуража. Земледелие, благодаря этому, сделалось особенно выгодным в общем народно-хозяйственном обороте страны, и землевладельческий класс уже в исходе первой четверти XVIII века начинал испытывать мощную тягу к земле, этому главному источнику богатств в стране, находившемуся юридически в его полном распоряжении.

Служивый дворянин, живший по-преимуществу на оброки от своих крепостных, постепенно превращался в дворянина-хозяина, бегущего с государственной службы к себе в усадь-

бу, где он заводил собственное хозяйство. В 20—40-х годах XVIII века в широких дворянских кругах вполне усваивается мысль, впервые высказанная В. Татищевым: «Всякому помещику должно иметь на пашне деревни в одном месте для того, чтобы сам всю экономию видеть мог, а прочие иметь на оброках»[1]. В результате, во второй половине XVIII века уже можно было констатировать расцвет барщинной системы, которая в губерниях к северу от Москвы охватила до 45% крепостных крестьян, а в губерниях к югу — почти 74%[2].

Типичный для раннего феодализма способ производства, характеризующийся сочетанием крупного землевладения с мелким крестьянским хозяйством, таким образом несколько видоизменялся: в барщинных имениях по крайней мере половина земли уже сосредоточивалась в руках самого владельца, самостоятельно на ней хозяйничавшего, и, значит, крупное землевладение начинало совпадать с крупным хозяйством.

Но подобно тому, как поссессионная или вотчинная мануфактура не являлась еще настоящей формой промышленного капитала, с которым она имела лишь то общее, что была крупных размеров, но от которого существенно отличалась тем, что применяла принудительный труд и работала вне условий свободной конкуренции, так и барщинное имение, в еще большей степени, было лишено производственно-капиталистического характера. Не говоря уже о том, что применявшийся здесь труд был крепостным, отметим, что обработка земли при барщинной системе хозяйства производилась исключительно инвентарем крепостных. Феодал-землевладелец, как общее правило, нисколько не вкладывал в свое хозяйство денежного капитала, что приходилось делать фабриканту или заводчику; единственным капиталом у него были живые орудия, т. е. крепостные люди. Благодаря этому, получение прибавочного продукта зависело исключительно от того количества труда, которое крестьянин-барщинник должен был отдавать помещику. Здесь уже совершенно не приходилось думать о каком-либо прогрессе. К этому нужно присоединить и еще одно обстоятельство: дворяне-землевла-

---

[1] В. Татищев. «Краткие экономические записки», в «Временнике Моск. Общ. Ист. и Древн.», т. XII, стр. 29.

[2] В. И. Семевский. «Крестьяне в царствование Екатерины II», т. I, Изд. 2-е. Спб., 1903 г., стр. 48.

дельцы, особенно крупные, подобно тогдашним мануфактуристам, также предпочитали иметь дело не с вольным рынком, а непосредственно с потребителем, прежде всего в лице военного ведомства, которое было обязано, согласно «провиантским регулам» 1758 г., в общем повторявшим прежние предписания, «старание иметь, сколько и где возможно подрядов... от купцов... миновать, а пользоваться поставкой от шляхетства и поселян»[1]. Но некоторые, опять-таки крупные, дворяне избегали купеческого посредничества и в деле доставки своего сырья потребителю, будь то казна или иностранные экспортные фирмы: они сами подвозили с помощью своих крепостных это сырье на рынок. Благодаря всему этому и барщинное имение, подобно поссессионной или вотчинной мануфактуре, работало в значительной мере в обстановке, исключавшей возможность сколько-нибудь широкой конкуренции.

В итоге торговый капитал во второй половине XVIII века значительно расширил в России как внутренний, так и внешний рынок, создав для удовлетворения его потребностей в промышленных изделиях поссессионную и вотчинную мануфактуру и побудив феодалов в области производства сельскохозяйственных продуктов расширить барщинную систему за счет оброчной. В стране, где к началу XVIII века город и деревня крайне слабо диференцировались, где трудовое население почти повсеместно занималось сельским хозяйством, а различные промыслы играли лишь подсобную роль, естественно, все выгоды от развивавшегося товарообмена на первых порах должны были попасть в руки класса, владевшего основными источниками дохода — землей и крепостным трудом. Равновесие, наблюдавшееся в XVI—XVII вв. между крупной торговой буржуазией и землевладельческим дворянством, одинаково экономически выигрывавшими на первой стадии развития в стране торгового капитала, теперь, в средине XVIII века, исчезло. Рост сельского хозяйства в форме барщинной системы, устройство вотчинных фабрик и заводов, наконец, предоставление очень выгодных торговых монополий, особенно в Елизаветинские времена, представителям придворно-правительственной знати, — все это необычайно увеличивало экономическую и социально-политическую мощь крупного землевладельческого и душевладельческого дворянства. Не даром в Комиссии о сочинениях проекта Но-

[1] П. Б. Струве. «Крепостное хозяйство». М., 1913 г., стр. 49.

Гос. Центр. исторической Библиотеки

вого уложения, созванной в 1767 г., дворянские лидеры стремились совершенно свести к нулю экономическую роль купечества[1].

В XVI—XVII вв. купцы наживали громадные состояния, особенно на эксплоатации черносошных крестьян и инонационалов северо-восточной России, на эксплоатации экономически бессильного мелкого производителя. В XVII веке на рынке стали доминировать продукты производства центральных и юго-западных областей, где прибавочный продукт народного труда поступал, благодаря крепостному праву, в распоряжение землевладельческого дворянства. Поскольку последнее нуждалось в посреднических услугах купечества, оно обращалось к нему, но эти услуги уже не оплачивало с такой щедростью, как это приходилось делать мелкому самостоятельному производителю. Землевладельцы-дворяне были слишком мощны экономически, и поэтому скорее они, а не купцы, устанавливали продажные цены на сельскохозяйственное сырье. В крайнем случае они имели полную возможность обходиться совсем без купеческого посредничества, доставляя свои продукты, при помощи подводной повинности своих крепостных, на очень отдаленные рынки. Купеческая прибыль при таких условиях становилась более чем скромной в сравнении с той, какая была обычной в XVI—XVII вв.

Купечество, кроме того, в XVIII веке утратило и свое прежнее монопольное положение в сфере торговли заграничными товарами, которого оно добилось в царствование Алексея Михайловича: при нем, как известно, западно-европейские купцы лишены были всех своих прежних привилегий и особенно права розничного торга внутри государства. С Петровского времени в Петербурге, Риге, Ревеле, даже в Москве вновь утвердились английские, немецкие и пр. негоцианты, взявшие на себя непосредственное снабжение русских потребителей заграничными изделиями, не говоря уже о том, что вся вывозная торговля находилась всецело в их руках. Особенно крупную роль играли здесь английские купцы, на что жаловался, например, в своих записках французский посол, бывший в России в 1785—1789 гг., гр. Сегюр. «Английские негоцианты, — писал он, — образовали в Петербурге целую грозную колонию. Разбогатев торговыми оборотами... они до

[1] В. Н. Латкин. «Законодательные комиссии в России в XVIII ст.», т. I. Спб., 1887 г., стр. 285 и сл., и М. И. Туган-Барановский. «Русская фабрика в прошлом и настоящем», т. I. Изд. 3-е. Спб., 1907 г., стр. 32 и сл.

того размножили свои заведения и дома, что занимали в Петербурге целый квартал, называемый английскою линиею. Они сообща устанавливали на целый год смету торговых оборотов, определяли ценность товаров и даже вексельный курс»[1]. Не мудрено, что в XVIII веке в России не стало таких крупных купеческих домов, какие встречались в XVI—XVII вв. В купцы первой гильдии в некоторых городах, даже довольно крупных, зачислялись люди с очень небольшим состоянием. Так, в Нижнем-Новгороде требовался для этого «капитал» всего от 150 руб. до 5 тыс. р., в Дмитровске — от 500 р. до 1000 р., в Кашине от 100 р. до 500 р.[2]. Действительно богатых купцов, имевших свыше 100.000 р., попадалось очень мало; в Архангельске, например, их было в 60-х годах только трое, и несколько человек в Тотьме, ведшей торги с Сибирью[3]. Кроме того, состоятельные купцы заведя фабрики и заводы, обслуживавшие казну, часто получали в XVIII веке чины и ордена, приобретали населенные земли и, таким способом, переходили в сословие дворян. Так, старинная торговая семья Строгановых получила графский и баронский титулы, а потомки кузнеца-заводчика Демидова превратились в светлейших князей Демидовых Сан-Донато. Известный дворянский публицист Екатерининской эпохи кн. Щербатов в одной из своих статей приводит длинный список одворянившихся купцов и предпринимателей, которые добились «позволения иметь деревни и ношения шпаги» и сейчас же «от заводов своих отстали» и капиталы, обращавшиеся в торгах, «от оных отвратили»[4]. О широком распространении этого явления говорит и либеральный писатель начала Александровского царствования Ив. Пнин, отмечая, что «господа купцы-дворяне, перейдя из деятельной и трудолюбивой жизни в состояние, по их мнению, гораздо блистательнейшее, делаются тунеядцами, праздными и бесполезными людьми»[5].

Понятно, что измельчавшее купечество, едва удерживавшее в своих руках только лавочные торги по городам, было очень скромно в своих стремлениях. Наказы, присланные

---

1 «Заметки гр. Сегюра». Спб., 1865 г., стр. 64.

2 Наказы от указ. городов, в «Сборнике Русск. Ист. Общ.», т. 123.

3 Там же.

4 Кн. М. М. Щербатов. «Размышления об ущербе торговли, происходящем выхождением великого числа купцов в дворяне и в офицеры», в его «Сочинениях», т. I. Спб., 1896 г., стр. 624 и 625.

5 Ив. Пнин. «Опыт о просвещении относительно России». Спб., 1804 г., стр. 72.

им в упомянутую комиссию 1767 г., и его депутаты в ней в большинстве желали возвращения к средневековой форме торговли, к монополизации ее в отдельных городах местным купечеством, с запрещением розничного торга как окрестным крестьянам, так и иногородним купцам[1].

Несмотря, однако, на экономический упадок, — по крайней мере, в середине XVIII века,— туземного купечества, в среде которого денежное накопление шло очень туго, торгово-капиталистические отношения в феодально-дворянской России неуклонно развивались. Прежде всего это выражалось в росте торговых оборотов в стране. Так, размеры внешней торговли увеличились следующим образом[2].

	Вывоз	Ввоз
1726 г.	4.238 тыс. руб. сер.	1.585 тыс. руб. сер.
1749 „	6.895 „ „ „	5.710 „ „ „
1768 „	12.148 „ „ „	16.129 „ „ „
1778—1780 гг.	18.065 „ „ „	12.528 „ „ „
1790—1792 „	26.010 „ „ „	25.646 „ „ „

При этом следует отметить, что торговый баланс почти всегда был в значительной мере благоприятным для России: дворяне, как владельцы вывозившегося сырья, ежегодно получали, благодаря этому, хороший куш.

Еще значительнее росла внутренняя торговля, так что в 1753 г. уже пришлось отменить внутренние таможни[3]. О размерах этой торговли можно составить себе некоторое представление из того факта, что в пятилетие до указа 1753 г. ежегодно собиралось внутренних пошлин, за исключением Сибири, от 903 тыс. руб. до 1.106 тыс. руб., что составляло 5% с продажной цены товаров. Значит, внутренний товарооборот, при чем только учтенный, равнялся в то время примерно 22 млн. руб., т. е. почти вдвое превосходил товарооборот по внешней торговле[4].

Эти цифры свидетельствуют, что во второй половине

---

[1] М. И. Туган-Барановский. «Русская фабрика», т. I. Изд. 3-е. Спб., 1907 г.; и В. И. Латкин. «Законодательные комиссии в России в XVIII ст.», т. I. Спб., 1887 г.

[2] А. Семенов. «Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности», ч. 3. Спб., 1859 г., стр. 23—24, 27—28, 39—40, 44 и сл. Отметим, что в Англии в 1770—1780 гг. суммы ввоза и вывоза равнялись 13,9 и 11,8 млн. фунтов стерлингов. См. В. Зомбарт. «Современный капитализм», т. II. Спб., 1907 г.

[3] К. Лодыженский. «История русского таможенного тарифа». Спб., 1886 г., стр. 88.

[4] А. Семенов. Назв. соч., стр. 31.

XVIII века торговые отношения начинали захватывать уже не только экономически командующие классы общества, но и народную, в частности крестьянскую массу. Медленно, но все же крестьянское хозяйство начинало все более втягиваться в товарный оборот, а вместе с тем и выделять слои населения, отрывавшиеся от орудий производства. Другими словами, общественное разделение труда во вторую и третью четверть XVIII века начинало заметно проникать в самую толщу народно-хозяйственной жизни.

Одним из факторов, усиливавших этот процесс товаризации, явился в России XVIII века, как и всюду, рост населения. Ко времени царствования Екатерины II стали сглаживаться те опустошения, какие последовательно наносили стране опричнина Грозного. Смутное время, война царя Алексея и особенно борьба Петра I с Карлом XII. Если численность населения в России в течение всего XVII и первой четверти XVIII вв. держалась приблизительно на одном уровне, около 14 млн. душ обоего пола, то к концу 1796 г. оно увеличилось до 29 млн. на той же территории[1], что и прежде, а если считать и вновь присоединенные после Петра I области, то до 36 млн. душ обоего пола[2]. Это значило, что в то время как в 1724 г., по первой ревизии, насчитывалось на кв. версту 4,7 жителя, в 1796 г., по пятой ревизии, в среднем приходилось уже 7.

Население это размещалось по огромной территории крайне неравномерно. Особенно густо были населены два района в центре, примыкавших с севера и юга к Москве. Здесь плотность населения уже переходила за пределы, при которых можно было существовать с помощью обычных приемов хозяйства. Не даром 80-е годы XVIII века отмечены здесь пониженной урожайностью и рядом значительных голодовок. В конце XVIII века пашня в северно-подмосковном районе составляла у государственных крестьян 37,6%, у помещичьих-оброчных — 32,9% всей удобной земли[3]. Процент этот сам по себе невелик, но суглинковая почва не допускала большой запашки, возможной при трехполье того времени. Не мудрено, что земля здесь была уже значительно выпахана и, несмотря на трехполье, давала меньшие урожаи, чем в

---

[1] П. Н. Милюков. «Очерки по истории русской культуры», ч. I. Изд. 5-е. Спб., 1904 г., стр. 24.

[2] Там же, стр. 25.

[3] Н. П. Огановский. «Очерки по истории земельных отношений в России». Саратов, 1911 г., стр. 246.

областях, примыкавших с юга к Москве, где господствовала переложная система, но зато были свежие пласты чернозема. Так, в первом районе урожай-сам был для озимого 3,34, для ярового — 2,79, а во втором — 3,79 и 3,42[1].

Рост населения в центральных областях приводил, таким образом, к малоземелью и падению урожайности. Губернии, примыкавшие с юга к Москве, начинали высылать колонизационный поток в Среднее и Нижнее Поволжье и в причерноморские степи, т. е. в области, присоединенные как раз при Екатерине II. Этим остававшемуся населению давалась возможность продолжать на прежних местах своего жительства земледельческое хозяйство, несколько интенсифицируя его — переходя от перелога к трехполью. Что же касается северно-центральных губерний, то здесь избыточное население вынуждено было взяться за подсобные отрасли хозяйственной деятельности, так как при скудной почве и вообще недостатке удобных земель оно уже не могло прокормиться с помощью сельскохозяйственного труда. Кн. Щербатов, например, отметил, что в Московской губернии, «по причине великого числа народа, населяющего сию губернию», малоземелье во многих деревнях приняло такие размеры, что крестьяне ни с каким прилежанием не могут себе на пропитание хлеба достать и для того принуждены другими работами оный снискивать»[2].

Таким образом, относительное перенаселение в губерниях, составлявших теперешний центрально-промышленный район и еще в первой половине XVIII века обходившихся своим хлебом, давало толчок преимущественному росту, рядом с земледелием, побочных промыслов, и прежде всего кустарничества. Последнее, в виде изготовления полотен, сукна, кожевенных, деревянных, металлических и гончарных изделий, существовало здесь уже в московские времена, но чисто рыночный характер и значительные размеры приняло как раз в Екатерининскую эпоху. Так, в 80-х годах XVIII века из Тверской губернии вывозилось до 10 млн. аршин холста; село Павлово изготовляло замки и прочие слесарные изделия, расходовавшиеся по всей России и шедшие даже в Персию; Гжельская волость славилась своей глиняной и фарфоровой посудой; Калужский уезд производил массу сапог и

---

[1] Там же, стр. 246—247.

[2] Кн. М. М. Щербатов. «Статистика в рассуждении России», в его «Сочинениях», т. I, Спб., 1896 г., стр. 480.

башмаков; Норская слобода снабжала гвоздями Москву и Петербург, село Мурашкино — всю Россию рукавицами, тулупами и шапками, Ветлуга — рогожами; ряд разнообразных промыслов был развит в Шуе и Иванове [1].

Сбыт кустарных изделий происходил на многочисленных сельских и городских торжках и ярмарках, число которых доходило в 70-е годы по всей России до 1.637 [2], при чем скупщиками являлись, пожалуй, не столько купцы, сколько крестьяне, выделявшиеся из более зажиточных кустарей. Торгово-промышленная деятельность крестьянства в этих губерниях часто протекала при непосредственном покровительстве дворянства. Последнее держало здесь на земледельческой барщине или в вотчинных мануфактурах менее половины крепостных крестьян, остальных же оно облагало оброком, принимавшим все более форму настоящего подоходного налога. Понятно, что многие из дворян-землевладельцев всячески поощряли торгово-промышленную деятельность своих крепостных, защищая их от монопольных притязаний городского купечества и снабжая иногда их капиталом. Так, в «Уложении», составленном гр. В. Г. Орловым в 1796 г., рекомендовалось вотчинной администрации собиравшиеся с крестьян церковные деньги, если их накопится достаточно и они останутся без употребления, «раздавать из прибыли надежным людям» [3]. Даже дворяне, владевшие фабриками и заводами, ничего не имели против развития в их деревнях кустарных промыслов, так как последние обслуживали вольный рынок, тогда как вотчинная мануфактура преимущественно имела дело с казной.

Кустарными промыслами и торговлей могли, однако, заниматься лишь более зажиточные слои крестьянства. Кустарная светелка, работавшая на рынок, хотя бы и таких размеров, что в ней были заняты лишь наличные силы семьи, все же требовала некоторых средств на приобретение необходимых орудий труда и сырья. Еще больше в оборотном капитале нуждался крестьянин-торговец. Для более бедных крестьян, при невозможности прокормиться от земледелия, главным источником средств к существованию должен был

---

[1] М. И. Кулишер. «Очерк истории русской промышленности». Птр., 1922 г. Гл. 10.

[2] М. Чулков. «Историческое описание российской коммерции», т. VI, кн. 4. М., 1786 г.

[3] Гр. Орлов-Давыдов. «Биографический очерк гр. В. Г. Орлова». Спб., 1878 г., т. II, стр. 156—160.

делаться отход на сторонние заработки. О нем, как о распространенном явлении, не мало говорилось уже в наказах в Екатерининскую комиссию 1767 года, особенно от черносошных крестьян севера[1], у которых также ни земледелие, ни промыслы, связанные с добывающей промышленностью, не могли в это время обеспечить существование беднейших слоев деревни.

Об отходе из деревень именно беднейших слоев крестьянства говорит и Рычков в журнале своего путешествия по России, изданном в 1772 г. Проезжая Вятскую провинцию, он констатировал, что там «земледельцы, зная, что нет им никакого способа пропитаться хлебопашеством, отдав участки земли своей за малые деньги зажиточным крестьянам и оставив свой полезный для общества промысел и собственные свои жилища, ищут себе пропитания, нанимаясь в работники на завод, на суда и другие тому подобные места»[2]. То же явление в Екатерининские времена наблюдалось и в деревнях оброчных крепостных. Помимо расслоения в среде государственных и оброчных крестьян, вызванного проникновением товарных отношений в их хозяйства, значительно подгонял отход на заработки и неуклонный рост подушной подати и помещичьего оброка. Подушная подать с государственных крестьян выросла со времени Петра к царствованию Екатерины II с 1 р. 10 к. до 3 р. Крепостные за этот период стали платить подушных вместо 76 к. только 1 р., но зато частновладельческий оброк увеличился для них с 1 р. в среднем в начале XVIII века до 2 р. в середине и до 5 р. в конце этого века[3]. Правда, в течение XVIII века значительно повысились и цены на хлеб, — так, четверть ржи, стоившая еще в 60-х годах 1 р. 26 к., поднялась в 90-х годах до 3 р. 82 к., но от этого повышения крестьяне, зарабатывавшие средства путем найма, больше проигрывали, так как им приходилось хлеб покупать. Высоким оброком помещики сознательно выталкивали излишних для них в деревне крестьян на сторонние заработки. Болотов в 1770 г. в своем «Наказе для деревенских управителей в отсутствие помещика» рекомендовал в малоземельных имениях стараться, «чтоб во всяком тягле был человек затяглый или излишний, который бы между тем, как прочие работают, ходил бы в ра-

---

[1] «Сборн. Русск. Ист. Общ.», т. 123.

[2] Н. Рычков. «Продолжение журнала путешествия». Спб., 1778 г.,

[3] В. И. Семеновский. «Крестьяне в царствование Екатерины II», т. I. Изд. 2-е. Спб., 1903 г., стр. 53 и сл.

боты посторонние по найму и приносил бы домой для награждения недостатков и на все домашние надобности деньги»[1]. Что это были за «домашние надобности», видно из признания отца Екатерининского фаворита Зубова: «будучи из самых убогих помещиков, я нажил себе немалое имение (т. е. состояние) от сбору чересчур великих податей (т. е. оброков) с мужиков моих»[2]. С тем способом, каким взыскивались оброки с крестьян, знакомит нас письмо одного казанского помещика к своему приказчику в 1785 г.: «О крестьянах, что они неимущие и ходят по миру, отнюдь ко мне не пиши: мне это нож... Уповаю и надеюсь до тысячи рублей взыскать с них без всякого сумнительства и разорения. Мужик хотя и сер, но ум не чорт у него съел»[3]. Насколько вообще в северно-центральных губерниях, все более становившихся промышленными, был распространен отход, видно из следующих данных: в Ярославской губ. было взято паспортов в 1778 г. — 53 с лишним тысячи, в 1788 г. — 70 тысяч, в 1793 г. — 73 с лишним тысячи, Эти цифры составляли до 20% всех взрослых крестьян мужского пола. От 5 до 20% взрослого мужского населения в 90-х годах уходило на заработки и в разных уездах Костромской губ. В Московской губ. в 1799 г. взяли паспорта почти 49 тысяч человек, т. е. более 10% взрослых крестьян[4].

Из этих и других северно-центральных губерний отход направлялся преимущественно в промышленность, торговлю и речной транспорт. Но в конце XVIII века начинал развиваться в России и земледельческий отход, преимущественно из густо населенных центрально-земледельческих губерний, особенно из украинских. Крепостные крестьяне в большинстве своем сидели в этих губерниях на барщине, но все же некоторая часть их, примерно четвертая, в виду оказывавшегося и здесь недостатка в земле, продолжала жить на оброке. Рост последнего, не покрывавшийся уже доходом со все более уменьшавшегося надела, и заставлял избыточное население, исключительно занимавшееся сельским хозяйством, итти на земледельческие работы в Среднее Поволжье или в недавно приобретенные южные степи, где

---

1 «Труды В.-Экон. Общ.», ч. XVI.

2 В. И. Семевский. Назв. соч., т. I, стр. 52, прим.

3 С. Князьков. «Как сложилось и как пало крепостное право в России». Изд. 4-е. М., 1913 г., стр. 68.

4 М. И. Туган-Барановский. «Русская фабрика», т. I. Изд. 2-е. Спб., 1907 г., стр. 47—48.

местных крепостных было мало, а спрос на рабочую силу в летнее время был большой.

В 20—50-х годах XVIII века дворянское вотчинное хозяйство, с его барщиной, мануфактурой и монопольным сбытом, как мы видели, успешно вытесняло купеческий капитал из занятых им в Петровскую эпоху позиций как в области промышленности, так и в области торговли. Недаром процент городского населения со времени первой ревизии в 1724 г. и ко времени третьей, в 1762—1764 гг., снизился с 3,2% до 3,1% [1]. Но в течение того же самого периода общественное разделение труда, конечно, не в смысле отделения города от деревни, а в смысле дальнейшего углубления хозяйственной диференциации различных районов, сделало заметный шаг вперед; все более и более Россия разбивалась на две огромных полосы, к северу от Москвы — промышленную, и к югу — земледельческую, начинавшие все теснее связываться одна с другой развивавшимся товарообменом. Этим, конечно, уже значительно подрывались устои натурально-хозяйственного строя. Крестьянская семья более не могла вести изолированного хозяйства, удовлетворявшего огромное большинство ее потребностей. На южном черноземе она сосредоточивала свои усилия преимущественно на производстве зерна, на севере более всего занималась разного рода промыслами, при чем тут и там значительная часть населения, теряя орудия труда, вынуждалась жить продажей своей рабочей силы.

При таких условиях, естественно, во внутренней торговле огромное значение стали приобретать хлеб и другие сельскохозяйственные продукты, массами начинавшие передвигаться по рекам с юга на север, в то время как промышленные изделия северно-центрального района частью направлялись обратно, к югу. Здесь уже хозяйственная организация даже очень крупной вотчины, не говоря уже о хозяйствах мелких самостоятельных производителей, не могла обойтись без услуг торгово-посреднического капитала, для которого таким образом открылась, примерно, в третьей четверти XVIII века, очень обширная сфера приложения, и накопление которого, конечно, пошло вперед более ускоренным темпом. На этом поприще начинала широко развертываться хозяйственная деятельность не только старого купечества, но и верхушки расслаивавшегося под влиянием товаризации

[1] А. А. Кизеветтер. «Посадская община в России XVIII ст.». М., 1903 г., стр. 113.

крестьянства, особенно в наиболее втянувшемся в торговый оборот центрально-промышленном районе. Естественно, что оба полюса деревни, и беднота, и наиболее зажиточное кулачество, во второй половине XVIII века начинали увеличивать собой ряды городского населения. Процент последнего с 1762 г. по 1796 г., т. е. со времени третьей ревизии и ко времени пятой, увеличился с 3,1 до 4,1, а абсолютная цифра выросла с 228 тысяч душ мужского пола до 1.301 тысячи душ[1]. Дворянскому правительству конца Екатерининского царствования приходилось уже снова, как это было при Петре I, более или менее считаться с торговой буржуазией, дав ей в 1785 г. городское самоуправление и расширив некоторые гражданские права.

Однако торгово-посреднический капитал, орудуя в области торговли, теперь, при наличии более емкого рынка и рабочей силы, взялся и за организацию крупного и уже капиталистического производства. Купеческие поссессионные мануфактры, занимавшиеся поставками в казну, начинают обслуживать и вольный спрос, расширяя свои размеры. Так как покупка крестьян купцами к фабрикам и заводам была с 1762 г. запрещена, это расширение производства происходило уже за счет обращения к наемному труду. На поссессионных фабриках, подчиненных мануфактур-коллегии, уже в 1778 г. было из общего числа в 43 тысячи рабочих свыше 10 тысяч наемных, что составляло 24½%. К этому году существовали также находившиеся в ведении мануфактур-коллегии и фабричные предприятия, всецело применявшие наемный труд. В них работало 6.255 человек[2]. Теперь бывали уже случаи, что купцы организовывали крупные предприятия на основе наемного труда не только в городах или вольных слободах, но и в дворянских вотчинах. Так, в 1797 г. в нижегородском имении одного поручика была полотняная фабрика, принадлежавшая макарьевскому купцу Серебренникову, на которой наемными людьми вырабатывалось в год до 500 кусков (по 50 аршин) фламского полотна, продававшегося в Петербурге по 14 р. за кусок, и до 300 кусков равендуку, ценою по 9 р.[3].

[1] А. А. Кизеветтер. Назв. соч., стр. 113, и П. Н. Милюков. «Очерки по истории русской культуры», ч. 1. Изд. 5-е. Спб., 1904 г., стр. 82.

[2] В. И. Семевский. «Крестьяне в царствование Екатерины II», т. I. Изд. 2-е. Спб., 1903 г., стр. 610.

[3] «Опись делам Нижегородского наместнического правления за 1790—1797 гг.», в «Действиях Нижегород. Уч. Арх. Комиссии», т. III. Н.-Новг., 1898 г., стр. 238.

В исходе XVIII века, однако, не только купцы охотно брались за организацию чисто капиталистического производства. Местами начинала расти в мануфактуру капиталистического типа, т. е. применявшую наемный труд, и кустарная светелка. Не мало новых фабрикантов из бывших крестьян-кустарей или скупщиков появилось в таких центрах кустарной промышленности, как Иваново, Ворсма, Павлово, Шуя, Безводное и др.

О размерах крестьянских предприятий, превышавших обычные кустарные светелки, дают представление следующие данные по Горбатовскому уезду, относящиеся в 1797 г. В селе Богородском, номинально принадлежавшем С. В. Шереметеву, на 46 крестьянских кожевенных заводах вырабатывалось 61.400 бараньих белых кож, по 85—90 руб. сотня. В с. Ворсме, на заводе одного крестьянина, таких же кож выделывалось до 4.000 штук; на четырех мыльных заводах—до 7.000 пудов мыла, по 3 р. 90 к. — 4 р. за пуд; на четырех стальных заводах—до 6.500 пуд. стали, по 2 руб. 10 коп. за пуд. В селе Павлове гр. Н. П. Шереметева насчитывалось до сорока кожевенных заводов, из которых на двадцати пяти выделывалось 52.500 белых бараньих кож, по 10—11 р. за пуд, на двух—до 1.400 красных кож, по 10—12 р. за пуд, на пяти — белых коневых кож до 5.000 штук, по 14—15 р., и т. д. Здесь же было еще сорок слесарных заводов, из которых на десяти выделывалось 21.000 дюжин столовых и складных ножей, по 1 р. 50 к., 3 р. и 5 р. за дюжину, а на двадцати — до 900.000 замков, стоимостью от 1 р. до 5 р. десяток. В с. Избыльце полк. Турчанинова, на крестьянских прядильных заводах вырабатывалось 17.000 пудов снастей, по 2 р. 45 к. — 2 р. 50 к. за пуд [1]. Появление в России этой «мужицкой буржуазии» было настолько заметным, что иностранцу Бюшингу казалось, будто русские буржуа — это все выходцы из крестьян [2].

В результате, в области обрабатывающей промышленности, несомненно, в исходе XVIII века складывалось настоящее капиталистическое производство, которое довольно быстро стало обгонять в своем росте до-капиталистические формы — вотчинную и поссессионную фабрики. У нас не имеется полных данных, свидетельствующих об относительном значении различных типов фабрик и заводов, но зато можно ука-

---

[1] Там же, стр. 245—246.

[2] Busching, «Géographie universelle». Strasbourg, 1789.

зать, что вся вообще крупная обрабатывающая промышленность в последней четверти XVIII века росла довольно бурным темпом. Так, в 1779 г. насчитывалось всего 501 фабрика, а в 1796 г.— уже 2.276[1].

В гораздо меньшей степени, но все же в указанный период капиталистический способ производства начинал проникать и в область сельского хозяйства. Нам уже известно, что во второй половине XVIII века внутренний рынок на сельскохозяйственные продукты, в особенности на зерно, необычайно расширился, благодаря развитию кустарных промыслов и деревенского отхода. Но в последней четверти XVIII века резко увеличился и спрос на сельскохозяйственное сырье и в частности на зерно также со стороны заграницы, в особенности со стороны Англии, где происшедший во второй половине XVIII века промышленный переворот превратил эту страну из сельской в городскую. Раньше, в первой половине XVIII века вывоз хлеба из России допускался лишь в годы урожайные, так как производство не всегда обеспечивало потребности внутреннего спроса, главным образом казны и городов. Однако, развитие земледельческой барщины в середине XVIII века повело к значительному увеличению зерновой продукции. Во многих местностях центрального чернозема, не имевших удобных путей сообщения с центрами потребления, хлеба скапливалось так много, что помещики, не будучи в состоянии реализовать его в натуре, устраивали винокуренные заводы и таким путем превращали его из непортативного продукта, не выдерживавшего дальней дороги, в вино, имевшее, разумеется, легкий и выгодный сбыт.

Напротив, дворянские имения в областях, связанных удобными путями сообщения с Москвой, а также с балтийскими и начинавшими играть в исходе века известную роль черноморскими портами, постепенно превращались в настоящие «хлебные фабрики», где барщина превышала три дня в неделю, а иногда доходила до шести, как об этом говорят Радищев и другие современники.

---

[1] Именной указ от 18 июля 1803 г. (по докладу мин. внутр. дел), в «П. С. З.», т. XXVII, № 20852. Нам думается, что эти цифры заслуживают наибольшего доверия, так как, повидимому, они получены на основании того же принципа, что и данные мин. внутр. дел за 1804 и след. года. О других, весьма противоречивых данных см. у И. Полосина: «Промышленная статистика и политика XVIII в.», в журн. «Труд в России», кн. I, Л., 1924 г.

Вполне покрывая потребности внутреннего рынка, расширившееся сельское хозяйство стало поставлять большие количества зерна и на внешний рынок, главным образом в Англию. Так, если в 1758—1760 гг. вывезено было всего до 70 тысяч четвертей хлеба, стоимостью в 114 тыс. руб., то уже в 1778—1780 гг. эта цифра поднялась до 400 тыс. четвертей, стоимостью в 1 млн. руб.[1].

Насколько выгодным представлялось тогда земледелие, видно из того, как быстро росли в России цены на хлеб. Так, четверть ржи стоила[2]:

	В 1760-х гг.	В 1770-х гг.	В 1780-х гг.	В 1790-х гг.
В Ярославской губ. (нечерноземной)	1 р. 57 к.	2 р. 26 к.	3 р. 30 к.	4 р. 80 к.
В Тульской губ. (черноземной)	1 „ 09 „	1 „ 18 „	2 „ 40 „	2 „ 84 „

Принимая в расчет разницу покупательной стоимости рубля, получаем увеличение цены на рожь за неполные три десятилетия почти в три раза. Даже в Англии, переживавшей во вторую половину XVIII века очень сильный процесс урбанизации, возвышение хлебных цен шло гораздо медленнее. Так, стоимость там винчестерского квартера[3] пшеницы в 1725—1750 гг. составляла 33,9 шиллинга[4], в 1751—1775 гг.— 44,4, в 1776—1800 гг.— 56,1[5], что дает увеличение менее чем в два раза.

Привоз в Англию иностранного хлеба из Пруссии, Польши и России не позволял хлебным ценам итти вверх так бешено, как это наблюдалось в России, особенно в областях, расположенных вблизи судоходных рек. Сравнение английских хлебных цен с русскими, между прочим, показывает, что хлебные цены у нас определялись тогда не столько внешним, сколько внутренним рынком. Конъюнктура на внешнем рынке имела определяющее значение только для юго-западных губерний, начинавших в исходе XVIII века отправлять свою пшеницу в черноморские порты, и губерний, имевших выход к балтийским портам, эксплоатировавших из хлебных злаков

---

1 В. И. Покровский. «Сборник статистических сведений по истории внешней торговли России», т. I. Спб., 1902 г., стр. 2.

2 В. И. Семевский. «Крестьяне в царствовании имп. Екатерины II», т. I. Изд. 2-е. Спб., 1903 г., стр. 53.

3 Около 4 четвертей.

4 Шиллинг — почти 50 к.

5 В. Зомбарт. «Современный капитализм», т. II. Спб., 1907 г., 80—81.

преимущественно рожь и овес. Наиболее же тогда хлебопроизводящие центрально-земледельческий и средне-волжский районы, большею частью, снабжали хлебом потребляющие области в самой России.

Рост сельскохозяйственной барщины в тех хлебопроизводящих районах, где рынок был под боком, как, например, в остзейских губерниях, или же в окрестностях столиц, достиг еще в исходе XVIII века своего предела, и перед дворянами-хозяевами вставала задача не экстенсивного, а уже интенсивного развития производства. Довольно широко захватившая высшее дворянство в Екатерининскую эпоху англомания побуждала его не ограничиваться лишь разведением в своих усадьбах английских парков, вроде устроенного Потемкиным в Петербурге Таврического сада. Некоторые дворяне, обладавшие необходимыми для того оборотными средствами, начинали переходить от трехполья к многополью, как это впервые сделал в 80-х годах XVIII века в своем петербургском имении гр. Брюс, вводить удобрение, приобретать, главным образом из-за границы, сельскохозяйственные орудия и даже скот, приглашать на службу знающих сельское хозяйство иностранцев[1]. На книжном рынке появляются переводные сочинения по агрономии, и вообще интерес к экономическим вопросам настолько расширяется, что еще в 1765 г. возникает знаменитое Вольно-экономическое о-во.

Но как расширение земледельческой барщины до крайних пределов, так и интенсификаторские начинания русских дворян-землевладельцев не давали того эффекта, который рисовался в их воображении. Труд крестьян на барщине был более или менее успешен лишь в имениях мелкопоместных дворян, у которых было самое большее 50—100 душ. Таким помещикам, если только они хозяйничали сами, удавалось, конечно, выколотить из своих крестьян все, что мог дать человеческий труд. Но продукция в этих имениях была столь незначительна, что она обычно полностью потреблялась помещичьей семьей и дворней. Хозяйство мелкого помещика продолжало носить поэтому натуральный характер, почти не было связано с рынком.

Напротив, имения среднего и отчасти крупного дворянства, — мы говорим: отчасти, так как этот последний слой

---

[1] В. Г. Бажаев. «Крестьянское травопольное хозяйство в нечерноземной полосе Европейской России». М., 1902 г.

дворян в большинстве продолжал держать своих крестьян на оброке, — все более и более работали уже на сбыт. В наиболее благоустроенных из них выработалась во второй половине XVIII века довольно сложная система управления, с главною конторою, бурмистрами, периодическими переписями тяглых дворов, с целыми кодексами вотчинного законодательства. Но, при обилии всевозможного начальства и крайне мелочной регламентации крестьянской жизни, барщина здесь, несмотря на свои размеры, вернее, благодаря им, не могла быть особенно производительной. Сбитый на небольшой надел, обработать который, к тому же, как следует у него не было времени, крестьянин-барщинник, естественно, выполнял порученную ему барскую работу кое-как, спустя рукава, несколько напрягая свои силы лишь при приближении приказчика с нагайкой в руках. Еще хуже обстояло дело, когда барщинным крестьянам давался помещичий инвентарь, с которым они обращались крайне небрежно. Таким образом, труд крепостного, лишь только барщина переходила за свои пределы, отнимая, например, более трех дней в неделю, переставал быть сколько-нибудь оправдывающим себя. Недаром именно со второй половины XVIII века, т. е не раньше, чем барщинная система достигла своего расцвета, начинают раздаваться в дворянско-помещичьей среде жалобы на недостаточно добросовестную работу крепостных крестьян. Вот в каких чертах рисуется последняя известному Екатерининскому агроному Рычкову: «Когда пашут, стараются сделать недопашку и завалить ее пластом или рыхлою землей; когда сеют, то зерно мечут непорядочно и делают обсевку, на которых местах хлеб уже не родится и бывают прогалины. Во время полотья и жатвы очень много втаптывают в землю хлеба так, что плутовство их распознать невозможно» [1].

Не мудрено, что в Вольно-экономическом обществе уже в 1766 г. был поставлен на обсуждение вопрос: «что полезнее для общества» — свободный или крепостной труд, безземельный или наделенный и в каком размере землей работник? Один из авторов наиболее основательного труда, доктор прав в Ахене, Беарде-Делябей, дал на этот счет определенный ответ. Обращаясь к «вельможам», он говорил: «Нет, господа! Дав вольность крестьянам вашим, вы ничего не потеряете, но еще умножите ваши доходы. Вы гораздо вернее будете

---

[1] Н. Рычков. «Журнал или дневные записки путешествия». Спб., 1770 г.

их получать; вы уменьшите заботы ваши и ваши страхи о работах сих бесщастных, от которых вы ныне очей ваших ни на час отвратить не можете, чтобы не узреть их праздных и без действия... Воззрите на примеры всех благоустроенных в Европе народов; подражайте оным. Богатые, не утруждая себя всегдашним надзиранием, получают исправно и порядочно свои доходы...» [1]. Точку зрения Беарде-Белябея отчасти разделял и один русский автор, Поленов, по мнению которого, «крестьянин должен иметь довольно земли для сеяния хлеба и пастьбы скота и владеть оною наследственным образом так, чтобы помещик ни малой не имел власти угнетать каким-нибудь образом или совсем оную отнимать, т. е. пока крестьянин исправно будет наблюдать все свои должности» [2]. Другими словами, если Беарде-Делябею в идеале рисовался вольный крестьянин — арендатор помещичьей земли, то Поленов хотел бы видеть русского земледельца в виде, примерно, «обязанного крестьянина», в какого стремился впоследствии превратить крепостных закон 1842 г.

Тот же крестьянский вопрос затем всплыл в заседаниях законодательной комиссии 1767 г., при чем немногие депутаты комиссии, во главе с Коробьиным, также высказывались не за полную свободу от крепостной зависимости, а лишь за юридическую охрану собственности крестьян и определение законом размеров их повинностей: лишь при таких условиях крестьянин, по их мнению, будет работать на барина гораздо добросовестнее. Эту точку зрения разделяли в Екатерининское время и некоторые «просвещенные» крупные землевладельцы-сановники, как, например, гр. Сиверс и гр. Никита Панин [3]. Определенно высказывался за желательность полного освобождения крестьян от крепостной зависимости, но без земли, и кн. Д. А. Голицын. В письме к кн. А. Н. Голицыну от 30 сентября 1770 г. он, между прочим, писал: «Даруя свободу моим крестьянам... я переношу всю ценность моего состояния на землю. Значит, все старания, все заботы мои будут устремлены на то, чтобы вся моя земля была обработана, чтобы вся она была снята... Существенным в моем хозяйстве будет то, чтобы каждый кре-

---

[1] Беарде-Делябей. Перевод его сочинения в «Чтениях в Общ. Ист. и Древн. Рос.», 1862 г., кн. 2. Смесь, стр. 127.

[2] А. Я. Поленов. «О крепостном состоянии крестьян в России», в «Рус. Арх.», 1865 г., стр. 530—531.

[3] В. И. Семевский. «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первую половину XIX века», т. I. Спб., 1888 г., стр. 22, 23 и 180.

стьянин имел участок земли, достаточный не только для его пропитания, но и для обогащения его, ибо чем состоятельнее он будет, тем за высшую цену он станет снимать землю». Д. А. Голицыну, таким образом, как идеал, рисовалось положение ирландского лорда, который, в противоположность русскому помещику, жил не на оброки со своих крепостных, а на арендную плату юридически свободных крестьян. Что же касается освобождения крестьян с землей, с «уступкою им тех земель, которые они ныне обрабатывают», то оно представлялось Д. А. Голицыну «нелепостью» и «вопиющей несправедливостью». При отпуске на волю он допускал только «дарование крестьянам собственности» в виде «их пожитков» и «позволения тем, кои в силах, покупать земли на свое собственное имя и владеть ими, подобно... господам, что со временем и обрадовало бы их поземельную собственность».

Но освобождение крестьян в исходе XVIII века проектировалось и не только в интересах крупных землевладельцев, желавших превратиться в британских лендлордов: его требовала и Екатерининская публицистика в лице Новикова и особенно Радищева, исходя из более широких интересов капиталистического развития России вообще, требовавшего, между прочим, и углубления рынка сбыта для промышленности. Так, Радищев, учитывая опыт Пугачевщины и Великой французской революции, желал уже полного уничтожения крепостничества и при этом предоставления крестьянам земли.

Таким образом, торговый капитал, сложившись в России в XVI—XVII вв., сначала ограничивался тем, что, товаризируя производство, но изменял существовавшего до него феодального способа производства. В это время он втянул в товарный оборот преимущественно представителей крупного землевладения. С начала XVIII в., когда значительно расширились и внутренний, преимущественно казенный, и внешний спрос, торговый капитал стал уже способствовать преобразованию производства, создав на чисто феодальной основе — крепостном труде — поссессионную и вотчинную мануфактуры и барщинно-плантационную организацию в сельском хозяйстве. Параллельно этому товарообмен, под воздействием общественного разделения труда, начинал втягивать в свой круго-

---

[1] Пять писем кн. Д. Голицына к вице-канцлеру кн. А. М. Голицыну, в «Сборн. Моск. гл. архива мин. ин. дел», вып. 2. М., 1881 г., стр. 93 и 97.

ворот более или менее широкие народные массы, диференцируя их хозяйство и расслаивая их самих. Таким путем в России в исходе XVIII века создавалась экономическая база для перехода капитала уже в сферу чисто капиталистического производства. При этом новый, капиталистический способ производства больших успехов достиг сперва в области обрабатывающей промышленности, где в последней четверти XVIII века насчитывалось уже немало мануфактур, обслуживавших вольный рынок и базировавшихся на наемном труде. Не столь идеальны были его достижения в сельском зяйстве, но и здесь он уже, можно сказать, начинал громко стучаться в двери.

А возникавшие в народном хозяйстве производственно-капиталистические отношения приводили к образованию и росту промышленной буржуазии и перерождению части феодального дворянства в буржуазию аграрную. Вот почва, на которой начинала развертываться в век Екатерины II борьба двух идеологий — феодально-крепостнической, наиболее талантливым представителем которой был кн. Щербатов, и либерально-буржуазной, ярче всего сформулированной Радищевым. При наличии все более заметных перемен в экономике страны и обусловливавшейся ими перегруппировки общественных сил, государственный аппарат, являвшийся, со времен Екатерины I и до времен Екатерины II включительно, орудием господства феодально-землевладельческого дворянства, должен был испытывать некоторое давление и со стороны медленно, но все же усиливавшихся буржуазных слоев общества. Самодержавная по форме и дворянская по своему классовому содержанию монархия, как она окончательно сложилась при Екатерине II, в исходе XVIII века уже не имела под собой прежней монолитно-прочной социальной базы. Недаром преемник Екатерины II Павел I и мог сделать попытку разрыва с привилегированным дворянством. Попытка эта, однако, оказалась преждевременной: с одной стороны, в России еще не было достаточно сильных буржуазных элементов, которые могли бы придать правительственной политике свою определенно-классовую окраску; с другой — глава правительства, вообще имевший большое значение при самодержавно-монархическом образе правления, — Павел I, — далеко не обладал необходимым для политического деятеля сознанием назревших жизненных вопросов и решимостью так или иначе их разрешить. Поэтому, вмешиваясь во все мелочи управления, он придавал своей деятельности

слишком личную окраску, и притом лишенную всякого руководящего начала. Тесня, например, екатерининских вельмож и вообще с презрением относясь к дворянству, слишком долго державшему его вдали от власти, он в то же время немало создал новых дворянских родов, щедро раздавая чины и титула всем своим приверженцам, от дворцового истопника до царского брадобрея. Вызвав, с другой стороны, большое неудовольствие в массе крепостнически настроенных помещиков изданием указа 1797 г. о трехдневной барщине, он параллельно с этим роздал за четыре года своего царствования до 600 тысяч душ обоего пола государственных крестьян, перещеголяв таким образом свою мать, которая за долгие 34 года пребывания своего на престоле раздала их лишь 850 тысяч[1]. Раздражая еще очень сильную феодальную часть дворянства, Павел не сумел приобрести поддержки и буржуазных, пока слабых, слоев общества. Не мудрено, что Павловский режим повис в воздухе, а так как никакая правительственная власть не может пребывать в таком положении сколько-нибудь продолжительное время, то дворцовый переворот 11 марта 1801 г. легко положил ему конец. В этом перевороте участвовали как феодальные, так и буржуазные элементы дворянства, объединенные общей ненавистью к слишком уже оголенному личному произволу, в какой выродилось самодержавие при Павле I.

Так, на ряду с крестьянским вопросом, вставшим в порядок дня в Екатерининскую эпоху, Павловское правление поставило вопрос и о ликвидации самодержавной монархии: эта монархия, не отвечавшая интересам буржуазии, требовавшим представительного образа правления, при Павле потеряла кредит и в глазах некоторых феодальных слоев дворянства, разочаровавшихся в ней, как в оплоте феодально-крепостнического строя. Новому царю, Александру I, вступившему на престол путем насильственного устранения своего предшественника-отца, таким образом, выпало на долю так или иначе разрешить те противоречия, какие все более и более обнаруживались между ростом производительных сил, толкавших страну на путь капитализма, и производственными отношениями, свойственными феодальному способу производства, который теперь начал все более разлагаться под влиянием усиленной товаризации народного хозяйства.

---

[1] В. И. Семевский. «Пожалование населенных имений в царствование Екатерины II», Спб., 1906 г., стр. 67, и его же: «Пожалование населенных имений при Павле I», в «Русск. Мысли», 1882 г., № 12.

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ XVI — XVIII в.[1]

XVI и XVII ВЕКА

Источники. М. Дьяконова. «Акты, относящиеся к истории тяглового населения в Московском государстве», 2 вв. Юрьев, 1895—1897 гг. — Самоквасов. «Архивный материал (Крепостное право в древней России)», 2 тт. М., 1904—1909 гг.— Сводный текст крестьянских порядных XVI в.». Спб., 1910 г. — «Памятники истории Смутного времени». Под ред. А. И. Яковлева. М., 1909 г. — «Акты, относящиеся к истории земских соборов». Под ред. Ю. В. Готье. М., 1909 г. — «Памятники истории крестьян XVI—XIX вв.». М., 1910 г. — Н. П. Павлов-Сильванский. «Акты о посадских людях-закладчиках». Спб., 1909 г. — М. Н. Коваленский. «Московская политическая литература XVI в.». Спб., 1914 г. — В. И. Пичета. «Юрий Крижанич». Спб., 1914 г. — «Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1699 г.». Изд. Ист.-фил. фак. Моск. унив. М., 1907 г. — Григ. Котошихин. «О России в царствование Алексея Михайловича». Изд. 4-е. Спб., 1906 г. — Ц. Фалькович. «Картины жизни в Московском государстве (в извлечениях из записок иностранцев XVI—XVII вв.)». М., 1914 г. — В. Н. Бочкарев. «Сказания иностранцев о Московском государстве». Спб., 1914 г. — Сигизмунд Герберштейн. «Записки о московских делах». Павел Новий. «Книга о московитском посольстве». Спб., 1908 г. — Флетчер. «О государстве русском». Изд. 3-е. Спб., 1906 г. — Б. Г. Курц. «Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса». М., 1915 г. — Его же. «Сочинение Кильбургера о русской торговле». Киев, 1915 г. — «Путешествие в Московию баф. Мейерберга в 1661 г.». М., 1874 г. — Б. Д. Греков. «Монастырское хозяйство XVI—XVII вв.». Л., 1924 г. — А. А. Введенский. «Торговый дом XVI—XVII вв. (Документы по истории Строгановых)». Л., 1924 г. — С. Ф. Платонов. «Социальный кризис Смутного времени». Л., 1924 г. — А. М. Большаков и М. А. Рожков. «Хрестоматия по истории хозяйства России», в. I. Л., 1925 г. — В. Н. Кашин. «Торговля и торговый капитал в Московском государстве». Л., 1926 г.

Исследования. М. Н. Покровский. «Русская история», тт. 1, 2 и 3.— М. В. Довнар-Запольский. «История русского народного хозяйства», т. I. Киев, 1911 г. — И. М. Кулишер. «История русского народного хозяйства», т. 2. М., 1925 г. — Н. А. Рожков. «Русская история в сравнительном историческом освещении», тт. IV и V. Птр., 1922 г. — Ю. Готье. «Замосковный край в XVII в.». М., 1906 г. — А. И. Заозерский. «Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве». Птр., 1917 г. — И. Забелин. «Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве», в «Вестн. Европы», 1870 г., №№ 1 и 2.— В. О. Ключевский. «Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря», в его «Опытах и исследованиях». М., 1912 г. — А. Доброклонский. «Сокотчинский монастырь, его слуги и крестьяне в XVII в.». —

---

[1] В виду того, что первая глава первой части нашей работы является вводной, здесь, для дальнейшей проработки затрогиваемых в ней вопросов, приводятся указания на документы, в более или менее популярных изданиях и на исследования более общего, по возможности, социологического характера. Более специальные библиографические указания см. у И. М. Кулишера: «История русского народного хозяйства», 2 тт. М., 1925 г., и у С. В. Вознесенского: «Русская история. Указатель литературы». Птр., 1923 г.

А. А. Савич. «Соловецкая вотчина XV—XVII вв.». Пермь, 1927 г. — М. Дьяконов. «Очерки по истории сельского населения в Московском государстве». Спб., 1898 г. — С. В. Рождественский. «Служилое землевладение в Московском государстве XVI в». Спб., 1898 г. — Е. Д. Сташевский. «Землевладение московского дворянства в первой половине XVII в.». М., 1911 г. — Н. Д. Чечулин. «Города Московского государства в XVI в.». Спб., 1898 г. — В. Н. Лешков. «Очерк древних русских законов о ремесленной и заводской промышленности», в «Москвитянине», 1852 г., № 23. — М. В. Довнар-Запольский. «Торговля и промышленность Москвы в XVI—XVII вв.», в изд.: «Москва, в ее прошлом и настоящем». М., 1910 г. — Н. И. Костомаров. «Очерк торговли Московского государства XVI—XVII вв.», в его «Собр. соч.», кн. 7. Спб., 1905 г. — Е. Д. Сташевский. «Пятина 142 года», в «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1912 г., №№ 4 и 5. — И. Любименко. «История торговых сношений России с Англией». Спб., 1912 г. — А. Изюмов. «Размеры русской торговли через Архангельск», в «Известиях Архангл. Общ. Изуч. Рус. Севера», 1912 г., № 6. — С. В. Бахрушин. «Торги гостя Никитина в Сибири и Китае», в ж. «Труды Института Истории. Сборник статей», в. 1. М., 1926 г. — С. В. Бахрушин. «Агенты русских торговых людей XVII в.», в ж. «Институт Истории. Ученые записки», т. IV. М., 1929 г. — Е. З. Вулих. «Из мира торговых отношений в Москве XVII в.», в сб. «Россия и Запад», в. 1. Птр., 1923 г. — К. В. Базилевич. «Торговля Великого Устюга в половине XVII в.», в ж. «Институт Истории. Ученые записки», т. IV. М., 1929 г. — Л. Н. Штраух. «Торговый капитал в Московском государстве». Л., 1931 г. — А. Н. Сперанский. «Очерки по истории приказа каменных дел Московского государства». М., 1930 г. — А. Малышев. «К вопросу о сущности крепостного хозяйства», в сб. «Крепостная Россия». Л., 1930 г. — В. Д. Греков. «Происхождение крепостного права в России», там же. — С. Г. Томсинский. «Крестьянство в колониях Московского государства накануне восстания Разина», там же. — Н. Л. Янчевский. «Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI—XVII вв.». Ростов-на-Дону, 1930 г. — С. М. Дубровский. «К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала». М., 1929 г. — «Против механистических тенденций в исторической науке». Гиз, 1930 г. (Дискуссия в Институте Красной Профессуры по поводу концепции С. М. Дубровского). — «Спорные вопросы методологии истории». Гиз, 1930 г. (Дискуссия о том же в Ленинградском отделении Комакадемии). — М. Н. Покровский. «О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России», в ж. «Борьба классов», 1931 г., № 2.

XVIII ВЕК

Источники. Довольно обширный материал по экономической истории России в XVIII веке заключается в «Сборнике Рус. Ист. Общ.» (в особенности данные о государственных финансах, ведомости о торговле, донесения иностранных дипломатов и материалы Екатерининской комиссии 1767 г.) и в «Трудах Вольно-Экон. Общ.». — Из отдельных памятников важны: И. Т. Посошков. «Сочинения», 2 тт. М., 1842 г. — В. Н. Татищев. «Духовная». Казань, 1885 г. — Его же. «Предсмертное увещание», в «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1886 г. — Т. Болотов. «Жизнь и приключения, описанные им самим», 4 тт. Спб., 1873 г. — И. Болтин. «Примечание по истории древней и нынешней России», т. 2. Спб.,

1788 г. — С. Карнович. «Сельскохозяйственные расчеты русского помещика в конце XVIII в.», в «Рус. Стар.», 1876 г. — И. Кириллов. «Цветущее состояние всероссийского государства при Петре Великом». М., 1831 г. — «Сто лет назад. Письмо о земледельчестве в Казанской и Оренбургской губ.», в «Зап. Казан. Эконом. Общ.», 1859 г., №№ 1 и 2. — И. Герман. «Историческое начертание горного производства в Российской империи». Спб., 1810 г. — Сочинения кн. М. М. Щербатова, т. I. Спб., 1896 г. — «Архив кн. Куракина», 10 тт., 1890—1902 гг. — «Архив Воронцова». — Н. Г. Фоккеродт. «Россия при Петре Великом», в «Чтениях Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.», 1872 г. — Манштейн. «Записки». Спб., 1875 г. — «Дневные записки путешествия И. Лепехина», 4 чч. Спб., 1771—1805 гг. — Н. Рычков. «Журнал или дневные записки путешествия». Спб., 1770—1772 гг. — Гильденштедт, акад. «Дневник путешествия в Южную Россию», в «Зап. Одес. Общ. Ист. и Древн.», т. II, 1879 г. — А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву», в его «Собр. соч.» (есть неск. изданий).

Исследования. М. Н. Покровский. «Русская история», т. III. М., 1911 г. (В послереволюционных изданиях т. 2). — Н. А. Рожков. «Русская история в сравнительно-историческом освещении», т. VII. Птр., 1923 г. — В. Бурнашев. «Очерк истории мануфактур в России». Спб., 1833 г. — И. М. Кулишер. «Очерк истории русской промышленности». Птр., 1922 г. — Его же. «История русской торговли». Птр., 1923 г. — М. И. Туган-Барановский. «Русская фабрика», т. I. Изд. 3-е. Спб., 1907 г. Изд. 4-е. М., 1922 г. — А. Гайсинович. «Рабочий класс крепостной эпохи». Харьков, 1931 г. — П. Г. Любомиров. «Очерки по истории русской промышленности в XVIII и начале XIX в.». Л., 1930 г. — М. В. Злотников. «К вопросу о формировании вольнонаемного труда в крепостной России. (Первая половина XVIII в.)», в сб. «История пролетариата СССР». т. 1. М., 1930 г. — П. Н. Столпянский. «Жизнь и быт петербургской фабрики 1704—1914 гг.». Л., 1925 г. — М. Е. Слабченко. «Организация хозяйства Украины от Хмельнищины до мировой войны», т. 2: «Судьбы фабрики и промышленности в Гетманщине в XVII—XVIII ст.». Одесса, 1922 г. — А. П. Оглобин. «Очерки истории украинской фабрики. Мануфактура в Гетманщине». Киев, 1925 г. — Н. Н. Фирсов. «Русские торгово-промышленные компании в первой половине XVIII ст.». Изд. 2-е. Казань, 1922 г. — А. С. Лаппо-Данилевский. «Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII ст.». Спб., 1899 г. — Е. В. Тарле. «Была ли Екатерининская Россия экономически отсталой страной», в его сб. ст. «Россия и Запад». Птр., 1918 г. — В. Н. Лешков. «Петр Великий в его указах о народной промышленности», в «Юридич. Вестн.». 1872 г., №№ 10 и 11. — В. И. Семевский. «Крестьяне в царствование Екатерины II», 2 тт. Спб., 1901—1903 гг. — Его же. «Крестьянский вопрос в XVIII и первой половине XIX вв.», т. I. Спб., 1888 г. — Г. Меерсон. «Ранняя буржуазная революция в России (Пугачевщина)», в «Вестн. Коммун. Акад.», кн. 13, 1925 г. — П. Струве. «Крепостное хозяйство». М., 1912 г. — П. Лащенко. «История русского народного хозяйства». Гиз, 1927 г. — В. И. Пичета. «История народного хозяйства в России», в. 1. М., 1922 г. — В. И. Сергеевич. «Время возникновения крестьянской поземельной общины». Спб., 1908 г. — В. Якушкин. «Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII и XIX вв.», ч. 1: «XVIII век». Спб., 1890 г. — П. Н. Милюков. «Русская аграрная политика прошлого столетия», в «Рус. Мысли», 1890 г., № 5. — Его же. «Государственное хозяйство России и реформа Петра Великого». Изд. 2-е Спб., 1905 г. — В. Н.

Бондаренко. «Очерки финансовой политики Кабинета министров Анны Ивановны». М., 1913 г. — Н. Д. Чечулин. «Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II». Спб., 1906 г. — В. Витчевский. «Торговая, таможенная и промышленная политика России со времени Петра Великого». Спб., 1909 г. — Е. Карнович. «Замечательные богатства частных лиц в России XVI—XVIII вв.». Спб., 1874 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРИОД НАЧАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА И ПОДГОТОВКА ПЕРВОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1825—1826 гг.

Борьба капиталистической фабрики с фабрикой вотчинной и поссессионной в первой четверти XIX века

Основным фактором экономического развития России в первой четверти XIX века попрежнему являлось все более идущее вперед общественное разделение труда, как в отношении распадения страны на диференцировавшиеся в хозяйственном отношении районы, так и в отношении отделения города и деревни в каждом районе. Складывавшийся в народном хозяйстве России еще в исходе XVIII века капиталистический способ производства продолжал в первой четверти XIX века, как и раньше, больше всего развиваться в области обрабатывающей промышленности. Эта промышленность, под влиянием все расширявшегося внутреннего рынка, прежде всего значительно росла в количественном отношении, как это видно из следующих данных[1]:

Годы	Количество предприятий	Число рабочих
1804	2.423	95.202
1814	3.731	169.530
1825	5.261	210.568

[1] А. Семенов. «Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности», ч. 3. Спб., 1859 г., стр. 262.

Из приведенных цифр, между прочим, усматривается, что в 1804—1814 гг. рост крупной обрабатывающей промышленности, если принять во внимание численность рабочих, происходил значительно быстрее, чем в 1814—1825 гг.: в первом случае количество рабочих увеличилось на 74,3 тысячи, во втором — на 41 тысячу.

Более быстрый темп промышленного развития России в первой половине изучаемого периода в значительной мере может быть объяснен действием так называемой «континентальной блокады» (1807—1811 гг.) и «положения о нейтральной торговле» (1811—1815 гг.).

Дело в том, что конец XVIII и начало XIX вв. ознаменовались в Европе грандиозной борьбой, которую предприняла занимавшая монопольное положение на международном рынке Англия против революционной Франции. Последняя, уничтожив у себя «старый режим», быстро пошла по пути развития производственного капитализма и в этом отношении могла серьезно угрожать экономической гегемонии англичан. В особенности напряженным противоборство Франции и Англии стало в эпоху возвышения Наполеона I, который еще в 1797 г. писал Талейрану: «мы должны уничтожить Англию, чтоб она не уничтожила нас»[1]. В завязавшейся борьбе Англия приобрела поддержку со стороны почти всей феодальной Европы, не жалея денег на устройство коалиций, в которых деятельное участие принимала и Россия. Но победы под Аустерлицем (осенью 1805 г.) и под Фридландом (летом 1807 г.) отдали в руки Наполеона Австрию и Пруссию, военная мощь которых надолго была сокрушена. Оставалась непобежденной одна Россия, но участие ее в поддержке Австрии и Пруссии обошлось ей недешево. Поэтому Александр I оказался не в силах один на один продолжать войну с Наполеоном.

С другой стороны, и Наполеон, против которого поднялась в это время Испания, не отваживался на поход в Россию, тем более, что в его голове окончательно созрел новый план борьбы с главным врагом — Англией. Потерпев неудачу в морской войне с англичанами, которые вдребезги разбили французский флот, он решил сломить Англию путем торгового бойкота ее соединенными силами Европы. В Тильзите, на берегу Немана, по которому шла тогда западно-русская граница, перед лицом двух армий, русской и французской, произошло свидание двух императоров, остававшихся суве-

[1] А. Вандаль. «Наполеон и Александр I». Спб., 1910 г.

ренными в Европе. Здесь оба они, Александр и Наполеон, пришли к взаимному соглашению. За прирезку к России Белостокской области, отобранной у Пруссии, и предоставление ей «свободы действий» в отношении Швеции и Турции, Александр вынужден был согласиться на участие в континентальной блокаде, подобно всем другим государям Европы, попавшим в «сферу французского влияния». Таким образом, отныне Англия должна была быть обречена на полный разрыв своих торговых сношений почти со всем континентом Европы.

Под воздействием континентальной блокады промышленность в европейских странах, освобожденная от конкуренции английского ввоза, естественно, стала развиваться особенно форсированным темпом. Так было и в России, и притом в России по преимуществу. Дело в том, что у нас имущие слои населения, главным образом из дворянства, мало поддерживали туземное производство, предпочитая приобретать лучшие по качеству заграничные и большей частью английские изделия. Известно, например, что даже гоголевский Чичиков, не обладая большим состоянием, все же носил брюки из «аглицкой материи с искрой». Теперь таким Чичиковым приходилось довольствоваться сукном внутреннего производства.

Эта масса новых потребителей, начинавших предъявлять большой спрос на русские изделия, и способствовала возникновению новых предприятий. особенно в области суконного, шелкового и хлопчатобумажного производства. Кроме того, блокада, остановившая вывоз из России сельскохозяйственного сырья в Англию (в другие страны оно шло в незначительном количестве), вызывала и заметную индустриализацию помещичьих хозяйств: во многих имениях стали основываться винокуренные и др. заводы. О промышленном подъеме, связанном с континентальной блокадой, говорят следующие данные: в Московской губ. количество ситцевых и миткалевых фабрик в 1805—1809 гг. увеличилось с 55 до 96, бумаготкацких — с 4 до 8, красильных — с 5 до 15; в 1805 г. возникла первая в России бумагопрядильня, а в 1812 г. их было уже в одной только Москве 11, сахарных заводов в 1804 г. насчитывалось всего в России 7, а в 1812 г.— уже 30, и в 1814 г. — 51 [1], в 1804—1814 гг. значительно возросло

[1] М. И. Туган-Барановский. «Война 1812 г. и промышленное развитие России», в сб. «Отечественная война и русское общество». М., 1912 г., т. VII.

также количество стеклянных и хрустальных заводов — с 114 до 155 — и особнно химических: с 2 до 22[1].

Правда, русская промышленность и при действии континентальной блокады, охранявшей ее от английского ввоза, испытывала некоторую конкуренцию со стороны других западно-европейских стран, — в особенности Франции, которая как раз в это время лихорадочно стремилась к расширению своих рынков. Но тут русской промышленности много помогло изданное в конце 1810 г. «положение о нейтральной торговле на 1811 год», носившее строго запретительный характер и ежегодно возобновлявшееся вплоть до 1815 г. Инициатором этой меры был М. М. Сперанский, исходивший, впрочем, из соображений финансово-политического характера. Чтобы несколько поправить состояние государственной казны, давно уже не выходившей из хронических дефицитов, — в 1810 г., например, при годовом доходном бюджете в 212 млн. руб.[2], состояло в обращении бумажных денег на сумму в 579 млн. руб.[3], Сперанский решил добиться для России благоприятного торгового баланса и с этой целью провел ряд мероприятий, вроде полного запрещения привоза предметов роскоши, значительного поднятия ставок на дозволенные товары и усиления таможенного надзора. Эти мероприятия должны были, с одной стороны, в той или иной мере поднять курс слишком низко упавшего ассигнационного рубля, котировавшегося всего за 24 к. сер.[4], с другой — ослабить экономическую позицию Франции, союз с которой, конечно, рассматривался как временный. Но пока что высокий таможенный барьер в такой стране, как Россия, где промышленность была развита слабо, а обмен, напротив, достигал крупных размеров, несомненно, значительно повысил промышленные прибыли и этим способствовал росту промышленного предпринимательства.

Что же касается более медленного развития промышленности в послевоенные годы (1814—1825 гг.), то на это повлияли прежде всего следующие обстоятельства. Во-первых, на Венском конгрессе, где Англия, Австрия, Пруссия и Россия вершили судьбы Европы, были заложены основы

---

[1] Л. Н. Нисселович. «История заводско-фабричного законодательства Российской империи», ч. 2. Спб., 1884 г., стр. 150 и 154.

[2] «Министерство финансов. 1802—1902», ч. 1. Спб., 1902 г., стр. 617.

[3] И. И. Кауфман. «Из истории бумажных денег в России». Спб., 1909 г., стр. 23, примеч.

[4] Там же, стр. 23, примеч.

новых международных отношений, несколько сближавшие в экономическом отношении отдельные страны. В частности это выявилось, под воздействием главным образом Англии, в области таможенной политики поворотом к некоторому фритредерству. Дело в том, что победа Европы над Францией открыла собой эпоху реакции, когда внутри держав-победительниц подняли голову землевладельческое дворянство и торговая буржуазия, для которых в области международного обмена система «открытых дверей» являлась наиболее отвечавшей их классовым интересам. Таким образом теория Адама Смита о невмешательстве правительства в экономическую жизнь народа и в частности о полной свободе торговли, защищавшая интересы английской промышленной буржуазии, которая господствовала на мировом рынке, в континентельных странах Европы находила признание в аграрно-торговых кругах общества последние теперь, после войны, и попытались ее проводить на практике.

Для России отказ от протекционизма, столь выгодного промышленному капиталу, вызывался, помимо воздействия землевладельческого дворянства, еще и условиями, на которых передавалось ей Царство Польское. Венский конгресс постановил, что области бывшей Польши, распределенные между Австрией, Пруссией и Россией, должны сохранить друг с другом известную торговую связь.

Русское правительство, однако, не сразу взяло новый курс в своей таможенной политике. Изданный в 1816 г. тариф носил компромиссный характер: ряд товаров, запрещенных «положением» 1810 г., был разрешен к ввозу, но с уплатой пошлины в размере от 15 до 35% по отношению к цене предмета[1]. Тем не менее дело на этом не остановилось. Домогательства Австрии и Пруссии в связи с фритредерскими стремлениями русского землевладельческого дворянства повели к тому, что в 1819 г. был введен новый таможенный тариф, совершенно отменявший запретительные статьи и устанавливавший очень умеренные пошлины. Немудрено, что, как сообщает в своем «Патриотическом мнении» один из московских коммерсантов, когда «тарифом 1819 г. объявлено было почти всеобщее разрешение ввоза иностранных товаров», то «российское купечество с сокрушением прочло

---

[1] К. Лодыженский. «История русского таможенного тарифа». Спб., 1886 г., стр. 177.

в одном из отечественных журналов, что в Лондоне по сему случаю даны были многие празднества»[1].

Последствием такого резкого перелома в таможенной политике действительно явилось огромное увеличение ввоза в Россию иностранных и особенно английских товаров, как это видно из следующей таблицы[2]:

Годы	Общий привоз по европейской границе	В том числе тканей:			
		Бумажных	Шелковых	Льняных	Шерстяных
1819	155,5 м. р.	7,9 м. р.	2,3 м. р.	0,4 м. р.	11,9 м. р.
1820	227,3 „ „	22,9 „ „	10,5 „ „	2,4 „ „	22,3 „ „
1821	196,2 „ „	18,9 „ „	9,2 „ „	1,6 „ „	28,9 „ „

Понятно, что русской промышленности при таких условиях приходилось туго, и она в годы действия тарифов 1816 и 1819 гг. не только приостановилась в своем росте, но даже пошла на убыль. Так, количество рабочих, занятых в различных отраслях крупного производства, за исключением горнозаводской, сократилось с 187 тысяч человек в 1816 г. до 176 тыс. чел. в 1819 г., и до 173 тыс. чел. в 1822 г.[3]. В особенно тяжелом положении оказывались предприятия, работавшие на вольный рынок, как показывает тот факт, что количество наемных рабочих в эти 1816—1822 гг. упало со 108 тыс. до 91 тыс. человек., при общем уменьшении количества всех рабочих за те же годы со 187 тыс. до 173 тыс. человек[4].

Немудрено, что отказ от покровительственной системы вызвал в среде промышленной буржуазии резкое недовольство. Это недовольство разделял и, правда, небольшой слой предпринимателей-дворян, обслуживавших потребности вольного спроса — число сахарных заводов, например, сократилось за этот период с 51 до 29[5], а эти заводы большею ча-

[1] Н. Н. Фирсов. «Исторические характеристики и эскизы». Казань, 1923 г., стр. 181.

[2] К. Лодыженский. Назв. соч., стр. 189.

[3] Л. Н. Нисселович. «История заводско-фабричного законодательства Российской империи», ч. 2. Спб., 1884 г. Прилож. II.

[4] Там же.

[5] А. Семенов. «Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности, ч. 3. Спб., 1859 г., стр. 265.

стью принадлежали дворянству. Реакционное правительство второй половины царствования Александра I, всецело проникнутое духом аракчеевщины, вероятно, продолжало бы игнорировать интересы промышленно-буржуазных слоев, вообще очень слабых в России, если бы фритредерская политика не пробила значительной бреши в доходном бюджете казны: сумма таможенных поступлений, игравших в нем издавна крупную роль, теперь или оставалась на одном уровне или же снижалась, как это видно из следующих данных: в 1818 г. таможенный доход составлял 43,1 млн. руб., в 1820 г.— 52,4 млн. руб., в 1822 г.—40,7 млн. руб.[1]. К этому присоединялось и еще то обстоятельство, что неблагоприятный торговый баланс ухудшал и баланс расчетный. Поправить казенные ресурсы возвышением податей не представлялось возможным, так как податные способности народной массы были использованы полностью, а обложить свободное от налогов дворянство дворянское правительство, конечно, не могло. В результате этого уже в 1822 г. пришлось в области таможенной политики вернуться к традиционному протекционизму, при котором «хоть собственные изделия и дороже будут обходиться, нежели иностранные, но когда деньги остаются внутри государства, то это философский камень»[2]. При действии нового тарифа русская обрабатывающая промышленность снова двинулась вперед, как это наглядно усматривается хотя бы из того факта, что количество рабочих с 1822 г. по 1825 г. снова стало расти, дойдя со 173 тыс. человек до 210 тыс., а таможенные доходы казны возросли с 1822 г. к 1825 г. с 40,7 млн. руб. до 54,3 млн. руб.[3].

Таким образом, одно из препятствий, мешавших во второй половине Александровского царствования росту крупного производства, было устранено. Но зато оставалось в силе другое обстоятельство, не менее неприятное для промышленного капитала. Как известно, большинство фабрично-заводских предприятий того времени, как и в XVIII веке, было по существу мануфактурами, т. е. в них применялся преимущественно ручной труд. При этом в тех из них, которые производили на вольный рынок, обычно работали по найму оброчные или государственные крестьяне цент-

---

1 «Министерство финансов. 1802—1902», ч. I. Спб., 1902 г., стр. 618.
2 Васильевский. «Краткое рассуждение о торговле». 1808 г., стр. 67.
3 «Министерство финансов. 1802—1902», ч. I. Спб., 1902 г., стр. 618.

рально-промышленного района, которые, приобретя на предприятии известные навыки, в состоянии были по возвращении в деревню наладить собственное производство у себя дома, особенно если к ним на помощь приходил скупщик. В этом отношении «фабрика» и России еще с XVIII века представляла собой как бы профессиональную школу и на ряду с семейно-домашней формой производства являлась рассадником кустарных светелок.

Но последние получили особенно сильный толчок после того, как занятие Москвы французами повело за собой уничтожение громадного числа находившихся в ней фабрик — шерстяных, шелковых, суконных, бумаготкацких, ситцепечатных — и вызвало массовый уход фабричных рабочих в деревню. В таких губерниях, как Ярославская, Костромская, Владимирская, благодаря этому возникло много новых кустарных промыслов или значительно расширились старые. Как раз после Отечественной войны, по словам современника, «многие деревни приняли вид городов, будучи заселены ремесленниками крестьянскими, которых считалось тогда во всей стране до 700 тыс. человек». От «французского года», как называли 1812 год, повела свое начало и знаменитая бумаготкацкая промышленность в селе Иванове, принадлежавшем гр. Шереметеву. Понятно, эти кустари крайне неприятны были представителям крупного промышленного капитала, которые в борьбе с ними побеждали лишь постольку, поскольку они механизировали производство на своих предприятиях, что, конечно, требовало вложения в дело новых капитальных затрат.

В конечном итоге, можно повторить, крупная обрабатывающая промышленность в течение всей первой четверти XIX века росла, но сначала быстрее, затем медленнее. Параллельно количественному росту в ней происходили и очень характерные качественные перемены, о которых позволяет судить следующая таблица, показывающая соотношение между наемным и принудительным трудом во всех отраслях крупного производства, за исключением горнозаводского[1]: (см. табл. на стр. 49).

Отсюда видно, что в течение всего указанного периода капиталистическая фабрика постепенно занимала в обрабатывающей промышленности доминирующее положение: ко-

---

[1] А. Семенов. «Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности», ч. 3. Спб., 1859 г., стр. 262.

Категория труда	1804 г.		1814 г.		1825 г.	
	Абсолютное число	В %%	Абсолютное число	В %%	Абсолютное число	В %%
Наемных рабочих . .	45.625	48	99.762	59	114.515	54
Поссессионных и крепостных	49.577	52	69.768	41	96.053	46
Всех вообще	95.202	100	169.530	100	210.568	100

личество наемных рабочих росло быстрее количества рабочих, работавших по принуждению — первые увеличились почти на 69 тысяч, а вторые только на 47 тысяч с небольшим. При этом первые стали составлять в 1825 г. уже более половины всех рабочих. Из этих же данных усматривается, что в то время как рабочие, принудительно работавшие, увеличивались и в 1804—1814 гг., и в 1814—1825 гг. равномерно, именно на 40% в каждом из отмеченных десятилетий, число наемных рабочих в первое десятилетие выросло на 120%, а во второе — всего лишь на 15%. Факт этот объясняется прежде всего тем обстоятельством, что под сенью энергичной таможенной охраны, проводившейся до 1815 г., быстро развивались в России именно те отрасли производства, которые по преимуществу обслуживали вольный рынок, ранее в значительной мере удовлетворявшийся заграничным и в особенности английским ввозом. А в этих отраслях как раз и применялся в максимальном количестве вольнонаемный труд. Период же с 1815 и до 1822 гг. с его фритредерским тарифом, как уже отмечалось, напротив, именно для них был крайне неблагоприятен, и они вновь стали развиваться только со времени протекционного тарифа 1822 г.

Что же касается равномерности роста в оба рассматриваемые десятилетия тех производств, где доминировал принудительный труд, то это зависело уже не от воздействия тарифной политики правительства, а главным образом от того, что указанные производства были рассчитаны на удовлетворение казенного спроса. Факт увеличения в 1804—1825 гг. принудительного труда, хотя и отстававшего от увеличения труда наемных рабочих, свидетельствовал, что в изучаемое время докапиталистическая форма крупного производства еще далеко не была изжита. Так как эта

форма существовала в России в виде вотчинной и посессионной фабрик, то естественно, следует рассмотреть, какая же из этих последних оказалась более живучей. Посессионная, большей частью купеческая фабрика, господствовавшая при Петре I, как мы знаем, в середине XVIII века встретила опасного конкурента в лице крепостной вотчинной или дворянской фабрики, постепенно взявшей на себя преимущественное удовлетворение казны в железе, холсте и сукне. В 1762 г. дворянство, в целях нанесения купеческой фабрике смертельного удара, добилось указа, запрещавшего предоставленную Петром I «купецким людям», заведшим промышленные предприятия, привилегию покупать крепостных крестьян. В это же время правительство прекратило и приписку к фабрикам и заводам государственных крестьян. Эти меры ставили предел дальнейшему росту посессионной фабрики, но начавшееся в среде крестьянства в середине XVIII века расслоение давало зато возможность предпринимателям не из дворян обращаться к найму рабочей силы.

Так как количественный рост многих отраслей обрабатывающей промышленности, как, например, полотняной, писчебумажной, кожевенной, канатной, в исходе XVIII века уже полностью покрывал спрос казны, и они начинали обслуживать вольный рынок, переход к наемному труду становился для предпринимателей, расширявших свои производства, не только выгодным, но и необходимым. Посессионные фабрики, прежде всего, были подчинены мелочной регламентации — не могли, например, изменять характер и размеры производства, состав и число рабочих и т. д. Это не было особенно обременительным, пока они удовлетворяли постоянный спрос со стороны казны и при этом базировались на крайне низкой технике: казна не гонялась за качеством изделий. Обращение к вольному рынку, напротив, предъявляло к фабрике новые требования. Необходимо уже было регулировать размеры производства сообразно спросу, сокращая или усиливая выпуск изделий, приспособляться к изменчивому вкусу потребителей, вырабатывать лучшие изделия и продавать их дешевле. Без введения наемного труда всего этого нельзя было достигнуть. Еще хуже обстояло дело с техническими улучшениями, которых требовала конкуренция с кустарной избой, не говоря уже про заграничные товары. Применение машин для предприятия, обладавшего строго определенным количеством рабочей си-

лы, которую оно не могло уменьшить, представлялось совершенно немыслимым. При таких условиях разрешение Павла I в 1798 г. снова покупать к фабрикам и заводам крепостных крестьян никого из разночинцев-предпринимателей уже не устраивало. Даже владельцы старых посессионных фабрик, расширяя свое производство, предпочитали теперь обращаться к наемному труду, не говоря уже о тех, кто заново основывал промышленные предприятия. Понятно, что количество посессионных рабочих с конца XVIII века почти не увеличивалось, а затем с 20-х годов стало падать. Известно, что в 1812 г. посессионных рабочих в области обрабатывающей промышленности насчитывалось 35.581 человек, а в 1825 г. уже меньше — 29.328 [1]. Право владеть посессионными рабочими, очень ценное в XVIII веке, начинало рассматриваться предпринимателями как обуза, от которой они непрочь были избавиться. По инициативе некоторых из них правительство издало в 1824 г. закон, дозволявший увольнять приписанных и купленных к фабрикам и заводам крестьян в другие звания, но с особого в каждом случае разрешения комитета министров [2]. С этого момента посессионная фабрика получала возможность полностью переходить на капиталистический способ производства.

В другом положении находились фабрично-заводские предприятия, принадлежавшие дворянству и пользовавшиеся крепостным трудом. Здесь мы не имеем, конечно, в виду мелких фабричек, преимущественно полотняных и шерстяных, которые существовали во многих более или менее крупных вотчинах и обычно производили изделия «единственно для домашнего обихода», как, например, фабрика в имении гр. Шувалова, Нижнем Шкафте, Городищенского уезда, Пензенской губ.: основанная в 1800 г. и имевшая в 20-х годах XIX века два стана с двумя десятками крепостных рабочих, она выделывала сукна для графской дворни [3]. О количестве такого рода предприятий нет, конечно, общих данных, какие имеются для крупных предприятий, обслуживавших преимущественно казну. В течение почти всей первой четверти XIX века количество этих последних, как было указа-

---

[1] Л. Н. Нисселович. «История заводско-фабричного законодательства Российской империи», ч. 2. Спб., 1884 г. Прилож. IV.

[2] М. И. Туган-Барановский. «Русская фабрика в прошлом и настоящем». Изд. 4-е. М., 1926 г., стр. 105.

[3] И. Зак. «К истории вотчинной фабрики XIX в.», в сб. «Труд в России», кн. 2—2. 1925 г., стр. 214.

но выше, неуклонно росло: в 1814 г. на них работало 34.187 крепостных, а в 1825 г.— уже 66.725[1]. Особенно много вотчинных фабрик насчитывалось в двух производствах, суконном и железообрабатывающем. В 1825 г., например, из почти 67 тысяч крепостных рабочих на суконных фабриках было занято 38 тысяч с лишним, а на железообрабатывающих заводах — около 15 тысяч[2]. Рост дворянской фабрики в этих отраслях промышленности объяснялся, главным образом, тем обстоятельством, что эти отрасли за XVIII век не успели еще настолько развить свою продукцию, чтобы полностью удовлетворять спрос казны. Так, главная отрасль промышленности, всегда привлекавшая особое внимание правительства, производство сукон на армию, в 1807 г., например, из 758 тысяч аршин, требовавшихся военным ведомством, могла доставить всего 267 тысяч, и это несмотря ни на надбавку цен, ни на принудительное собирание сукон[3]. Понятно поэтому, что поле для дальнейшего роста дворянской суконной фабрики пока еще было довольное широкое. Только в 1822 г., например, суконная промышленность смогла уже на все сто процентов одеть русскую армию в туземное сукно[4], и этот год явился для нее переломным: отныне ее последующее развитие могло итти лишь за счет обслуживания вольного рынка. На этом же пути дворянскую фабрику ожидала судьба, еще более худшая, чем та, какую стала испытывать фабрика поссессионная. Действительно, последняя, обладая денежным капиталом, могла в случае надобности легко перейти к наемному труду, между тем как в распоряжении первой в большинстве случаев был лишь «капитал орудий», т. е. даровая рабочая сила, а этого оказывалось недостаточно, чтобы завоевать вольный рынок.

Правда, встречались дворяне, как, например, декабрист Н. И. Тургенев, учитывавшие, что «купец, устроивший свою фабрику по коммерческому порядку, следственно, платящий своим работникам по вольной цене, получает и всегда получать будет больше дохода от своего заведения, нежели помещик, у которого на фабрике работают его крепостные люди

---

[1] Л. Н. Нисселович. Назв. соч., ч. 2, прилож. II.
[2] М. И. Туган-Барановский. Назв. соч., стр. 86 и 89.
[3] М. С. Середонин. «Исторический обзор деятельности Комитета министров», т. I. Спб., 1902 г., стр. 520.
[4] В. И. Покровский. «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», т. I. Спб., 1909 г., стр. 294.

без вольной платы»[1]. Такие дворяне пробовали водить на своих фабриках плату, как это сделал и Тургенев, но они являлись в общей массе дворян-фабрикантов скорее исключением.

Естественно, что в самом исходе изучаемого периода вотчинная обрабатывающая промышленность достигла предела, за которым должна была начаться ее неизбежная гибель. В этом отношении очень симптоматичной являлась судьба суконной фабрики в имении декабриста М. С. Лунина. Еще в 1821—1822 г. она давала своему владельцу 18,5% чистого дохода, а в 1823—1824 г.— только 13,9%, и в 1824—1825 г., вследствие полного падения на рынке спроса на скверное сукно,— 2,1%, так что ее пришлось закрыть[2].

В целом ряде производств, давно уже достигших таких размеров, что они не только покрывали полностью казенные потребности, но и завоевывали вольный рынок, ликвидация дворянской фабрики, как и поссессионной, являлась фактом, уже в значительной мере совершившимся в течение первой четверти XIX века, как это видно из следующей таблицы[3]:

Производства	Число фабрик		Число всех рабочих		Процент вольнонаемн. рабоч.	
	1804 г.	1825 г.	1804 г.	1825 г.	1804 г.	1825 г.
Хлопчатобумажное .	199	844	6.566	47.021	83	95
Кожевенное	850	1.784	6.304	8.001	97	93
Канатное	56	98	1.520	2.503	85	92
Шелковое	328	184	8.953	10.204	73	83
Полотняное	285	196	23.711	26.832	60	71

Пока что принудительный труд продолжал держаться лишь в следующих производствах[4]:

В писчебумажном . .	64	87	6.957	8.272	22	24
„ металлическом . .	26	170	4.121	22.440	28	22
„ суконно-шерстян .	155	324	28.689	63.603	10	18

Новые, производственно-капиталистические тенденции, все более проникавшие в область обрабатывающей промышлен-

[1] Н. И. Тургенев. «Нечто о барщине», в изд. «Архив. бр. Тургеневых», вып. V.

[2] В. Д. Греков. «Хозяйственное состояние России накануне выступления декабристов», в сб. «Бунт декабристов». Л., 1926 г., стр. 17.

[3] М. И. Туган-Барановский. «Русская фабрика», т. I. Изд. 3-е. Спб., 1907 г., стр. 86 и 89.

[4] Там же.

ности, пока совершенно не проявлялись лишь в области горнозаводского дела. Здесь, как и в течение всего XVIII века, продолжал доминировать труд крепостных или посессионных рабочих. Щедро снабженные дешевой рабочей силой и десятками тысяч десятин леса, обеспеченные дорого оплачиваемыми казенными заказами, уральские заводчики не особенно заботились о расширении продукции своих предприятий. За XVIII век при таких обстоятельствах выплавка чугуна в России увеличилась всего с 6½ млн. пудов до 8, а в первой четверти XIX века колебалась между 12 в 1806 г. и 10 млн. пудов в 1825 г.[1]. В то же время Англия, догнавшая, с применением для плавки руды каменного угля, в конце XVIII века Россию, в течение первой четверти XIX века уже значительно ее обогнала, получив в 1828 г. 37 млн. пудов чугуна[2].

Немудрено, что русский чугун начал вытесняться с заграничного рынка английским. Так, в 90-х годах XVIII века в среднем вывозилось из России до 3 млн. пудов чугуна, в 1800—1814 гг.— 1.772, а в 1814—1826 гг.— только 1.252[3]. Но это мало беспокоило привилегированных владельцев Урала, так как параллельно сокращению вывоза чугуна росло потребление его русской казной, платившей за свои заказы исключительно высокие цены: в Петербурге, например, пуд железа стоил в 1824—1826 гг. 1 р. 27 к., что раза в два с половиной превышало цену железа в Англии[4]. При таком положении дела для русских горнозаводчиков не было нужды в улучшении приемов производства, что требовало бы затраты известных средств, а также и отказа от принудительного труда. Поставляя в казну пушки, ядра, холодное оружие, они нисколько не стремились выйти на вольный рынок, так как этот последний в то время для железа и чугуна оказывался крайне неемким, — в крепостном хозяйстве почти всюду царила деревянная соха и борона, — и его возможно было бы несколько углубить лишь при значительном снижении цен на металлические изделия.

Подводя общий итог промышленному развитию России за

---

[1] А. Семенов. «Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности», ч. 3. Спб., 1859 г., стр. 331.

[2] К. В. Чевкин и А. Д. Озерский. «Обзор горной производительности России», в «Сборн. статист. свед. о России, изд. Геогр. общ.», кн. 1. Спб., 1851 г., стр. 190.

[3] В. И. Покровский. «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», т. I. Спб., 1902 г., стр. 235.

[4] М. Туган-Барановский. Назв. соч., стр. 80.

первую четверть XIX века, мы, без сомнения, должны признать значительный рост производственно-капиталистических отношений, приведших уже к образованию более или менее заметного промышленно-буржуазного слоя общества. Слой этот рекрутировался как из старинного купечества, так и из кулацкой верхушки крепостного крестьянства, частично выкупавшейся на волю.

В царствование Александра I, например, ушло от помещиков по добровольному выкупу 28.944 души. Большинство этих крепостных платило за свое освобождение 500—700 р., но до 100 человек было и таких, с которых господа получили от 1000 до 5000 р., а с некоторых и еще больше. Из этих бывших крепостных, обычно приписывавшихся в мещанство или купечество, не мало вышло и крупных промышленников. Так, в 1815 г. за небольшие деньги получил свободу Прохоров, купивший в Москве большой дом и тут же построивший обширную фабрику; в 1820 г. освободился за 17 тыс. руб. Морозов, основавший известную мануфактуру в Орехове-Зуеве; тогда же вышли на волю, уплатив, обычно, по 20 тыс. руб. за душу, несколько крепостных-фабрикантов в принадлежавшем гр. Шереметеву села Иваново[1].

Увеличившаяся численно и накапливавшая в своих руках значительные капиталы промышленная буржуазия, естественно, начинала если не создавать непосредственно сама, то, крайней мере, усваивать соответствующую своим инересам идеологию.

ЛИТЕРАТУРА ПО ПРОМЫШЛЕННОМУ РАЗВИТИЮ РОССИИ В ПЕРВУЮ ЧЕТВЕРТЬ XIX ВЕКА

Источники. К. Т. Герман. «Статистические исследования относительно Российской империи», ч. 1: «О народонаселении». Спб., 1919 г. (Данные 4—7 ревизий). — «О числе крестьян, мещан и купцов в России по последним трем ревизиям (5—7-й)», в «Журн. Мин. Вн. Дел», 1829 г., № 1. — «Ведомость о мануфактурах в России за 1812—1814 гг.». Спб., 1814—1816 гг. — «Статистические ведомости о состоянии российских мануфактур с 1815 по 1821 гг.». Спб., 1825 г. — Левшин. «Русский полный фабрикант и мануфактурист». 1812 г. — В. Бурнашев. «Очерк истории мануфактур в России». Спб., 1833 г. — (Герман). «Взгляд на состояние мануфактур в России и на законы, к оным относящиеся с половины XVI столетия до 1814 г.», в «Сыне Отеч.», 1822 г., №№ 50—52. — Мордвинов. «Некоторые соображения по предмету мануфактур в России». Спб., 1815 г. — «Ответ русского гражданина на вопрос, полезно ли заводить в

[1] П. Берлин. «Русская буржуазия в старое и новое время». Л., 1922 г.

России и распространять мануфактуры и т. д.». М., 1815 г. — «Сборник сведений по Министерству финансов», 1865 г., № 10. (Ходатайства фабрикантов в 1811—1816 гг.). — В. Андросов. «Хозяйственная статистика России». М., 1827 г. — В. С. Пельчинский. «О состоянии промышленных сил России (1822—1833 гг.)». Спб., 1833 г. — А. Столпянский. «Из истории производств в С.-Петербурге за XVIII и первую четверть XIX в.», в сб. «Архив Истории Труда в России», кн. 2. 1921 г. — И. Ф. Герман. «Историческое начертание горного производства в Российской империи». Екатеринбург, 1810 г. — «Доклад мин. внутр. дел об умножении и усилении выделки сукон». Спб., 1808 г. — «Доклады, высочайше конфирмованные, о снабжении армии сукнами, об умножении и усилении выделки сукон и т. д.». Спб., 1808 г. — «Полная история Нижегородской ярмарки». М., 1833 г.

Исследования. А. Семенов. «Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности», 3 чч. Спб., 1859 г. Н. А. Рожков. «Русская история в сравнительном историческом освещении», т. X Птр., 1924 г. — П. И. Лященко. «История народного хозяйства в России», в. 1. М., 1922 г. — А. П. Оглоблин. «Очерки истории украинской фабрики. Предкапиталистическая фабрика». Киев, 1925 г. — М. И. Туган-Барановский. «Русская фабрика», т. I. Изд. 3-е. Спб, 1907 г. Изд. 4-е. М., 1922 г. — Его же. «Война 1812 г. и промышленное развитие Россия», в сб. «Отечественная война и русское общество», т. VII. М., 1912 г. — П. Н. Колокольников. «Хозяйство России после войны 1812 г.», в сб. «Отеч. война и русское общество», т. VII. М., 1912 г. — А. Богословский. «Управление промышленностью мануфактурной, горнозаводской и торговлей в России от Петра Великого до нашего времени», в «Юридич. Вестн.», 1872 г., №№ 6 и 7. — Я. Гарелин. «Город Иванов-Вознесенск». Шуя, 1885 г. — Е. В. Тарле. «Континентальная блокада». М., 1913 г. — В. А. Полетика. «О железной промышленности в России». Спб., 1864 г. — Скальковский. «О значении царствования Александра I в истории русского горного дела», в «Горном Журн.», 1878 г., № 1. — В. Бердников. «Воткинский завод в начале XIX ст.», в «Памятной книжке Вятск. губ. на 1911 г.». — Ив. Лядов. «Заводы и фабрики в г. Шуе и его уезде в начале XIX в.», в «Владим. Губ. Вед.», 1878 г., №№ 33—36. — С. М. Середонин. «Исторический обзор деятельности Комитета министров», т. 1. Спб., 1902 г. — Варадинов. «История министерства внутренних дел», 2 чч. Спб., 1856 г. — К. Лодыженский. «История русского таможенного тарифа». Спб., 1886 г. — В. Витчевский. «Торговля, таможенная и промышленная политика России со времен Петра Великого до наших дней». Спб., 1909 г. — К. А. Пажитнов. «Положение рабочего класса в России», т. 1. Изд. 2-е. Л., 1925 г. — М. Балабанов. «Очерки по истории рабочего класса в России». Киев, 1923 г. — А. Гайсинович. «Рабочий класс крепостной эпохи». Харьков, 1931 г. — С. Вознесенский. «Рабочие Экспедиции заготовления государственных бумаг в первой половине XIX в.», в «Архиве Истории Труда в России», 1923 г., № 6—7. — П. А. Берлин. «Русская буржуазия в старое и новое время». М., 1922 г. — Арс. Ляхов. «Основные черты социальных и экономических отношений в России в эпоху имп. Александра I». М., 1912 г. — Л. Н. Нисселович. «История заводско-фабричного законодательства Российской империи», 2 чч. 1883—1884 гг. — Н. И. Фирсов. «Исторические характеристики и эскизы». Казань, 1922 г.

Ростки аграрного капитализма в России в первой четверти XIX века

Капиталистический способ производства, лишь слабо намечавшийся в области русского сельского хозяйства в исходе XVIII века, сделал в первой четверти XIX века более или менее заметные шаги вперед. Как и раньше, основным фактором сельскохозяйственного развития России служил рост внутреннего и внешнего рынка. Внутренний рынок, особенно для хлеба, прежде всего представляли собой города, население которых с 1796 г. к 1812 г. увеличилось с 1.301 тысячи душ до 1.653 тысяч душ, или с 4,1% до 4,4% ко всему населению страны, а во время шестой ревизии 1832 г. составляло уже 3.025 тысяч душ, или 5,8% [1]. К городскому населению следует однако присоединить также жителей многочисленных промышленных сел в подмосковном районе, в которых был почти совершенно заброшен земледельческий труд. Эти села нередко значительно превышали по своей населенности и размерам многие поселения, официально признававшиеся городами. Принимая это во внимание, Н. А. Рожков, повидимому, вполне правильно предположил, что «горожане», в собственном смысле слова, в период 1812—1825 гг. составляли не менее 8% от всего населения [2].

Росла в это время и другая крупная категория потребителей хлеба — армия, численность которой с 1794 г. уже к 1808 г. увеличилась с 312 тысяч человек до 700 тысяч и в этом количестве оставалась вплоть до конца Александровского царствования. Все более начинали нуждаться в покупном хлебе также и крестьяне нечерноземных или получерноземных губерний, где удобные для хлебопашества земли были почти полностью распаханы и где избыточное население добывало средства к жизни подсобными промыслами. Уже давно такие губернии, как Ярославская, Владимирская, Московская и некоторые др., с рождества питались привозным хлебом. Рядом с хлебом, внутренний рынок, в лице довольно быстро развивавшейся обрабатывающей промышленности, предъявлял усиленный спрос и на другие продукты сельского хозяйства, как, например, лен, пеньку, кожи, шерсть, сало.

---

[1] П. Н. Милюков. «Очерки по истории русской культуры», ч. 1. Изд. 5-е. Спб., 1904 г., стр. 82.

[2] Н. А. Рожков. «Русская история в сравнительном историческом освещении», т. X. Л., 1924 г., стр. 7.

Одновременно с внутренним рынком на сельскохозяйственные продукты продолжал расти, и даже быстрее, чем в исходе XVIII века, рынок внешний. С начала 90-х годов XVIII века к 20-м годам XIX века размеры всего русского вывоза по ценности увеличились с 29 млн. руб. сер. до 58 млн. руб.[1]. В то же время заграница значительно изменила свои требования к отпуску из России: в нем все более и более начинали преобладать сельскохозяйственные продукты. Так, из России вывозилось в среднем в год[2]:

	В 1790—1792 гг.	В 1815 г.
Продуктов земледелия и скотоводства	60%	70%
Продуктов охоты, рыболовства и др. промыслов	7%	15%
Обработанных и полуобработанных изделий[3]	33%	15%

К этому нужно прибавить, что в XVIII в. русские изделия, вроде чугуна, холста и парусины, нефти и пр., направлялись в Западную Европу, а с первой четверти XIX века—главным образом в Азию. Что касается Западной Европы, то она, энергично развивая у себя промышленность, начинала особенно нуждаться в русском сырье, и преимущественно в хлебе. Впереди в этом отношении шла Англия, которая еще в половине XVIII века сама вывозила хлеба больше, чем ввозила, на 150 тысяч четвертей в год, а в начале XIX века, пережив промышленный переворот, стала ввозить к себе ежегодно уже на 750 тысяч четвертей хлеба больше, чем вывозила[4]. А Англия как раз и была главным потребителем русского отпуска. Понятно, что Россия, как страна по преимуществу аграрная, должна была превратиться теперь в главную поставщицу сельскохозяйственного сырья и особенно хлеба для промышленных стран Запада. Эту роль ее необычайно ярко подчеркнул А. С. Кайсаров в своей диссертации,

---

[1] А. Семенов. «Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности», ч. 2. Спб., 1859 г. Прилож. к стр. 220.

[2] В. И. Покровский. «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», т. 1. Спб., 1902 г.

[3] В особенности холста и железа.

[4] П. И. Лященко. «Очерки аграрной эволюции России», т. I. Спб., 1908 г., стр. 171.

изданной на латинском языке в Геттингене в 1806 г. «Россия, самой природой как бы предназначенная быть житницей Европы,— писал он,— пусть помнит, что ее серебро и золото заключено не в сибирских рудниках, а в ее полях» [1].

И действительно, помимо роста вывоза из России сельскохозяйственного сырья, в самом составе этого сырья в первые два десятилетия XIX века сравнительно с концом XVIII века происходила существенная перестановка: в то время как вывоз льна и пеньки, занимавших ранее первое место, с 1793—1795 гг. к 1816—1820 гг. в общем продолжал держаться на одном уровне — около 4 млн. пудов в среднем в год [2] вывоз хлеба увеличился с 400 тысяч четвертей до 3.260 тысяч четвертей [3]. Это значит, что в процентном отношении лен и пенька по ценности упали за указанный период с 30% до 15%, а хлеб возрос с 7% до 31% к ценности всего вывоза. Другими словами, хлеб занял теперь первое место, которое раньше принадлежало льну и пеньке. В частности, как по пятилетиям в первые два десятилетия рос хлебный вывоз, показывает следующая таблица [4]:

Пятилетия	Средн. годовой вывоз в тыс. четв.	
	пшеницы	ржи, овса и ячменя
1801—1805	1.064	1.153
1806—1810	176	419
1811—1815	505	507
1816—1820	1.730	1.529

Заграничный спрос, неуклонно возраставший, если исключить 1808—1815 военные годы, властно диктовал России стать страной по преимуществу зернового хозяйства, подкрепляя свою волю высокими ценами на хлеб. Так, в Англии, в значительной мере устанавливавшей цены на международном рынке, винчестерский квартер [5] пшеницы стоил [6]:

в 1776—1800 гг.	56,1	шиллингов
1801—1809 „	82,2	„
1810—1819 „	88,8	„

В том же духе на развитие зернового производства в России влиял еще более быстрый рост внутренних цен на хлеб.

---

[1] А. Г. Фомин. «А. С. Кайсаров. 1782—1813». Спб., 1912 г., стр. 16.
[2] Там же, стр. 3.
[3] В. И. Покровский. Назв. соч., стр. XXIV и 283.
[4] Там же, стр. 2.
[5] Квартер равнялся почти 1⅓ четвертям; шиллинг — 50 коп.
[6] В. Зомбарт. «Современный капитализм», т. II. Спб., 1907 г., стр. 80—81.

Современные экономисты Швитков и Фомин справедливо объясняли этот рост хлебных цен, говоря словами последнего[1], «происшедшим переходом части народонаселения из состояния земледельцев в состояние ремесленников и торговцев», т. е. все более идущим вглубь общественным разделением труда, расширявшим спрос на сельскохозяйственные продукты и особенно на хлеб.

В высшей степени благоприятная для земледельческой продукции рыночная конъюнктура уже в середине XVIII века, как известно, являлась основным стимулом тяги дворянства со службы на землю. Этот процесс затем получил еще более мощный толчок после «катастрофы 1812 года», когда «та часть богатого и среднего дворянства», как это подметил барон Гакстгаузен[2], «которая жила в Москве, потеряла свои дворцы и дома, свою движимость», и вынуждена была, поскольку она не устраивалась на государственной службе, отправиться в свои имения и заняться «их хозяйственным управлением». Из других более или менее существенных причин оседания дворянства на землю Юрий Самарин справедливо указывал еще на постепенное раздробление крупных вотчин, путем перехода их по наследству, заставлявшее новых владельцев «пристальнее заняться своими делами, увеличить свои доходы, обеспечить на будущее время верное их поступление»[3]. Как можно больше «наживать себе денег» вообще становится теперь основной задачей земледельческого хозяйства, о чем с наивной простотой свидетельствует помещик-экономист начала XIX века, М. Швитков[4].

Поселившиеся в своих имениях дворяне прежде всего принимались за организацию собственного хозяйства и в этих целях усиленно переводили крепостных крестьян с оброка на барщину. Гакстгаузену даже казалось, что «платеж оброка, прежде господствующая крестьянская повинность по всей Великороссии, устранен»[5]. На самом деле вытеснение оброка барщиной, по выражению М. Швиткова, имело место лишь «на земле, изобилующей благословенным плодо-

---

1 А. Фомин. «О понижении цен на земледельческие произведения в России». Спб., 1829 г.

2 Бар. Гакстгаузен. «Исследования внутренних отношений народной жизни и особенно сельских учреждений России», т. I. М., 1869 г.

3 Ю. Самарин. «Сочинения», т. II. М., 1878 г., стр. 49—50.

4 М. Швитков. «О двух главных способах к лучшему деревнями управлению», в «Трудах В.-Экон. Общ.», т. XII, и отд. Спб., 1810 г.

5 Бар. Гакстгаузен. Назв. соч.

родием»[1], т. е. или в черноземных губерниях, или в тех из северо-западных, где была распространена культура льна и пеньки, как, например, в Псковской, Смоленской или Новгородской. При этом барщина господствовала, главным образом, в именях среднепоместного и мелкопоместного дворянства, тогда как крупнопоместное предпочитало держать своих крестьян преимущественно на оброке. «Владельцы значительных имений, — свидетельствует Юрий Самарин[2], — мало занимались сельским хозяйством и по большей части довольствовались умеренным оброком, собирая сверх того натурою разные припасы для своих домашних потребителей. Они управляли своими вотчинами издали, поверхностно, налегая на свою дворню и оставляя в покое крестьян». С автором нельзя только согласиться насчет умеренности оброка. Известно, например, что в деревне Черкасовой, Зубцовского уезда, крестьяне в среднем платили со двора в 1801 г. — 25 р. асс., в 1803 г. — 30 р., а в 1828 г. — уже 75 р.[3] Вообще во вторую половину Александровского царствования «нормальным» оброком в великорусских губерниях можно считать 35 р. с души[4]. А если среди оброчных крестьян была развита торгово-промышленная деятельность, как, например, в селе Иванове, принадлежавшем графу Шереметеву, тогда оброк принимал характер настоящего подоходного налога, уплачивавшегося некоторыми крепостными-фабрикантами в размере нескольких тысяч рублей. Оброчная система, не требовавшая от помещика ни затраты труда, ни особенных забот, наиболее соответствовала как раз интересам крупнопоземлевладельческой знати, давая ей возможность служить в правительстве и при дворе, что, как известно, в те времена было делом далеко не бездоходным.

Напротив, для среднепоместного и мелкопоместного дворянства более выгод представляла барщинная система, так как у крестьян в их имениях в большинстве случаев не существовало сколько-нибудь развитых промыслов, которые позволяли бы им собирать усиленные оброки. Средний же размер оброка, конечно, был меньше того, что можно было выколотить из крестьянина с помощью барщины, особенно, если она отправлялась под непосредственным контролем

---

1 М. Швитков. Назв. соч.
2 Ю. Самарин. «Сочинения», т. II. М., 1878 г., стр. 50.
3 П. Б. Струве. «Крепостное хозяйство». Спб., 1913 г., стр. 66.
4 С. М. Середонин. «Исторический обзор деятельности Комитета министров», т. I. Спб., 1902 г., стр. 348—349.

барина. Но характер барщинного хозяйства у названных слоев дворянства был различен. Мелкопоместные дворяне, имевшие несколько десятков крепостных душ, преследовали цели непосредственного удовлетворения своих потребностей с помощью труда своих крестьян. Это были Гоголевские «старосветские помещики», дом которых представлял собой полную чашу, но которые почти ничего не отправляли на рынок. Среднепоместные дворяне, напротив, вели чисто товарное хозяйство, стремясь как можно сильнее увеличить продукцию своих имений, превращавшихся в настоящие «хлебные фабрики».

Типичными представителями таких хозяев в нечерноземной полосе России могут служить вологодские помещики Межаковы, владевшие свыше 1.200 душ[1]. Основной задачей их хозяйственной деятельности явилось расширение барской запашки, и это в Вологодской губ., где земля была мало плодородна, но зато хлеб дорог. «В наших местах,—писал А. Межаков в инструкции своему приказчику, — где зима бывает продолжительна и земля требует удобрения, ни о чем так печься не должно, как о расчищивании лугов; ибо если много будет корму, то можно и скота иметь много, а много будет скота, много и навозу, много же навозу, много будет и хлеба, а скот и хлеб доставляют весь доход». Задача эта, повидимому, тщательно выполнялась: по крайней мере известно, что в Межаковском имении в 1784 г. высевалось ржи и овса 273 четверти, в 1779 г.— 586, в 1820 г.— 699, в то время как крупного скота было в 1781 г. — 209 голов, в 1800 г. — 400 и в 1820 г. — 490. Главная барская пашня сначала находилась только при селах Никольском и Окулинском, но с расширением запашки в начале XIX века под нее отводились земли и при других селениях. Новом, Поповском и Окулове. Очень рано, еще в конце XVIII века, в севооборот вводились и кормовые травы, что делалось и в начале XIX века. Так, в «Журнале полевых работ» 1812 г. отмечен расход в 60 р. «на пшеницу и на травяные семена». Почва обычно удобрялась, пахота и бороньба производились с осени, при чем, как видно из инструкции нового владельца, П. Межакова, предписывалось «на одних местах несколько лет сряду одинакового хлеба не сеять, а менять оные так: где была пшеница, на то сеять ячмень, а где был ячмень, то сеять овсом, а где был овес, тут — пшеницу». Немудрено, что в имении получалось

[1] Л. Андреевский. «Очерк крупного крепостного хозяйства на севере». Вологда, 1922 г.

значительное количество хлеба, шедшего на продажу. Так, в 1806 г. было продано одному купцу Митропалову, 701 четверть ржи и другому покупателю 1.002 четверти овса, а в 1809 г. заключено условие на поставку в казну от 500 до 600 четвертей овса по 7 р. 50 к. за четверть. Заметный доход давала и продажа молочных скопов. Так, в 1800 г. было продано свыше 63 пудов масла по 6 руб. за пуд., в 1810 г.— 113 пудов по 8 р. 50 к. — 9 р. 50 к. за пуд, в 1822 г. — 233 пуда по 11 р. 50 к. пуд.

На ряду с земледелием и скотоводством Межаковы, однако, завели еще два винокуренных и один конский заводы, так что у них земледельческое хозяйство было тесно соединено с сельскохозяйственной индустрией. О размерах производства на этих заводах дают представление следующие факты. В 1798 г. А. Межаков обязался поставлять в Вологодский винный магазин в течение четырех лет по 20 тысяч ведер хлебного вина ежегодно, по цене 1 р. 70 к. за ведро, т. е. на сумму в 34 тыс. руб. Что касается конского завода, то его обороты были значительно меньше. Известно, например, что в 1810 г. с него было продано 30 лошадей за 3.143 р. и еще несколько лошадей за 1.318 р. В другие годы продавалось меньше.

Система эксплоатации крестьян в Межаковском имении была смешанная, оброчно-барщинная, так как недостаток оборотного капитала не давал возможности все крепостное население в вотчине использовать непосредственно в барском хозяйстве. Из 1⅓ тысячи крестьян до 400 душ состояли на барщине, а остальные на оброке. Барщина была как сельскохозяйственная, так и заводская, при чем значительная часть работ выполнялась, однако, по найму. Оброк давал в первые два десятилетия примерно от 11 до 13 тыс. руб. в год, а барщина, в виде сельскохозяйственной продукции (хлеба, масла и скота), до 8—9 тыс. и в виде винной поставки — до 10 тыс. руб. в среднем в год. И, однако, несмотря на значительный доход в 30 тыс. руб., положение имения Межаковых не было прочным. Предпринимательские затеи А. Межакова требовали больших наличных средств, и уже в 1798 г. часть имения была заложена за 28 тыс. руб., а к 1807 г. этот долг возрос уже почти до 84 тыс. руб., так что проценты и частичное погашение займа требовали ежегодной уплаты в 20 тыс. руб. Крепостной строй, по мере товаризации помещичьего хозяйства, неизбежно приходил к своей полной ликвидации, так как царовой принудительный труд

в условиях рыночного производства себя уже мало оправдывал.

Те же тенденции к расширению продукции помещичьего хозяйства, особенно в области производства зерна, еще в большей мере наблюдались в черноземной полосе России. У декабриста М. С. Лунина было два имения, одно в Саратовской губ. с 682 душами, другое в Тамбовской, с 247 душами[1]. В первом имении крестьяне сидели на оброке, во втором — на барщине. В этом втором имении барская запашка велась на 1.050 десятинах, тогда как крестьяне на себя пахали всего лишь 990 десятин, так что более зажиточным приходилось еще арендовать 341 десятину чужой земли. Факт этот свидетельствует о значительном обезземелении барщинного крестьянства в Лунинском имении.

Земледельческое хозяйство у Лунина было исключительно зерновым, и о размерах его продукции дают представление следующие данные:

В 1825 г. было получено:

8.225	четвертей	ржи	384	четвертей	гороха
2.512	„	овса	193	„	ячменя
1.076	„	гречи	93	„	пшеницы
513	„	проса	13	„	мака

Из этого количества поступило на рынок от 72 до 98% всех хлебов, за исключением овса и пшеницы. Первого продавалось не более 36%, второй — 42%. Хлеб продавался не только в виде зерна, но и в виде муки или крупы. Так, 24% ржи и 32% пшеницы на месте перемалывали в муку, 73% проса и 66% гречи в крупу, для чего в имении существовали, кроме мукомольных мельниц, три «крупных» машины, приводимые в движение лошадиной силой.

При такой степени товаризации производства приобретал крупное значение вопрос о сбыте продуктов и, прежде всего, вопрос об их доставке к ближайшей пристани. Об этом много говорилось в переписке М. С. Лунина с его приказчиком. Сообщая, например, о наступившей оттепели, последний тревожно добавлял: «а мы еще не отправили обоза с хлебом, и скоро ли будет путь, того не знаем». В случае хорошего пути встречалось другое затруднение: несмотря на подводную повинность, в размере 10 телег с тягла, во-время свезти хлеб на пристань не всегда удавалось, и Лунин ду-

[1] Б. Д. Греков. «Хозяйственное состояние России накануне выступления декабристов, в сб. «Бунт декабристов». Л., 1926 г.

мал было обратиться к найму возчиков, да приказчик возражал, что это будет слишком убыточно: «рожь на рынке продавалась по 3 р. 20 к. за четверть, а свезть четверть платили по 1 р. 40 к.». Переписка эта относилась к 1825 г., когда хлебные цены начали падать. Не будь этого, приказчик, возможно, принял бы совет барина. Как бы то ни было, вопрос о транспортных средствах ставился всем ходом развития сельского хозяйства и для своего разрешения начинал требовать хотя бы частичного применения свободного труда.

Земледельческое производство давало Лунину в 20-х годах 70—75% всего дохода, составлявшего в разные годы от 40 до 60 тыс. руб. Другими статьями дохода были и отпуск обученных дворовых в Петербург за уплату оброка в размере 60 р., и заведенная, для использования труда тех же дворовых, но не обученных ремеслам, суконная фабрика с 42 рабочими, и другие предприятия. Но и Лунинское имение, несмотря на все предпринимательство помещика, или, может быть, благодаря ему, так же, как и Межаковское, было обременено солидными долгами, сделанными еще отцом декабриста. Вот почему, при строжайшей экономии в расходах, Лунин не считал себя прочно застрахованным от каких-либо неожиданностей и, между прочим, писал приказчику: «и у берега потонуть можно», рекомендуя ему бдительность и осторожность.

Особенно неустойчивым стало помещичье зерновое хозяйство в самом начале третьего десятилетия XIX века, когда цены на хлеб начали быстро итти к низу. Так, в Англии цена квартера в шиллингах изменилась следующим образом[1]:

	1811—1820 г.	1821—1830 г.
Пшеница	87,5	59,3
Ячмень	45,2	32,5
Овес	30,4	23,5

Причиной явилось, главным образом, появление на европейском рынке дешевого египетского и американского хлеба, который, естественно, должен был уронить хлебные цены и в производящих хлеб странах Европы.

Особенно резко последние пали в России. Так, четверть ржи в Петербурге стоила в 1817 г. 23 р. асс., а в 1825—1826 г.

[1] С. О. Гулишамбаров. «Всемирная торговля в XIX в. и участие в ней России». Спб., 1898 г., стр. 42.

только 14—15 р.; в Воронеже куль ржаной муки продавался в 1821 г. по 16 р. 26 к. асс., а в 1823 г.—уже по 7 р. 28 к.[1]. Объяснялось это тем, что как раз в России в предшествовавший период, как это было уже отмечено, необычайно расширилось производство хлеба. Благодаря выгодной рыночной конъюнктуре русские помещики еще с половины XVIII века усиленно увеличивали в своих имениях площадь под барской запашкой, а затем в исходе XVIII века и начале XIX века принялись энергично колонизировать среднее Поволжье и Новороссию. Известно, например, что управляющий огромным имением гр. Орлова в Саратовской губ., Усольем, Мещеринов, деятельно собирал сведения, особенно через чиновников, насчет того, какие земли наиболее выгодны к покупке, и затем их приобретал. «Спасибо, Фомушка... за добрый совет купить 500 десятин из степи Саратовской,— писал ему гр. Вл. Орлов,— чтобы... третьему селению моему, назначенному по близости оной, доставить более выгод»[2]. Готов был расширить свои владения в той же Саратовской губ. и Лунин, которого, однако, его приказчик напротив, останавливал, указывая, чо «без наличного капитала при ежегодном уменьшении цен на все опасно решаться покупать земли»[3]. Усиленно колонизовал свое большое владение на самом впадении Камы в Волгу, село «Новобогородское, Уратьма тож», и В. С. Шереметев. По шестой ревизии 1811 г. здесь состояло 293 души, да из Нижегородской губ., где находилось главное Шереметевское имение, Богородское, было «перечислено» 435 душ[4].

Довольно быстро шло также и заселение новороссийских губерний. По свидетельству херсонского губ. Ришелье, число жителей в этом крае за 30 лет — до 1810 г.— увеличилось со 100 тысяч душ, издавна населявших окрестности Бахмута и Ростова, — не считая 200 тысяч душ обоего пола крымских татар,— до 1½ миллионов[1]. Процесс колонизации сопровождался, конечно, усиленной распашкой степного чернозема. В 1803 г., например, в Екатеринославской

---

[1] П. Н. Колокольников. «Хозяйство России после войны 1812 г.», в сб. «Отечественная война и русское общество», т. VII. М., 1912 г., стр. 121.

[2] Гр. Орлов-Давыдов. «Биографический очерк гр. В. Г. Орлова», т. II. Спб., 1878 г., стр. 148.

[3] Б. Д. Греков. Назв. статья, в сб. «Бунт декабристов». Л., 1926 г., стр. 18.

[4] «Б. С. Шереметев». (Спб.). 1910 г., стр. 244.

[5] „Mémoire de duc de Richelieu a l'empire Alexandre. 10 mai 1810 an", в „Сборн. Русс. Ист. Общ.", т. LIV. Спб. 1886 г., стр. 307.

губ. было собрано 1½ млн. четвертей пшеницы, а в следующем году уже 2½. Еще быстрее развивалось здесь скотоводство, и особенно разведение мериносов. На экономический рост Новороссийского края оказывала могучее воздействие черноморская торговля. В 1801 г. из Одессы было вывезено всего 78 тыс. четвертей пшеницы, а в 1816 г. уже 1.068, и в 1817 г. — 1.161 тыс. четвертей. Кроме того, из других товаров еще в 1814 г. вывозилось из той же Одессы сала всего на 84 тыс. руб., воска на 1 тыс. руб., а в 1825 г. сала уже на 2.687 тыс., воска на 478 тыс. и кож на 601 тыс. руб.[1]. Значительно вырос и вывоз из Таганрога, Николаева и других черноморских портов. При этом Одесса и другие портовые города много способствовали и вовлечению в товарный оборот юго-западных губерний, Подольской, Волынской и др. Камергер Васильчиков, специально посланный на юг в 1802 г. для обследования черноморской торговли, отметил в своем отчете, что «в два последние года, когда сей порт пришел в известность, помещичьи имения литовские и волынские возвысились против прежнего в цене в полтора раза»[2].

Остро разразившийся при таких обстоятельствах в России в начале 20-х годов сельскохозяйственный кризис наиболее тяжело поразил те помещичьи имения, которые имели непосредственное дело с рынком. В этих имениях еще с конца XVIII века предпринимались энергичные попытки рационализировать хозяйство, особенно в форме введения различных технических и агрономических улучшений. Как уже отмечалось, пример в этом отношении сперва подавали, правда, немногие, крупные землевладельцы-аристократы, которые почему-либо оставляли служебно-придворную карьеру и начинали входить во вкус исполнения роли английских лендлордов. Из них можно назвать гр. В. Г. Орлова, серьезно ознакомившегося во время своего путешествия по Германии с фермами и другими сельскохозяйственными заведениями, а затем по возвращении предпринимавшего различные опыты в своих огромных имениях, подмосковном «Отраде» и саратовском «Усолье». В 1797 г. он выслал в «Усолье» английскую веяльную машину, а в следующем году столяра для устройства молотильной машины по особым чертежам[3]. Вы-

[1] «Ответы Одесского Отд. Коммерческого Совета, 1832 г.», в «Архиве кн. Воронцова», кн. 29. М., 1893 г., стр. 37 и 41.

[2] А. Н. Шебунин. «Россия на Ближнем Востоке». Сборн. документов. Л., 1926 г., стр. 17, прим.

[3] В. Орлов-Давыдов. «Биографический очерк кн. В. Г. Орлова», т. II. Спб., 1878 г., стр. 149.

писывал из Англии сельскохозяйственные орудия и семена и адмирал Мордвинов, в бытность свою председателем Черноморского адмиралтейского управления в Николаеве. Позже, в качестве крымского землевладельца, он заботился о разведении тонкорунных овец и впервые, вместе с другими помещиками, о выращивании улучшенных сортов винограда[1]. Но особенно много нововведений завел в своем подмосковном имении «Кагул» гр. Румянцев, выписавший для этого англичанина-управляющего Роджерса. Гр. Растопчин свидетельствовал, что видел у Румянцева «наилучший горох», которого было снято в 1802 г. с 70 десятин по 18 четвертей и продано по 11 р. за четверть[2]. Сам Растопчин также стремился к поднятию в своем хозяйстве техники и насаждению «плодопеременной» системы с «сеянием трав и овощами» вместо обычного трехполья. «Я уже очень богат всеми орудиями для хлебопашества»,— хвастался он в письме к кн. Цицианову[3]. По словам Растопчина, помещиков, увлекавшихся «английским земледелием», вообще было в начале XIX веке немало. «Английский фермер,— писал он в анонимной брошюре «Плуг и соха», вышедшей в 1806 г.,— столь же начинает быть нужен многим русским дворянам, как французский эмигрант, италианские в домах окна и скаковые лошади в запряжку»[4]. Особенно много их встречалось в остзейских губерниях, которые были наиболее втянуты в торговый оборот, благодаря близости балтийских портов.

Однако увлечение сельскохозяйственными новшествами некоторых представителей крупноземлевладельческой знати носило большею частью дилетантский характер и в общем не давало сколько-нибудь существенных выгод. В то же время оно требовало подчас значительных затрат денежного капитала, которого, как бы он велик ни был, обычно не хватало на тот образ жизни, какой вела дворянская крупноземлевладельческая верхушка. Ведь главные ее интересы лежали не столько в плоскости ведения самостоятельного хозяйства, сколько в сфере придворно-правительственной. Вот почему наиболее благоразумные из владельцев латифундий мало-по-малу возвращались к наиболее удобному для них спосо-

---

[1] В. С. Иконников. «Граф Н. С. Мордвинов». Спб., 1873 г., стр. 10 и 56.

[2] Письма гр. Ф. В. Растопчина к кн. П. О. Цицианову, в сборн. П. Бартенева «Девятнадцатый век», кн. 2. М., 1872 г., стр. 17.

[3] Там же.

[4] «Плуг и соха, писанное степным дворянином. Отцы наши не глупей нас были». М., 1806 г., стр. 5.

бу эксплоатации своих имений — к традиционной оброчной системе. «Нужным почитаю напомнить тебе, — писал в 1810 г., например, гр. В. Г. Орлов своему управляющему в Усолье,— воздержаться от затей и выдумок, как-то: риги каменные, кулаки чугунные на колесах при мельницах и тому подобные, на что потрачено много денег без всякой пользы хозяину». В этом имении он вовсе прекратил господскую запашку и перевел всех крестьян на оброчное положение, при чем гарантией исправного платежа оброка должна была служить угроза восстановления барщины: «Тверди и вели твердить крестьянам,— писал граф тому же управляющему,— что ежели не будут платить оброка исправно, то положу неплатящих на пашню»[1].

Параллельно падению интереса к сельскохозяйственному предпринимательству в среде высшего дворянства, это предпринимательство в первые два десятилетия XIX века, и особенно во второе, начало зато серьезно захватывать довольно широкий круг дворянства среднепоместного. Нам уже известны хозяйства Межаковых в Вологодской губ. и Лунина в Тамбовской, но, кроме них, с еще более радикальными попытками сельскохозяйственной рационализации в период после отечественной войны выступили и некоторые другие среднепоместные дворяне. С 1819 г. успешно применял систему четырехпольного севооборота в селе Иванове, Ярославского уезда, И. И. Самарин[2], но особенно выдавались по размаху своей деятельности тверской помещик Шелехов и калужский Полторацкий, имевшие многочисленных последователей[3]. Один из последних достиг того, что его подмосковное имение, дававшие при трехполье 9.612 руб. дохода, при плодосмене стало приносить 17.556 руб. Рядом с агрономическими новшествами в дворянских хозяйствах вводились и технические улучшения. Так, в 1812—1815 гг. в среднем в год в Россию ввозилось на 1.212 тыс. руб. заграничных кос и серпов, а в 1816—1820 гг. — уже на 2.034 тыс. руб.[4].

Как уже можно заметить из приведенных примеров, распространение новых приемов хозяйства наиболее заметным

---

[1] В. Орлов-Давыдов. «Биографический очерк кн. В. Г. Орлова», т. II. Спб., 1878 г., стр. 151.

[2] Д. Ф. Самарин. «Родословная полевого травосеяния на общинных землях». М., 1887 г.

[3] В. Г. Бажаев. «Крестьянское травопольное хозяйство в нечерноземной полосе Европейской России». М., 1900 г.

[4] В. Н. Покровский. «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», т. I. Спб., 1902 г., стр. 263.

было в некоторых центральных губерниях и губерниях западных, где сосредоточивались главнейшие районы потребления сельскохозяйственных продуктов и где уже ощущалось в деревне относительное перенаселение. На крайнем же юге и юго-востоке, с их земельным простором, царило экстенсивное хозяйство, и там опыты интенсификаций представляли собой дорого стоившие затеи богатых «просвещенных» помещиков, от которых последние в конце концов отказались. Эту связь рациональной техники и агрономии с общеэкономическими условиями той или иной области прекрасно сознавал еще гр. Растопчин. «Доколе у нас не прибавится втрое жителей в хлебородных губерниях,—писал он в 1803 г. кн. Цицианову,— дотоле заведения английского обрабатывания земель не будут нужны: но здесь (т. е. в центральных губерниях, вернее, центрально-промышленных) они и выгодны и доходны чрезвычайно сеянием трав и овощами»[1].

Все более охватывавшее в течение первых двух десятилетий XIX века дворянские круги сельскохозяйственное предпринимательство не остановилось на технически-агрономической стороне дела. Поскольку рационализация хозяйства протекала в пределах барщинной системы труда, последняя все более и более начинала с ней враждовать. Если в исходе XVIII века лишь немногие отдельные представители дворянства сознавали, в интересах развития производительных сил в сельском хозяйстве, необходимость перехода к наемному труду, то теперь эта мысль, с теми или иными ограничениями, начинает находить значительное распространение. Вольно-экономическое общество в 1812 г. снова поставило на обсуждение вопрос: какой труд, крепостной или вольнонаемный, выгоднее для хозяина, в ответ на что было прислано несколько работ, авторы которых категорически высказывались в пользу свободного труда. Так, по мнению известного уже нам Швиткова, свободный труд потому выгоднее крепостного, что за наемными работниками требуется меньше надзора, их можно нанимать в случае нужды в любом количестве, с них легче взыскать вознаграждение за причиненный ущерб[2]. Другой автор, коллежский советник Якоб,

---

[1] «Девятнадцатый век». Историч. сборн., изд. П. Бартеневым, кн. 2. М., 1872 г., стр. 17.

[2] Эта работа Швиткова не была напечатана. О ней см. у В. И. Семевского: «Крестьянский вопрос», т. I. Спб., 1888 г., стр. 326—327; сам, однако, Швитков, выдвигая экономические преимущества вольнонаемного труда, оставался заядлым крепостником.

доказывал выгодность свободного труда путем сравнения «произведений вольных работников в Англии с произведениями крепостных людей в нашем государстве»: в то время как в имении кн. Мещерского 650 душ крестьян могут сжать хлеб в 16—17 дней на 110 десятинах, в Англии такое же количество рабочих в тот же срок справляется с 1.050 десятинами[1]. Неинтенсивность барщинного труда в это время, действительно, бросалась в глаза многим помещикам. Будущий декабрист И. Д. Якушкин, по приезде в свое смоленское имение, прежде всего обратил внимание, что его крестьяне, «привыкнув терпеть нужду и не имея надежды когда-нибудь с нею расстаться», говорили, что всей работы никогда не переработать, и потому трудились и на себя, и на барина, «никогда не напрягая сил своих». Желая придумать способ возбудить в них деятельность и поставить их в необходимость прилежно трудиться», Якушкин проектировал освобождение их от крепостной зависимости с предоставлением им усадебной оседлости[2], после чего они бы или брали у него землю в аренду или ходили бы к нему батрачить. С чисто утилитарной точки зрения подходил к вопросу об отмене крепостничества и другой, младший декабрист, А. Тучков. «Свобода,— писал он в своем «Дневнике»,— не замедлит привести в цветущее состояние сословие людей, прокармливающее и обогащающее всю Россию»[3]. Помещики, менее радикально настроенные, высказывались не за полное освобождение крепостных, а лишь за предоставление им права собственности на их участки, что должно было бы вызвать в них большую заинтересованность в добросовестном отправлении барских повинностей. «Полезно было бы помещику,— писал один автор в 1822 г.,— в мыслях крестьянина утвердить привязанность к земле, исключительно ему с семейством для обрабатывания данной»[4].

Интересно отметить, что сторонники уничтожения крепостного права, предоставляя обычно крестьянам усадебные земли, мало интересовались вопросом о выкупе. Можно думать, что в первые два десятилетия XIX века, когда цены на хлеб возвышались, они полагали, что и безвозмездное освобождение крестьян даст дворянству немало. Таково, по крайней

---

1 «Труды В.-Экон. Общ.», 1814 г., ч. 66.
2 «Записки И. Д. Якушина». Изд. 7-е. М., 1925 г., стр. 34.
3 А. А. Тучков. «Дневник», в «Вестн. Европы», 1900 г., № 8.
4 «Земледельч. Журнал», 1822 г.

мере, было мнение[1] одного смоленского помещика, проектировавшего около 1820 г., как и Якушкин, выход крестьян на волю с отведением им «дворов их с землею под поселением и выгоном». При этом он считал, что «вольные, уверенные в своей собственности и в своей личной свободе, будут работать прилежно, приобретать более, и следственно могут платить более» своим бывшим владельцам, оставившим себе «всю прочую землю». Другими словами, отказываясь от выкупа усадеб, этот помещик-прожектер удовлетворялся получением после ликвидации крепостного права повышенных арендных цен за сдававшиеся крестьянам земли. Крупнопоземлевладельческая феодальная знать, выдвинув такой же точно способ освобождения в 1850-х годах, уже не была столь «щедрой»: за усадьбу крестьянин, по ее убеждению, должен был заплатить выкуп.

Но вольнонаемный труд в сельском хозяйстве в начале XIX века стал не только теоретически считаться более производительным, но местами и применяться на практике. Первыми на этот путь вступили остзейские губернии, дворянство которых в 1804—1805 гг. превратило своих крепостных в наследственных владельцев их участков и обязало их строго установленными в законе повинностями, а в 1816—1819 гг., недовольное теми столкновениями, какие на практике были порождены половинчатостью принятых мер, окончательно освободило своих «наследственных арендаторов» от крепостной зависимости и вместе с тем, и от земли. Отныне в этом крае, где хозяйство давно уже велось наиболее интенсивным способом, полностью водворился наемный труд. К наемному труду во многих случаях приходилось прибегать и помещикам в среднем Поволожье и Новороссии, так как здесь, при небольшом количестве крепостных, управляться с хорошими урожаями без посторонней помощи представлялось невозможным. Необходимых рабочих эти области получали из густо населенного центрально-земледельческого района, имевшего уже значительное избыточное население, начинавшее жить все более распространявшимся земледельческим отходом. Что же касается отдельных попыток перехода к наемному труду, то они встречались и в других губерниях. Так, тот же Якушкин, который проектировал безземельное освобождение своих крестьян, сейчас же по приезде в деревню «уменьшил господскую пашню на половину» и

[3] «Рус. Архив», 1865 г., стр. 553 и сл.

эту половину стал обрабатывать «наемными работниками и собственными своими средствами». Он рассчитывал, что «такое распоряжение» не только облегчало крепостных, переведенных на оброк, но «и независимо от них должно было со временем... дать... порядочный доход» самому помещику[1].

Сельскохозяйственый кризис 20-х годов, или, вернее, кризис зернового хозяйства, надолго приостановил молодые побеги аграрного капитализма в России. Кризис этот прежде всего выразился в падении спроса на русский хлеб со стороны иностранного рынка. Если в 1816—1820 гг. в среднем в год вывозилось из России почти 30 млн. пудов хлеба на сумму в 74,2 млн. руб., то в 1821—1825 гг. стало вывозиться 10 млн. пудов на сумму в 17,5 млн. руб.[2]. Резкое понижение хлебных цен и уменьшение спроса на хлеб со стороны заграницы поставило многие помещичьи хозяйства в тяжелое финансовое положение. Малая доходность имений в связи со стремлением дворянства жить на широкую ногу вызывала массовое обращение к ипотечному кредиту.

«Будучи земледельческим государством,— писал декабрист Каховский, — и не сбывая произведения земли нашей, мы совершенно обнищали... Сколько дворянских имений заложено в казне»[3]. В 1824 г. существовавшие до того 8 и 12-летние сроки займов из кредитных установлений под залог ревизских душ, в интересах дворян, были обращены в 24-летние[4].

По предположению министра финансов Гурьева, уже в 1822 г. было в залоге дворянских имений в Сохранной казне на 60—70 млн. руб. асс., да в Заемном банке на 30 с лишним млн. руб. асс.[5]. К этому нужно присоединить еще ссуды, выдававшиеся преимущественно мелкопоместным дворянам из приказов общественного призрения; они доходили в 20-х годах приблизительно до 10 млн. руб. асс.[6]. Если принять во внимание, что за ревизскую душу выдавалось тогда до 60 руб. асс., то можно считать, что в начале 20-х годов дворянство успело заложить до 1.800 тысяч душ, тогда как в 1800 г.

---

1 Письмо И. Д. Якушкина к М. Я. Чаадаеву, в «Рус. Стар.», 1910 г., № 9, стр. 500.

2 В. И. Покровский. «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», т. I. Спб., 1902 г., стр. 2—4.

3 Письмо П. Г. Каховского к ген.-ад. Левашеву, в сб. А. К. Бороздина «Из писем и показаний декабристов». Спб., 1906 г., стр. 9.

4 Н. Путята. «Обозрение жизни и царствования Александра I», в сб. «XIX век», изд. П. Бартенева, кн. I, М., 1872 г., стр. 489.

5 «Архив Гос. Совета», т. 4, ч. I. Спб., 1881 г., стр. 322 и 851.

6 Там же, стр. 413 и 420.

им было заложено около 1 миллиона душ[1]. Конечно, земельная задолженность дворянства, усилившаяся с наступлением сельскохозяйственного кризиса, была вызвана, с одной стороны, стремлением дворянства жить не по средствам, с другой — и это относится прежде всего к крупным владельцам — дворянским абсентеизмом, благодаря которому часто случалось, что в то время как помещики разорялись, управляющие их имениями сколачивали значительные капиталы. Это обстоятельство так кидалось в глаза, что его отметил в своем дневнике еще в 1803 г. Этьен-Дюмон. «За исключением роскоши и беспечности, одна из причин разорения всех дворян или, по крайней мере, упадка их состояния, — пишет он, — заключается в том, что они не посещают своих имений... Если бы они пожелали заняться земледелием и вникнуть в вопрос о доходности своих имений, они могли бы через несколько лет увеличить ее в пять и десять раз»[2]. Что это наблюдение вдумчивого иностранца соответствовало действительности, имеется множество фактов, вполне его подтверждающих. «По смерти А. Вл. Шереметев, — писал в 1803 г. гр. Растопчин кн. Цицианову, — оставил 260 тыс. долгу, нажитого на рысаках, хомутах и дураках»[3]. Известный поэт и министр Державин, получив от отца «весьма малые родовые недвижимые имения», приобрел немало новых, но к 1818 г. они были заложены «все без остатка», и, несмотря на это, у него оказалось еще много «партикулярных долгов»[4]. В очень скверном положении находился и другой крупный писатель, кн. П. А. Вяземский. Он «получил свои полмиллиона денег за проданное имение,— писал А. Я. Булгаков брату, — и поскорее расплачивается со всеми, боясь такую сумму держать дома; еще тяжелее для него должна быть мысль, что он долги нажил от проклятой игры»[5]. Принимая во внимание все эти свидетельства нельзя не согласиться с утверждением бар. Кампенгаузена, который в 1822 г. в Государственном Совете заявлял: «Опыты показывают, что редко когда позаимствованные якобы для улучшения сельской промышленности капиталы действительно на оное упо-

---

[1] С. Вознесенский. «К вопросу о земельной задолженности русского дворянства в крепостную эпоху».

[2] Дневник Э. Дюмона об его приезде в Россию в 1803 г., в «Голосе Минувшего», 1913 г., № 2, стр. 157.

[3] Письма гр. Ф. Ростопчина к кн. Цицианову, в «Девятнадцатом веке», изд. П. Бартенева, кн. 2. М., 1872 г., стр. 24.

[4] «Архив Гос. Совета», т. IV, ч. 3. Спб., 1893 г., стр. 88.

[5] Письма А. Я. Булгакова к брату, в «Рус. Арх.», 1901 г., кн. 2, стр. 72.

треблялись. Займы сии большею частью обратились на предметы роскоши, для государства вредные»[1].

Помимо земельной задолженности дворянства росло в известной части и его обезземеливание. При этом в хлебопроизводящих районах, при ликвидации своих имений, некоторые владельцы не без выгоды для себя воспользовались законом 1803 г. о вольных хлебопашнях. Закон этот разрешает помещикам увольнять своих крепостных в свободное состояние целыми имениями, с предоставлением им земельных наделов на условиях выкупа. Нередко имения, обремененные банковской ссудой, и ликвидировались при помощи такого рода освобождения крестьян, особенно, если казна оказывала помощь выкупавшимся крестьянам.

Понятно, что ни о какой рационализации хозяйства в годы кризиса уже не могло быть и речи. Помещики, совершенно лишенные сколько-нибудь значительных оборотных средств, принуждены были теперь лихорадочно цепляться за барщинный труд, не требовавший в общем затраты денежного капитала, за исключением разве случая, когда у крестьянина падет лошадь: «оную» приходилось тогда покупать, как это предписывалось в инструкции одного смоленского помещика, В. Храповицкого, «из господских денег, которые впрочем, «потом крестьянин должен вносить[2]. Начиная с 20-х годов в России почти совсем прекращаются толки о выгодах свободного труда, «плодоперемение» местами сменяется прежним трехпольем, хозяйственный инвентарь не обновляется, и даже привоз из-за границы таких несложных орудий производства, как косы и серпы, значительно падает: в 1821 — 1825 гг. их пробреталось в год на 1.736 тыс. руб., т. е. на 700 тыс. руб. меньше, в предшествовавшее пятилетие[3]. За исключением немногих районов на северо-западе и юго-западе, повсюду одерживает верх примитивное зерновое хозяйство. Владельцы барщинных имений становятся столь же консервативны, как и владельцы оброчных.

---

1 «Архив Гос. Совета», т. IV, ч. 1. Спб., 1881 г., стр. 352.

2 Инструкция эта 1819 г., напечатана в известной «Хрестоматии» Коваленского, т. IV, стр. 118.

3 В. И. Покровский. «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», т. I. Спб., 1902 г., стр. 263.

ЛИТЕРАТУРА ПО СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Источники. Много материалов имеется в следующих периодических изданиях: «Труды Вольно-Экономич. Общ.». — «Записки деяний В.-Экон. Общ.», 11 чч., 1802—1812 гг. — «Хозяйственные записки или собрание полезных опытностей во всех частях хозяйства». Изд. В.-Экон. Общ., 8 чч. 1812—1815 гг. — «Земледельч. Журнал». Изд. Моск. Общ. сельск. хоз. 1821—1825 гг. — «Санкт-Петерб. Коммерч. Ведомости», 1802—1810 гг. — «Дух Журналов». — В. И. Покровский. «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», т. 1. Спб., 1902 г. — К. Арсеньев. «Начертание статистики Российского государства». Спб., 1808 г. — Его же. «Российская статистика», 2 тт. Спб., 1832 г. — В. Андросов. «Хозяйственная статистика России». Спб., 1827 г. — С. Чернов. «Статистическое описание Московской губ.». М., 1811 г. — «Хлебопекарный промысел и такса на хлеб в Москве». М., 1889 г. — «Плуг и соха. Писанное степным дворянином». М., 1806 г. (Соч. гр. Растопчина). — Переписка гр. Растопчина с кн. Цицановым, в сборн. «XIX век», кн. 2. М., 1872 г. — Гр. Стройновский. «Об условиях помещиков с крестьянами». 1809 г. — М. Швитков. «О двух главных способах к лучшему деревнями управлению». Спб., 1810 г. — А. Фомин. «О понижении цен на земледельческие произведения в России». Спб. 1829 г. — «Новый опытный сельский управитель, приказчик и эконом и т. д.». М., 1825 г. — «Записки Д. Н. Свербеева», 2 тт. М., 1899 г. — «А. А. Тучков и его дневник 1818 г.», в «Вестн. Евр.», 1900 г., № 8. — «Архив братьев Тургеневых». — «Архив Воронцова». — «Архив Мордвинова». — «Остафьевский архив кн. Вяземских».

Исследования. А. Семенов. «Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности», 3 чч. Спб., 1859 г. — О. Тучинович. «История сельского хозяйства России». Спб., 1854 г. — В. И. Семевский. «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в.», т. 1. Спб., 1888 г. — В. Снежневский. «К истории побегов крепостных», в «Нижегородск. Сборн.», т. X. — А. Повалишин. «Рязанские помещики и их крепостные». Рязань, 1903 г. — К. А. Вернер. «Агрономическая помощь населению в конце XVIII и первой половине XIX вв.». М., 1904 г. — Б. А. Романов. «Эпизод из хозяйственной жизни крепостной вотчины XIX в.», в «Архиве Истории Труда в России», кн. 1. 1923 г. — Н. Петрович. «Принудительное переселение бобылецких крестьян», в сб. «Труд в России», кн. 1. 1924 г. — П. И. Лященко. «Очерки аграрной эволюции России», т. 1. Спб., 1908 г. — Н. П. Огановский. «Закономерность аграрной эволюции», ч. 2: «Очерки по истории земельных отношений в России». Саратов, 1911 г. — М. Н. Покровский. «Русская история», т. III. — Н. А. Рожков. «Русская история в сравнительно-историческом освещении», т. X. Л., 1924 г. — Б. Д. Греков. «Хозяйственное состояние России накануне выступления декабристов», в сб. «Бунт Декабристов». Изд. «Былое». Л., 1926 г. — Н. Л. Рубинштейн. «Экономическое развитие России в начале XIX в., как основа движения декабристов», в ж. «Каторга и Ссылка», 1925 г., № 8 (21). — А. А. Гайсинович. «Социальный строй крепостной вотчины», в ж. «Институт Истории. Ученые записки», т. V. М., 1929 г. — Л. Андреевский. «Очерк крупного крепостного хозяйства на Севере». Вологда, 1922 г.

Фракционная борьба внутри правящего дворянства и попытки реформ в первые годы царствования Александра I

Более или менее значительная товаризация сельского хозяйства и рост обрабатывающей промышленности в исходе XVIII и начале XIX вв., как было указано выше, приводили к тому, что на ряду со старым, феодальным способом производства начинал складываться и новый, капиталистический. В такой обширной и разнообразной по своим естественным и историческим условиям стране, как Россия, процесс этот шел крайне неравномерно и создавал массу переходных хозяйственных форм, из которых каждая ожесточенно отстаивала свое право на существование.

Такая антагонистичность экономического уклада России, конечно, должна была вызвать более или менее существенные перемены в самой структуре тогдашнего общества и сильно обострить противоположность интересов различных общественных и даже областных групп населения. Развитие денежного хозяйства в стране особенно болезненно сказывалось на широких крестьянских массах, значительная часть которых начинала пролетаризироваться по мере того, как расшатывались натурально-хозяйственные основы их жизни. Рост фабрик с наемным трудом приводил к образованию нового общественного класса — промышленной буржуазии. Рынок, наконец, непосредственно втягивавший в свой оборот помещечьи имения, заставлял и различные слои землевладельческого дворянства более или менее перерождаться в некоторое подобие аграрной буржуазии.

Все это не только перестраивало взаимоотношения различных классов общества, но и чрезвычайно усложняло отношение господствующего класса к созданному им аппарату власти, правительству. Таким классом, начиная со второй четверти XVIII века, продолжало быть землевладельческое дворянство, управлявшее страной посредством абсолютной монархии. Усиление буржуазных элементов в русском обществе и утрата дворянством своей былой феодальной монолитности неминуемо приводило к тому, что между классовой сущностью государственной власти и ее формой все более назревало непримиримое противоречие. Сущность этого противоречия хорошо вскрыта в следующих словах М. Н. Покровского: «Власть должна была выражать интересы класса, но она была в руках лица, и по необходимости отража-

ла вкусы, настроения и даже капризы этого типа[1]. Уже в эпоху Екатерины II в дворянских рядах началась борьба противоположных интересов. Два вопроса по преимуществу волновали тогдашние умы: вопрос о ликвидации крепостного права, приобревший особенную остроту после подавления пугачевщины, и вопрос об изменении образа правления. Кратковременное царствование Павла I, попытавшегося оторвать самодержавие от его социальной базы, второй вопрос, политический, поставило в первую очередь и при этом перенесло борьбу из области чисто идеологической в область реальной политики. Придворно-служилая крупноземлевладельческая знать, непосредственно окружавшая престол, при поддержке всей массы дворянства и при инертном отношении других классов общества, свергла Павловский режим, потратив на это, по выражению гр. Ланжерона, «всего два часа»[2].

В среде заговорщиков явно обозначались два политических течения, из которых каждое имело своих сторонников и в более широких слоях дворянства. Одно течение было представлено петербургским генерал-губернатором гр. П. А. Паленом, вице-канцлером Н. Паниным и братьями Зубовыми с их сестрой Жеребцовой; «вечерние собрания» у последних, по выражению декабриста М. Фонвизина, «походили на настоящие политические клубы, в которых единственным предметом разговора было тяжкое положение России, страдавшей под гнетом безумного самовластия»[3].

Другое течение, возглавлявшееся адъютантом Александра Павловича П. М. Волконским, генералом Уваровым и командующим гвардейскими полками в Петербурге Талызиным, имело в виду, не изменяя образ правления, переменить лишь лицо, занимавшее престол[4]. Программные требования этих течений историк Карамзин довольно точно характеризует следующим образом: одни «хотели, чтоб Александр, в вечной славе своей, взял меры для обуздания неограниченного самовластия, столь бедственного при его родителе»; другие же, «сомневаясь в надежности успеха такого предпри-

---

[1] М. Н. Покровский. «Павел Петрович», в «Истории России в XIX в.», т. I, стр. 21.

[2] «Из записок гр. Ланжерона», в сб. «Цареубийство 11 марта 1801 г.». Спб., 1908 г., стр. 194.

[3] М. А. Фонвизин. «Обозрение проявлений политической жизни в России», в сб. «Общественное движение в России в первую половину XIX в.», т. I. Спб., 1905 г., стр. 136.

[4] Кн. П. Долгоруков. „La verité sur la Russie". Paris, 1860

ятия, хотели единственно, чтобы он восстановил разрушенную систему Екатерининского царствования, столь счастливую мудрую в сравнении с системою Павла»[1].

Обстановка дворцового переворота, требовавшая сосредоточения всех сил в одном направлении, привела к падению «безумного деспотизма» Павла, как выразился М. Фонвизин, но слабость конституционалистов не позволила ограничить самодержавие «прочными политическими инструкциями»[2]. Таким образом, Александр получил самодержавную власть, но ему на первых порах пришлось серьезно считаться если не с определенными требованиями, то во всяком случае с надеждами на установление «истинного управления», обеспечивающего «законность», которая, конечно, понималась в правящей среде в виде «неотъемлемости прав» для «первенствующего в империи сословия».

Один из фактических убийц Павла I, кн. В. М. Яшвиль, признававший себя «перед государем спасителем отечества, перед сыном — убийцей отца», открыто заявил об этом в письме, отправленном Александру I: исходя из того, что «отечество наше находится под властью самодержавною, самою опасною из всех властей, потому что участь миллионов людей зависит от великости ума и души одного человека», он обращался к новому царю с призывом: «Поймите ваше великое призвание; будьте на престоле, если возможно, честным человеком и русским гражданином»[3].

Таков был исходный момент того «общественного движения», которое в первые годы царствования Александра I проявилось пока преимущественно в верхнем слое дворянства. Этот слой дворянства, совершив переворот, снова стал у подножия трона. Новый император сейчас же по восшествии на престол устранил от власти жалкие креатуры Павла I, вроде шталмейстера Кутайсова или генерал-прокурора Обольянинова, заменив их большею частью Екатерининскими «служивцами». От своего имени он издал манифест, написанный в ночь цареубийства одним из таких служивцев, Д. Н. Трощинским, где торжественно возвещалось: «Мы, восприемля наследственно императорский всероссийский престол,

---

[1] М. Н. Карамзин. «Записки о древней и новой России». Спб., 1914.
[2] М. Л. Фонвизин. Назв. соч., в изд. «Общественное движение в первой половине XIX в.», т. I, стр. 145.
[3] Вел. кн. Николай Михайлович. «Имп. Александр I». Изд. 2-е. Птр., 1914 г., стр. 17, прим.

восприемлем купно и обязанность управлять богом нам врученный народ по законам и по сердцу в бозе почившей бабки нашей государыни императрицы Екатерины Великой, коей память нам и всему отечеству вечно пребудет любезна»[1]. Вслед за тем полился целый поток указов, которыми отменялись все обскурантские и запретительные мероприятия Павла и восстанавливалось действие жалованных грамот 1785 г. дворянству и городам. Этим Александр в значительной мере удовлетворил как широкие массы дворянства, так и тех из сановной знати, которые стояли за сохранение юридического status quo, т. е. за самодержавие. Но так как в среде знати было и течение, желавшее не только «временного прекращения тирании», как выразился гр. С. Р. Воронцов[2], но и гарантий на будущее, то, естественно, Александр должен был так или иначе взяться за перестройку самой организации управления. Из такого рода реформ, касавшихся аппарата власти, следует отметить учреждение 30 марта 1801 г. «непременного совета», который должен был сделаться совещательным органом при государе во всех важнейших делах и в состав которого, в числе 12 человек, были назначены наиболее видные из вельмож: фельдмаршал Салтыков, два Зубовых, гр. Пален, кн. Лопухин, кн. Гагарин, адмирал Кушелев, Д. Трощинский[3]. Кроме того, 5 июня того же 1801 г. сенату было повелено представить доклад о своих правах и обязанностях «для утверждения оных... на незыблемом основании, как государственный закон».

В ответ на этот указ было представлено несколько проектов, в которых и нашли себе конкретное выражение конституционные стремления части аристократии. Так, гр. А. Р. Воронцов в своем проекте исходил из критики Павловского абсолютизма, который он отказывался считать «властию самодержавной», так как последняя якобы действует «по закону». В этом абсолютизме он видел только личный произвол, напоминавший ему порядки в Турции, где «дела управляются визирями и им подвластными лицами». Чтобы ввести верховную власть в законные границы, он предлагал поручить управление не отдельным лицам, а «местам, известное сословие лиц составляющим». Этим, писал он, «не только отсекаются все... неудобства, в личном управлении встреча-

---

[1] «История Прав. Сената за 200 лет», т. III. Спб., 1911 г., стр. 7.

[2] Письмо С. Р. Воронцова к сыну от 3 мая 1801 г., в «Архиве кн. Воронцова», кн. 17. М., 1880 г., стр. 6.

[3] «Архив Гос. Совета», т. III, ч. 1. Спб., 1878 г., стр. II и III.

ющиеся, но и самой самодержавной власти приобретается новая, так сказать, подпора — невозможность действовать по произволу все обращает к закону». Такое значение, по мнению Воронцова, имел в России сенат вплоть до Павла I, и это значение должно быть восстановлено. Отныне повеления государя проходят через сенат, который, если найдет эти повеления «неудобными и для народа отяготительными», имеет право делать «самодержавной власти представления» [1]. Придавая таким образом сенату конституционный характер, Воронцов, однако, не останавливается на вопросе о том, как обеспечить за ним самостоятельность и независимость.

Зато другие прожектеры усматривали эту гарантию в выборности сенаторов. «Доколе сенат не будет избранный от народа, — писал Мордвинов [2], — то в настоящем положении он не имеет достаточной власти и силы». Чтобы он действительно стал «телом политическим», ему необходимо базироваться «на знатном сословии, весьма уважаемом». Для укрепления же имущественной обеспеченности этого сословия Мордвинов проектировал продажу или раздачу дворянству значительной части казенных земель. Об избрании сенаторов дворянством говорил и Державин, который, кроме того, предлагал, чтобы и все вообще должности в администрации замещались сенатом же из числа кандидатов, также выбиравшихся дворянскими обществами. Самый сенат, по мнению Державина, должен стать «верховным правительством», действующим «под высочайшим наблюдением». Для этого его следует наделить законодательной, судебной, исполнительной и оберегательной властью, поставив в подчинение от него все отрасли управления, возглавлявшиеся отдельными министрами. Таким образом Державин компетенцию сената значительно расширял сравнительно с тем скромным «правом представления», о каком говорил гр. Воронцов. Но еще далее шел в своем проекте Платон Зубов, желавший придать сенату значение высшего законодательного корпуса. «Самодержавная (на бумаге) власть под бдительным контролем дворянского собрания: вот каков был в начале XIX века политический идеал верхнего слоя дворянского общества», —

---

1 «Архив Гос. Совета», т. III, ч. 1. Спб., 1878 г., стр. 39—40 и 44. Записка Воронцова была представлена лично Александру I и прочитана последним в «Интимном комитете».

2 «Архив Мордвинова», т. III. Спб., 1902 г., стр. 224.

3 «Архив Мордвинова», т. IV. Спб., 1902 г., стр. VIII—IX.

4 «Сборник Археолог. Инст.», кн. 1. Спб., 1979 г. Отд. II, стр. 95 и сл. и 137 и сл.

говорит М. Н. Покровский[1]. Идеал этот, как известно, впервые сложился в крупношляхетских кругах еще в 1730 г., при избрании на престол Анны Иоанновны[2]. Затем его пробовал осуществить Никита Панин в первые годы Екатерининского царствования. В это же царствование детальным обоснованием такого идеала, с привлечением на подмогу Монтескье, занимался и талантливый защитник дворянских интересов, кн. Щербатов. Все эти сановные конституционалисты были недовольны тем, что, как это ярко высказано в «мнении» гр. Завадовского, при самодержавном строе, «от кончины Петра во все времена властолюбивые лица, пользуясь доверенностью государскою, стремились к тому, чтобы им, а не местам, властвовать в делах»[3].

«Места», конечно, никогда не могли бы сойти с классово-дворянской позиции, раз были в руках дворянства, а с «лицами» это не только могло быть, но и действительно случалось. Раньше, когда хозяйство в стране еще не было втянуто в товарный оборот в такой мере, как в рассматриваемую эпоху, личный фактор в правительстве не являлся опасным для господствующего класса. По мере же развития денежного хозяйства абсолютная монархия сама по себе приобретала все большее значение, концентрируя в своих руках громадные денежные средства и создавая с помощью их такие мощные орудия властвования, как бюрократия и регулярная армия. Кроме того, усиление, с ростом капиталистических отношений, буржуазных элементов в обществе давало возможность этому абсолютизму значительно расширить свою социальную базу, что, конечно, не могло не задевать интересов «привилегированного сословия».

Однако выступление в начале царствования Александра I конституционных верхов дворянства, желавших юридически санкционировать свое фактическое преобладание в государстве, не поддержанное, как это бывало и раньше, дворянской массой, кончилось неудачно. В самих дворянских верхах не существовало уже прежней экономической сплоченности. Из их среды выделялся слой, начинавший лендлордировать свое хозяйство и, благодаря этому, уже не дороживший от-

---

[1] М. Н. Покровский. «Александр I», в «Истории России в XIX в.», т. I, стр. 40.

[2] С. Вознесенский. «Дворянский конституционализм в 1730 г.», в «Зап. Научн. Общ. Марксистов», кн. 6, 1924 г.

[3] «Чтения в Общ. Ист. и Древн. Росс.», 1862 г., кн. 2. Смесь, стр. 96, и «Сборник Археолог. Инст.», кн. 1. Спб., 1878 г. Отд. II, стр. 73.

живавшими свой век сословными привилегиями и особенно основной из них — крепостным правом. Из этого-то слоя вокруг Александра, еще в дни его молодости, образовался своего рода триумвират, который составляли гр. Строганов, Новосильцев и кн. Адам Чарторыйский. Позже к ним присоединился еще кн. Кочубей. Все они вместе с императором образовали так называемый «Интимный комитет», где в сущности и сосредоточилась на первых порах главная реформаторская деятельность Александровского правительства [1].

«Молодые друзья» Александра в общем пришли постепенно к следующему плану реформ. В первую голову необходимы преобразования в области администрации и суда, а затем мероприятия, направленные к постепенной отмене крепостничества и развитию в народе просвещения. Не началом, а венцом всего этого должно быть введение «конституции, основанной на истинном духе русского народа» [2]. Мотивы такой постановки вопроса легко усматриваются из следующих слов Новосильцева, выступившего в «Интимном комитете» против проектов, имевших в виду усиление значения сената: «Дать сенату значительные права, — говорил он, — значит связать себе руки так, что нельзя будет выполнить всего задуманного на общую пользу, и встретить в невежестве (в классовых интересах. — С. В.) этих людей помеху, которая имела бы опасные последствия в случае борьбы между верховной властью и правительственными учреждениями» [3].

Чтобы исполнить «все задуманное на общую пользу», «Интимный комитет», таким образом, хотел воспользоваться всей мощью самодержавия и, прежде всего, освободить императора от тех коллективных органов власти, которые образовались еще в XVIII веке и в которых прочно обосновались «старые служивцы». С обширным докладом на эту тему выступил Ад. Чарторыжский. Исходя из необходимости точного разграничения компетенции высших правительственных учреждений, он полагал, что непременный совет необходимо превратить в чисто совещательный орган, где предварительно рассматривались бы вопросы законодательного порядка, а сенат должен ведать исключительно спорные дела, как административные, так и судебные; высшее же управление следует разделить между отдельными ведомствами, во

[1] Вел. кн. Николай Михайлович. «Граф П. А. Строганов», т. II. Спб., 1913 г. Протоколы заседаний Интимного комитета, стр. 12.
[2] Там же, стр. 13.
[3] Там же, стр. 13.

главе которых стояла бы не коллегия, а единоличная власть ответственного министра. При обсуждении этого проекта, между прочим, возник вопрос о взаимоотношениях сената и министерств. Предполагалось, что министры должны были ежегодно представлять в сенат свои отчеты, при чем сенат мог, если он усматривал какие-либо неправильности в деятельности того или иного министерства, входить к императору с предложением о привлечении соответственного министра к ответственности. Александр, однако, резко выступил против этого, доказывая, что при таких условиях сенат явится тормозом на пути преобразовательной деятельности государя. Он с трудом согласился лишь на предоставление сенату права требовать от министров годовых отчетов и высказывать свои возражения на такие высочайшие указы, в которых могут быть усмотрены неясности или несогласия с другими законами [1].

В сентябре 1802 г. реформа центрального управления была проведена в жизнь, и таким образом, вместо «свободной конституции», явились чисто бюрократические учреждения, значительно усилившие мощь самодержавной власти. В лице министров, ответственных перед царем, верховная власть получила вполне надежный правительственный аппарат, который в форме комитета министров вскоре значительно возвысился и над «непременным советом» и над сенатом. Так закончились пока конституционно-аристократические попытки, и гр. Воронцов был вполне прав, когда он еще в мае 1801 г. писал своему сыну: «Современное состояние страны — не более как отсрочка тирании, и наши соотечественники подобны римским рабам во время сатурналий, после которых они снова впадали в прежнее рабство» [2].

Значительно усилив мощь самодержавия, «Интимный комитет», однако, немногое сделал в области других реформ, и, прежде всего, в области крестьянского вопроса. Вопрос этот сам Александр поставил еще в указе 30 марта 1801 г., учреждавшем «непременный совет». «Отрадив два первые состояния подданных наших непоколебимыми правами и преимуществами (восстановлением жалованных грамот дворянству и городам. — С. В.), — говорилось в указе, — мы призываем совет к уважению последнего из них по существенным пользам своим, по многочисленности его, по первым

---

[1] Там же.
[2] «Архив кн. Воронцова», кн. 17. М., 1880 г., стр. 6.

источникам силы и богатства государственного, толико уважения достойного». Совет должен «вдохнуть дух жизни и бодрости» в это «нижнее состояние людей»[1]. Напоминание о существовании последнего из общественных классов тогдашней России, крепостного крестьянства, в котором, по свидетельству масона Поздеева[2], все еще царил «оставшийся от времени Пугачева дух — дабы не было дворян», заставило совет уже 6 мая заняться обсуждением вопроса... о непродаже крестьян без земли. Члены совета, из которых некоторые мечтали о конституции, этот вопрос решили отрицательно, опасаясь, что «простой народ», всегда жаждущий свободы и по неразумию часто самый малейший повод к ней принимавший за законы», может выйти из повиновения при издании указа о непродаже людей без земли[3]. Таким образом старые Екатерининские «служивцы» в большинстве оказались чистокровными крепостниками, а в этом отношении их всецело поддерживала и основная масса дворянства.

Это вполне было ясно членам «Интимного комитета» во главе с самим Александром и теми представителями знати, которые в принципе отрицательно относились к крепостному праву. Они не могли не сознавать слабости своей позиции и поэтому приступили к крестьянской реформе крайне нерешительно. Все они считали одновременное и повсеместное освобождение крестьян в России невозможным. «В стране малонаселенной, — писал позже Мордвинов, выражая в этом отношении довольно распространенное в дворянских аболиционистских кругах мнение, — и где денежные капиталы столь еще редки, что едва ли без затруднения могут быть оплачиваемы пахание и посевы прежде возвращения жатвою издержек, на оных употребленных, переход с места на место работников не может быть без вреда и расстройства сельского хозяйства». Лишь «когда Россия получит избыток в денежных капиталах и земля войдет в дорогую цену, тогда, естественно, никто из расчетливых владельцев не пожелает иметь на ней работников, коим половинную часть достояния своего уделять должно за их работу, и тогда, конечно, сословие нынешних крестьян (рабов) само по себе уничтожится». Пока же, для ускорения экономического развития страны, Мордвинов предлагал распространить право владения

---

1 «Учреждение Гос. Совета». Спб., 1901 г., стр. 68 и 69.

2 Письмо О. А. Поздеева к И. В. Лопухину, от 7 января 1797 г., в «Рус. Арх.», 1869 г., стр. 536.

3 «Архив Гос. Совета», т. III, ч. 1. Спб., 1878 г., стр. 762.

недвижимыми имуществами на купцов, мещан и казенных крестьян. Он полагал, что на землях, перешедших в руки разночинцев, образуются «фермы» с наемным трудом, которые создадут конкуренцию крепостному хозяйству и этим побудят самих помещиков к упразднению крепостного права[1].

На частных мерах в области крестьянского вопроса сосредоточил свое внимание и Пл. Зубов. Желая придать крепостному праву вид владения имениями, к которым прикреплены постоянные рабочие, обязанные определенными повинностями, он предлагал в специально поданной Александру I записке уничтожить продажу крестьян без земли и выкупить на волю дворовых, переписав их в цехи и гильдии.

Оба предложения рассматривались в «Интимном комитете», при чем Мордвиновское было принято:[2] лицам не дворянского происхождения предоставлялось право приобретать недвижимые имения, а Зубовское отвергнуто: с одной стороны, для выкупа дворовых в казне не имелось необходимых средств, с другой — эта мера и запрещение продажи крестьян без земли признавались опасными, так как они могли вызвать в дворянстве слишком большое раздражение[3]. В результате постановка крестьянского вопроса, радикальное разрешение которого принципиально признавалось и самим Александром и его «молодыми друзьями», вызывала в «Интимном комитете» горячие прения, но эти прения не приводили ни к каким реальным результатам. Александр I настаивал, «что следует удовлетворить массу народа, которая, волнуясь, может сделаться опасной», а некоторые из его либеральных коллег указывали, что «не следовало слишком обижать дворян, составлявших также значительную массу, легко могущую приобресть влияние»[4]. Еще свежая могила Павла наглядно разъясняла, каким могло быть это «влияние».

При таких обстоятельствах практическая деятельность Александровского правительства в области крестьянского

---

[1] «Одна из мер освобождения крестьян от зависимости и с оною возбуждение народной деятельности», в «Чтениях М. Общ. Ист. и Др. Рос.», 1859 г., кн. 3, смесь, стр. 51 и сл.

[2] Указ от 12 декабря 1801 г. в «Полн. Собр. Зак.», № 20075. На основании этого указа до 1858 г. 269 тыс. душ государственных крестьян, т. е. около 3% всего их числа, приобрели 1.113 тыс. десятин. Вешняков. «Крестьяне-собственники в России». Спб., 1858 г., стр. 1—13.

[3] Вел. кн. Николай Михайлович. «Гр. П. А. Строганов», т. II. Спб., 1903 г., стр. 103—104.

[4] Там же.

вопроса свелась к очень немногому. Считаясь с опасностью, грядущей со стороны крестьянской массы император издал 28 мая 1801 г. указ президенту Академии Наук, воспрещавший печатать в академических ведомостях объявления о продаже людей, прекратил широко практиковавшееся ранее пожалование государственных крестьян в награду частным лицам и иногда довольно строго относился к помещикам, славившимся своим жестоким обращением с крепостными, подвергая их лишению имущества, заключая в монастырь или отдавая под надзор полиции.

Из такого рода пассивности, объяснявшейся необходимостью лавировать между Сциллой и Харибдой, вывел Александра гр. С. П. Румянцев. Как и некоторые другие крупные землевладельцы этой эпохи, например, Петрово-Соловово или кн. А. Б. Куракин, Румянцев предложил царю утвердить заключенное им с некоторыми из его крестьян соглашение о выходе последних на волю целым селением и при этом просил придать этому соглашению форму общего узаконения. В такого рода мероприятии он усматривал способ постепенной ликвидации крепостного права, основанной, как ему казалось, «на добровольных соглашениях и взаимных, равно для дворянства, как и для крестьян, выгодах» [1].

Проект Румянцева на этот раз был передан для обсуждения в Государственный Совет, который, признав «самую мысль» Румянцева полезной как для помещиков, так и для крестьян, первоначально возражал против «образа, коим предполагается произвести мысль сию в действо». Исходя из того, что «мнение об освобождении крестьян разными обстоятельствами столь усилилось в умах, что малейший повод и прикосновение к сему предмету может произвести опасные заблуждения», Совет считал несвоевременным издание общего закона: «многие помещики, пораженные слухами, усмотрят в нем первое потрясение их собственности, а крестьяне возмечтают о неограниченной свободе»; поэтому он находил возможным ограничиться лишь дозволением каждому помещику в отдельности, в случае его ходатайства, «освобождать крепостных людей с отдачей им земли по условиям» [2]. Давление Александра I заставило, однако, Совет в конце концов остановиться на введении мероприятия более или менее общего характера, которое и было издано 20 февраля 1803 г.

---

[1] «Архив Гос. Совета», т. III ч. 1. Спб., 1878 г., стр. 783.
[2] Записка С. П. Румянцева в «Рус. Арх.», 1869 г., стр. 1954.

под названием «закона» о вольных хлебопашцах»[1]. Сущность этого закона заключалась в следующем: «если помещик пожелает», он может отпускать на волю своих крепостных целыми селениями или поодиночке, предоставляя им в собственность известный надел за определенное вознаграждение, установленное по взаимному договору; что же касается отпущенных на таких условиях крестьян, то они образуют особый класс свободных хлебопашцев, владеющих своей землей на праве частной собственности.

Издание закона 1803 г. вызвало сначала сильную тревогу в дворянских кругах. Заволновались одинаково как сторонники аристократической конституции, так и приверженцы самодержавия, так как и те и другие в области крестьянского вопроса являлись одинаково крепостниками. В проекте «этого сумасшедшего князя Сергея, поддержанном его глупым братом» и превращенном в указ, гр. С. Р. Воронцова, например, усматривал меру, которая «может иметь самые гибельные последствия для всей империи»[2]. В чем заключались эти «гибельные последствия», видно из тревожного вопроса, который откровенно высказывался владельцами крепостных душ: «Не первая ли это брешь в твердыне крепостного права?»[3]. Понятно, с какой ненавистью обрушились крепостники на инициаторов закона о вольных хлебопашцах. «В Москве только то и делают, что ругают Румянцева», — сообщал один москвич своему провинциальному другу[4]. «Румянцеву, верно, захотелось, — писал гр. Растопчин кн. Цицианову, — или в четвертый раз в службу или двух аршин голубой ленты»[5]. Вскоре, однако, дворянство поняло, что проведение в жизнь этого закона зависело от его доброй воли, и, конечно, успокоилось. Такому успокоению много способствовал и разосланный губернаторам министром внутренних дел Кочубеем циркуляр от 27 февраля 1803 г., где прямо говорилось: «Намерение сего устава состоит в том, чтобы доставить помещикам возможность отдавать свои земли в наем или обращать в продажу за выгоднейшие цены не в одни чужие руки, но и собственным их крестьянам, если господин

---

1 П. С. З., №№ 20620 и 20625.

2 «Архив кн. Воронцова», кн. 10. М., 1876 г., стр. 200.

3 А. А. Кизеветтер. «История России в XIX в.», ч. 1. М., 1916 г., стр. 35.

4 Там же, стр. 35—36.

5 «Девятнадцатый век», изд. П. Бартенева, кн. 2. М., 1872 г., стр. 6; см. еще стр. 9.

6 П. Варадинов. История министерства внутренних дел», ч. II, кн. 2. Спб., 1862 г., стр. 63.

найдет в этом свою выгоду и пожелает доставить им прочную пользу». При этом циркуляр подчеркивал, что «никак не предполагается при сем ослабить порядок, ныне существующий между помещиками и крестьянами». Последние «должны остаться в той же точно зависимости и безмолвном повиновении к господам своим, в каковом доселе были».

Практика показала, что кн. Кочубей был вполне прав. В царствование Александра I в сословие вольных хлебопашцев всего было уволено 47 тыс. душ в 161 имении[1]. Из помещиков, воспользовавшихся законом 1803 г., семнадцать человек отпустили своих крепостных без выкупа, а остальные брали от 139 р. за душу до 4.000 и даже 5.000 р. Интересно отметить, что свобода дороже всего обходилась крестьянам промысловых губерний. Так, в Петербургской губ. цена освобождения колебалась в пределах 1.045 — 1.396 р., в Псковской — 692 р., а в Костромской восемь душ откупились за 4.000 р., и две души — за 5.000 каждая[2]. Выкуп вносился или полностью, или же рассрочивался на известное время, даже до 20 — 30 лет, при чем плательщиками являлись или сами крестьяне, или казна, приходившая на помощь обычно тогда, когда дело касалось сановных владельцев латифундий; так, например, в 1807 г. получили казенную ссуду почти в 5½ млн. р. воронежские крестьяне камергера кн. А. Голицына, выкупавшиеся на волю в количестве 13.371 души[3]. По свидетельству Н. Тургенева, они впоследствии аккуратно выплатили весь этот долг[4]. Понятно вполне, что закон о вольных хлебопашцах, бывший принципиально первым шагом в деле ограничения крепостного права, практически превратился в одну из привилегий для тех дворян, которые хотели наиболее выгодным способом ликвидировать у себя «рабство».

На этом в сущности прекратились преобразовательные попытки в первые годы Александровского царствования, давшие некоторый исход буржуазным веяниям, появившимся сначала в верхних кругах русского общества, в массе своей еще сильно проникнутого феодально-крепостническим духом. Попытки эти не без остроумия М. Н. Покровский назвал «не борьбой партий в теперешнем грубом понимании этого слова,

---

1 В. И. Семевский. «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой четверти XIX в.», стр. 267 и 268.

2 Там же, стр. 267 и 268.

3 Там же, стр. 271.

4 N. Tourgeneff. „La Russie et tes Russes" Paris. 1847, t. 2, p. 50.

а изящной великосветской дуэлью, после которой противники, слегка поранив друг друга, расстаются с учтивыми поклонами»[1]. Правительство Александра I в исходе 1803 г. начинало с головой уходить во внешнюю политику, решив вступить в открытую борьбу с Наполеоном, которая в конце концов привела Россию к обязательству принять участие в «континентальной блокаде». Последняя, в период своего действия (1807—1811 гг.), вызвала в стране уже настоящую классовую борьбу — между землевладельческим дворянством и начинавшей расти промышленной буржуазией. Политическая дружба с Францией и экономический разрыв с Англией близко задевали материальные интересы названных классов: дворянство задыхалось от аграрного перепроизводства, лишившись такого мощного потребителя сельскохозяйственного сырья, как Англия, тогда как буржуазия, напротив, лихорадочно обогащалась на неожиданно открывшемся перед нею огромном рынке. Правительство, как единственный виновник создавшейся обстановки, естественно, должно было стать козлом отпущения в возгоревшейся борьбе. Александр I, ловко сумевший упрочить свой престол в первые годы царствования, не только сохранив, но и укрепив самодержавную власть, теперь должен был принять на себя все негодование «первенствующего» сословия. Уже в 1809 г. Сперанский указывал на «всеобщее» неудовольствие. «С горечью, но и достоверностью можно сказать, — писал он, — что в настоящем положении все меры правительства, требующие не физического, но морального повиновения, не могут иметь действия»[2]. То же самое в 1811 г. отмечал и Карамзин: «Россия наполнена недовольными; жалуются в палатах и хижинах; не имеют ни доверия, ни усердия к правительству; строго осуждают его цели и меры»[3]. Констатируя наличность разрыва между верховной властью и обществом, Сперанский и Карамзин, исходя из противоположных намерений, придавали, однако, слишком всеобщий характер обнаружившейся оппозиции. В действительности эта оппозиция не выходила за пределы дворянских кругов, как это верно было подмечено военным агентом Наполеона, генералом Савари. Но тот же Савари должен был признать, что русское дворянство обладало громадной социальной

[1] М. Н. Покровский. «Александр I», в «Истории России в XIX в.», изд. Гранат, т. I, стр. 41.

[2] «Введение в уложение государственных законов», М. М. Сперанского, в сб. «Ист. Обозр.», т. X. Спб., 1899 г., стр. 16.

[3] «Записка о древней и новой России» Спб., 1914 г.

мощью, так как в России, по его мнению, не было, «за исключением группы крупных купцов», да и то большею частью иностранцев, «среднего сословия», а «простой народ, представлявший в других государствах нечто, здесь являлся ничем»[1].

При самодержавном строе оппозиционные настроения русского дворянства проявлялись не в государственных учреждениях, а преимущественно в аристократических салонах Петербурга и Москвы, а также при дворе вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Сановная знать настолько осмелела, что посланец Наполеона, Савари, был подвергнут в Петербурге настоящему бойкоту: его нигде не принимали, не отдавали ему визитов, пока в это дело не вмешался сам царь, потребовавший корректного отношения к представителю «дружественной» державы.

Разлившееся в дворянских кругах недовольство, салонные сплетни, распространение доставленного из Англии памфлета, где делались выпады непосредственно против русского императора, — все это давало пищу предполагать о крупном заговоре и близком перевороте. Савари, пристально следивший за «общественным мнением» в России, не раз заговаривал об этом с самим Александром, советуя ему «быть настороже и мечом рассечь тучу». Александр, не забывавший никогда обстоятельств, сопровождавших вступление его на престол, конечно, не мог равнодушно относиться к развертывавшейся «интриге, даже крамоле». Но у него не было сил, в прямом смысле этого слова, воспользоваться полицейским советом Савари: при наличии Тильзитского договора, нарушить который пока было невозможно, вся аристократия, вместе с прежними друзьями императора, стояла на стороне английской ориентации, пользуясь сочувствием самых широких дворянских кругов. Такова была обстановка, в которой Александр счел необходимым вновь взяться за политическую реформу. В начале осени 1807 г. он, в ответ на делавшиеся все более настойчивыми указания Савари, заявил: «Генерал, мой выбор сделан, ничто не может его изменить». Из дальнейших слов агент Наполеона понял, что царь работает над тем, чтобы «все поставить на иную ногу», но думает сделать это не торопясь, так как ему необходимо победить массу предрассудков, перевоспитать народ[2].

---

[1] Депеша Савари к гр. Шампаньи от 21 октября 1807 г., в «Сб. Рус. Ист. Общ.», т. XI—XII. Спб., 1892 г., стр. 143.

[2] Депеша Савари Наполеону от 23 сентября 1807 г., там же, стр. 87.

Исполнителем воли Александра на этот раз явился талантливый parvenu М. М. Сперанский, превосходно умевший с необычайной ясностью угадывать и точно формулировать то, что в смутной форме бродило в голове его высокого патрона. «В настоящем положении, — писал он, — нельзя даже с успехом наложить какой-нибудь налог, к исправлению финансов необходимо нужный: ибо всякая тягость народная приписывается единственно самовластию. Одно лицо государя ответствует народу за все постановления, совет же и министры всегда, во всякой мере тягостной, могут отречься от участия там, где нет публичных установлений» [1]. Отсюда видно,—говорит М. Н. Покровский,—что «публичные установления, т. е. учреждения, которые бы в известной мере ограничивали верховную власть, казались теперь нужными самой этой власти, чтоб снять с нее часть той ответственности, которая была слишком тяжела для плеч одного человека [2].

Если в первые годы Александровского царствования некоторые представители аристократии добивались ограничения в свою пользу самодержавной власти, то теперь сам глава правительства задумал разделить с ними свои политические обязанности. Эту именно цель и должна была осуществить конституция, разработку которой Александр I сейчас же по возвращении из Эрфурта поручил Сперанскому. Последний быстро выполнил эту работу и уже осенью 1809 г. представил царю подробный «План государственного преобразования России» [3].

Это «преобразование» строилось Сперанским на двух основных принципах: 1) в основу государственного строя России должно лечь ограничение власти монарха в законодательной сфере народным представительством, но не очень сильное, и 2) система правительственных учреждений должна покоиться на точном разграничении исполнительных и судебных функций. Конкретно он выработал подробную схему центральных и местных государственных органов. Во главе государства остается монарх, при котором находится Государственный Совет, из назначенных самим монархом санов-

---

[1] «Введение к уложению государственных законов» М. М. Сперанского, в «Ист. Обозр.», т. X. Спб., 1899 г., стр. 17, прим.

[2] М. Н. Покровский. «Александр I», в «Истории России в XIX в.», изд. Гранат, т. I, стр. 48.

[3] Напечатан В. И. Семевским в «Ист. Обозр.», т. X. Спб., 1899 г., стр. 1—62.

ников; в этом Совете предварительно рассматриваются все законодательные предположения правительства. Далее, в области законодательства действует Государственная Дума, состоящая из представителей населения; ей, однако, не принадлежит право законодательной инициативы, каким обладал исключительно монарх; она рассматривает только дела, какие вносятся в нее от имени верховной власти одним из министров или членом Государственного Совета. Текущее управление, в пределах исполнения существующих законов, вверяется министрам, которые являются ответственными за свои распоряжения перед Государственной Думой. Наконец, высшую судебную инстанцию представляет собой Сенат, члены которого «по смерти или увольнении» замещаются монархом из лиц, внесенных в государственный избирательный список. Что касается местных учреждений, волостных, окружных и губеренских, то все они также разделялись на законодательные, исполнительные и судебные, при чем всюду состав их был выборным, за исключением волостной думы: последняя представляла собой собрание всех частных землевладельцев волости, каковы бы ни были размеры их землевладения, и представителей от государственных крестьян, если таковые имелись в данной местности, по одному от каждых 500 дворов. Волостная дума руководила делами волости, избирала из своей среды волостную управу (исполнительный орган) и волостной суд, выбирала депутатов в окружную думу. Таков же был характер и окружной думы и — составленной из депутатов этой последней — губернской думы. Последняя, помимо своих непосредственных обязанностей, посылала представителей в Думу Государственную [1].

Характеризуя этот проект конституции, историки-идеалисты называли его либеральным и даже находили в нем некоторую демократичность, а историки-марксисты, анализируя его с классовой точки зрения, в большинстве случаев видели в нем попытку Александра I, при наличии недовольства в дворянстве, сблизиться с тем классом общества, который выиграл от «континентальной блокады», а именно с буржуазией. Обстановка, среди которой создавалась конституция Сперанского, и самое содержание последней не позволяют, однако, признать этот последний взгляд вполне правильным. Буржуазия в России в то время была еще настолько социально слаба, что не могла, конечно, укрепить пошат-

---

1 «Историч. Обозрение», т. X, стр. 38—48.

нувшееся положение Александра I на троне, которым он был обязан дворянству. Мы уже видели, как сильно он с самого начала своего царствования считался с дворянскими настроениями. В эпоху Тильзита ему приходилось искать средства не для сближения с буржуазией, а, наоборот, для примирения с дворянством. Это, по крайней мере, вполне ясно было творцу конституции, Сперанскому. Вырабатывая свой проект, он сознательно исходил из современного ему соотношения классовых сил в русском обществе и это соотношение совершенно не думал сколько-нибудь изменить. «Народ российский, — говорит он в «Введении» к своему «Плану», — разделяется ныне на три класса. Первый класс, дворянство, представляет остаток тех древних феодальных установлений, в коих державная власть, т. е. соединение прав политических и гражданских, раздслялась между известными родами. Но в последствии времени политические права от них отторгнуты, но гражданские остались неприкосновенны, и роды сии наследственно делят их с державною властью. Второй класс, купечество, мещанство и прочие, основался переходом и постепенным освобождением из третьего. Третий класс, крепостные люди, вначале имели некоторую степень гражданских прав. Они могли иметь собственность и право перехода с одних земель на другие. Но впоследствии, по мере того как от удельных владельцев права политические переходили и присоединялись ко власти державной, права гражданские сего последнего класса, как бы в вознаграждение первых, переходили к их помещикам, и, наконец, разными обстоятельствами, особенно же системою составления военных наших сил, быв укреплены к земле, потеряли как личную, так и вещественную свободу» [1].

Этот сословно-классовый строй Сперанский всецело и признает, как исходную точку при распределении гражданских и политических прав. «Рабы... всегда и везде существовали», — замечает он и только предполагает, что «рабство» в России может быть уничтожено в более или менее отдаленном будущем путем «постепенных» мероприятий [2]. Для настоящего же времени, как подчеркивалось в проекте, дворяне сохранили за собой «право приобретать недвижимые имения населенные, управляя ими по закону» [3]. Поэтому-то «прав гражданских, т. е. безопасности лица и имущества»,

[1] Там же, стр. 28.
[2] Там же, стр. 29.
[3] Там же, стр. 34.

как «первого и неотъемлемого достояния всякого человека», Сперанский не предоставлял крепостным. Что же касается политических прав, «прав избирания» и «прав представления», то они были поставлены в зависимость от обладания «недвижимой собственностью или капиталами промышленности в известном количестве» [1] и, кроме того, подвергались еще одному ограничению: по мнению Сперанского, «есть в обществе положения, кои по образу жизни и воспитания не заставляют предполагать ни довольно разума, ни столько любочестия, чтобы допустить людей, их занимающих, к участию в составлении закона. Таковы суть состояния домашних слуг, ремесленных и рабочих людей и поденщиков, хотя бы они и имели собственность, в капиталах состоящую» [2]. Все это вместе взятое, казалось, должно было означать, что к избирательным урнам допускались, по проекту Сперанского, из существовавших в стране сословно-классовых группировок все дворяне-землевладельцы и крупная буржуазия.

Но такому пониманию противоречит то обстоятельство, что когда Сперанский от принципиальных положений, определявших основу избирательных прав, в виде обладания недвижимым или движимым имуществом, и притом в разных размерах для избирателей и депутатов, переходит к конкретному описанию избирательной системы, собственность движимая у него выпадает. Действительно, как уже выше указывалось, в состав основной избирательной ячейки и в то же время основного органа самоуправления — волостной думы — должны были входить «все владельцы недвижимой собственности» и «старшины» казенных селений, по одному «от каждого пятисотного участка» [3]. Таким образом, владельцев движимого капитала здесь нет. Это значило, что купцы и предприниматели получали право на представительство лишь постольку, поскольку у них имелась недвижимая собственность.

Правда, сам Сперанский об этом прямо не говорит, — так, определяя права дворянства, среднего состояния и рабочего народа, он в отношении политических прав среднего состояния ограничивается замечанием, что лица, к нему принадлежащие, обладают этими правами «по их собственности». Но зато у него есть указание, что переход из класса «народа рабочего» в следующий, т. е. класс буржуазии, «всем отверзт,

[1] Там же, стр. 32—33.
[2] Там же, стр. 33.
[3] Там же, стр. 38—39.

кто приобрел недвижимую собственность в известном количестве»[1].

Отсюда, думается, можно заключить, что в основу своей избирательной системы Сперанский положил, в сущности говоря, лишь несколько замаскированный сословно-имущественный принцип, обеспечивающий всецело политический перевес в стране за дворянством. Правда, Сперанский, распределяя права между дворянством, «средним состоянием» и «народом рабочим», из которого исключались крепостные, остававшиеся пока совершенно бесправными, полагал, что со временем станет возможен переход из одного разряда граждан в другой; так, рабочие, приобретя собственность, перейдут в среднее состояние, а лица, принадлежавшие к последнему, в свою очередь, смогут путем государственной службы войти в состав «личного» дворянства. Но это нисколько не меняло в настоящем положения дел, при котором первая роль в государстве предоставлялась поместному дворянству: ведь только у него и могли быть и «разум» и «любочестие», необходимые для участия в политической жизни. Интересы именно дворянско-помещичьей России и выражал, в конечном счете, «План» 1809 г., предоставлявший другим группам населения, не допускавшимся к кормилу правления, лишь скромно желать политических прав и пока что «надеяться от труда и промышленности»[2].

Тем не менее, если кто и был доволен проектировавшейся Александром I конституцией, то это как раз не дворянство в целом, а скорее буржуазные слои, поскольку они начинали понимать несовместимость самодержавия с экономическими интересами капиталистического общества. Эта несовместоимость была вполне ясна и самому автору конституции. «К чему законы, распределяющие собственность между частными людьми,— писал Сперанский в введении к своему «Плану», — когда собственность сия ни в каком предположении не имеет твердого основания? К чему гражданские законы, когда скрижали их каждый день могут быть разбиты о первый камень самовластия? — Жалуются на запутанность финансов. Но как устроить финансы там, где нет публичного установления, порядок их охраняющего?»[3].

Дворянскую конституцию, обоснованную в значительной мере буржуазными аргументами, Сперанский думал ввести

---

[1] Там же, стр. 35.
[2] Там же, стр. 36.
[3] Там же, стр. 16—17.

сразу. Но Александр I, рассчитывавший в 1807 г., когда он заказывал проект этой конституции своему статс-секретарю, с ее помощью привлечь к себе недовольное дворянство, теперь, в исходе 1809 г., когда она уже была выработана, решил, что столковаться с дворянством ему удастся и менее дорогой ценой. Поэтому он приступил к задуманной реформе исподволь, ограничившись на первых порах образованием, по проекту Сперанского, Государственного Совета. Собственно говоря, кадры этого учреждения уже имелись в виде «непременного совета», влачившего, правда, при всемогуществе комитета министров, жалкое прозябание. 1 января 1810 г. император явился на экстренное заседание будущих членов Совета и произнес речь, исполненную, по выражению Н. К. Шильдера, «таких идей, о которых никогда еще не говорили в России с высоты престола» [1]. Указав, что он «давно чувствовал недостаток твердого в делах порядка», Александр заявил, что так как «одноличное действие власти в великом разнообразии дел государственных не может сохранить единства», то учреждается Совет, как «одно средоточие для общего их соображения». Отныне ни один новый закон не будет издан, ни один старый не будет отменен без согласия этого Совета. В его компетенцию входило еще рассмотрение государственного бюджета и министерских отчетов, а также предварительное обсуждение важнейших вопросов внешней политики [2]. М. Н. Покровский остроумно назвал Государственный Совет 1810 г. «пробной конституцией» или своего рода «парламентом по назначению» [3]. Для чего именно понадобилось такое учреждение Александру I, ясно видно из первого всеподданнейшего отчета о деятельности Государственного Совета, представленного царю Сперанским. «Есть меры,— говорилось в нем,— кои одно лицо, даже всемогущее, не может или не должно принимать на свою ответственность: таковы подати и налоги. Несвойственно и неприлично верховной власти представляться в виде непрерывной нужды и умножать народные тягости. Пусть рассчитывают их министры, присуждает Совет, а государь должен только прилагать к ним печать. Бывают и могут быть положения критические, в коих тяжесть сия должна быть нарочито уве-

---

1 Н. К. Шильдер. «Имп. Александр I», т. I.

2 Речь Александра I в первом заседании Госуд. Совета, 1 января 1810 г., в «Рус. Стар.», т. V, 1870 г., стр. 472—474.

3 М. Н. Покровский. «Александр I», в «Истории России в XIX в.», изд. Гранат, т. I, стр. 54 и 55.

личена. Таков есть случай войны. Здесь государь должен защищать отечество, а дело его Совета есть измерять и налагать меру частных пожертвований. Совет должен в них ответствовать, сколько бы они ни казались чрезмерными. Таким образом власть верховная всегда будет сохранять свойственный ей характер; она будет иметь менее произвольности, но более истинной действующей силы»[1].

Учреждение Государственного Совета встретило большое сочувствие в среде сановной знати, и она, можно сказать, вполне успокоилось. Если б остальное дворянство расположено было итти дальше в деле преобразования государственного строя, проектированная Сперанским Государственная Дума легко могла бы появиться, и тогда бы конституция осуществилась полностью. Но широкие круги дворянского общества, все более оседавшие на землю, стремились в это время не к захвату в свои руки политической власти, а лишь к изменению внешней политики правительства. Туго затягивая петлю крепостной неволи на шее крестьянства, в виде увеличивавшихся оброков и особенно барщинной повинности, дворянство, естественно, в массе продолжало стоять за самодержавие. Конституция, даже дававшая ему на сегодня политические права, все же означала, что если не завтра, то послезавтра придется так или иначе поделиться этими правами с буржуазией, а затем и раскрепостить крестьянство.

Понятно, что не только в настоящем, но и в более или менее отдаленном будущем оно не хотело никаких перемен в социальных отношениях. Немудрено, что в 1810 г. на защиту существующего государственного и общественного строя России выступил идеолог этой консервативной широкой дворянской массы, Карамзин, представивший императору свою знаменитую «Записку о древней и новой России». В противоположность тем конституционалистам из дворянского верха, типа Воронцова или Мордвинова, которые все опасения видели в учреждениях, Карамзин никакого иного управления не желал, кроме личного: лицо для него все, учреждения — ничто. «Россия... — писал он, — существует уже около тысячи лет и не в образе дикой орды, но в виде государства великого, а нам все твердят о новых образованиях, о новых уставах, как будто мы недавно вышли из темных лесов американских». Что же касается наблюдавшегося тогда «горестного расположения умов» в России, то оно объяснялось Ка-

[1] «Сборн. Рус. Ист. Общ.», т. XXI. Спб., 1877 г., стр. 449.

рамзиным исключительно «несчастными обстоятельствами Европы и важными... ошибками правительства». От последнего Карамзин требовал «более мудрости хранительной, нежели творческой», и поэтому особенно резко обрушивался на преобразовательные начинания Сперанского, впрочем, не называя его по имени. «Излишнее уважение форм государственной деятельности», с точки зрения Карамзина, — заблуждение, так как «формы сами по себе ничего не значат: следует «искать людей». «Сие искусство избирать людей и обходиться с ним, — писал Карамзин, — есть первое для государя российского: без сего искусства тщетно будет искать народного блага в органических уставах». Поэтому вместо всех реформ он предлагал царю подыскать пятьдесят хороших губернаторов, и тогда министрам «можно будет отдыхать на лаврах». Эти губернаторы все в стране приведут в должный порядок: обуздают корыстолюбие чиновников, укротят жестоких господ, восстановят правосудие, успокоят землевладельцев, ободрят купечество и промышленность, сохранят пользу казны и народа. Карамзин не верил в силу «закона», об утверждении которого «пели сирены вокруг трона». При наличии конституции, «две власти государственные в одной державе суть два грозные льва в одной клетке, готовые терзать друг друга, а право без власти есть ничто». Поэтому он стоял на том, что «в России государь есть живой закон», что «в монархе российском соединяются все власти: наше правление есть отеческое, патриархальное», что главные средства управления у самодержавного царя — награды и в особенности наказания, ибо «страх, как думал еще Макиавели, гораздо действительнее, гораздо обыкновеннее всех иных побуждений для смертных». Самодержавную власть русского императора, по убеждению Карамзина, никто не может ограничивать, в том числе и сам император, так как «Россия вручила его предку самодержавие нераздельное». Но как быть,—спрашивал историк,—если на престоле окажется «злой самодержец»? «Кто верит провидению, — отвечал он, — да видит в злом самодержце бич гнева небесного. Снесем его как бурю, землетрясение, язву, феномены страшные, но редкие: ибо мы в течение девяти веков имели только двух тиранов... Заговоры да устрашают народ для спокойствия государей. Да устрашают и государей для спокойствия народа» [1].

---

[1] Н. М. Карамзин. «Записка о древней и новой России». Спб., 1914 г.

В «Записке» Карамзина содержалась целая политическая система, которая, в сущности вполне отвечала затаенным стремлениям самого Александра I и, кроме того, как нельзя более соответствовала моменту. В это время для всех становилось ясным, что Тильзитский договор в более или менее близком будущем должен быть разорван, так как непримиримые противоречия фатально толкали Россию на борьбу с Францией. Понятно, что вместо завершения предпринятой реформы Александр должен был заняться деятельной подготовкой к войне. На этом пути он встретил самое широкое сочувствие в дворянских кругах. Эти последние были успокоены не только тем, что царь в своей политике твердо последовал совету Карамзина «чтить незыблемость старых устоев», но и принес в жертву «общественному мнению» подневольного творца конституции: в начале 1812 г. Сперанский, обвиненный в сношениях с Наполеоном, внезапно был отправлен в ссылку. Что тут не было никакой «измены» со стороны Сперанского, ясно видно из следующего разговора, происшедшего между Александром и Новосильцевым в Свенцянах вскоре после падения его знаменитого статс-секретаря. «Я сказал на этой аудиенции Сперанскому,— говорил Александр про свое последнее свидание со Сперанским. — во всякое другое время я употребил бы по крайней мере два года для того, чтобы проверить все возводимые на вас обвинения, а сейчас я сделать этого не могу. Враг стоит у границ государства, вторжение Наполеона может последовать со дня на день. Предстоит громадная народная борьба. В этот момент я должен иметь около себя людей, пользующихся широким народным доверием и популярностью. Я не могу оставить вас при себе для того, чтобы не ослабить силу правительства»[1].

В годы разгоревшейся борьбы с Наполеоном в правительственных сферах совершенно выветрился тот душок либерализма, какой породила в них главным образом память о Павловском режиме. С этого времени Александр I определенно повел правительственный корабль по дворянскому руслу, и над Россией нависла на целое десятилетие свинцовая туча аракчеевщины.

---

[1] Вел. кн. Николай Михайлович. «Имп. Александр I», изд. 2-е. Птр., 1914 г., стр. 109.

ЛИТЕРАТУРА ПО ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМ РЕФОРМАМ В ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСАНДРА I

Источники. Протоколы «Интимного комитета», у вел. кн. Николая Михайловича: «Гр. П. А. Строганов», т. II. Спб., 1903 г. — Доклад гр. Завадовского и записки разных лиц о преобразовании сената, в «Сборн. Археол. Инст.», кн. 1. Спб., 1878 г. — «Архив Госуд. Совета», т. III. Спб., 1878 г. — Проекты М. М. Сперанского, в «Ист. Обозр.», т. X и XI. Спб., 1899—1901 гг., и отд.: «План государственного преобразования М. М. Сперанского». Изд. «Рус. Мысли». М., 1905 г. — «Записка о древней и новой России» Карамзина, у А. Н. Пыпина: «Общественное движение в России в царствование Александра I», (есть неск. изданий), и отд.: Спб., 1914 г. — Записка гр. С. П. Румянцева, в «Рус Арх.», 1869 г. — «Архив кн. Воронцова». — «Архив Мордвинова». — Записки Г. В. Державина, в его «Собр. соч.». — «Мемуары кн. Ад. Чарторыйского», 2 тт. М., 1912—1913 гг. — Н. Дубровин. «Письма главнейших деятелей в царствование Александра I». Спб., 1883 г.

Исследования. М. Н. Покровский. «Русская история», т. III, гл. «Александр I». — Его же. «Александр I», в изд. «Гранат»: «История России в XIX в.», т. I. 1908 г. — В. Н' Сторожев. «Имп. Александр I и русский правительственный либерализм начала XIX в.», в сб. «Три века», т. V. М., 1913 г. — Н. А. Рожков. «Имп. Александр I», в его сб.: «Из русской истории», вып. 2. Птр., 1923 г. — А. Н. Пыпин. «Общественное движение в России при Александре I», изд. 3-е. Спб., 1900 г. — В. И. Семевский. «Вопрос о преобразовании государственного строя в XVIII и первой четверти XIX в.», в ж. «Былое», 1906 г., №№ 1—3. — Его же. «Либеральные планы в правительственных сферах в первой половине царствования Александра I», в сб. «Отечественная война и русское общество», т. II. М., 1911 г. — Его же. «Падение Сперанского», там же. — А. Васильев. «Прогрессивный подоходный налог и падение Сперанского», в ж. «Голос Минувш.», 1916 г., № 7—8. — М. В. Довнар-Запольский. «Зарождение министерств в России и указ о правах Сената». М., 1905 г. — В. Г. Щеглов. «Государственный Совет в России», т. I. Ярославль, 1892 г. — К. М. Коркунов. «Проект устройства Сената Г. Р. Державина», в его «Сборнике статей». Спб., 1893 г. — Г. Г. Тельберг. «Сенат и право представления на высочайшие указы», в «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1910 г., № 1. — Его же. «Проекты реформ Сената в царствование Александра I и Николая I», в «Истории Правительствующ. Сената за 200 лет», т. III. Спб., 1911 г. — В. И. Семевский. «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в.», т. I. Спб., 1888 г. — В. В. Бирюкович. «Судьба указа о свободных хлебопашцах в царствование Александра I», в «Архиве Истории Труда в России». кн. 1. Птр., 1921 г. — А. Н. Шебунин. «К истории борьбы по вопросу о продаже крестьян без земли», там же, кн. 6—7 и 8. Птр., 1923 г.

Правительственная реакция второй половины Александровского царствования и первая вспышка в России буржуазной революции в декабре 1825 г. и начале январе 1826 г.

Грозные события борьбы с Наполеоном в 1812—1815 гг. оставили громадный след в жизни и настроениях различных классов русского общества. В это время резко изменился и характер самого Александра I, морально надломленного еще со времени участия его в заговоре против отца. Один из современников рассказывает, что «самые близкие из окружающих его (т. е. царя) уверяли, что по возвращении его из Парижа с трудом узнали его... Язвительная улыбка и равнодушие явились на устах его. Скрытность заступила место откровенности и любовь к уединению сделалась господствующей его чертой» [1]. Александр, охотно беседовавший и раньше с монахами и «святыми людьми», впал в суеверный мистицизм, одно время поддавшись влиянию баронессы Крюденер, которая, по выражению А. А. Кизеветтера, «после бурной жизни, в ту пору, когда жизнь становится «житием», гипнотизировала салонное общество новыми чарами» [2]. В 1815 г. русский император издал манифест об окончании войны, в котором определенно заявил: «Самая великость совершенных дел показывает, что не мы-то сделали, а бог для совершения своего употребил наши руки, дал свою силу нашей слабости, простоте нашей — свою мудрость, слепоте нашей — свое всевидящее око» [3]. Рассматривая себя как орудие божие, Александр стал инициатором Священного Союза, задачей которого являлось сохранение восстановленного на Венском конгрессе «порядка» в Европе и который в течение более четверти века энергично поддерживал реакционные правительства в их борьбе с революционными движениями.

Мистицизм, однако, не являлся только чисто личным делом Александра I. Им после борьбы с Наполеоном были охвачены довольно широкие круги феодально-дворянского общества как в Западной Европе, так и в России. Свержение Наполеона, этого «исчадия революции», еще далеко не означало полной реставрации дореволюционных порядков. Буржуазные отношения продолжали прокладывать себе дорогу, и господствующие классы смутно угадывали, что их дни сочтены, если к ним на помощь не придет «провидение». В

[1] А. А. Кизеветтер. «История России в XIX в.», ч. 1. М., 1916 г., стр. 72.
[2] Там же.
[3] Манифест этот, написанный Шишковым, приведен в его «Записках». Берлин, т. II.

частности, мистические настроения нашли большое распространение и в тех слоях русского дворянства, благополучию которых угрожали, с одной стороны, неуклонно, хотя и медленно растущая буржуазия, с другой — в особенности бурно волновавшееся крестьянство.

Мы знаем, что в годы, непосредственно предшествовавшие «Отечественной войне», между дворянством и буржуазией возгорелась борьба на почве таможенной политики, еще более обострившаяся после Венского конгресса. В конце концов, благодаря главным образом расшатанности государственного бюджета, в пользу буржуазии в этой области пришлось сделать существенные уступки. Более серьезные опасения возникали у дворян, однако, по отношению к народной массе. Вторжение в Россию наполеоновских солдат, несших на острие своих штыков свободу, вызвало среди крестьян целый ряд волнений. Наиболее значительное волнение, принявшее форму кровавого бунта, вспыхнуло одновременно в трех местах Пензенской губернии: в Инсаре, Саранске и Чембаре. План восстания был заранее разработан. Ратники пензенского ополчения хотели перебить офицеров и отправиться на театр военных действий, разбить неприятеля и затем принести повинную царю. В награду они думали получить прощение и освобождение от крепостничества. При подавлении этого бунта было подвергнуто «экзекуции» более трехсот человек [1]. Немудрено, что, несмотря на крайнее напряжение всех сил государства в грозные военные дни, новгородский, тверской и ярославский генерал-губернатор Георгий Голштинский писал от 11 сентября 1812 г., угличскому предводителю дворянства, кн. Голицыну: «следует внутренних вооружений поселян совершенно избегать, ибо оные могут иметь последствия самые пагубные» [2]. Настроение народной массы еще более поднялось после войны 1812 г.: так, в некоторых местах крестьяне переставали признавать помещичью власть. Канкрин в своей записке 1818 г. прямо указывал, что революционизированию крестьянства много способствовали «идеи, распространяемые через военных, возвратившихся из чужих краев» [3]. Об этом же говорят и много

---

[1] Н. Дубровин. «После Отечественной войны», в «Рус. Стар.», 1914 г., № 1, стр. 25.

[2] «Сборник история материалов, извлеч. из Архива Собств. е. и. в. канцелярии», т. 14. Спб., 1913 г.

[3] Канкрин. «Записка об освобождении крестьян в России, 1818 г.», в «Рус. Арх.», 1865 г., стр. 546—547.

других современников. Так, Н. Греч сообщает, что во время заграничных походов «не только офицеры, но и нижние чины гвардии набрались заморского духа»[1]. Вернувшиеся из европейского похода солдаты, по словам А. Кржижановского, рассказывая поселянам о состоянии и свободе земледельцев в чужих краях, «сильно воспламеняли ненависть к угнетающим их помещикам и управителям»[2].

Понятно, что в эпоху, когда почва под ногами начинала колебаться, мистицизм в феодально-дворянских кругах был таким же боевым орудием самообороны, как и политическая реакция. В петербургском свете приобрел большую популярность кружок Татариновой, светские люди посещали собрания квакеров, иезуиты находили широкое поприще для своей пропаганды, по всей России восстанавливались масонские ложи. В последних, на ряду с «предметами неудободостижимыми, обрядами странными, действиями почти безрассудными»[3], начинает энергично вестись проповедь личного самоусовершенствования, выдвигается постулат всякого духовного развития — возрождение «внутреннего человека». Провозглашая принцип, что «добродетельный благочестивый муж и в цепях свободен, а злой и в чертогах и во славе раб»[4], масонство обеими ногами стояло на почве существующего социального уклада. Так, известный масон Лопухин, «насквозь проникнутый гуманными идеями», как выразилась про него Т. Соколовская, писал в 1807 г. Александр I: «В России ослабление связей подчиненности крестьян помещикам опаснее нашествия неприятельского и не в настоящем положении вещей»[5]. Только масоны хотели, чтобы все более обострявшиеся классовые противоречия были несколько смягчены. Отсюда другой известный масон, Невзоров, еще в 1809 г. писал, обращаясь к «господину, обладающему великими поместьями»: «Оставь хотя на малое время роскошное местопребывание твое в городе, к которому привязали тебя страсти и, ежели с совестью справишься, может быть одно

---

1 «Записки Н. И. Греча».

2 Елагин. «Записка о масонстве», в «Рус. Арх.», 1866 г., изд. 2-е, стр. 593.

3 Н. Дубровин. «После Отечественной войны», в «Рус. Стар.», 1904 г., № 1, стр. 25.

4 В статье Лабзина, в «Сионском Вестн.», 1806 г., кн. 1.

5 Т. Соколовская. «Русское масонство и его значение в истории общественного движения». Спб. (б. г.), стр. 36.

распутство; поезжай в деревни, от которых зависит твоя жизнь и все временное существование, которые, однако, тебе даны провидением не для одного только твоего брюха, но особенно для того, чтобы ты получал от них для себя нужное и сам имел попечение о их благосостоянии»[1]. Предлагая владельцам крепостных душ из «алчных сатрапов» превратиться в «полезных помещиков», отечески относящихся к своим «подданным», масоны в области политической стояли также на консервативной точке зрения. В 1812 г. директориальная ложа препроводила другим ложам для руководства старый масонский закон, гласивший: «Высочайшее существо вверило положительнейшим образом власть свою на земле государю; чти и лобызай законную власть над уделом земли, где ты обретаешь»[2]. Патриархальность в отношениях между общественными классами, таким образом, соединялась в представлении масонов с патриархальностью самодержавного государя. «Неизменное управляющего властью наблюдение законов и прилежное, точное их исполнение подчиненными суть душа государственного благоустройства», — говорили масоны[3].

Усилившиеся после войны 1812 г. в части дворянства, именно в его феодальных слоях, консервативные стремления захватили и некоторых из прежних сановных либералов. Так, в записке, составленной в конце 1814 г. и поданной Александру I, кн. Кочубей, бывший членом в «Интимном комитете», говорил: «Империя российская составляет самодержавное государство, и если взглянуть на пространство земли, если обратить внимание на географическое оного положение, на степень его просвещения и на многие другие обстоятельства, то должно сознаться что форма сия правления есть единая, которая на долгое время свойственна Росси быть может»[4]. Понятно, что при таком умоначертании феодальных групп дворянства и особенно крупноземлевладельческого слоя, правительство все более и более брало реакционный, феодально-дворянско-классовый курс в своей политике. Правда, сам Александр I, как это справедливо отметил В. Сторожев, будучи убежденным самодержцем и

---

1 Там же, стр. 148.
2 Там же, стр. 46.
3 Там же, стр. 46.
4 «О положении империи и о мерах к прекращению беспорядков и введению лучшего устройства в разные отрасли, правительство составляющие», в «Сборн. Рус. Ист. Общ.», т. XC. Спб., 1894 г., стр. 7.

совершенно не понимая и принципиально отрицая роль конституционного монарха, несколько тяготился навязанной ему обстоятельствами ролью дворянского царя [1]. Быть может, этим объясняется, что после Венского конгресса он, по выражению одного современника, «перестал быть русским царем», отдав Россию под начало Аракчеева, а сам предпочтя «первенствовать в Европе». По выражению М. Н. Покровского, «Россия была для него отныне источником денег и солдат, провиантским магазином и рекрутским депо, словом, объектом эксплоатации, а не управления» [2].

Переход в открытое наступление феодальной части русского дворянства, захватившей во вторую половину Александровского царствования всецело в свои руки правительственный аппарат, однако встретил отпор со стороны нараставших в русском обществе буржуазных элементов. Таким элементом в своем наиболее чистом виде была прежде всего торгово-промышленная буржуазия, начинавшая, хотя и очень медленно, пробуждаться политически. Ее пробуждению много способствовала внешняя политика правительства после 1815 г.: балканские дела в значительной мере подрывали черноморскую торговлю, а отношение к Польше вызывало «шаткость тарифа». Особенно губительным, как это было отмечено Штейнгелем, оказалось резкое понижение таможенных ставок в 1819 г., когда иностранные товары буквально наводнили Россию, вследствие чего «многие купцы обанкрутились, фабриканты вконец разорились» [3]. Недовольство буржуазии, по свидетельству декабриста А. Бестужева, находило пищу также в чрезмерной регламентации народнохозяйственной жизни и тяжести обложения, не говоря уже о чиновничьем лихоимстве [4]. Разорение торгово-промышленного класса наглядно сказывалось в массовом переходе купцов из высших гильдий в низшие и в разряд мещан. Недаром в это время «чужеземные негоцианты», как это отмечает тот же Бестужев, особенно англичане, создали широкую торговую агентуру, через которую они скупали по се-

[1] В. И. Сторожев. «Имп. Александр I и русский правительственный либерализм начала XIX в.», в сб. «Три века». М., 1913 г., т. V, стр. 170.

[2] М. Н. Покровский. «Александр I» в «Истории России XIX в.» изд. Гранат, т. I, стр. 65.

[3] Письмо бар. В. И. Штейгеля к Николаю I, от 11 января 1826 г., в сб. «Общественные движения в перв. полов. XIX в.», т. I. Спб., 1905 г., стр. 478.

[4] Письмо А. А. Бестужева к Николаю I из крепости, в сб. А. К. Бороздина: «Из писем и показаний декабристов». Спб., 1906 г., стр. 28.

лам сырье и таким образом вытесняли и на внутреннем рынке туземное купечество, лишая его «промысла», а государство «обращения капиталов»[1]. Понятно, что при столь критических обстоятельствах буржуазия начинала выходить из пассивного состояния. В 1823 г. Московское купеческое общество, охватывавшее крупнейших представителей торгового и промышленного капитала, представило министерству финансов сводный отзыв на запрос последнего о причинах упадка торгово-промышленной деятельности и разорения купеческого сословия. В этом отзыве была дана очень суровая критика экономической и финансовой политики правительства[2]. Что же касается критики по адресу самой организации власти, критики политического строя, то начатки ее можно усмотреть в тех разговорах по душам, которые были подслушаны в 1821 г. агентами тайной полиции у гостинодворских купцов в Петербурге. Последние по закрытии своих лавок собирались группами и вели беседы на политические темы, восхваляя преимущества европейских конституционных государств, где «государь не может постоянно покидать страны без согласия народа», и резко осуждая Александра I, который «только путешествует и на это тратит огромные суммы». Когда же он приезжает домой, то лишь «тешит себя парадами», не обращая внимания на вопиющие несправедливости, совершаемые в судах[3].

Более сознательной, однако, была оппозиционность не торгово-промышленной буржуазии, а складывавшегося в первые два десятилетия XIX века в аграрную буржуазию слоя среднепоместного дворянства коренной России, желавшего, при наличии чрезвычайно благоприятной конъюнктуры на хлебном рынке, основать свои хозяйства на капиталистическом способе производства. Мы уже знаем, что как раз в 1816—1818 гг. освободило своих крестьян остзейское дворянство. О такого рода реформе начинали думать отдельные помещики и в других губерниях, считая, что изменение социального строя должно итти рука об руку и с преобразованием верховной власти.

---

1 Там же.

2 «Предположения Московского купеческого общества о причинах упадка торговли и купеческих капиталов в России и о средствах к поправлению оных для умножения казенных сборов». М., 1823 г.

3 «Общественные движения в России в первой половине XIX в.», т. I. Спб., 1905 г., стр. 301, прим.

Выразительницей интересов промышленно- и аграрно-капиталистических кругов, естественно, являлась интеллигенция, кадры которой значительно увеличились в первые годы Александровского царствования, когда, кроме Московского университета, возникло еще пять новых. Если в исходе XVIII века образованные люди в России являлись «культурными одиночками», то теперь они составляли уже целые профессии профессоров, литераторов, журналистов, которые, по выражению декабриста Штейнгеля, «должны душевно принадлежать к желателям конституционного правления: ибо свобода тиснения сопряжена с личной их выгодой»[1]. В этой интеллигентской среде и начала вырабатываться буржуазная идеология, просачивавшаяся затем посредством выросшей периодической печати в довольно широкие круги общества. Теперь Россия, как свидетельствовал тот же Штейнгель, была «так просвещена, что лавочные сидельцы читают уже газеты, а в газетах пишут, что говорят в Палате депутатов в Париже»[2].

Каков был общий тон либеральной прессы, показывает следующий отрывок из статьи «Духа Журналов» за 1819 г.: «Чего же требует дух времени? Чего желают народы? Пускай мечтатели выражают несбыточные проекты обновления государства и возрождения народов. Народы не льстятся химерами, они желают существенного. — Утомленные опустошительными войнами, они вздыхают о мире и спокойствии, на прочном основании утвержденном; — гонимые за разноверие, испрашивают свободы совести, терпимости вер; — обремененные налогами, желают облегчения, которое само собою последует от сокращения различных расходов, от простейшего распорядка дел государственных, всего же более от уравнительной раскладки налогов; — стесненные в правах личности и собственности, ищут неприкосновенности прав сих; — не находя в судах защиты от притеснения сильного и богатого, но встречая везде лицеприятие, мздоимство, подлоги и коварство, они просят о правосудии строгом, нелицеприятном, строгом и гласном. И все сии желания можно совокупить в одном всеобъемлющем владычестве законов». Эти законы составят «государственное уложение», но так как «уложение на бумаге есть только мертвая буква», то «необ-

---

[1] Письмо В. И. Штейнгеля к Николаю I. Там же, стр. 190.
[2] Там же.

ходимо нужно дать ему самостоятельное бытие» в виде особых «блюстителей», каковыми должны быть «народные представители»[1]. Как видите, «Дух Журналов» в 1819 г. сформулировал основные требования буржуазии, которые явились и для эпохи реформ 60-х годов далеко не осуществившейся программой-максимумом.

При слабости буржуазных элементов в русском обществе либеральные круги ожидали, что воплощение в жизнь конституции, этой «цели всеобщих желаний», должно последовать, как выражался тот же «Дух Журналов», «не от своевольства и необузданности черни», а «ни от кого более, как от трона». В Александре I, в 1818 г. открывшем своей речью польский сейм и обещавшем распространить «свободно-законные учреждения и на все страны, провидением попечению его вверенные»[2], многие все еще продолжали видеть носителя либеральных идей. Однако в среде интеллигенции имелась группа, которая решила от слов перейти к делу. Это были сравнительно образованные офицеры гвардейских полков, вошедшие в историю под именем декабристов. Военная служба сплачивала их в более или менее компактную массу и, естественно, повышала их активность. Такого преимущества прочие группы интеллигенции не имели, так как при самодержавии, само собой разумеется, не могло существовать никаких центров общественной самодеятельности. Теоретическое усвоение идей «века просвещения», находивших распространение в русском дворянстве еще в Екатерининские времена, многие офицеры пополнили практическим знакомством с политическими и социальными порядками в Европе, во время своего участия в заграничных походах. «Молодые люди, — говорил один из декабристов, Розен, — проведшие большую часть своей жизни в единообразии отдаленных русских уездных городов или среди шумных вакханалий и пиршеств столичных, увидели вдруг на цветущих берегах Луары и Гаронны новый и лучший мир, прелестям коего они предались с восторженностью»[3]. «Европейская цивилизация, — указывает другой видный декабрист, М. А. Фон-Визин, — произвела на них тем сильнейшее впечатление, что они могли сравнивать все виденное ими за границею с тем, что им на каждом шагу представлялось на родине, — рабство огромного большинства русских,

[1] «Дух Журналов», 1819 г., № 17.
[2] «Остафьевский архив кн. Вяземских», т. I. Спб., 1899 г., стр. 473.
[3] Бар. А. Е. Розен. «Записки декабриста». Спб., 1907 г., стр. 57.

жестокое обращение начальников с подчиненными, всякого рода злоупотребления власти, повсюду царствующий произвол»[1].

Исходным моментом поднятого группой военной интеллигенции движения явились тяжелые впечатления, полученные ею по возвращении в Россию после двухгодичного пребывания в Западной Европе. Особенно раздражала образованных офицеров казарменная обстановка, проникнутая палочной дисциплиной и господством «фронтомании», ставившей целью не интересы военного дела, а интересы вахтпарадов, которыми, по примеру Павла, стал увлекаться теперь и Александр I. Они, однако, понимали, что «эти черты военного быта, — по замечанию А. Е. Преснякова, — были только отражением в данном углу русской жизни общих характерных свойств русского политического строя и всей построенной на крепостническом строе русской общественности»[2]. «Было невыносимо смотреть, — пишет декабрист И. Якушкин, — на пустую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариков, выхваляющих все старое»[3].

Офицерская молодежь начинала организовывать кружки хотя бы из чувства самосохранения, чтобы не опуститься окончательно в пошлости окружающей среды, где господствовали «вино, карты и женщины». И вот, по словам Каховского, «пора танцев, балов, острых слов прошла; в беседах болтанье заменилось рассуждением»[4]. Пример был подан офицерами Семеновского полка, где возникла артель из 15—20 человек. Они вместе обедали, а после обеда одни играли в шахматы, другие громко читали иностранные газеты, «в которых, по выражению Фон-Визина, так драматически представляется борьба оппозиции с правительством в конституционных государствах»[5]. Не довольствуясь самостоятельным чтением, некоторые из офицеров устраивали в складчину лекции по политической экономии на квартире

---

[1] М. А. Фон-Визин. «Обозрение проявлений политической жизни в России», в сб. «Общественное движение в России в первую половину XIX в.», т. I. Спб., 1905 г., стр. 182—183.

[2] А. Е. Пресняков. «Тайные общества и общественно-политические воззрения декабристов», в ж. «Каторга и Ссылка», 1925 г., № 8, стр. 38.

[3] «Записки И. Д. Якушкина», изд. 7-е М., 1926 г., стр. 13.

[4] А. К. Бороздин. «Из писем и показаний декабристов». М., 1906 г., стр. 16.

[5] М. И. Фон-Визин. «Обозрение проявлений политической жизни в России», в сб. «Общественные движения в России в начале XIX в.», т. I, Спб., 1905 г., стр. 185.

проф. Герман или слушали других профессоров[1]. «Отчего они вздумали учиться?» — с тревогой спрашивал Александр I, узнав об этой затее[2]. В результате не только среди офицеров, но и в более широких кругах столичного общества произошли большие перемены, сразу бросившиеся в глаза приехавшему в Петербург в 1821 г., после долгого пребывания в Сибири, полк. Батенкову. «В сие время Петербург был уже не тот, — писал он, — каким оставил я его прежде за пять лет. Разговоры про правительство, негодование на него, остроты, сарказмы встречались беспрестанно, коль скоро несколько молодых людей были вместе»[3].

Гвардейское офицерство, представлявшее собой большею частью выходцев из среднепоместного слоя дворянства, выступило на поприще политической борьбы как раз в тот момент, когда этот слой, как мы знаем, начинал подумывать о переустройстве своего хозяйства на капиталистический лад. Многие из будущих декабристов и лиц, более или менее близко примыкавших к ним, сами практически интересовались этим вопросом. В этом отношении нам уже хорошо известен Якушкин, частично перешедший в своем имении к работе по найму. «Жестоко порицал все мерзости, встречавшиеся на каждом шагу в России, в том числе и крепостное состояние», по свидетельству Якушкина, также генерал Пассек: «имение его было прекрасно устроено, и со своими крепостными он обходился человеколюбиво»[4]. Возражая на утверждение, что на выкуп крепостных в России в казне не хватит денег, кн. Трубецкой, — говорит Батенков, — «при сем случае рассказал мне какой-то распорядок, в собственных его деревнях сделанный, но я не могу теперь его вспомнить»[5]. Идею безземельного освобождения крестьян хотел осуществить и Лунин, составивший в этом духе свое первоначальное завещание[6]. По свидетельству Кахов-

---

1 «Записки кн. С. П. Трубецкого». Спб., 1907 г., стр. 22.

2 В. И. Семевский. «Политические и общественные идеи декабристов». Спб., 1909 г., стр. 204.

3 Из признаний Г. Батенкова на следствии, в сб. у М. В. Довнар-Запольского: «Мемуары декабристов». Киев, 1906 г., стр. 161.

4 «Записки И. Д. Якушкина», изд. 7-е. М., 1906 г., стр. 40.

5 Из показаний Батенкова, в указ. сборн. М. В. Довнар-Запольского, стр. 172—173.

6 М. С. Лунин. «Сочинения и письма». Под ред. С. Я. Штрайха. Спб., 1923 г., стр. 85. Лунин завещал своему наследнику «непременно уничтожить... право крепостное над крестьянами и дворовыми людьми, не касаясь земель, лесов, строений, имущества вообще, и прочих угодий».

ского, многие офицеры вышли в отставку «и в укромных своих сельских домиках учатся и устраивают благоденствие и просвещение земледельцев, судьбой их попечению вверенных»[1].

Само собою разумеется, что от самообразования, частных попыток практически осуществить кое-что из своих взглядов и особенно от дружеских бесед, во время которых, по словам Якушкина, «разбирались главные язвы нашего отечества: закоснелость народа, крепостное состояние, жестокое обращение с солдатами... повсеместное лихоимство»[2], наиболее энергичные из гвардейской молодежи вскоре решили перейти к организации тайных обществ, как опорного пункта для предстоящей политической борьбы.

Первая попытка такой организации была предпринята генералом М. Ф. Орловым и гр. Дмитриевым-Мамоновым, задумавшими образовать «Орден русских рыцарей». Ими была выработана конституция, упразднявшая «рабство» в России, передававшая власть сенату из двухсот наследственных пэров, которым предоставлялись «уделы городами и поместьями», и двум палатам из четырехсот представителей дворянства и четырехсот представителей народа[3]. Эта конституция, благодаря своему аристократическому характеру, в начале Александровского царствования могла бы, быть может, привлечь к себе внимание захваченных англоманией элементов сановной знати; но после войны 1812 года эта знать, как мы видели, почти целиком заняла консервативную позицию. Даже такой видный «либерал» в ее рядах, как Мордвинов, и тот стал теперь, по замечанию Н. И. Тургенева, «только помещиком», защищавшим «помещичьи права»[4]. Понятно, что «Орден русских рыцарей», не найдя для себя никакой почвы в той социальной среде, где он собирался действовать, явился мертворожденным и быстро исчез со сцены.

Действительное начало революционному движению с ярко выраженной буржуазной окраской, приведшему затем к открытому выступлению, было положено возникшим в 1816 г. «Союзом Спасения» или «Обществом истинных и верных сы-

---

[1] А. К. Бороздин. «Из писем и показаний декабристов». Спб., 1906 г., стр. 16.

[2] «Записки И. Д. Якушкина», изд. 7-е. М., 1926 г., стр. 15.

[3] Из бумаг гр. Мамонова, в сб. А. К. Бороздина: «Из писем и показаний декабристов».

[4] «Архив братьев Тургеневых», вып. 5. Птр., 1921 г., стр. 254.

нов отечества». Инициатива этой организации принадлежала группе молодых гвардейских офицеров, ядро которой составляли семеновцы. Здесь были Александр и Никита Муравьевы, князь Сергей Трубецкой, Матвей и Сергей Муравьевы-Апостолы, И. Якушкин и, наконец, Павел Иванович Пестель. Организация эта была построена на началах строгой конспиративности, разделения членов на степени в зависимости от доверия к ним и угрозы смерти за измену. Целью ее был политический переворот, направленный на свержение самодержавия и введение конституционного правления. Таким образом, по своим внешним формам она примыкала к масонским ложам с их таинственным и сложным ритуалом при приеме новых членов, а по внутреннему содержанию имела много общего с революционными обществами карбонариев в Италии. Устав «Союз Спасения», выработанный офицером Кавалергардского полка Пестелем, наиболее решительным и наиболее образованным человеком, был принят 9 февраля 1817 г. Среди членов «Союза» вражда к Александру I была уже настолько сильна, что некоторые из них для свержения самодержавия предлагали цареубийство. Особенно настаивал на этом, по словам Пестеля, Лунин. «Когда время придет к действию приступить,— говорил последний,— нужно убить государя на царскосельской дороге при помощи особого отряда с масками на лице»[1].

Однако заговорщицкий характер организации и насильственный способ действий далеко не отвечали настроениям большинства если не ее участников, то во всяком случае тех, на кого они хотели действовать. В широких прогрессивно-настроенных кругах еще не совсем умерла вера в Александра, относительно которого надеялись, что он вновь займется внутренними преобразованиями. По крайней мере, такого рода ожидание высказывал в одном из своих писем к гр. Ростопчину кн. С. Р. Воронцов. «Не следует ли предполагать, — писал он 8 октября 1817 г., — что, поддержав французскую конституцию и водворив таковую же в Польше, нам будет даровано нечто несравненно лучшее, потому что имелось много времени, чтобы взвесить и испытать на практике все то, что было применено к Франции и Польше»[2]. Поэтому после того как Пестель, подавлявший своей непреклонной волей своих друзей, должен был из Кавалергардского полка отправиться к месту своей новой службы —

[1] «Восстание декабристов». Материалы», т. IV. Гиз., 1927 г., стр. 179.
[2] «Рус. Арх.», 1872 г., кн. 11, стр. 2206.

в Митаву, оставшиеся члены «Союза» решили перестроить организацию на новых основаниях. Летом 1817 г., когда гвардия была переведена в Москву, для участия в торжествах по случаю закладки храма спасителя в память 1812 года, на расширенном собрании членов общества решено было переименовать «Союз Спасения» в «Союз Благоденствия» и принять новый устав, известный под именем «Зеленой Книги»[1]. Инициаторы и руководители «Союза Благоденствия» конечные цели общества — введение конституции и уничтожение крепостного права, если понадобится, насильственным путем,— отодвинули на второй план, решив вновь принятых членов пока еще не посвящать в эту программу-максимум. В первую голову было признано необходимым придать новому обществу самый широкий характер, а для этого очередными задачами поставить организацию общественного мнения в целях давления на правительство. Общее руководство в «Союзе Благоденствия» принадлежало «Коренному совету», по директивам которого действовали «управы» в Москве и в ряде других городов. Учредители Союза мечтали, что Союз со временем станет влиятельной силой, что ему удастся провести своих членов на ответственные посты как в армии, так и в гражданском управлении, а все это завершится введением конституционного образа правления и «принятием мер к прекращению рабства крестьян в России, произведенном, — как сообщал кн. С. Волконский, — без всякого потрясения и с соблюдением обоюдных выгод помещиков и крестьян»[2].

«Союз Благоденствия» именно благодаря своему реформистскому характеру имел довольно значительный и шумный успех. «Трудно было устоять, — признавался декабрист кн. Е. Оболенский, — против обаяния Союза, которого цель была нравственное усовершенствование каждого из членов, обоюдная помощь для достижения цели, умственное образование, как орудие для разумного понимания всего, что являет общество в гражданском направлении; наконец, направление современного общества, посредством личного действия каждого члена в своем особенном кругу, к разрешению важнейших вопросов... В дали туманной, недосягаемой, виднелась окончательная цель — политическое преобразование

---

[1] Так названа была по цвету переплета.

[2] В. И. Семевский. «Общественные и политические идеи декабристов». Спб., 1909 г., стр. 609.

отечества»[1]. Это «преобразование» инициаторами Союза понималось как полная замена феодального строя буржуазно-капиталистическим. В частности, судя по свидетельству А. Муравьева, игравшего крупную роль в начальном периоде деятельности «Союза Благоденствия», предполагалось провести: 1) отмену крепостного права, 2) равенство всех граждан перед законом, 3) публичность государственных дел, 4) гласность судопроизводства, 5) отмену винной монополии, 6) уничтожение военных поселений, 7) улучшение судьбы защитников отечества, 8) сокращение срока военной службы, 9) улучшение положения духовенства, 10) сокращение состава армии в мирное время[2].

Практическая деятельность Союза сводилась, главным образом, лишь к пропаганде либеральных идей и вербовке новых членов. Только в Тульчинской управе, образовавшейся из более демократических офицеров Южной армии, хотели коренным образом изменить характер общества. Во главе их стоял назначенный на юг командиром Вятского пехотного полка Пестель, который с ноября 1818 г. вновь вступил в организацию. Он пробовал сойти с принятой «Союзом Благоденствия» реформистской позиции, настаивая на основном своем принципе, что «для образования нравов нужны века, но что надлежит исправить правление, от коего уже и нравы исправятся», в то время как его противник, полк. Бурцев, поддерживал противоположную точку зрения большинства, а именно, что пока основная задача Союза должна состоять «в медленном действии на мнения» в целях перевоспитания общества[3]. Было расхождение между Пестелем и Бурцевым и по вопросу о форме правления: Бурцев сомневался в возможности введения в России республики, на чем настаивал Пестель[4]. Немудрено, что приезжавшему в Тульчин Якушкину показалось, что в среде членов «в это время было что-то похожее на две партии: умеренные, под влиянием Бурцева,и, как говорили, крайние, под руководством Пестеля»[5].

С приездом в Петербург в ноябре 1819 г. Пестеля, получившего полугодовой отпуск, борьба левого и правого тече-

---

1 Воспоминания кн. Е. П. Оболенского, в сб. «Общественные движения в России в перв. пол. XIX в.» т. I. Спб., 1905 г., стр. 234.

2 А. М. Муравьев. «Записки». Птр., 1922 г., стр. 14.

3 Н. П. Павлов-Сильванский. «П. И. Пестель», в его «Очерках по русской истории XVIII—XIX вв.». Спб., 1910 г., стр. 217.

4 «Восстание декабристов. Материалы», т. IV. 1927 г., стр. 177.

5 «Записки И. Д. Якушкина». М., 1926 г., стр. 45.

ний в «Союзе Благоденствия» приняла особенно бурный характер. В это время конституционные иллюзии насчет Александра I были уже изжиты, и Пестель резко поставил вопрос о политическом перевороте и признании республики. Вместе с тем он предлагал в целях укрепления сил Союза и придания большего единства его северным и южным ячейкам образовать Директорию из трех лиц. Директорами он намечал себя, Никиту Муравьева и генерал-интенданта Южной армии, своего приятеля, Юшневского. Не желая итти на поводу за Пестелем, члены Коренного совета Союза никаких окончательных решений не приняли, хотя большинство их и высказалось за республику, а некоторые даже разделяли и мысль о цареубийстве.

Осенью 1820 г. Никита Муравьев сам побывал в Тульчине, куда Пестель вернулся еще весной. И здесь окончательно выявилось кардинальное расхождение между главными деятелями Союза, которое должно было неминуемо привести к расколу. При отсутствии настоящей революционной работы и сколько-нибудь серьезных требований при вербовке новых членов в организацию, попадали, особенно в Петербурге и Москве, не только убежденные и решительные люди, но и люди, увлекавшиеся одной лишь звонкой либеральной фразой. О таком составе «Союза Благоденствия» имеется не мало свидетельств, идущих от самих его участников. «Члены сего общества, — говорил впоследствии М. Орлов, — были все свободомыслящие молодые люди, старающиеся распространять свои теории, но едва ли имеющие какую-либо мысль о перевороте. Они были более немецкие идеологи, чем французские якобинцы» [1]. Среди таких «немецких идеологов» встречались и типы вроде выведенного в «Горе от ума» Репетилова: так, подполковник Хотяинцев, по его признанию, вступил в Союз, чтобы иметь «связи с хорошим кругом людей»; тем же, в сущности, руководился и штабс-капитан Муханов, заявив, что он сделал это «по убеждению и зная, что в оном (Союзе.— С. В.) находились многие молодые люди хороших семейств» [2]. Такого сорта людей сколько-нибудь радикальная программа и революционные методы работы должны были просто отпугивать.

Два события не замедлили обострить назревавший при таких обстоятельствах в «Союзе Благоденствия» внутренний

---

[1] Н. Дубровин. «После Отечественной войны», в «Рус. Стар.», т. 118, 1904 г., стр. 253.

[2] Там же.

кризис. В 1820 г. произошли серьезные беспорядки в Семеновском полку, где солдатская масса была доведена до отчаяния суровостью и придирками нового полкового командира Шварца. Волнения в Семеновском полку, естественно, были поставлены в связь с только что происшедшими в Испании, Неаполе и Пьемонте военными восстаниями, и Александр I решил еще круче повернуть правительственный руль в сторону реакции. С другой стороны, с того же 1820 г. началось падение хлебных цен, вызвавшее поворот и в настроениях тех дворянских кругов, которые до этого момента начинали перерождаться в аграрную буржуазию. Помещичья масса, при таких условиях, сверху донизу становилась сплошь консервативной. Гостиные петербургского и московского дворянства, где члены «Союза Благоденствия» почти открыто вели пропаганду либеральных идей, теперь начинали давать им резкий отпор.

В такой враждебной обстановке, при усилении полицейского надзора, дальнейшее существование Союза в прежнем виде представлялось уже совершенно невозможным, и в начале 1821 г. был созван в Москве съезд, который и решил формально тайное общество закрыть.

Острие этого решения, по справедливому замечанию С. Н. Чернова, «было направлено не только вправо, но и влево,— не только в сторону колеблющихся и ненадежных, но и в сторону решительного Орлова и твердого организатора переворота — Пестеля»[1]. Действительно, руководящая группа, во главе с Фон-Визиным, Бурцевым и Якушкиным, после официального объявления о ликвидации общества решила продолжать деятельность на основе нового устава, который конечной целью ставил попрежнему «приготовить государство к принятию представительного правления».

Это решение пробовали провести в жизнь на юге Бурцев, на севере Н. И. Тургенев, стремившиеся сплотить в новом обществе надежные, но все же только умеренные элементы. Однако Пестель со своими приверженцами не подчинился постановлению Московского съезда, и в Тульчине была создана новая «дума», в составе Пестеля, Юшневского и избранного ими для связи с Севером Никиты Муравьева, принявшая новую, выработанную Пестелем, революционную и республиканскую программу. Умеренные делегаты съезда,

[1] С. Н. Чернов. «К истории политических столкновений на Московском съезде 1821 г.», в «Уч. Зап. Саратов. Гос. Ун-та», т. IV, вып. 2. Саратов, 1925 г.

Бурцев и совершенно ненадежный Комаров, вышли из организации, и таким образом в последней возобладало левое крыло. Благодаря этому последнему обстоятельству Никита Муравьев с 1823 г. прекратил сношения с Южною думою, с которою, как он заявил на допросе, он «не согласовался в мнениях»[1]. На съездах в Киеве, во время «контрактовых» ярмарок, в 1822 и 1823 гг. Южное Общество, как теперь стали называть эту организацию, образовало центр в Тульчине и три «управы» — Тулькинскую, Каменскую и Васильковскую. Последняя «управа», во главе с подполковником С. Муравьевым-Апостолом и поручиком М. М. Бестужевым-Рюминым, оказалась наиболее деятельной. Ей удалось установить связь с представителями польских тайных обществ гр. Элизаром, гр. Хоткевичем, кн. Яблоновским и др. и узнать о существовании Общества Соединенных Славян, самостоятельно организованное братьями Борисовыми и Люблинским преимущественно из артиллерийских и пехотных офицеров Южной армии.

На севере дела шли хуже. Н. И. Тургенев привлек кн. Оболенского и Нарышкина, но все они действовали вяло. Сам Тургенев вскоре уехал за границу. Только в исходе 1822 г., с возвращением в Петербург Никиты Муравьева, вошедшего в связь с членами Тургеневского кружка, удалось образовать здесь «Главную думу», в которую вошли Никита Муравьев, кн. Оболенский и кн. С. П. Трубецкой. С этого времени тайное общество в Петербурге получило название «Северного Общества».

Оба общества прежде всего занялись выработкой программ. В Южном Обществе такой программой Пестель стремился сделать давно уже составленную им «Русскую Правду», предназначенную служить «наказом» для будущего временного правительства[2]. Пестель, много работавший в области политической экономики, в частности хорошо знакомый с критикой капиталистического строя, данной Сисмонди, исходил из следующего основного принципа. «Мне казалось, — говорит он, — что главное стремление нынешнего века состоит в борьбе между массами народными и аристократи-

---

1 «Восстание декабристов. Материалы», т. I. Гиз., 1925 г., стр. 299.

2 В 1906 г. опубликована П. Е. Щеголевым в отд. изд.: «П. И. Пестель. Русская Правда». Спб., 1906 г. В настоящее время готовится к печати в изд. Центрархива: «Восстание декабристов. Материалы».

ями всякого рода, как на богатстве, так и на правах наследственных основанными». Эти «аристократии» казались ему «главной препоной государственному благоденствию». Таким образом, он отрицательно относился не только к феодально-монархическому строю, но и к сменившему его в некоторых государствах Западной Европы буржуазно-представительному, при котором участие в избрании депутатов предоставлено было одним только богатым людям. От такой замены «аристократией богатства аристократии феодализма», по его мнению, «народы не только ничего не выиграли, но даже, напротив того, в некотором отношении еще в худшее приведены... положение».

Для России, вследствие этого, Пестель считал нужным осуществить не один только политический переворот, но и социальный. Демократическая республика лишь в том случае сможет обеспечить права за народом, если народ будет находиться в таких экономических условиях, которые вполне обеспечат ему материальную самостоятельность. Отсюда Пестель и уделил в «Русской Правде» больше всего внимания разрешению социальной проблемы. Задачей государственного союза, по его мнению, должно быть обеспечение каждому гражданину минимума средств, необходимых для поддержания существования, при чем отдельным гражданам не может быть закрыта возможность увеличить свое материальное благосостояние путем личной инициативы. Отсюда в основу будущего устройства России, являющейся по преимуществу аграрной страной, он клал своеобразную национализацию земли. Помещичья земля должна быть в значительной своей части экспроприирована, при чем в дворянских имениях свыше 5.000 десятин она отбиралась бесплатно, а в имениях менее 5.000 десятин — за некоторое вознаграждение. Что же касается земель однодворцев, свободных хлебопашцев, колонистов, словом, непривилегированных мелких земельных собственников, то эти земли «имеют остаться в вечном потомственном владении нынешних владельцев», за исключением случаев, когда и их «где-нибудь необходимым окажется включить в состав общественной собственности»; но при этом условии мелкий землевладелец должен получить компенсацию или «денежною платою», или предоставлением ему в другом месте равного участка земли. Бывшая помещичья земля вместе с казенной образует фонд, разделенный на две части: на земли, распределенные между волостями, и на земли, остающиеся в руках государства.

Первая часть земель должна была служить «для доставления всем людям необходимого для жития» и шла в раздел между всеми жителями волости; вторая предназначалась для «приобретения изобилия», т. е. прибавочного продукта, и могла быть сдаваема в продолжительную аренду и даже продаваема в частные руки. В результате такого рода аграрной реформы, по мнению Пестеля, «вся Россия будет состоять из одних обладателей земли, и не будет у нас ни одного гражданина, который бы не был обладателем земли».

Каким образом, при наличии у каждой семьи земельного обеспечения, достаточного для ее продовольствия, возможно будет покупать или арендовать у казны более обширные участки, требовавшие для своей обработки наемных рук, Пестель нам не объяснил. Возможно, как думает М. Н. Покровский, что он предполагал, что на этих землях поведут хозяйство более сильные семьи на основе не наемного, а личного труда[1]. Но как бы то ни было, из вышеизложенного несомненно вытекает, что Пестель в своем проекте выступал принципиальным противником феодального способа производства, который он вырывал с корнем, и в то же время сделал все возможное, чтобы затруднить, по крайней мере, по его мнению, немедленное развитие капиталистического способа производства. Интересы мелкобуржуазного, крестьянского хозяйства стояли для него на первом плане, но поскольку он признавал избыточный продукт, не нужный для потребления самого производителя и поступавший поэтому на рынок, мы должны отметить, что его реформа, направленная на утверждение имущественного равенства, при сохранении мелкого производства в условиях товарного хозяйства, являлась в существе своем утопической: надолго сохранить равенство не удалось бы, так как рынок рано или поздно должен был привести мелкобуржуазную массу к расслоению, т. е. к выделению полюсных групп — зажиточного фермерства и батраков. Таким образом, объективно аграрная программа Пестеля не только не спасла бы страны от капитализма, а, напротив, создала бы все условия для мощного его развития. Это развитие, по выражению В. И. Ленина, пошло бы вперед, «имея во главе мелкие крестьянские хозяйства, которые революционным путем удаляют из общественного организма нарост крепостнических латифундий и

---

[1] М. Н. Покровский. «Декабристы». М., 1927 г., стр. 25.

свободно развиваются затем без них по пути капиталистического фермерства»[1].

В совершенно ином направлении разрабатывались и социальный, и политический вопросы в Северном Обществе. Конечно, и здесь все отрицательно относилось к феодальному строю, но вместо него определенно желали создать строй буржуазно-капиталистический. Поэтому в области социального переустройства северяне ограничивались установлением юридического равенства, в частности отменой всех сословных привилегий, в том числе и крепостного права. В составленном Никитой Муравьевым проекте конституции на этот счет говорится следующее: «все русские равны перед законом», и «крепостное состояние и рабство отменяются. Раб, прикоснувшись к земле русской, становится свободным». В основе социальной реформы, таким образом, должен был лежать принцип: «право собственности, заключающее в себе одни вещи, священно и неприкосновенно»[2].

С этой точки зрения члены Северного Общества разрешали и крестьянский вопрос. «Тайный союз, — писал Лунин впоследствии своей сестре, — ...доказывал владельцам, что истинные выгоды их требуют освобождения крестьян, и что это действие, справедливое и великодушное, послужит не к уменьшению, а к приращению их доходов»[3]. Этой идее главное внимание уделял в особенности Н. И. Тургенев. В своей книге «Опыт теории налогов» он, между прочим, опровергал мысль крепостников, что «крестьянин не может приносить дохода помещику иначе, как составляя его собственность», подчеркивая, что дух времени, выгоды самих владельцев «требуют изменения условий сельского быта»[4]. Каково должно было быть изменение «условий сельского быта», можно усмотреть из проекта освобождения крестьян, представленного в 1819 г. в правительственные сферы тем же Тургеневым[5], попытки освобождения крестьян Якушкиным и распоряжения на этот счет Лунина в его первоначальном завещании: все они, как уже говорилось, проекти-

---

[1] В. Ильин (Н. Ленин). «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—07 гг.». Птр., 1917 г., стр. 26.

[2] «Восстание декабристов. Материалы», т. I, М., 1925 г., стр. 112, 118.

[3] М. С. Лунин. «Сочинения и письма». Птр., 1923 г., стр. 49.

[4] Н. И. Тургенев. «Опыт теории налогов». Спб., 1819 г.

[5] Н. И. Тургенев. «Нечто о состоянии крепостных крестьян в России», в «Сборн. исторических материалов, извлеченных из Архива Собств. его имп. величества канцелярии», в. IV. Спб., 1891 г. Особ. стр. 459.

ровали отпустить крестьян на волю без земли, только с одной усадебной оседлостью. Такой способ ликвидации крепостного права, обеспечивавший землевладельцам возможность дешево нанимать батраков или по высокой цене сдавать землю в аренду, нашел себе место и в проекте Никиты Муравьева. «Земли помещиков,— говорилось здесь,— остаются за ними. Дома поселян с огородами оных признаются их собственностью, со всеми землевладельческими орудиями и скотом, им принадлежащим». Правда, пункт этот встретил в среде членов Северного Общества некоторую критику и в результате был изменен: в новой редакции Муравьевского проекта крестьянам при выходе на волю предоставлялось еще, сверх усадебной оседлости, по две десятины на двор. Повидимому, некоторые из Северян опасались, что усадебная оседлость едва ли способна долго удерживать крестьян на земле и последние смогут, побросав свои жалкие дома, устремиться в промышленные или торговые центры, привлеченные сюда более высокими заработками. Выгоды сельского хозяйства, поднятие доходности помещичьих имений, сохранение за помещиками земель, словом, интересы аграрного капитала, — вот что по преимуществу занимало руководителей Северного Общества в сфере социально-экономических отношений. Здесь они не хотели ничего более, как дать отменой крепостного права толчок тому процессу перерастания крепостнического помещичьего хозяйства в буржуазное, какой уже фактически, хотя и очень медленно, происходил в России с конца XVIII века. Иными словами, они в своих программных требованиях стояли за развитие в стране капитализма по прусскому пути, сущность которого выпукло обрисована в следующих словах В. И. Ленина: «Основным содержанием аграрно-капиталистической эволюции по прусскому пути является «перерастание крепостничества в кабалу и в капиталистическую эксплоатацию», осуждавшее крестьян на десятилетия самой мучительной экспроприации»[1].

По вопросу о политической реформе в среде Северного Общества не было полного единодушия: одни высказывались за республику, другие — за конституционную монархию. Некоторые долго колебались в выборе формы правления, но в конце концов большинство склонялось к сохранению «должности» императора. «Я не был в душе моей убежден,—

[1] В. Ильин (Н. Ленин). Назв. соч., стр. 26 и 27.

писал кн. С. П. Трубецкой,— в необходимости установления республиканского правления в России. Я точно всегда думал, что оно несвойственно народу русскому, и что если б и введено было, то удержаться не может. Но так же противно бы было сознанию собственной моей совести сказать, что сия уверенность моя никогда не колебалась; особенно в последнее время пребывания моего в Киеве, когда я увидел, что здешнее общество имеет ту же мысль, я остался в совершенном на сей счет сомнении, из которого вывел меня здесь уже Батенков; и рассуждения его укрепили во мне прежнюю мою уверенность, что кроме монархического правления в России существовать не может»[1]. Монархию, ограниченную «народным вечем», состоявшим из «верховной думы» и «палаты народных представителей», проектировал в своей конституции и Никита Муравьев. Правда, власть монарха у него была сильно урезана. Так, в сфере законодательства ему предоставлялось лишь право отсрочивающего veto в отношении принятых народным вечем решений, внешние сношения он должен был вести с совета и согласия «верховной думы», наконец, его административная власть существенно ограничивалась выборностью высших должностных лиц и их ответственностью перед народным представительством[2]. Все это позволяет сказать, что монархическая по форме конституция Никиты Муравьева в сущности была проникнута «республиканским духом». Такой компромиссный характер ее обусловливался, повидимому, намерением ее автора примирить стремления и республиканцев, и сторонников конституционной монархии.

Что же касается классового содержания этой конституции, то оно ярко сказалось в проектируемой организации выборов. Политические права Никита Муравьев предоставлял лишь гражданам, имевшим имущественный ценз. При этом для приобретения активного избирательного права требовалось обладание недвижимой собственностью в 500 руб. сер. или движимой — в 1.000 руб. сер., а для приобретения пассивного избирательного права стоимость указанных имуществ доходила до 30 и 60 тысяч руб. сер. В другой редакции Муравьевского проекта ценз для избирателей был

---

[1] Письмо кн. С. П. Трубецкого военному министру, от 5 мая 1826 г., в сб. «Восстание декабристов. Материалы», т. I. Гиз, 1925 г., стр. 100—101.
[2] «Восстание декабристов. Материалы», т. I. Гиз, 1925 г., стр. 131, 132.

еще более повышен, именно до 5 000 и 10 000 руб. сер. Исключение было предоставлено только государственным крестьянам: они от каждых 500 дворов могли выбирать уполномоченного, который получал право участвовать в выборах на ряду с цензовыми избирателями[1].

Преимущества, которые давала такая избирательная система владельцам недвижимой собственности, и высокий ценз для депутатов дали повод некоторым историкам-марксистам говорить о дворянском характере конституции Никиты Муравьева. На самом деле это утверждение неверно. Когда Муравьев вырабатывал свой проект, в России дворянство, по крайней мере в лице его крупнопоземлевладельческой верхушки, фактически стояло у власти. Санкционировать юридически существующие положения вещей, конечно, было незачем. Вопрос заключался не в юридическом закреплении правительственного аппарата за дворянством, а в передаче его из рук феодальных элементов общества в руки буржуазных. При этом Никита Муравьев, как и большинство его коллег по Северному Обществу, ближе всего принимал к сердцу интересы аграрного капитала, а поэтому, естественно, стремился обеспечить политическую мощь, политическое преобладание из буржуазных слоев за аграрно-буржуазным слоем. Что это было действительно так, говорит анализ самого механизма выборов по системе Никиты Муравьева. Состав «народного веча» был выборным, т. е. в депутаты могли пройти лишь те, кто получал большинство голосов. А избиратели, даже при повышенном имущественном цензе одной из двух редакций Муравьевского проекта, в массе являлись не дворяне, а средняя буржуазия и более зажиточный слой мелкой буржуазии. Понятно, что не феодалы, а аграрии, при помощи их голосов, могли бы в большинстве получить депутатские кресла.

Таковы были программные различия между руководящими группами Южного и Северного Обществ. Они объясняются отчасти социальным составом руководящих деятелей этих организаций. В Южное Общество входило не мало таких людей, которые если по происхождению принадлежали к дворянству, то в значительной мере уже порвали всякую связь с землевладением. Так, сам Пестель и некоторые другие члены Южного Общества совершенно не обладали ни землей,

---

1 Одна редакция проекта Муравьева напечатана у М. В. Довнар-Запольского: «Мемуары декабристов». Спб., 1906 г., другая — изд. Центрархива: «Восстание декабристов», т. I. М., 1925 г.

ни крепостными. Напротив, северная организация, имевшая, впрочем, не мало своих сторонников и на юге, состояла в большинстве своем из типичных представителей среднепоместного прогрессивного дворянства.

Но, как справедливо указал М. Н. Покровский, Маркс давно уже заметил, что идеологи мелкой буржуазии не обязательно должны быть сами лавочниками. Для них характерно именно то, что их мировоззрение не выходит за пределы интересов мелкой буржуазии [1]. Поэтому на различие программ обоих декабристских обществ влияла решающим образом, без сомнения, та общественная среда, в какой приходилось им действовать. На юге России, где были центры Южного Общества и Общества Соединенных Славян, господствовала мелкобуржуазная стихия, в лице многочисленного городского и местечкового мещанства, колонистов и разного рода Пестелевских «вольных земледельцев». Интеллигенты-революционеры эту среду, конечно, не могли выкинуть из поля своего зрения. Напротив, в Петербурге и Москве члены Северного Общества действовали исключительно среди дворянства и крупной торгово-промышленной буржуазии и в свою очередь подвергались их идеологическому влиянию. Так, полковник Батенков, женатый, кстати сказать, на купчихе, посещая в 1825 г. в Петербурге купеческие дома, находил, что «этот класс вообще недоволен стеснительными для торговли постановлениями», так что «обращение с ним подстрекало» этого декабриста к «желанию перемен». В то время как Южане пробовали вести пропаганду за пределами офицерского круга, в мелком чиновничестве и даже в солдатской среде, Северяне, помимо дворянства, завязывали сношения лишь с крупными капиталистами. Рылеев, например, «с одобрения Северной думы» желал взяться за вербовку членов «из здешнего купечества», для чего и обращался к барону Штейнгелю, так как у последнего в этой среде были большие знакомства. Штейнгель, однако, отказался содействовать в этом направлении, считая, что «наши купцы невежды» [2]. Тем не менее некоторые лица из торгово-промышленной буржуазии, без сомнения, находились в очень близких отношениях с декабристами, активно помогая их делу. Таков был, например, владелец типографии купец Селивановский, предпринявший незадолго до декабрьского выступления изда-

---

1 М. Н. Покровский. «Декабристы». М., 1927 г., стр. 24.
2 «Восстание декабристов. Материалы», т. I, 1925 г., стр. 179.

ние русской энциклопедии, которая была конфискована, когда выяснились связи ее издателя с декабристским заговором. Известно также, что в доме одного из директоров Российско-Американской торговой компании, Прокофьева, накануне выступления происходили собрания заговорщиков. 12 декабря у Прокофьева был званый обед, на котором присутствовало много литераторов. По свидетельству Штейнгеля, когда гости «поразгорячились от клико», посыпались остроты со всех сторон и «в самом либеральном духе», из чего можно было заключить, что всех охватывала общая мысль, общее чувство — «нехотения оставаться под... деспотизмом». В тот же день вечером был устроен ужин у богатого купца Сапожникова, на котором также присутствовал Штейнгель и другие декабристы и во время которого хозяин дома, «угащивая шампанским», приговаривал, «не обинуясь»: «выпьем, неизвестно, будем ли завтра живы» [1].

Программы Северян и Южан, отрицательно относившиеся к феодальному строю, в своей положительной части, таким образом, отражали интересы далеко не сходных групп населения: крупной и преимущественно аграрной буржуазии, с одной стороны, и буржуазии мелкой — с другой. Немудрено, что между обоими Обществами в области программных вопросов происходила ожесточенная борьба. «Не нравилась мне конституция Пестеля, — показывал на следствии кн. Трубецкой, — и ее я совершенно оспаривал» [2]. В свою очередь, и Пестель настойчиво критиковал проект Никиты Муравьева. Возражая против монархии, он особенно негодовал против введения имущественного ценза, при котором «для исполнения должностей даже в уездных правительствах нужно было богатство» [3]. Но еще больше разногласий возбуждали вопросы тактики. Северяне, как представители крупной буржуазии и в особенности ее аграрного слоя, естественно, желали достижения своих целей реформистскими методами, и, прежде всего, организацией давления на правительство, чтобы побудить последнее к созыву «великого собора», т. е. учредительного собрания. Последнее и должно было перестроить существующий порядок в России, при чем на его рассмотрение предполагалось передать и проект конституции Никиты Муравьева. «Насильственное же введение

---

[1] Записки бар. В. И. Штейнгеля, в сб. «Общественные движения в первую половину XIX в.», т. II. Спб., 1905 г., стр. 439—440.
[2] «Восстание декабристов. Материалы», т. I, 1925 г., стр. 101.
[3] «Восстание декабристов. Материалы», т. IV, 1927 г., стр. 113.

онного,— писал Рылеев в полном согласии с другими своими товарищами,— я почитал нарушением прав народа»[1]. Напротив, в руководящем кружке членов Южного Общества разрабатывались планы вооруженного восстания и истребления царствующего дома в целях установления демократической республики.

Пестель, кроме того, полагал, что задуманное им радикальное преобразование России «не может быть введено вдруг одним разом», так как для этого потребуется «множество мер приуготовительных». Их провести в жизнь, и при этом так, чтоб «государство не подверглось беспорядкам, волнениям и превращениям, которые вместо улучшения могли бы только ввергнуть оное в гибель», следует поручить временному верховному правлению. «Прежняя верховная власть довольно уже показала враждебные свои чувства противу народа русского, а представительный собор не может быть созван, ибо начала представительного верховного порядка в России еще не существуют»[2]. Таким образом, Пестель проектировал установление в стране, на другой день после переворота, чисто революционной диктатуры, которая должна была провести аграрную реформу, а затем уже ввести республиканско-демократические учреждения. Во всяком случае, передавать вопрос о преобразовании государственного строя, после победоносного восстания, в руки «великого собора» он отнюдь не думал. «Ему, напротив, кажется и справедливым и необходимым,— как показывал об этом Рылеев,— поддержать одобренный обществом устав всеми возможными мерами, а иначе значило бы остановиться на половине дороги»[3].

Когда Пестель в 1824 г. еще раз приехал в Петербург хлопотать о соединении обоих Обществ, у него произошло свидание с Никитой Муравьевым, во время которого Пестель поставил все точки над «i», заявив, что «Правление Общества должно сперва убить членов императорской фамилии, заставить святейший синод и сенат объявить оное временным правительством, которое должно быть облечено неограниченной властью, что временное правительство сие, приняв присягу от синода, сената и всей России, раздав министерства, армии, корпуса и прочие места членам Общества, мало-по-малу в продолжение нескольких лет будет постепенно

---

1 «Восстание декабристов. Материалы», т. I, 1925 г., стр. 174.
2 П. И. Пестель. «Русская Правда». Спб., 1906 г., стр. 9.
3 «Восстание декабристов. Материалы», т. I, 1925 г., стр. 178.

вводить новое образование»[1]. Конечно тактический якобинизм Пестеля встретил еще более резкую оппозицию со стороны Северян, чем его программные требования. Так, Рылееву Пестель стал казаться «человеком опасным для России и для видов Общества»[2], а Никита Муравьев счел изложенный ему Пестелем план «столь же несбыточным и невозможным, сколько варварским и противным нравственности»[3]. Понятно, что лидеры Северян делали все, чтобы не допустить соединения Северного Общества с Южным под одним управлением, а Трубецкой немало поработал в целях прямого противодействия намерениям Пестеля и вообще Южан. «Доверенность к Пестелю была сильно поколеблена, —пишет об этом сам Трубецкой,— и петербургские члены видели необходимость бдительным оком следить за действиями его и Южного общества»[4]. Сначала Северяне думали поручить «наблюдение и противодействие» С. Муравьеву-Апостолу, но затем за это взялся сам Трубецкой, выхлопотавший себе место дежурного штаб-офицера при назначенном командиром 4-го корпуса кн. Щербатове и таким образом попавший в Киев. «Трубецкой нашел, — рассказывает он сам в своих записках, — что Южное Общество во всем отклонилось от правил Союза. Некоторые только старые члены оставались ему верными, но лишены были способа действовать. Внимание Трубецкого обращено было на то, чтобы воспрепятствовать распространению правил Южного Общества в полках 4-го корпуса, соединить старых членов и дать им средства к действию по прежде принятым началам и отвратить членов Южного Общества от мнений Пестеля»[5].

В свою очередь, Пестель, раздраженный Северянами, в своих дальнейших планах перестал надеяться на их прямую поддержку.

Однако недовольство Пестелем стали высказывать и многие члены Южного Общества. Радикализм социально-политических требований, изложенных в «Русской Правде», был для них неприемлем: они в своих взглядах и мечтах не шли далее «Конституции» Никиты Муравьева. Так, Н. И. Лорер, находившийся в дружеских отношениях с Пестелем и

---

[1] Там же, стр. 324.
[2] Там же, стр. 174.
[3] Там же, стр. 324.
[4] «Записки кн. С. П. Трубецкого». Спб., 1907 г., стр. 23.
[5] Там же, стр. 24.

хранивший у себя, во время отлучек последнего, «Русскую Правду», откровенно говорит про себя в своих воспоминаниях: «Я не был ни якобинцем, ни республиканцем — это не в моем характере... Я всегда говорил, что Россия должна остаться монархией, но принять конституцию»[1]. Совершенно чуждой была для большинства членов Южного Общества и задуманная Пестелем аграрная реформа. А. В. Поджио, один из немногих, сочувствовавших наделению помещичьих крестьян, при отмене крепостного права, землей, пишет по этому поводу: «Многие ходили у нас проекты и мысли относительно освобождения крестьян, и все принимали личную свободу при вознаграждении денежном владельцам; но мысль освобождения крестьян с землею принадлежала Пестелю одному»[2]. Особенно резко против этой мысли, против «раздела земель, даже как гипотезы», высказывался М. М. Муравьев-Апостол[3].

Неразрешимые разногласия в области программы — защита Пестелем и его приверженцами мелкобуржуазных интересов — осложнялись и разногласиями в области тактики. Идея Пестеля о создании длительной революционной диктатуры в результате успешного восстания и его диктаторская роль в организации вызывали у некоторых руководящих лиц в Южном Обществе то же недоверие, что и у главарей Северного Общества. С. Муравьев-Апостол и М. Бестужев-Рюмин, например, по свидетельству Трубецкого, все более начинали опасаться «властолюбия» Пестеля и его «личных видов»[4].

В то же время членам Васильковской управы не нравилось, что Пестель якобы больше заботился о выработке революционной программы, чем о подготовке самой революции, при чем и самые способы этой подготовки они находили для себя неприемлемыми. Прежде всего в этом последнем случае их разделяло отношение к солдатской массе. Несмотря на свой ярко выраженный программный якобинизм, Пестель, в противоположность настоящим якобинцам, с большим недоверием относился к участию в революции самого народа. «Все происшествия в Европе,— писал он в «Русской Правде»,— в последнем полустолетии случившиеся, доказывают, что на-

---

1 «Записки декабриста Н. И. Лорера». М., 1930 г., стр. 73.
2 А. В. Поджио. «Записки декабриста». М.—Л., 1930 г., стр. 56.
3 М. И. Муравьев-Апостол. «Воспоминания и письма». Птгр., 1922 г., стр. 81.
4 «Восстание декабристов. Материалы», т. I, 1925 г., стр. 103.

роды, возмечтавшие о возможности внезапных действий и отвергнувшие постепенность в ходе государственного преобразования впали в ужаснейшие бедствия и вновь покорены игу самовластия и беззакония»[1]. Проектируемая им диктатура временного правительства должна была заняться проведением «мер приуготовительных и переходчих», которые имели бы в виду, в сущности, обеспечить государство от всякого рода «беспорядков, волнений и превращений»[2].

Исходя из такой оценки роли в революциях народа, Пестель представлял себе подготовлявшийся тайным обществом переворот как чисто военный, при чем в этом перевороте исключительное значение придавал высшему командному составу. «Общество, — говорил он на следствии, — имело желание как можно более начальников войск обратить к своей цели и принять в свой союз, особенно полковых командиров, предоставляя каждому из них действовать в своем полку, как сам наилучше найдет; «желало также и прочих начальников в Общество приобрести: генералов, штаб-офицеров, ротных командиров»[3]. На солдат Пестель смотрел как на слепое орудие в руках офицеров. В 1824 г., рассуждая с капитаном Фохтом об аресте главной квартиры в Южной армии, он, по его собственному признанию, между прочим, сказал: «Не надо роты решительно приготовлять к тому прежде, как незадолго до самого действия: ибо неосторожно бы было поступать иначе, а до того времени достаточно привязывать солдат лично к себе»[4].

На несколько более радикальной в этом случае позиции стояли члены Васильковской управы. Правда, руководящую роль в восстании, которое и для них рисовалось как чисто военное, они также предоставляли высшему командному составу, но вместе с тем настаивали и на необходимости политической пропаганды в солдатских рядах. В этих целях С. Муравьев-Апостол составил «Православный Катехизис», где в виде вопросов и ответов популярно изложил республиканские взгляды и необходимость революционной борьбы, подтверждая эти мысли интерпретацией соответствующих текстов из священного писания[5], а М. Бестужев-Рюмин, уже

---

1 П. И. Пестель, «Русская Правда». Спб., 1906 г., стр. 9.
2 Там же.
3 «Восстание декабристов. Материалы», т. IV, 1927 г., стр. 112—113.
4 Там же, стр. 171.
5 Сборн. «Из писем и показаний декабристов», под ред. А. К. Бороздина. Спб., 1906 г., стр. 85—87.

в разгар восстания Черниговского полка, набросал «воззвание», начинавшееся словами: «Бог умилостивился над Россиею, послал смерть тирану нашему», и обращавшееся к «российскому воинству» с призывом «сбросить с себя «узы рабства, противные закону христианскому»[1].

Васильковцы, единственные из Южан, делали и реальные попытки пропаганды среди солдат. Так, осенью 1825 г. в Лещинском лагере С. Муравьев-Апостол вступил в непосредственные сношения с бывшими солдатами Семеновского полка, разбросанными по разным частям Южной армии, и, как он сам сознался, «бранил службу, говорил, что уверен, что они от своих офицеров старых ни в коем случае не отстанут, а то армейские солдаты с них пример возьмут, потому что они в гвардии служили»[2].

Разногласия между Пестелем и его группой, с одной стороны, и членами Васильковской управы — с другой, в области тактики не ограничивались только их различным отношением к солдатской массе. Гораздо глубже была разница в вопросе о том, как поступить в момент восстания с царем и царскими родственниками. И здесь уже Пестель шел гораздо дальше. С. Муравьева-Апостола с его группой: он был решительным сторонником не только убийства Александра I, но и истребления всей царской фамилии, опасаясь, что «если останутся великие князья, то неминуемо произойдет междоусобная война»[3]. Другими словами, он считал это средство наиболее действительной гарантией против возможности контрреволюции и реставрации. С Пестелем на съезде 1823 г. в Киеве, во время «контрактов», вполне согласились Юшневский, Давыдов и Волконский, но С. Муравьев-Апостол и М. Бестужев-Рюмин считали необходимой смерть лишь одного императора. На такой позиции, несмотря на все доводы Пестеля, последние оставались и при обсуждении этого вопроса на последующих съездах.

Исходя из основной задачи предстоящего переворота — уничтожения всего дома Романовых, — Пестель, естественно, находил, что революция должна вспыхнуть в Петербурге и лишь быть поддержана в провинции. Отсюда понятна та энергия и настойчивость, с которыми он в течение ряда лет добивался подчинения Северного Общества Южному и протестовал против замыслов членов Васильковской управы на-

---

[1] Там же, стр. 87—88. К. Бороздин ошибочно приписал «воззвание» С. Муравьеву-Апостолу.

[2] «Восстание декабристов. Материалы», т. IV, 1927 г., стр. 330.

[3] Там же.

чать восстание на юге. Впервые сделать это хотели С. Муравьев-Апостол и командир Кременчугского полка полковник Повало-Швейковский, с некоторыми другими Южанами, когда летом 1823 г. дивизия, в которой они служили была на работах в Бобруйске; позже летом же 1824 г. в лагере при Белой Церкви, куда также собирался приехать Александр I, но на деле не приехал, и, наконец осенью 1825 г. в Лещинском лагере, когда у Павло-Швейковского было отнято командование полком.

Если принять во внимание социальный состав членов Южного Общества, где люди типа Пестеля составляли меньшинство, а большинство являлось представителями того же среднепоместного прогрессивного дворянства, что и в Северном Обществе, то будет понятно, что грандиозный замысел Пестеля и его группы, в своем развернутом виде, не мог получить одобрения большинства. Это большинство, в окружении мелкобуржуазной стихии, господствовавшей на юге России, в обстановке армейско-походной лагерной жизни, сближавшей офицера с солдатом, в противоположность Северному Обществу, отличалось лишь большей революционностью своей тактики, но отнюдь не демократизмом своих программных требований. Оно до поры до времени терпело гегемонию идеолога мелкой буржуазии Пестеля, а затем, сплотившись вокруг С. Муравьева-Апостола, формально пока еще не разрывало с ним, но фактически — приобрело значительную самостоятельность. В 1825 г. Пестель уже вполне сознавал, что он оттиснут на второй план, и, думая удержать хотя бы некоторое влияние на ход дел, сам предложил ввести в «главную управу» Южного Общества, которая состояла из него и Юшневского, своего соперника, С. Муравьева-Апостола, что и было сделано.

В это время главари Васильковской управы почувствовали уже настолько прочной почву под своими ногами, особенно с момента подчинения себе Общества Соединенных Славян, что окончательно приняли план восстания, противоположный Пестелевскому и в основном сходный с бобруйским или белоцерковским. Он состоял в том, чтобы, воспользовавшись предполагавшимся снова приездом в Южную армию Александра I весной 1826 г., убить его и поднять третий корпус, а затем и остальные южные корпуса, из которых часть должна было организовать в Киеве обсервационный пограничный лагерь под начальством Пестеля, а другая, под начальством М. Бестужева-Рюмина, итти на Москву, где со-

здавался таким образом второй лагерь; сам С. Муравьев-Апостол намерен был отправиться в Петербург для оказания содействия Северному Обществу в поднятии революции в столице и назначения временного правительства[1]. «Сей план, — говорит Пестель, — был ими (т. е. членами Васильковской управы.— С. В.) сделан и мне сообщен»[2]. И Пестелю, уже давно чувствовавшему свое одиночество, ничего не оставалось, как согласиться с ним, когда С. Муравьев-Апостол изложил его на новом и последнем съезде членов трех управ Южного Общества, происшедшем, по обыкновению, на киевских «контрактах» 1825 г.

План этот представлял собой не только полную ликвидацию Пестелевской тактики, но и Пестелевской программы. Действительно, когда С. Муравьев-Апостол самостоятельно повел последние переговоры с находившимся в Москве Трубецким о координации действий обоих Обществ, он сначала пробовал убедить последнего воздействовать на Северян, чтобы они «для единодушного соединения» оставили «пустые споры» о форме и принципах конституции и серьезно взялись за подготовку переворота в целях низвержения самодержавия и «введения в России республиканского правления». Так как Трубецкой на это не давал своего согласия, — конституция Пестеля, даже с «поправками», сделанными С. Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым, его не удовлетворяла, — то васильковцы перед самым отъездом Трубецкого в Петербург пошли на такие уступки, которые означали уже полный отказ от Пестелевских требований: они поручили ему объявить в Петербурге, что «в случае успеха в действиях», временное правление будет вверено Северному Обществу, а затем уже особый комитет займется выработкой нового проекта конституции[3].

Достигнутое на юге соглашение между С. Муравьевым-Апостолом и Трубецким в общем удовлетворило «верховную думу» в Петербурге, душой и главой которой в это время сделался Рылеев. Но в ее среде находился человек, поставивший своей задачей сорвать готовившийся переворот. Это был Трубецкой. Вот что он писал, после своего ареста, Следственной комиссии относительно своих переговоров с Южанами: «Мне не нравился план действия их, но я о том не

---

[1] «Восстание декабристов. Материалы», т. IV, 1927 г., стр. 169.
[2] М. В. Довнар-Запольский. «Тайное общество декабристов», М., 1906 г., стр. 322—323.

говорил им и, напротив, оказал согласие действовать по оному, имея в мысли, что он может быть переменен»[1]. Северное Общество поэтому, несколько оживив свою деятельность, главным образом, благодаря Рылееву, все же далеко было от разрешения вопроса о решительном выступлении. А. Бестужев так рисовал положение дел в Петербурге к концу 1825 г.: «Рылеев поговаривал, что надобно начать в мае или летом (1826 г.— С. В.), но так как это были слова без основания, я говорил: конечно, надобно, и строил свои частные планы в полной уверенности, что в Обществе ничего быть не может»[2]. Так, без определенной единой программы, без твердой организации, при наличии внутренних противоречий и взаимного недоверия, обусловленных классовой неоднородностью состава, встретили оба Общества события, которые заставили их разрозненно выступить 14 и 28 декабря 1825 г. и потерпеть полный разгром.

Таким событиями послужила смерть Александра I 19 ноября 1825 г. в Таганроге и заминка с престолонаследием, вызванная тем, что официально продолжал считаться наследником Константин Павлович, хотя он и вынужден был давно уже, под давлением старшего брата, отречься от своих прав в пользу Николая Павловича. Отречение это было тайным, т. е. о нем знали немногие. Когда пришло известие о смерти Александра I, Николай сделал попытку провозгласить себя царем до подтверждения отказа от власти со стороны Константина, но эта попытка встретила противодействие со стороны видных сановников, в том числе петербургского генерал-губернатора гр. Милорадовича, который прямо заявил великому князю: «Сами изволите знать, вас не любят». Петербург после этого во главе с самим Николаем спокойно принес присягу Константину, тогда как в Варшаве, где находился сам Константин, императором был провозглашен Николай. Выяснение этого недоразумения заняло, при тогдашних путях сообщения, почти три недели, и когда в столицу пришел окончательный отказ Константина царствовать, на 14 декабря была назначена новая присяга гарнизона на верность уже Николаю I. Таинственность в вопросе о престолонаследии и быстра смена на престоле одного брата другим породили в гвардейских полках и вообще в столичном населении всевозможные слухи. Северное Общество, естест-

---

[1] «Восстание декабристов. Материалы», т. I, 1925 г., стр. 101.
[2] Там же, стр. 434—435.

венно, не могло оставаться в бездействии. О его настроении в этот период междуцарствия рассказывает кн. Е. Оболенский. Когда Петербург принес присягу Константину, члены Общества «единогласно решили, что ни противиться восшествию на престол, ни предпринять что-либо в решительное время было невозможно». Пессимизм был настолько глубок, что некоторые подумывали «вместе с появлением нового императора действия Общества на время прекратить». Но как только пришла весть о возможном отречении Константина и вступлении на престол Николая — «все пришло в движение, и вновь надежда на успех блеснула во всех сердцах»[1]. Квартира Рылеева стала штабом заговорщиков, которые в немногие дни захотели наверстать то, что было упущено за целые годы. В частности началась пропаганда среди солдат, принимавшая иногда наивный характер. Так, «Рылеев, брат мой Александр и я, — вспоминал Н. Бестужев, — ...решились все трое итти ночью по городу, останавливать каждого солдата, останавливаться у каждого часового и передавать им словесно, что их обманули, не показав завещания покойного царя, в котором дана свобода крестьянам и убавлена до 15 лет солдатская служба»[2]. На собрании руководителей Общества было решено возмутить войска в день вторичной присяги и принудить Государственный Совет и сенат объявить престол вакантным и образовать временное правительство в составе таких сановников, как Н. С. Мордвинов и М. М. Сперанский, и одного декабриста, Г. С. Батенкова. Из других сановников назывались еще в качестве кандидатов сенатор И. М. Муравьев-Апостол и генерал Д. П. Ермолов[3].

Этому правительству поручалось в трехмесячный срок создать из представителей каждого свободного сословия, выбранных по губерниям, учредительное собрание, которое должно было, по выражению Розена, «положить основание новому правлению» в России[4]. На случай успеха был заготовлен от имени сената манифест, вводивший немедленно ряд буржуазных свобод и уничтожавший «право собственности,

---

[1] «Общественные движения в первую половину XIX в.», т. I. Спб., 1905 г., стр. 248.

[2] «Воспоминания братьев Бестужевых». Птр., 1917 г., стр. 32.

[3] М. Муравьев. Идея временного правительства у декабристов и их кандидаты», в сб. «Тайные общества в России в начале XIX в.», М., 1926 г. Розен сообщает, будто 12 декабря решено было ввести в состав временного правительства декабристов и П. И. Пестеля (см. его «Записки декабриста». Спб., 1907 г., стр. 63).

[4] Бар. А. Е. Розен. «Записки декабриста». Спб., 1907 г., стр. 63.

распространяющееся на людей». Манифест этот был написан Штейнгелем, имевшим, как мы видели, короткие связи с подлинной буржуазией.

Что касается самого характера выступления, то некоторые из более горячих голов, например, Якубович, Булатов и Каховский, настаивали на необходимости убийства Николая, другие, по словам Розена, предлагали «занять дворец, главные правительственные места, банки и почтамт» [1]. Одержало верх, однако, мнение С. Трубецкого, который решил принять активное участие в петербургском выступлении и этим предупредить революционный взрыв в Южной армии. Назначенный «диктатором» на время восстания, он стремился придать предстоящему перевороту характер военной демонстрации в целях принуждения правительства вступить в соглашение с заговорщиками. По его плану, офицеры-заговорщики должны были вывести свои воинские части из казарм и сосредоточить их на Сенатской площади, где ждать дальнейших приказаний от диктатора. Этот план выступления предполагал наличность в распоряжении Общества крупных военных сил. Однако подсчет этих сил, сделанный в ночь с 13 на 14 декабря, был неутешительный, и кн. Трубецкой, повидимому, уже тогда, никому не говоря ни слова, решил устранитсья от всякого участия в деле.

На другой день, 14 декабря, несмотря на все усилия заговорщиков, на Сенатскую площадь пришел только Московский полк, приведенный братьями Бестужевыми и Щепиным-Ростовским, и несколько рот лейб-гренадер под командой Сутгофа и Панова, к которым затем присоединился батальон Гвардейского экипажа во главе с Н. Бестужевым и М. Кюхельбекером. Всего здесь собралось до двух тысяч солдат и небольшая кучка отдельных членов Общества, среди которых были и намеревавшиеся убить Николая Якубович, Булатов и Каховский. Сил этих, по существу незначительных, было бы, однако, достаточно для совершения переворота, так как у противной стороны на первых порах их оказалось еще менее. Николай, находившийся в Зимнем дворце со своей свитой и массой штаб-офицеров, прибывших принести ему присягу, имел сначала в своем распоряжении лишь незначительные части первого батальона Преображенского полка и батальона сапер, занимавшие дворцовые караулы. Что касается остальных полков гвардии, то они хотя и

[1] Там же, стр. 63.

присягнули новому царю, но находились в состоянии такого брожения, что их пока что двинуть из казарм начальство не решалось.

Эта обстановка, видимо, была благоприятна для декабристов, но своей нерешительностью и малой организованностью они погубили все. Прежде всего, у них была возможность, еще до прихода на Сенатскую площадь, прекрасно использовать свои силы. Так, поручик Панов, спеша с несколькими ротами лейб-гренадер на Сенатскую площадь, прошел мимо Петропавловской крепости, которую мог бы легко захватить, а затем, выйдя на Дворцовую площадь, завернул во двор Зимнего дворца и наткнулся на самого Николая. Но овладеть дворцом и, как писал об этом перепугавшийся Николай, «истребить все наше семейство», лейб-гренадерам помешал подоспевший на выручку лейб-гвардии саперный батальон [1]. Точно так же и кн. Щепин-Ростовский, проходя с московцами мимо артиллерийских казарм, во дворе которых стояли без всякого прикрытия пушки, не потрудился их захватить.

Еще хуже пошли дела на Сенатской площади, когда обнаружилось, что среди восставших нет назначенного диктатором Трубецкого. Рылеев бросился искать его по городу, а остальные заговорщики после долгих споров поручили команду поручику кн. Оболенскому, оказавшемуся совершенно неспособным взять в свои руки инициативу. Нерешительность и полное бездействие восставших вывели Николая I из пассивности. Тем временем на помощь к нему подошли кавалергарды и Конный полк. После неудачных попыток увещания, предпринятых гр. Милорадовичем, которого смертельно ранили Оболенский и Каховский, и митрополитом Серафимом,(которого просто отогнали, на мятежное каре была произведена конная атака, но она была легко отбита не столько выстрелами московцев и лейб-гренадер, сколько поленьями и камнями, которые стала бросать «густая толпа народа из всех сословий», наполнявшая собою, по словам очевидца, принца Евгения Виртембергского, «всю (Исаакиевскую. — С. В.) площадь в ближайшие улицы» [2]. Рабочими, достраивавшими Исаакиевский собор, было сделано нападение даже на самого Николая I, когда тот со своей свитой показал-

---

[1] Записки Николая I, в сб. «Междуцарствие 1825 г. и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи». Гиз, 1926 г., стр. 25.

[2] «Из воспоминаний принца Евгения Виртембергского», в «Рус. Арх.», 1878 г., кн. 1, стр. 342.

ся на открытом месте, как об этом расказывает он сам[1]. Толпа эта все более усиливалась: по свидетельству участника тайного общества Горского, к восставшим со всех сторон бежал народ с поленьями в руках[2].

Однако декабристы не пожелали как следует использовать этого совершенно неожиданного для них союзника. Они хотели достигнуть своих целей путем военного переворота, но не путем народной революции. Каховский откровенно признался в этом в письме к Левашову: «Мы очень знали бы заменить конституцию законом и имели слово, потрясающее сердца равно всех сословий в народе: Свобода. Но нами ничто не было провозглашаемо, кроме имени Константина»[3]. Почему? Исчерпывающий ответ на это дается в записках бар. Штейнгеля. «Один из непринадлежащих к Обществу, но знавший о нем с 1824 г., хотя и неопределенно, по одной дружеской доверенности Рылеева (это был... сам Штейнгель.— С. В.), представлял ему, что в России революция в республиканском духе невозможна; она повлекла бы за собою ужасы. В одной Москве из 250 тысяч тогдашних жителей 90 тысяч было крепостных, готовых взяться за ножи и пуститься на все неистовства. Поэтому он советовал, если хотят сделать что-нибудь в пользу политической свободы, которой тогда, казалось, жаждали, то уж лучше всего прибегнуть к революции дворцовой»[4]. Народное движение в России представлялась огромному большинству декабристов единственно в форме неприемлемой для них Пугачевщины. «Народ, не имеющий никакой собственности, ни прав, — писал Каховский, — не имеет, что терять, алчет приобретения, и всегда готов к возмущению. Сия истина основана на вековых опытах, и в нашем государстве бессмысленный казак Пугачев что произвести мог?»[5]. И А. С. Пушкин, бывший тогда эхом либеральных кругов, едва ли не выражал обще-

---

1 Записки Николая I, в сб. «Междуцарствие 1825 г. и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи». Гиз, 1926 г., стр. 27.

2 «Записки ст. сов. О. В. Грабе-Горского», в сб. «XIX век», изд. П. Бартенева. М., 1872 г., кн. I, стр. 204 и 205.

3 А. К. Бороздин. «Из писем и показаний декабристов». Спб., 1906 г., стр. 16—17.

4 «Общественные движения в России в перв. полов. XIX в.», т. I. Спб., 1905 г., стр. 436—437.

5 А. К. Бороздин. «Из писем и показаний декабристов». Спб., 1906 г., стр., 18.

го мнения, когда говорил: «Что может быть ужаснее по своей бессмысленности, чем русский бунт?»

Дворянское происхождение декабристов, несмотря на буржуазность их идеологии, сделало то, что даже, выступив с оружием в руках, они не пожелали опереться на народ. Скорее они, благодаря своей военной профессии, преувеличенно верили в силу войска. Батенков, например, говорил как-то Рылееву, что «горсть солдат все разрушить может»[1]. И теперь, стоя действительно с «горстью» солдат на Сенатской площади, руководители восстания возлагали все свои надежды на присоединение тех полков, в которых были офицеры — члены Общества и которые начали постепенно приходить на площадь по приказу Николая. Правда, через народ и нестроевых чинов декабристам передавали солдаты измайловцы и преображенцы, что как только стемнеет, они к ним присоединятся. Николай, однако, не дал спокойно дождаться сумерек, и, когда пришла артиллерия, а затем подвезли не взятые ею снаряды приказал палить в каре восставших картечью.

Пушки, не захваченные в свое время Щепиным-Ростовским, положили конец восстанию 14 декабря на Сенатской площади.

Николаю I, однако, рано еще было торжествовать победу. Он получил известия из штаба Южной армии о существовавшем так заговоре и целых две недели находился в тревожном состоянии. Но Южное Общество оказалось преждевременно открытым, благодаря доносу капитана Вятского полка Майбороды, сумевшего приобрести полное доверие своего полкового командира Пестеля. Донос этот вместе с другими бумагами после смерти Александра I попал в руки Дибича и Чернышева, которые и отдали приказ об аресте руководителей Южного Общества. Как раз в ночь на 12 декабря был арестован Пестель, а затем и ряд его товарищей, преимущественно членов Тульчинской и Каменской управ. Эти аресты, естественно, внесли быстрое разложение в общем незначительные ряды остававшихся пока на свободе членов Южного Общества, которое отнюдь не представляло собой сколько-нибудь широкой партии, а являлось всего лишь заговорщицкой организацией. Среди всеобщей растерянности у одного лишь С. Муравьева-Апостола хватило ду-

---

[1] М. В. Довнар-Запольский. «Мемуары декабристов». Киев, 1906 г., стр. 163.

ху сделать попытку поднять вооруженное восстание. Вполне полагаясь на Черниговский полк, С. Муравьев-Апостол вместе со своим братом Матвеем в конце декабря предпринял организационно-политическую поездку. Он побывал в Житомире, где виделся с одним из главарей польского общества, гр. Мошинским, и где глухо узнал о 14 декабря в Петербурге, а оттуда отправился в Троянов к Александру Муравьеву, у которого удалось получить о петербургских событиях уже более полные сведения, и в Любар, к Артамону Муравьеву, командиру Ахтырского гусарского полка, с которым велся разговор о необходимости действовать. Примерно через нас после приезда С. Муравьева-Апостола в Любар туда же явился и М. Бестужев-Рюмин. «Тебя приказано арестовать,—сказал он, задыхаясь, Муравьеву, — все твои бумаги взяты Гебелем, который мчится с жандармами по моим следам» [1].

Действительно, в ночь на 25 декабря в Василькове к командиру Черниговского полка Гебелю, дававшему в это время рождественский бал, явились жандармы с предписанием забрать С. Муравьева-Апостола и, не найдя его там, отправились на его квартиру, где находился отпущенный полковником Тизенгаузеном из Бобруйска М. Бестужев-Рюмин. Забрав переписку и книги Муравьева, жандармы ушли, чтобы утром 26 декабря вместе с полковником Гебелем выехать на его поиски в Житомир. Через несколько минут после обыска к изумленному Бестужеву-Рюмину вбежали четыре офицера Черниговского полка, принадлежавшие к Обществу Соединенных Славян, бывшие на балу у Гебеля. Появление жандармов сразу дало им понять, что «ударил час общей для них гибели» и что надо на что-либо решиться [2]. Вмешательство Славян, в сущности говоря, обусловило собой выступление Черниговского полка. «Если бы не Соединенные Славяне, — говорит М. Н. Покровский, — никакого восстания, вероятно, на юге и вовсе не было бы,—Муравьев был бы арестован так же «мирно», как Пестель, но зато, надо думать, не был бы, как Пестель, повешен. Горячая офицерская молодежь сразу и сделала из своего начальника героя и погубила его» [3].

Эта горячая офицерская молодежь, представлявшая собой, по выражению М. В. Нечкиной, «военную мелкоту, вроде по-

---

[1] Там же, стр. 66.
[2] «Записки Юдекабриста И. И. Горбачевского». М., 1916 г., стр. 82
[3] М. Н. Покровский. «Декабристы» М., 1927 г., стр. 88.

ручиков, подпоручиков, прапорщиков и юнкеров»[1], в большинстве своем принадлежала к мелкопоместному и совершенно беспоместному дворянству, и для нее военная служба являлась единственным средством к существованию. Занимая на этой службе подчиненное положение и не имея надежд выбиться из него, при отсутствии необходимых связей, она была особенно чутка ко всякого рода несправедливостям, какие ей приходилось терпеть, служа в насквозь феодальной по своей структуре армии. Немудрено, что эти мелкие офицеры, предшественники разночинной интеллигенции, являлись крайне восприимчивыми к усвоению всякого рода революционных планов и идей, какими была полна тогдашняя эпоха. Пламенный романтик и стойкий борец, которого не сломил даже николаевский застенок, Андреевич 2-й, на вопрос следователей, с какого времени и откуда заимствовал он свои «вольнодумческие и либеральные мысли», дал ответ, уясняющий вполне зарождение таких же мыслей и у его товарищей. «Сии мысли, — говорил он, — точно возродились во мне при выпуске и зкорпуса, когда я увидел себя совершенно только в своих распоряжениях... Находясь всегда под кровом угрюмого рока, редко наслаждаясь веселостями, в мрачные часы жизни своей... я восклицал к небу, что вольность, сей священный дар неба, — одно благо на земле для человека... Я начинал изыскивать средства выйти из бедного и незначащего своего положения, и, наконец, по примеру римлян и афинян, кои любовью к своему отечеству возлагали на себя венцы славы, — принося отечеству свому пользу, имя свое сделать бессмертным»[2].

Личное приниженное положение этих юношей, таивших в себе служебную обиду пасынков дворянства, делало их способными живо сочувствовать и всем тем, кто, подобно им, терпел несправедливости и гнет, со стороны феодальной общественности и государства. Другой член Общества Соединенных Славян, Киреев, в своем ответе на тот же вопрос следователей смело заявил: «Ропот людей разного состояния на тяжесть податей, жалобы состояния поселян, угнетенных беспрестанною работою, и невозможность (в которой видел их) облегчить свою участь, наконец, негодование между военными на строгость дисциплины и худые примеры, слышанные мною с людьми, известными по своим заслугам и

---

1 М. В. Нечкина. «Общество Соединенных Славян». М., 1927 г., стр. 23.
2 «Восстание декабристов. Материалы», т. V. Гиз, 1926 г., стр. 371—372.

достоинству, были первым побуждением к мысли о перемене существующего образа правления»[1]. Особенно близко к сердцу принимали Славяне интересы именно крестьянства, угнетенное положение которого, в их показаниях, рисуется в очень ярких красках, каких нет в показаниях и вообще сочинених других декабристов. «Служа большей частью в армии, — говорил на следствии чуть ли не единственный в Обществе Славян майор, Спиридов, — квартируя в домах у самих крестьян, признаюся: входя в подробный разбор их положения, видя обращения с ними их господ, часто я ужасался и, виноват, причину сему находил в принадлежности (т. е. в крепостном состоянии.— С. В.) их. В Малороссии видел в одной и той же деревне казенного жителя, изобилующего во всем, а господского томящегося в бедности. Потом сделал переход в Житомирскую губернию, более был приведен в скорбь общею бедностью поселян; видел там, что плодородная сия губерния отдает дань одним владельцам, видел неусыпную деятельность хлебопашцев, плоды которой служили обогащению их панов, видел неисчислимые богатства хлеба на токах их, а у поселян к окончанию года недоставало ни зерном, ни печеным, не токмо для продажи, но даже и для пропитания... Сознаюсь, мое сердце содрогалось, жалея их»[2].

Отрицательное отношение этих обездоленных юношей-романтиков к окружавшей их действительности толкало их на чтение и размышление, поселяло в них жажду подвига и, естественно, в конце концов, приводило их к тайному обществу.

Устроенное братьями Борисовыми и находившимся под надзором полиции за участие в польском движении Люблинским Общество Соединенных Славян ставило перед собой грандиозную задачу — «соединить вместе, — говоря словами П. Борисова, — все славянские поколения и сделать оные свободными» путем «государственного переворота»[3]. Братья Борисовы составили особую «клятву», которую должны были давать принимавшиеся в Общество и которая по своему тону напоминала карбонарские клятвы. Кроме того они вместе с Люблинским выработали «Правила», или «Катехизис», Соединенных Славян, проникнутые революционно-

---

1 М. В. Нечкина. «Общество Соединенных Славян». М., 1927 г., стр. 162.
2 «Восстание декабристов. Материалы», т. V, 1926 г., стр. 117—118.
3 Там же, стр. 28.

демократическим духом и по форме также носившие тот же карбонарский характер.

Не выработав ни конкретной программы, ни конкретной тактики, являясь довольно аморфным и в организационном отношении, новое общество, проникнутое сильными, но, в сущности, очень неопределенными порывами к вольности и равенству, тем не менее начало успешно вербовать членов. Особенно много их было принято в первой половине 1825 г., больше, чем за предшествовавшие два года жизни Общества. Вместе с тем Соединенные Славяне стали расширять и поле своей пропагандистской деятельности, завязывая сношения с солдатскими массами. Особенно успешной в этом отношении была деятельность офицеров Черниговского полка, Сухинова, Кузьмина, Щепиллы и Соловьева и артиллериста Андреевича 2-го.

Рост Общества Соединенных Славян и жажда ближе подойти к разрешению поставленных задач уже в исходе 1824 г. заставили руководящих членов Общества заняться обсуждением нового устава и новых организационных форм. Петр Борисов составил проект реорганизации Общества, который в марте 1825 г. был принят на общем собрании членов, происшедшем в местечке Чернихове, в 25 верстах от Житомира. Здесь был временно избран президентом Петр Борисов, его заместителем Громницкий и секретарем мелкий провиантский чиновник Илья Иванов. В окончательном виде руководящий центр решено было создать летом во время сбора корпуса в лагере под Лещиками. Возможно, что тогда же должен был разрешиться и вопрос о выработке детальной программы и определенной тактики. Но в этот критический момент своей жизни, когда Соединенные Славяне должны были из кружка людей, спаянных общим настроением, превратиться в политическую организацию, они как раз в Лещинском лагере были «открыты» М. Бестужевым-Рюминым и С. Муравьевым-Апостолом. С последними вступили в переговоры Петр Борисов, Горбачевский, Громницкий и бывший семеновец, капитан Тютчев, через которого главари Васильковской управы и получили первые сведения о Славянах. На этом свидании была указана главная задача Южного Общества — «введение демократической конституции в наше отечество», — и подвергнуты критике, как утопические, конечные мечты Славян. «Между разговорами» Муравьев-Апостол бросил вскользь и мысль о необходимости цареубийства, осуждая «гишпанцев за то, что они положились на слова

своего короля»[1]. После этого были назначены общие собрания Славян, происходившие на квартирах Петра Борисова и Андреевича 2-го, и здесь М. Бестужев-Рюмин ознакомил их с проектом о Государственном Совете, представлявшим собой изложение основных принципов «Русской Правды» Пестеля, хвалил решимость их немедленно приступить к перевороту, подчеркнул значительную численность состава Южного Общества и его силы, указал, что широко развитое неудовольствие солдат в полках против командиров и разорение крестьян податями подают несомненную надежду на успех «предприятия»[2]. В результате Соединенные Славяне, увлеченные Бестужевым, отличавшимся недюжинными агитаторскими способностями, и определенностью и действительной демократичностью развернутой им Пестелевской программы, приняли его предложение вступить в Южное Общество, как один из подчиненных ему отделов.

Впрочем, среди них, сейчас же после переговоров с Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым, образовалась группа во главе с братьями Борисовыми и Ивановым, которая желала сохранить самостоятельность Общества Соединенных Славян, или присоединив к нему Южное Общество, или взяв с Муравьева честное слово, что он ничего о них не скажет другим членам Южного Общества, и обещав лишь ему, что все Славяне примут участие в перевороте, когда он начнется[3]. Но сами члены этой группы вскоре поняли,— говоря словами П. Борисова, — «невозможность сего», так как, в сущности, они не имели «на своей стороне ничего кроме мечтания»[4], в то время как представленная им Бестужевым Пестелевская программа, с ее народовластием, в виде законодательного «народного веча» и исполнительной «державной думы», и разделом земли в волостях на участки, вполне отвечала демократическим настроениям большинства Славян. Немудрено, что сам П. Борисов, в конце концов, на общих собраниях открыто не выступал против вхождения Славян в Южное Общество, и этим навлек на себя неудовольствие своего брата Андрея, который продолжал стоять на непримиримой позиции.

Разрешив принципиальный вопрос о вхождении Славян в Южное Общество в желательном для себя направлении,

---

1 Там же, стр. 58.
2 Там же, стр. 67—68.
3 М. В. Нечкина. «Общество Соединенных Славян». М., 1927 г., стр. 58.
4 «Восстание декабристов. Материалы», т. V, 1926 г., стр. 54.

главари Васильковской управы чрезвычайно ловко достигли согласия и на такую форму соединения, которая в сущности означала полное подчинение им открытого ими Общества. У Муравьева был устроен съезд членов Южного Общества, на который были приглашены и представители Славян. Последние, — говорит М. В. Нечкина, — «застали у Муравьева блестящее общество видных военных, перед которыми им бы пришлось стоять на вытяжку на каком-нибудь параде или случайном разговоре»[1]. Здесь были полковники Враницкий, Швейковский, Тизенгаузен, Арт. Муравьев, подполковник Фролов, капитан Пыхачев. Говорилось, главным образом, о злоупотреблениях правительства, о необходимости переворота, о силе Общества. Особенно горячо высказывался Арт. Муравьев, в котором Славяне видели «не только решительного революционера, но и ужасного террориста»[2].

Пестелевская программа и преувеличенное мнение о силах Южного Общества в конце концов подкупили большинство Славян, и они приняли на последующих собраниях организационный проект Бестужева-Рюмина. Славяне разделялись отныне на две управы, артиллерийскую и пехотную, которые через своих посредников Горбачевского и Спиридова должны были связаться с членами Васильковской управы, в свою очередь, ведавшими сношениями с оставшейся неизвестной Славянам «Верховною думою». Предписаниям последней все члены должны были слепо повиноваться.

Различный социальный состав Южного Общества и Общества Соединенных Славян приводил к тому, что оппозиционное отношение группы Славян, хотя и небольшой, к руководителям Васильковской управы не было изжито и время от времени открыто проявлялось. П. Борисова, например, искушал вопрос, какие меры будут приняты Обществом для удержания временного правительства в пределах законности и для обуздания его властолюбия и честолюбивых видов, могущих быть весьма пагубными для новорожденной республики. Ответ Бестужева, который «с жаром возразил»: «Как не стыдно вам о сем спрашивать, чтобы те, которые для получения свободы решились бы умертвить своего монарха, потерпели власть похитителей?», едва ли удовлетворил Борисова[3]. У некоторых Славян возбуждала недо-

---

1 М. В. Нечкина. Назв. соч., стр. 46.
2 «Записки декабриста И. И. Горбачевского». М., 1916 г., стр. 22—29.
3 М. В. Нечкина. Назв. соч., стр. 71.

умение и постоянно пропагандируемая Бестужевым мысль, что «наша революция будет подобна революции испанской; она не будет стоить ни одной капли крови, ибо произведется одною армиею, без участия народа»[1]. Мысль эта разделялась и Пестелем, боявшимся вырождения народной революции в бессмысленную Пугачевщину, и С. Муравьевым-Апостолом, полагавшим, что «чернь» способна лишь на Вандею[2]. Но Славяне, будучи в общем, по выражению М. Н. Покровского, «левее Пестеля по своим настроениям», не успели еще выработать «законченной четкой идеологии»[3] как в области программы, так и в области тактики, и поэтому пока что вынуждены были подчиниться руководству правого крыла в Южном Обществе, подкупленные тем, что это правое крыло умело использовало «Русскую Правду» Пестеля. Но, как справедливо отметила М. В. Нечкина, «глубокий разлад», которого нельзя было органически изжить «все более разрастался между Славянами и их новыми руководителями»[4]. Разлад этот особенно сказался в самый момент восстания в Южной армии и в значительной мере обусловил его поражение.

Офицеры-черниговцы, прибежавшие с бала у Гебеля на квартиру С. Муравьева-Апостола, думали было немедленно поднять солдат, но так как последние, воспользовавшись праздником, разошлись по окрестным деревням и на их сбор требовалось время, то было решено, чтобы Бестужев немедленно поехал к Муравьеву, а они станут все приготовлять к восстанию. Бестужев удачно выполнил свою миссию, и в Любаре С. Муравьев-Апостол окончательно решил попытаться организовать восстание. Он вынудил у Арт. Муравьева обещание выступить и, написав записки Славянам Тютчеву и Спиридову, выехал вместе с Бестужевым и своим братом Матвеем в дер. Трилессы, где квартировал поручик Черниговского полка Кузьмин, бывший в это время в Василькове, к которому также удалось послать записку. Из Трилесс Бестужев отправился, повидимому, в Радомысл и Брусилов, где стояли Алексопольский полк во главе с Повало-Швейковским и Кременчугский, во главе с Набоковым. План главарей Васильковской управы состоял в том, чтобы сговориться с другими членами Южного Общества о совместном вы-

---

1 «Записки декабриста И. И. Горбачевского». М., 1916 г., стр. 34—35.
2 М. В. Нечкина. Назв. соч., стр. 75.
3 М. Н. Покровский. «ЮДекабристы». М., 1927 г., стр. 84.
4 М. В. Нечкина. Назв. соч., стр. 77.

ступлении. Однако осуществить этот план не удалось: в Трилессах жандармы и полковник Гебель арестовали обоих Муравьевых, а Бестужева постигла неудача: оба полковника отказались выступить.

Но тут в дело вмешались черниговцы-Славяне. Получив записку от С. Муравьева, Кузьмин, Соловьев, Щепилла и Сухинов немедленно отправились в Трилессы, и 30 декабря, освободив своего подполковника из-под ареста, тем самым начали восстание. Это «происшествие» в Трилессах и явилось исходным моментом восстания Черниговского полка. «Видев ответственность, — говорил С. Муравьев на следствии, — коей подвергли себя за меня четыре сии офицера, я положил, не отлагая времени, начать возмущение и, отдав поручику Кузьмину приказание собрать 5-ю роту и итти на Ковалевку, сам поехал вперед для сбора 2-й гренадерской роты; Соловьеву же и Щепилле приказал из Ковалевки ехать в свои роты и привести их в Васильков»[1]. Под Васильковым к С. Муравьеву присоединился Бестужев-Рюмин. Еще раньше из Ковалевки, Муравьев отправил записку к члену Южного Общества подпоручику Вадковскому в Белую Церковь, где стоял 17-й егерьский полк. По занятии восставшими Василькова Муравьев увидел себя во главе пяти рот Черниговского полка, к которым 1 января в Мотовысловке присоединилась еще одна рота, с подпоручиком Быстрицким.

Теперь необходимо было немедленно выработать дальнейший план действий, и здесь-то обнаружились коренные различия между главарями Васильковской управы и Славянами. Муравьев считал целесообразной тактику выжидания, рассчитывая, что к нему присоединятся со своими частями члены Южного Общества, и даже надеясь, что полки, высланные против него, перейдут на сторону восставших черниговцев. Отсюда он со своими черниговцами все время кружил между Васильковым и Белою Церковью. Совершенно иной характер носил план Славян, выработанный ими в Василькове еще до того момента, когда к ним пришла записка Муравьева из Трилесс. Они хотели с самого начала быстро двинуться на Киев, рассчитывая, что здесь к ним безусловно присоединится Курский пехотный полк и другие полки, стоявшие в окрестностях, а также артиллерийские офицеры во главе с Андреевичем. Кроме того они полагали,

---

[1] «Восстание декабристов. Материалы», т. IV. Гиз, 1927 г., стр. 286—287.

что самое овладение Киевом могло бы значительно повлиять на размеры и характер восстания[1].

Однако, не желая, повидимому, выпустить инициативу из своих рук и боясь преобладающего влияния слишком демократических Славян, С. Муравьев-Апостол воспротивился этому плану действий, и только когда надежда на помощь со стороны членов Южного Общества окончательно рухнула, попытался завести сношения с Киевом через прапорщика Черниговского полка Мозалевского, но было уже поздно. 3 января Черниговский полк был окружен правительственными войсками и после нескольких залпов картечью положил оружие. Сам Сергей Муравьев-Апостол был при этом ранен, его младший брат, юноша Ипполит, и поручик Щепилла убиты, а раненый Кузьмин через несколько часов после ранения застрелился. Не пожелали сдаться правительству поручик Сухинов, взявший на себя во время восстания организационные заботы, и тринадцать солдат, которые, переодевшись, бежали. Они были арестованы позже, при чем отправленный на каторгу Сухинов, единственный из декабристов, сделал попытку в Сибири организовать бунт каторжан в целях освобождения своих товарищей, но его намерение было раскрыто, и он покончил жизнь самоубийством.

Таким образом, если в Петербурге северные декабристы, по выражению М. Н. Покровского, «простояли» революцию, то южные декабристы — ее «проходили»[2]. А между тем объективная возможность успеха, как это признавал для Петербурга еще принц Евгений Виртембергский, а для юга А. И. Михайловский-Данилевский[3], была, но переворот не удался, только не благодаря «случайности», как думал принц Виртембергский, а благодаря тому, что за выполнение задач буржуазной революции взялась дворянская по своему составу интеллигенция, не сумевшая вплотную опереться на народную массу. «Узок круг этих революционеров, — писал В. И. Ленин о декабристах, — страшно далеки они от народа»[4]. И это справедливо не только в отношении Северного Общества, но и Южного и даже Общества Соединенных Славян, которые, вполне сознавая необходимость пропаганды в широких массах народа и их участия в революции, практически сделали для этого очень мало. Вот поче-

---

1 «Записки декабриста И. И. Горбачевского». М., 1916 г., стр. 302.
2 М. Н. Покровский. «Декабристы». М., 1927 г., стр. 88.
3 Записки в «Рус. Стар.», 1890 г., № 11, стр. 496—497; № 12, стр. 719.
4 В. И. Ленин. «Памяти Герцена». Птр., 1920 г., стр. 3.

му, по справедливой оценке Лунина, «декабрьское восстание, как факт, имело мало последствий, но как принцип — огромное значение»[1]. Это значение заключалось в том, что декабристы впервые высоко развернули знамя борьбы с царизмом, потребовавшей для своего завершения почти целых сто лет. Действительно, говоря словами Ленина, «декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной Воли». Шире стал круг бойцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря. Буря — это движение самих масс. Пролетариат — единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян»[2].

ЛИТЕРАТУРА О ДЕКАБРИСТАХ[3]

Источники. Официальные документы: «Восстание декабристов. Материалы». Изд. Центрархива. 8 тт. Гиз, 1925 и сл. гг. (Следственные дела о декабристах и в 8 т. Алфавит декабристов). — «Донесение Следственной Комиссии» (30 мая 1826 г.), у В. Богучарского: «Государственные преступления в России в XIX в.», т. I. Спб., 1906 г. — «Донесение Варшавского Следственного Комитета» (22 декабря 1826 г. — 3 января 1827 г.), там же. — «Бунт Черниговского полка. Официальные рапорты», в «Рус. Арх.», 1871 г. — П. Щеголев. «Николай I и декабристы». Птр., 1919 г. — «Из переписки Николая I в декабре 1825 г.», в «Красном Арх.», т. 5. 1924 г. — «Из записок Николая I о 14 декабря», там же, т. 6. 1924 г. — «Восстание Черниговского полка в показаниях участников», там же, т. 13. 1925 г. — «Междуцарствие 1825 г. и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи». Гиз, 1926 г. — Мемуары и письма декабристов: М. В. Довнар-Запольский. «Мемуары декабристов». Киев, 1906 г. (Между прочим, проект конституции Никиты Муравьева). — А. К. Бороздин. «Из писем и показаний декабристов». Спб., 1906 г. — Г. А. Куклин. «Материалы к изучению революционного движения в России», т. I. Женева, 1905 г. — Практические начала политической экономии» П. И. Пестеля, в «Красн. Арх.», т. 13. 1925 г. — П. М. Головачев (ред.). «Декабристы. Материалы для характеристики». Изд. М. Зензинова. М., 1907 г. — «Декабристы». Неизданные материалы и статьи. Под ред. Б. А. Модзалевского и Ю. Г. Окс-

---

[1] М. С. Лунин. «Общественное движение в России. Письма из Сибири». Изд. Муз. Рев. М., 1926 г., стр. 13.

[2] В. И. Ленин. «Памяти Герцена». Птр., 1920 г., стр. 3—4.

[3] Более подробные указания см. у С. Вознесенского «Библиографические материалы для словаря декабристов». Изд. Гос. Публ. Библ. Л., 1926 г., и Н. М. Ченцова «Восстание декабристов. Библиография», изд. Центрархива. М.—Л., 1929 г.

мана. М., 1925 г. — «Декабристы на каторге и в ссылке». Сборн. изд. ж. «Каторга и Ссылка». М., 1925 г. — «Памяти декабристов». Сборн. материалов. Изд. Акад. Наук. 3 тт. Л., 1925—1926 гг. — П. И. Пестель. «Русская Правда. Наказ временному Верховному Правлению». Под ред. П. Е. Щеголева. Спб., 1906 г. — Записки Штейнгеля, Оболенского и Фон-Визина, в сб. «Общественные движения в России в первую половину XIX в.». Спб., 1905 г. — «Записки и письма декабриста И. И. Горбачевского». Изд. 2-е. М., 1925 г. — «Воспоминания братьев Бестужевых». Птр., 1917 г. — «Записки И. Д. Якушина». Изд. 7-е. М., 1926 г. — И. И. Пущин. «Записки о Пушкине и письма из Сибири». М., 1925 г. — С. Г. Волконский. «Записки». Спб., 1902 г. — «Записки декабриста Д. И. Завалишина». Спб., 1906 г. — «Записки декабриста Н. И. Лорера». М., 1931 г. — «Записки декабриста кн. С. П. Трубецкого». Спб., 1907 г. — Н. И. Тургенев. «Россия и русские», т. I. М., 1915 г. — «Оправдательная записка Н. И. Тургенева», в «Красн. Арх.», т. 13. 1925 г. — Барон А. Е. Розен. «Записки декабриста». Спб., 1907 г. — М. И. Муравьев-Апостол. «Воспоминания и письма». Птр., 1922 г. — А. М. Муравьев. «Записки». Птр., 1922 г. — М. С. Лунин. «Сочинения и письма». Птр., 1923 г. — М. С. Лунин. «Общественное движение в России. Письма из Сибири». Гиз. 1926 г.

Исследования. М. Н. Покровский. «Русская история», т. III, гл. «Декабристы». — Его же. «Декабристы». Сборн. статей. М.,1927 г. — Его же. «Очерки по истории революционного движения в России XIX—XX вв.». М., 1924 г. — Н. А. Рожков. «Декабристы», в сборн. «Русское Прошлое», кн. 1. Птр., 1923 г. — М. Ольминский. «Происхождение жандармов», в его сборнике статей «Из прошлого». М., 1919 г. — Его же. «Две годовщины», в «Рабоч. Москве», 1923 г., № 283, от 18 декабря. — Н. П. Павлов-Сильванский. «Материалисты 20-х годов», в его «Очерках по русской истории XVIII—XIX вв.». Спб., 1910 г. — В. И. Семевский. «Политические и общественные идеи декабристов». Спб., 1907 г. — М. В. Довнар-Запольский. «Декабрьская революция 1825 г.», в ж. «Голос Минувш.», 1917 г., № 7—8. — А. Н. Шебунин. «Из истории дворянских настроений 20-х гг. XIX в.», в ж. «Борьба Классов», кн. 1—2. Л., 1924 г. — Его же. «Н. И. Тургенев». М., 1925 г. — Евг. Тарле. «Военная революция на западе Европы и декабристы», в ж. «Каторга и Ссылка», 1925 г., № 8. — С. Н. Чернов. «К истории политических столкновений на Московском съезде 1821 г.», в «Уч. Зап. Саратов. Гос. Унив.», т. IV, вып. 3. 1925 г. — М. Муравьев. «Идея временного правительства у декабристов и их кандидаты», в сборн. «Тайные общества в России в начале XIX в.». Изд. ж. «Каторга и Ссылка». М., 1926 г. — А. Е. Пресняков. «14 декабря 1825 г.». М., 1926 г. — П. Е. Щеголев. «Декабристы». М., 1926 г. — М. В. Нечкина. «Общество Соединенных Славян». М., 1927 г. — Е. Щепкина. «Помещичье хозяйство декабристов», в ж. «Былое», № 31, 1925 г. — Б. Д. Греков. «Хозяйственное состояние России накануне выступления декабристов», в сб. «Бунт Декабристов». Изд. ж. «Былое». Л., 1926 г. — Н. Л. Рубинштейн. «Экономическое развитие России в начале XIX в., как основа движения декабристов», в ж. «Каторга и Ссылка», 1925 г., № 8 (21).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Рост промышленного капитала в 20 — 50-х годах и его столкновение с феодально-крепостническим строем.

ПЕРИОД РАЗЛОЖЕНИЯ КРЕПОСТНОГО ХОЗЯЙСТВА И НАЗРЕВАНИЕ КОНФЛИКТА МЕЖДУ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМ СПОСОБОМ ПРОИЗВОДСТВА И СУЩЕСТВОВАВШИМИ ФЕОДАЛЬНЫМИ ПРОИЗВОДСТВЕННЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ В 1825—1860 гг.

Издатель журнала «Русский Земледелец», проф. Павлов, констатировал в 1838 г. [1], что в то время, как земледелие в России «стоит почти неподвижно», обрабатывающая промышленность «достигла изумительного развития». Это утверждение относительно промышленности без особой натяжки можно распространить почти на все царствование Николая I. Действительно, количество фабрик и рабочих на них, как показывают нижеследующие цифры [2], неуклонно росло вплоть до Севастопольской кампании. Так: в 1825 г. было 5 263 фабрики и 210 568 рабочих, а в 1853 г. уже 10 087 фабрик и 481 018 рабочих.

О росте отдельных отраслей производства дает представление следующая таблица [2]: (см. на обороте).

Из этой таблицы видно, что при значительном увеличении всех отраслей промышленности произошло сокращение, также значительное, одной полотняной промышленности. Объясняется это следующими причинами. Прежде русская полотняная промышленность очень много вырабатывала парусины, находившей еще в XVII и XVIII веках большой сбыт в Западной Европе. Появление парового морского транспорта, естественно, должно было значительно уменьшить заграничный спрос. Кроме того, распространение в массах населения

---

[1] «Русский Земледелец», 1838 г., № 1, стр. 8.

[2] М. И. Туган-Барановский. «Русская фабрика в прошлом и настоящем», т. I. Изд. 3-е. Спб., 1907 г., стр. 85.

[3] М. И. Туган-Барановский. Назв. соч., стр. 89 (данные за 1825 г.), и А. Семенов. «Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности», ч. 3. Спб., 1859 г. Прилож. VI, стр. 486—493 (данные за 1850 г.).

Годы	Число предприятий	Число рабочих	Число предприятий	Число рабочих
	Суконных		Хлопчатобумажных	
1825	324	63 тыс.	484	47 тыс.
1850	492	81 „	480	109 „
	Шелковых		Полотняных	
1825	184	10 тыс.	196	27 тыс.
1850	395	18 „	122	14 „
	Сахарных		Железоделат. и чугунолитейн.	
1825	43	$1^1/_6$ тыс.	117	22 тыс.
1850	354	37 „	416	72 „
	Кожевенных		Мыловар., свечн., салотоп.	
1825	1.784	8 тыс.	990	5 тыс.
1850	1.889	12 „	1.326	$9^1/_2$ „

как в России, так и в Западной Европе дешевых хлопчатобумажных тканей вытесняло с внутреннего и внешнего рынка и различные сорта полотна, стоившие значительно дороже. Такое сужение рынка сбыта уже в 20-х годах XIX в. повело к резкому падению цен на полотняные изделия. Так, в 1823 г. цена на фламское полотно упала за кусок с 52 р. до 45 р. и на равендук — с 25 р. до 20 р., а в 1843 г. дошла для фламского полотна до 25 р. и равендука — до 18 р.[1]. За счет сокращения полотняной промышленности в большей мере и росла промышленность хлопчатобумажная. При этом в области последней развивалось не только бумаготкацкое производство, но с 40-х годов и бумагопрядение, как это можно усмотреть из следующих данных[2]:

Средний ежегодный ввоз в Россию в тысячах пудов:

Годы	1825—1830	1830—1835	1835—1840	1840—1845	1845—1850	1850—1855	1855—1860
Хлопка . . .	10	15	32	53	112	167	262
Пряжи . . .	43	56	59	59	35	12	21

[1] А. Ф. Грязнов. «Ярославская большая мануфактура». 1910 г., стр. 86.
[2] М. И. Туган-Барановский. «Русская фабрика», т. I. Изд. 3-е. Спб. 1907 г., стр. 61.

Рост прядения в России, как и в других странах Западной Европы, долгое время тормозился оттого, что Англия, введя у себя бумагопрядильные машины, чрезвычайно удешевившие пряжу, держала их конструкцию в строгом секрете, и только в 40-х годах, после того как такие машины, правда, худшего качества, появились в Австрии и Германии, разрешила их вывоз и быстро развила их производство для европейского рынка. Понятно, что с этого момента, выписывая английские прядильные машины. Росси получила возможность вырабатывать собственную пряжу.

Что же касается географического распределения промышленности, то нужно сказать, что центром легкой индустрии были Подмосковный район, а центром тяжелой — Пермская и Оренбургская губернии, о чем свидетельствует следующая таблица [1]:

Распределение предприятий и рабочих по губерниям в 1846 г.

Губернии	Число фабрик и заводов	Количество рабочих
Московская	1.249	114.454
Владимирская	327	83.421
Пермская	352	37.751
Тульская	172	22.984
Петербургская	264	21.751
Костромская	72	18.178
Калужская	125	17.463
Оренбургская	185	16.026
Тамбовская	190	13.479
Киевская	183	12.090
Курская	265	11.161
Харьковская	160	10.742

Из городов по своему промышленному значению первое место занимала Москва. Еще не так давно она, по выражению Пушкина, «была сборным местом для всего русского дворянства, которое изо всех провинций съезжалось в нее на зиму», а в 30-х годах казалась поэту утратившей «свой аристократический блеск» и приобревший значение по преимуществу торгово-промышленного центра, где «купечество богатеет и начинает селиться в палатах, покидаемых дворянством»[2]. То же впечатление получил от Москвы в 40-х

[1] К. А. Пажитнов. «Положение рабочего класса в России», т. I. Изд. 2-е. Л. 1925 г., стр. 25.

[2] А. С. Пушкин. «Мысли на дороге (1833 г.)», в его Собр. соч. Изд. Павленкова, стр. 1220 и 1222.

годах и бар. Гакстгаузен, отметивший, что «в последние 30 лет внешний вид и характер Москвы совершенно переродился», — «место прежнего дворянства с его многочисленной ленивой дворней заступили теперь фабриканты с не меньшим количеством рабочих»[1].

Действительно, рост в пределах Москвы количества рабочих, с развитием в ней фабрик и заводов, принял такие размеры, что в 1848 г., когда революционное значение пролетариата, особенно благодаря Февральской революции во Франции, было осознано и русским правительством, генерал-губернатор Закревский выступил с проектом воспрещения устройства здесь новых предприятий. Он не желал допустить дальнейшего скопления в Москве «бездомных и безнравственных людей, которые легко пристают к каждому движению, нарушающему общественное или частное спокойствие». Николай I внял его встревоженному голосу и, несмотря на противодействие фабрикантов, нашедших поддержку в министерстве финансов, в 1849 г. издал соответствующий указ[2]. Впрочем, возникновение фабрик и заводов в сельских местностях и даже перенесение существующих уже из городов, в частности из Москвы, вызывалось еще и тем обстоятельством, что истощение лесов в окрестностях фабрично-заводских центров приводило к чрезвычайной дороговизне топлива. Как бы то ни было, количество предприятий в Москве с этого времени и вплоть до 60-х годов оставалось почти одинаковым.

Что же касается Петербурга, то он значительно уступал Москве: в последней насчитывалось в 40—50-х годах до 40 тысяч рабочих, а в первом от 11 до 20 тысяч. «Всем известно,— писал «Журнал Министерства Финансов» в 1857 г.,— что Петербург не может быть назван мануфактурным городом. Главная его задача — посредство в заграничной торговле, а промышленность его заводов по большей части вызвана насущными местными потребностями и нуждами его многочисленных заведений»[3].

---

[1] Бар. Гакстгаузен. «Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России», т. I. М., 1869 г., стр. 32 и 33.

[2] К. А. Пажитнов. «Положение рабочего класса в России», т. I. Л., 1926 г., стр. 21.

[3] Там же, стр. 21.

Кроме городов, крупными промышленными центрами были и некоторые села. Так, в 40-х годах XIX века в принадлежавшем гр. Шереметеву селе Иванове, в 30 верстах от Шуи, было до 130 ситцевых фабрик, из которых 20 больших, 40 средних и до 70 мелких. Из общего числа фабрик 63 принадлежали крепостным крестьянам, а остальные — купцам, большею частью выкупившимся на волю из крестьян же. В этом «русском Манчестере», как назвал село Иваново бар. Гакстгаузен, вырабатывалось в год на 8 млн. руб. ситца и платков и кормилось более 50 тысяч «окрестного народа» [1]. В селе Ворсме, по сведениям, собранным в 1849 г., была одна стальная фабрика, принадлежавшая крестьянину гр. Шереметева Завьялову, на которой работало 140 человек и производилось изделий на 53 тыс. руб., и три стальных завода — все также крестьян гр. Шереметева, — имевшие семь печей для производства стали, продававшейся на Нижегородской ярмарке за 13½ тыс. руб. Кроме того в этом селе находилось 200 кузниц, 20 колес, приводимых в движение лошадьми, для точения топоров, мотыг, лопат, ножниц и долот, и 80 колес, приводимых руками, наконец, 247 слесарных верстаков. Ворсмские слесаря, в количестве 339 человек, изготовляли перочинных, складных, крестьянских и садовых ножей на 85 тыс. руб. [2].

При общем увеличении в 1825—1850 гг. количества фабрик с 5.261 до 9.848 и рабочих с 210 тыс. человек до 517 тыс., сумма выросла с 46½ млн. руб. до 166 млн. руб.[3]. Сопоставление этих данных, без сомнения, указывает на значительное увеличение за вторую четверть XIX века и интенсивности труда. Последнее обстоятельство главным образом зависело от того, что намечавшееся еще в первые десятилетия XIX века вытеснение вотчинной и поссессионной фабрик фабрикою с наемными рабочими продолжало в рассматриваемый период итти вперед, как наглядно показывает относящийся сюда материал [4]:

---

1 «Журнал Мин. Внутр. Дел.», 1844 г., июль. Смесь, стр. 134 и сл.

2 Архимандрит Макарий. «Материалы для географии и статистики Нижегородской губ.», в «Сборн. статистич. сведений о России», изд. Геогр. Общ. Кн. 3. Спб., 1858 г., стр. 618.

3 А. Семенов. «Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности», ч. 3. Спб. 1859 г., стр. 286.

4 К. А. Пажитнов. «Положение рабочего класса в России», т. I. Изд. 2-е. Л. 1926 г., стр. 52, 54 и 60.

Годы	Всего рабочих	В том числе:					
		Наемных		Вотчинных		Поссессионных	
	Абсолют. число	Абсолют. число	В %%	Абсолют. число	В %%	Абсолют. число	В %%
1825 г. . . .	210 тыс.	114 тыс,	54	67 тыс.	32	29 тыс.	14
1860 г. . .	565 „	494 „	87	59 „	11	12 „	2

Отсюда видно, что охарактеризованный выше рост обрабатывающей промышленности происходил исключительно за счет капиталистической формы производства — фабрики, работавшей на вольнонаемном труде. Сознавая все выгоды последнего, и прежде всего возможность введения машин, что становилось теперь, с расширением производства, требовавшего выхода фабрикатов на вольный рынок, прямо-таки необходимым, владельцы поссессионных фабрик уже в 20-х годах настойчиво добивались у правительства права ликвидировать поссессионный труд. Только закон 1824 г., разрешавший им это делать всякий раз с утверждения комитета министров, их не удовлетворял, и они хотели более общего и более упрощающего дело постановления на этот счет. Основной мотив, заставлявший поссессионных фабрикантов обращаться к правительству, ярко выражен в ходатайстве купцов Хлебниковых. Они прямо заявляют[1], что «как духом времени изменилось фабричное производство, введен в оное механизм, заменяющий ручные работы, то и производство на фабриках работ поссессионными людьми не только неудобно, но и наносит постоянно важные убытки». Что это было действительно так, свидетельствует следующий факт: известный фабрикант Осокин в 1833 г. выписал тридцать три прядильных и трепальных машины, но из них лишь семь могут пустить в действие, так как иначе он должен был бы занять лишь небольшое число своих поссессионных рабочих, а остальным, составлявшим неотъемлемый инвентарь поссессионной фабрики, платить жалованье за ничто.

Введение машин не было, конечно, единственным мотивом перехода поссессионных фабрик к вольнонаемному труду. Дело в том, что посессионные рабочие представляли собой наи-

[1] М. И. Туган-Барановский. «Русская фабрика», т. I, изд. 3. Спб., 1907 г., стр. 61.

2 Там же, стр. 126.

более революционный элемент в слагавшемся тогда рабочем классе, что, понятно, не могло нравиться фабрикантам. Еще в 1816 г. владелица Царкосельской бумажной фабрики Хлебников признала[1], что «мастеровые», считая себя в классе людей, совершенно отличном от крестьян помещичьих, и полагая себя наравне с казенными, напитаны духом неповиновения к воле владельца». Бороться с этим «духом неповиновения» было трудно, так как «буйство их останавливает самую малейшую меру наказания, заслуженного нерадением и леностью, сими всегдашними спутниками мастеровых, неповинующихся своим владельцам». Особенно недовольны были поссессионные рабочие тем, что им платили заработную плату в значительно меньшем размере, чем наемным; поэтому они часто выступали с бурными протестами, отражавшимися неблагоприятно на ходе производства. Немудрено, что фабрикант Губин, например, просил о ликвидации на его фабрике поссессионного труда именно потому, что «он не надеется водворить между крестьянами совершенное спокойствие и даже страшится быть в имении»[2].

Кроме того, даже когда фабриканты начинали платить поссессионным рабочим такую же плату, как и наемным, все же их труд, как труд принудительный, становился во многих отношениях помехой для дальнейшего роста производительности. Так, например, как это было отмечено в «Журнале Мануфактур и Торговли»[3],— поссессионные «с большой неохотой принимаются за способ производства более или менее улучшенный, и всегда наемные рабочие лучше их». Благодаря этому в 40-х годах XIX века фабрика с поссессионными рабочими ценилась значительно ниже, чем фабрика без всяких обязательных рабочих. Так, наследники Кунавинской фабрики Бабкиных хотели было ее продать, но это оказалось невозможным «по неохотности капиталистов брать на себя тягость поссессионных обязанностей», как они заявляли в своем ходатайстве об освобождении своих рабочих[4]. Что же касается опасения не найти подходящих наемных рабочих с ликвидацией поссессионного труда, то такового фабриканты не испытывали. «При общем распространении у

---

1 Архив кредитной канцелярии. Дело № 39, отд. 3. 1814—1822 гг., л. 68 и сл.

2 М. И. Туган-Барановский. Назв. соч., стр. 112.

3 А. Ш. «О состоянии рабочих в России», в «Журн. Мануф. и Торг.», 1837 г., № 12.

4 М. И. Туган-Барановский. Назв. соч., стр. 109, прим.

нас фабричной промышленности,—писал в 1839 г. фабрикант Колокольцев [1],— образовалось достаточное количество вольнонаемных мастеровых, для всех родов фабрикации, и ткацкое производство... поставлено больше в зависимость от машин, нежели от мастеровых».

Массовый характер, какой приняли в 30-х годах ходатайства фабрикантов об отмене поссессионного права, побудил Николая I издать закон 18 июня 1840 г., разрешавший владельцам поссессионных фабрик отпускать своих рабочих на волю без специальных ходатайств об этом перед комитетом министров. По этому закону, фабрикант получал из казны известное вознаграждение, если он освобождал рабочих, приобретенных покупкою или за плату от казны; в противном случае рабочие увольнялись безвозмездно. Но так как дворянское правительство в эту эпоху очень боялось «язвы пролетариатства», оно приняло против этого меры, конечно, за счет буржуазии. А именно, рабочие должны были приписаться или в государственные крестьяне или в мещане, получая при этом определенное пособие от фабриканта. Поэтому увольнение рабочих, приобретенных фабрикантом без земли, путем, например, приписки, могло сопровождаться для фабриканта более или менее значительными денежными жертвами. Тем не менее невыгодность поссессионного труда приводила к тому, что фабриканты стали довольно широко пользоваться законом 1840 г. Так, в период 1840—1861 гг. было отпущено на волю почти до 20 тысяч поссессионных рабочих, т. е. значительно больше половины всего их количества.

Что касается вотчинной фабрики, то, достигнув в первой четверти XIX века своего наивысшего расцвета, она затем стала с 40-х годов быстро хиреть, когда, удовлетворив полностью казенный спрос, очутилась перед необходимостью обслуживать вольный рынок. Правда, в исходе 20-х и начале 30-х годов, благодаря сельскохозяйственному кризису, многие помещики занялись устройством в своих имениях промышленных предприятий, особенно мелких. «Постоянное уменьшение,— писал «Журнал Мануфактур и Торговли» в 1837 г.[2],— требований заграничными государствами главнейших продуктов нашего земледелия, так же как более близкое изучение средств промышленных собственной страны были

---

1 Там же, стр. 113.

2 А. Ш. «О состоянии рабочих в России», в «Журн. Мануф. и Торг.», 1837 г., № 12.

главными причинами того, что помещики старались обратить часть своих людей в предприятия промышленные разного рода. Это почти общее направление нынешнего времени».

Побуждало дворян к этому, по свидетельству бар. Гакстгаузена[1], также и наличие многочисленной дворни и местами образование малоземелья, при котором занять всех своих крепостных земледельческой барщиной не представлялось возможным. Положение рабочих на вотчинных фабриках было особенно скверным, так как их отношения к владельцам совершенно не регулировались публичной властью. Помещики,— писал Н. И. Тургенев[2],— помещают сотни крепостных, преимущественно молодых девушек и мужчин, в жалкие лачуги и силой заставляют работать... Я вспоминаю, с каким ужасом говорили крестьяне об этих заведениях, они говорили: «в этой деревне есть фабрика», с таким выражением, как если бы хотели сказать: «в этой деревне чума». Тяжелая, совершенно непривычная для крестьян работа на вотчинной фабрике поддерживалась исключительно суровой дисциплиной. Так, в Рузском уезде на фабрике Воейковой находилось до 300 крепостных, «над которыми помещица тиранствовала с таким изуверством и жестокостью», что старый рабочий, рассказывавший об этом уже после реформы 1861 г., по словам Погожева[3], «даже теперь не мог вспомнить без ужаса и содрогания об этой барыне, за малейший проступок подвергавшей нещадной порке по 10—12 рабочих ежедневно».

Волнения, вполне естественные, на вотчинных фабриках, в частности на фабрике помещика Груздева в Рузском уезде, не могли не привлечь в конце концов внимания правительства. В начале 30-х годов московский генерал-губернатор кн. Д. В. Голицын признал нужным выработать особые правила, регулирующие фабрично-заводскую барщину. Однако комитет министров нашел, что непосредственное вмешательство правительственной власти в отношении помещика к крепостным неудобно, и ограничился лишь «секретным» предложением губернаторам и предводителям дворянства «наблюдать», во-первых, «чтобы при учреждении новых фабрик и заводов помещики, по возможности, избегали обраще-

---

[1] Бар. Авг. Гакстгаузен. «Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России», т. I. М., 1869 г.
[2] N. Tourgeneff. «La Russie et les Russes». T II. Paris, 1842, p. 143—144.
[3] А. Погожев. «Вотчинные фабрики», в «Вестн. Европы», 1879 г., № 7.

ния пахотных крестьян, особенно же целыми селениями, к фабричным работам», и во-вторых, чтобы не требовали от фабричных крепостных «более трех дней в неделю или же чтобы работали брат на брата так, чтобы половину месяца оставались всегда на своем собственном хозяйстве»[1].

Конечно, такого рода правительственное воздействие не могло привести к улучшению положения крепостных рабочих. Более сильным оказалось здесь влияние экономики. В 40-х годах гр. Киселев, в докладе комитету по устройству дворовых людей писал[2]: «В отношении фабричного и заводского дела ныне признано уже за неоспоримую истину, что наемный труд несравненно выгоднее работ, производимых крепостными, тем более, что владелец для содержания одного крепостного работника должен кормить целую семью и уплачивать за нее подати и повинности».

Некоторые помещики пробовали устанавливать для своих крепостных в небольшом размере задельную плату, а уездный московский предводитель дворянства Сухово-Кобылин предлагал вообще эту плату сделать обязательной, разложив ее на все тягла, не привлеченные к фабричной работе; «через сие распределение, — полагал он, — возбудится в крестьянах хозяйственность, трудолюбие, а с сим вместе и добрая нравственность»[3]. Но поставить фабрики на «коммерческом положении», даже при оплате крепостного труда, помещикам не удалось, так как загнанные принудительно на фабричные работы крепостные крестьяне продолжали трудиться крайне неинтенсивно. При таких обстоятельствах вотчинная фабрика, особенно в центрально-промышленном районе, где был развит вольнонаемный труд, не могла конкурировать с изделиями капиталистической фабрики и довольно быстро ликвидировалась. Более устойчивым ее положение было лишь в южных губерниях, где вообще не существовало развитой обрабатывающей промышленности и где в годы сельскохозяйственного кризиса некоторые помещики усиленно занялись фабричным предпринимательством. Но,

---

[1] К. А. Пажитнов. «Промышленный труд в крепостную эпоху». Сборн. материалов. Л., 1924 г., стр. 111—112.

[2] Бар. М. Корф. «Имп. Николай I в совещательных собраниях (из современных записок)», в «Сборн. Рус. Ист. Общ.», т. 98. Спб., 1896 г., стр. 214.

[3] К. А. Пажитнов. «Положение рабочего класса в России», т. I. Изд. 2-е. Л., 1926 г., стр. 59.

конечно, это передвижение дворянской промышленности из центрально-промышленного района в центрально-земледельческий не спасло дворянских фабрик от неминуемой смерти, а только делало несколько более продолжительной их предсмертную агонию. Спасти их могло лишь полное уничтожение крепостнических условий труда. Недаром Жуков писал в 1848 г.: «Я думаю, что дворянство благоразумно поступит, если предложит купцам заводить на своих (дворянских) землях фабрики... на обоюдно выгодных условиях! Тогда с знанием дела и значительными капиталами примутся за эту работу механическим способом» [1]. Другими словами, уже в исходе 40-х годов для Жукова было ясно, что непосредственное дворянское предпринимательство полностью обанкротилось.

Конечно, массовый переход обрабатывающей промышленности к наемному труду в 30—40-х годах, естественно, вызывал замену ручного способа производства машинным, которая и начала усиленно производиться с конца 40-х и особенно в 50-е годы. Об этом прежде всего свидетельствовало более быстрое увеличение ввоза машин и аппаратов сравнительно с ввозом ручных инструментов.

Так, в среднем в год ввозилось [2]:

в 1841—45	гг.	машин	на	668	тыс.	руб.,	а инструментов	на	373	тыс.	руб.
„ 1846—50	„	„	„	1 681	„	„	„	„	505	„	„
„ 1851—55	„	„	„	2 103	„	„	„	„	412	„	„
„ 1856—60	„	„	„	7 513	„	„	„	„	859	„	„

В то же время машины стали производиться и в самой России, сначала на заводах Берда и Шепелевых, а затем и на других. Так, в 1850—1855 гг. число машиностроительных заводов увеличилось с 25 до 29, количество рабочих с 1 475 человек до 3.813, и сумма производства — с 423 тыс. руб. до 2.005 тыс. руб.[3]. Другими словами, туземное производство стало покрывать спрос в количестве, раза в три с половиною меньшем, чем иностранный ввоз, шедший преимущественно из Англии, частью из Бельгии и Франции. Насколько быстро происходила замена ручного труда на русских фабриках и заводах, показывают данные о распространении па-

---

[1] А. И. Жуков. «Руководство отчетливо, успешно и выгодно заниматься русским сельским хозяйством». М., 1848 г.

[2] В. И. Покровский. «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», т. I. Спб., 1902 г., стр. 265, 266 и 267.

[3] А. Семенов. «Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности», ч. 3. Спб., 1859 г., стр. 491.

ровых двигателей в наиболее промышленной губернии, Московской. Оказывается, что в ней насчитывалось [1]:

	В 1847—48 гг.	В 1858 г.
Паровых машин	67	152
Мощностью в лошад. силах . . .	1 203	3 115
При них паровых котлов	114	355

Машинный труд становился все более необходимым не только в силу стремления капиталиста экономить на заработной плате, сокращая посредством машинизации производства количество необходимых рабочих. Этим путем предполагалось также и бороться с кустарем, давно уже досаждавшим своей конкуренцией крупному предпринимателю. Насколько трудна была эта борьба, показывают следующие данные из области бумаготкацкой промышленности [2].

Годы	Число рабочих на бумаготкацких фабриках	Ввоз в Россию хлопка и бумажной пряжи
1836	94 751	865 тыс. пуд.
1852	81 454	1 960 „ „
1857	75 517	2 765 „ „

Уменьшение количества рабочих на бумаготкацких фабриках, при значительном росте в России потребления хлопка и пряжи, конечно, не может быть отнесено всецело на счет прогресса техники: кустарная светелка, без сомнения, была еще вполне жизнеспособной формой производства. Недаром, по данным Семенова, в хлопчатобумажной промышленности в конце 50-х годов на 75 тысяч фабричных рабочих приходилось примерно до 386 тысяч кустарей [3]. Впрочем, конфликты между фабрикой и кустарной избой не всегда имели место. Тот факт, например, что на всех полотняных и полотно-пестрядейных фабриках Владимирской губернии состояло в 1832 г. 2.977 рабочих, а по окрестным деревням на те

[1] «Вестник Промышленности», 1858 г., т. I, ч. 2.
[2] М. И. Туган-Барановский. «Русская фабрика», т. I. Изд. 3-е. Спб., 1907 г., стр. 231.
[3] А. Семенов. «Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности», ч. 3. Спб., 1859 г., стр. 873.

же фабрики работало 8.579 кустарей[1], служит ярким свидетельством, что сама фабрика еще не была заинтересована в полной концентрации у себя всех производственных процессов. Она иногда ограничивалась лишь тем, что через раздаточную контору ставила от себя в известную зависимость кустарные избы. Но, понятно, такое взаимоотношение было временным, и в дальнейшем введение в поризводство машин должно было привести к сокращению кустарных промыслов.

Количественный рост обрабатывающей промышленности, с переходом ее к капиталистическому способу производства, естественно, сопровождался и качественными улучшениями ее продукции. Об этом свидетельствовал, например, отчет «о состоянии российских мануфактур», читавшийся при открытии «мануфактурного совета» в 1828 г.: «Ленты, газовые и узорчатые материи ткутся ныне у нас столь превосходно, что равняются во всех отношениях с лучшими иностранными, и изяществу наших шелковых изделий отдана справедливость на самой даже Лейпцигской ярмонке, куда оные в истекающем году посланы были». И только, как констатировалось в отчете, «российские сукна не могут выдержать совместничества с иностранными»[2], так как, прибавим мы от себя, их вырабатывали тогда преимущественно на вотчинных или посессионных фабриках. На промышленное развитие России оптимистически смотрел в 1836 г. и Н. И. Надеждин. Полемизируя со взглядами П. Я. Чаадаева, высказанными им в его «Философическом письме», он писал относительно успехов русской промышленности: «Все изделия пользы, удобства и роскоши не стыдятся уже носить русский штемпель, свидетельство русского происхождения»[3]. Конечно в этих отзывах многое преувеличено, и в этом отношении заслуживает полного доверия лишь мнение Государственного Совета, выраженное в журнале его от 11 мая 1836 г.: «Нет сомнения, что, при настоящем усовершенствовании фабрик и мануфактур, изделия наши могут начинать соперничество с иностранными, приготовляемыми совместно для азиатского торга»[4]. А эти последние изделия, по компетентному свидетельству одного чиновника, «принадлежат к самому низшему разряду», так как и Германия

---

[1] М. И. Туган-Барановский. Назв. соч., т. I, стр. 236.
[2] М. Н. Покровский. «Русская история», т. V. Изд. 2-е. М., 1915 г., стр. 10.
[3] «Две статьи Н. И. Надеждина», в «Рус. Стар.», т. CXXXI, 1907 г., № 8, стр. 241.
[4] М. Н. Покровский. Назв. соч., стр. 23.

и Англия сбывали тогда на Восток «все то, что не может служит к потреблению Европы»[1]. Такого рода сравнение конечно не высоко расценивало русские изделия «как в доброте, так и в цене».

И это происходило, главным образом, потому, что русская промышленность в Николаевское царствование развивалась в обстановке, мало обеспечивавшей свободу конкуренции. «Если бы наши фабрики не покровительствовало отечески заботливое правительство, — справедливо писал упоминавшийся уже нами Жуков[2], — то они не могли бы выдерживать соперничества с иностранными по дешевизне и прочности произведений, хотя сырой материал и был под руками наших фабрикантов». Действительно, из действовавших в это время тарифов один, изданный в 1822 г., был почти запретительным, а другой, изданный в 1850 г., — строго охранительным. Недаром англичане жаловались, что «в то время как британская торговля с другими европейскими государствами более или менее быстро росла, торговля с Россией оставалась на одном уровне или даже становилась менее значительной»[3]. Кроме того, ввоз к нам, ранее состоявший из массы предметов потребления, особенно шерстяных и хлопчатобумажных тканей, теперь ограничивался преимущественно машинами, красками и другими необходимыми для производства материалами.

Понятно, что русская промышленная буржуазия, под охраной таможенной политики, которая для самодержавия служила одним из доходных источников, занимала в стране почти монопольное положение. Это положение она прежде всего и использовала, не столько в отношении улучшения техники, сколько в отношении прямого нажима на карман потребителя и заработную плату рабочего. Ни один капиталист в России, по свидетельству бар. Гакстгаузена[4], не заводил промышленного предприятия, если у него не было уверенности в получении 20—25% барыша. При столь высокой прибыли, получаемой без большого напряжения сил, в спокойной обстановке за высокой тарифной стеной, русской

---

[1] Там же.

[2] А. И. Жуков. «Руководство отчетливо, успешно и выгодно заниматься русским сельским хозяйством». М. 1848 г.

[3] М. Н. Покровский. «Русская история», т. V. Изд. 2-е. М., 1915 г., стр. 28.

[4] Бар. Авг. Гакстгаузен. «Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России», т. I. М., 1869 г.

буржуазии жилось недурно. От тогдашнего фабриканта, по замечанию другого современника, Жукова[1], «пахнет еще дегтем, а он норовит уже засесть в боярские палаты, павлиниться в немецком платье и экипаже, развесить на жене жемчуг и бриллианты» и сделать дочек «ротмистершами или анаральшами».

Тем не менее благополучие промышленности в России было далеко не прочным уже по одному тому, что ее количественый рост обгонял рост внутреннего рынка. Богатые слои населения еще в значительной мере потребляли качественно лучшие иностранные изделия, так как производство предметов роскоши в России было и невелико, и недостаточно хорошо поставлено, а основная масса народа, крепостные крестьяне, далеко не обладали достаточными покупательными способностями, чтобы полностью раскупать и производившуюся в стране «дешевку». Правда, Николай I, близко принимая к сердцу интересы буржуазии,— там, конечно, где они не противоречили интересам дворянства,— своими войнами с Персией в 1826—1828 гг. и с Турцией в 1828—1829 гг. дал возможность русским купцам снабжать русскими фабрикатами эти страны. Но, несмотря на учреждение русских консульств в Персии и освобождение русских купцов в Персии и Турции от уплаты всяких внутренних пошлин, ввоз в эти страны русских изделий был невелик и, что особенно важно, с течением времени все более падал, как это видно из следующих данных[2]:

Годы	Ввоз изделий	Годы	Ввоз изделий
1824—1826	460 тыс. руб.	1839—1841	349 тыс. руб.
1827—1829	1 059 „ „	1842—1844	331 „ „
1830—1832	830 „ „	1845—1847	278 „ „
1833—1835	502 „ „	1848—1850	318 „ „
1836—1838	543 „ „	1851—1853	308 „ „

Дело в том, что одних только, хотя и в высшей степени благоприятных для русской торговли, параграфов Туркманчайского и Адрианопольского трактатов оказалось недо-

[1] А. И. Жуков. «Руководство отчетливо, успешно и выгодно заниматься русским сельским хозяйством». М., 1848 г.

[2] А. Семенов. «Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности», ч. 3. Спб., 1859 г. Прилож. к стр. 169.

статочно, ибо они не могли уничтожить в Персии и Турции развивавшуюся там на том же торговом поприще деятельность англичан. Уже в 1844 г. известный статистик Арсеньев должен был констатировать, что «английские торговцы, водворившиеся в Малой Азии и занявшие все торговые порты от Трапезунда до столицы персидской, овладели всею торговлею с Персией и своими фабрикатами наводнили и наш Закавказский край»[1].

При недостаточной емкости рынка, которая начинала чувствоваться все острее, самочувствие русской промышленной буржуазии не могло не делаться, с течением времени, все более и более неприятным. «Все шуйские фабриканты,— отмечал тот же Арсеньев в 1844 г.[2],— жалуются на разные обстоятельства, вследствие которых наши фабрики, не имея возможности достаточно укрепиться и усовершенствоваться без совместничества, не могут выдерживать соперничества на иностранных рынках и должны по необходимости ограничиваться сбытом своих изделий только на рынках отечественных». А это «только», при продолжавшемся росте фабричного производства, их уже не удовлетворяло. «Отечественные рынки» лишь тогда могли бы оказать достаточную поддержку развивавшейся промышленности, если бы прибавочный продукт массы населения не переходил, в силу крепостного права, в руки дворянства. Особенно это относилось к барщинным крестьянам, которые вынуждены были, благодаря барщине, вести строго замкнутое, натуральное хозяйство. «В праздничные дни в черноземных губерниях,— писал Жуков[3], — мужики были одеты в коричневые кафтаны суконные, некрашеные, изделия их жен». Русскому фабриканту, естественно, хотелось одеть их самому «в синие кафтаны, ситцевые рубашки, новомодные картузы и щегольские сапоги», т. е. в такую одежду, какая в то время начинала проникать, как свидетельствует тот же Жуков, в среду крестьянства центрально-промышленных губерний, которому, благодаря оброчной системе, «деньги перепадают чаще и легче». Так, в 40-х годах становилось для многих ясным, что феодальные отношения начинают серьезно затруднять рост производительных сил в области промышленного производства.

---

1 К. Арсеньев, в «Журн. Мин. Вн. Дел», 1844 г., № 7.
2 Там же.
3 А. И. Жуков. «Руководство отчетливо, успешно и выгодно заниматься русским сельским хозяйством». М., 1848 г.

Все более начинал тревожить буржуазию, кроме того, и рабочий вопрос. Правда, она в законе 1840 г. получила возможность ликвидировать не соответствующий капиталистическому способу производства поссессионный труд, хотя и не на особенно выгодных для себя условиях. Но ее не удовлетворяло уже и положение дел с наемными рабочими. Последние, как указывалось в 1837 г. в «Журнале Мануфактур и Торговли» [1], составляли самый многочисленный слой в рабочем классе и по своему происхождению были «люди, принадлежащие помещикам, иногда «крестьяне казенные или городские мещане». Первых при этом было гораздо больше, чем вторых и третьих, так как и государственный крестьянин и мещанин в общем являлись более зажиточными, чем оброчный помещичий крестьянин. Качественно, по своим навыкам, наемные рабочие, выходившие обычно из местностей с развитыми кустарными промыслами, были не плохи. По утверждению, например, Жукова [2], «русский мужик за деньги славно умеет ткать нанку, китайку, плис, бархат, парчу и шелковые материи, за деньги он готов перехитрить англичанина». Но плохо было для русских фабрикантов то, что «русскому мужику», отпущенному «барином» с срочным паспортом зарабатывать оброк, приходилось платить заработную плату, в состав который входил и этот самый барский оброк. Благодаря именно этому обстоятельству заработок русского рабочего, особенно в денежной форме, показался бар. Гакстгаузену «в общем выше», чем германского [3]. Правда, русские фабриканты и особенно фабриканты из русских, нередко умели значительно понизить заработки своих рабочих: выстроив фабрику, они, как указывает тот же Жуков [4], рядом открывали трактир или лавку и таким способом возвращали себе, считая по вторникам выручку своего трактирщика или приказчика, то, что давали по субботам при расчете своим рабочим. Но все же, при колоссальном росте потребления наемного труда, несмотря на все хищнические приемы эксплоатации рабочих, свойственные эпохе первоначального накопления капитала, фабриканты не могли не

---

[1] А. Ш. «О состоянии рабочих в России», в «Журн. Мануфактур и Торговли», 1837 г., № 12.

[2] А. И. Жуков. «Руководство отчетливо, успешно и выгодно заниматься русским сельским хозяйством». М., 1848 г.

[3] Бар. Авг. Гакстгаузен. «Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России», т. I. М., 1869 г.

[4] А. И. Жуков. «Руководство отчетливо, успешно и выгодно заниматься русским сельским хозяйством». М., 1848 г.

тяготиться огромными приплатами к заработной плате, шедшими в дворянские карманы.

Кроме того, нанимая рабочих из среды отпущенных на промыслы помещичьих крестьян, промышленная буржуазия не имела гарантии, что фабрика или завод круглый год будут обеспечены нужным контингентом рабочей силы. До 1835 г. помещики имели право отзывать своих оброчных крестьян с фабрик до истечения срока, на который последние нанялись, да и после изданного в этом году запрещения продолжали это делать. Весною и помимо вмешательства помещиков происходил массовый уход рабочих в деревни, так как и отправлявшиеся в отхожие промыслы крестьяне в большинстве случаев продолжали вести у себя в деревне кое-какое хозяйство. Немудрено, что большие мануфактуры, как говорилось в цитированной выше статье в «Журнале Мануфактур и Торговли»[1], делаются у нас безлюдным в апреле и мае, а после в июле и августе, — ибо в эти месяцы работники расходятся по деревням, чтобы заняться самыми необходимыми сельскими работами. Понятно, какие убытки терпели русские фабриканты от такого вынужденного крепостническим укладом жизни простоя фабрик. И это тем более било по капиталистическому карману, что производительность русского рабочего в ту пору вообще была очень невелика. Так, в Оренбургской губернии в 40-х годах горнорабочий вырабатывал в год всего 144 пуда чугуна, между тем как в Стаффордшире — 312½ пудов[2]. Что же касается текстильных рабочих, то в 50-х годах, по свидетельству одного англичанина, бывшего директором русской хлопчатобумажной фабрики, на одного рабочего приходилось в России 28 веретен, в Пруссии — 37, в Австрии — 49, в Швейцарии — 55, а в Англии — 74[3].

Правительство Николая I отнюдь не желало ссориться с промышленной буржуазией. Оно разрешило ей ликвидировать принудительный труд на фабриках, воевало с восточными соседями, чтобы дать ей внешние рынки сбыта, устроило Технологический институт в Петербурге, выпускавший необходимых для некоторых фабричных производств инженеров,

---

[1] А. Ш. «О состоянии рабочих в России», в «Журн. Мануф. и Торг.», 1837 г., № 12.

[2] А. П. Заблоцкий-Десятовский. «Записка о крепостном состоянии в России», в его книге «Граф Киселев и его время», т. I. Спб., 1888 г., стр. 295.

[3] К. Маркс. «Капитал», т. I. Гиз, 1922 г., стр. 544.

поддерживало высокие тарифные ставки на ввозимые товары, с 1835 г. даже ограничило право помещиков распоряжаться оброчными крестьянами, поступившими на фабрики, по крайней мере, в течение срока действия договора[1]. Сам Николай I любил лично подчеркивать свое благоволение к российской буржуазии. Он не раз принимал участие на торжественных обедах, устраивавшихся купечеством по случаю коронации или мануфактурных выставок, и даже однажды, в 1833 г., сам пригласил к высочайшему столу знатнейших из купцов и во время обеда, в ответ на изъявления верноподданнической радости по этому случаю со стороны одного мануфактурного советника, посаженного рядом с ним, «всемилостивейше» произнес: «Вы того стоите»[2]. Но всего этого, в конце концов, оказывалось недостаточно, и Николай I для русской буржуазии в общем не смог сделаться Петром I. Чем ближе было к 50-м годам, тем все чаще и глубже вскрывался конфликт между крепостническим строем и капиталистическим способом производства. После Севастопольской кампании, явившейся отплатой со стороны Англии за захватнические попытки Николая I на Ближнем Востоке, обрабатывающая промышленность России очутилась буквально в тупике. Это окончательно определило позицию промышленной бржуазии в резко обострившейся в этот период классовой борьбе.

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В 1825—1820 гг.

Источники. «Труды Вольно-Экономич. Общ.», 1842—1860 гг. — «Журнал Мануфактур и Торговли», 1825—1860 гг. — «Экономич. Указатель», 1857—1861 гг. — «Горный Журнал», 1825—1860 гг. — «Мануфакт. и Горнозавод. Известия», 1839—1857 гг. — П. И. Кеппен. «О числе жителей в России в 1838 г.», в «Журн. Мин. Вн. Дел», 1839 г., № 4. — Его же. «Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 г.». Спб., 1857 г. — Н. Х. Бунге. «Изменение сословного состава населения России в промежуток времени между 7-й и 8-й, и 8-й и 9-й ревизиями», в «Экономич. Указателе», 1857 г., № 44. — А. Г. Тройницкий. «Крепостное население России по 10-й народной переписи». Спб., 1861 г. — В. С. Пельчинский. «О состоянии промышленных сил России (1822—1832)». Спб., 1833 г. — И. Горлов. «Обозрение экономической статистики России». Спб., 1849 г. — Андросов. «Хозяйственная статистика России». Спб., 1849 г. — Л. В. Тенгоборский «О производительных силах России», 2 чч. М., 1855 г. и Спб., 1858 г. — Ст. Тарасов. «Статистическое обозрение промышленно-

[1] К. А. Пажитнов. «Положение рабочего класса в России», т. I. Изд. 2-е. Л., 1926 г., стр. 62.

[2] «Имп. Николай I и московское купечество на обеде в Зимнем дворце 13 мая 1833 г.» (Записки И. Н. Рыбникова), в «Рус. Стар.», 1886 г., т LI, № 9, стр. 580.

сти Московской губ.». М., 1856 г.— А. Ф. Россоловский. «О производительной и промышленной деятельности г. Казани», в «Казан. Губ. Вед.», 1854 г., №№ 38 и 39.— «О состоянии промышленности Тверской губ. за 1850 г.», в «Тверск. Губ. Вед.», 1851 г., №№ 13, 14 и 16.— Чевкин и Озерский. «Обзор горной промышленности России». Спб., 1851 г.— Н. Анциферов. «О железном производстве России», в «Моск. Вед.», 1857 г., №№ 13, 19, 22, 25, 31 и 35, и отд. М., 1857 г.— И. Иванов. «Обозрение истории мануфактурной промышленности в России». М., 1843 г.— Зиновьев. «Обозрение главнейших отраслей мануфактурной промышленности в России». Спб., 1845 г.— «Обзор главнейших отраслей мануфактурной промышленности России». Спб., 1845 г.— «Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России». Изд. Мин. Фин. 3 тт. Спб., 1862—1865 гг.— «Список фабрикантам и заводчикам Российской империи». 2 чч. Спб., 1832—1833 г.— В. С. Пельчинский. «Мануфактурная Россия или состояние российских мануфактур». Спб., 1827 г.— А. Семенов. «Статистические сведения о мануфактурной промышленности в России». Спб., 1857 г.— Его же. «Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности». 3 чч. Спб., 1859 г.— «Исследование о состоянии льняной промышленности в России». Изд. Деп. Сельск. Хоз. Мин. Гос. Имущ. Спб., 1847 г.— «Исследование о состоянии пеньковой промышленности в России». Изд. то же. Спб., 1852 г.— Р. Сыромятников. «Льняная и полотняная промышленность в России». 1861 г.— Е. Карпович. «О полотняной промышленности Ярославской губ.». 1845 г.— А. Шипов. «Хлопчатобумажная промышленность и важность ее значения в России». 2 вв. М., 1857—1858 гг.— И. Пономарев. «О бумагопрядильных фабриках в России», в сб. «Речи, говоренные на торжественном акте Московской Практической коммерческой академии 4 ноября 1839 г.». М., 1839 г.— Ходецкий. «О шерстомойных заведениях в южной России». М., 1849 г.— Ст. Тарасов. «О шерстяной, шерстобумажной и шелковой промышленности в Московской губ. в 1853 г.». М., 1855 г.— Я. Гарелин. «Город Иваново-Вознесенск». Шуя, 1884 г.— П. Крюков. «Карта промышленности Европейской России, с показанием фабрик, заводов и промыслов, административных мест по мануфактурной части, главнейших ярмарок, водяных и сухопутных сообщений, портов, таможен, главнейших пристаней и пр.». Изд. 2-е. Спб., 1853 г.— Его же. «Очерк мануфактурно-промышленных сил Европейской России, служащий текстом промышленной карты». 2 чч. Спб., 1853 г.— Щеглов. «О пользе соединения с земледелием мануфактурной и заводской промышленности». Спб., 1829 г.— М. Шулепников. «Мысли о русской промышленности». Спб., 1830 г.— С. Бельский. «О влиянии развития фабричной промышленности на земледелие», в «Рус. Беседе», 1856 г.

Исследования. С. С. Гулишамбаров. «Итоги торговли и промышленности России в царствование императора Николая I». Спб., 1876 г.— М. И. Туган-Барановский. «Русская фабрика», т. I. Изд. 3-е. Спб., 1907 г. Изд. 4-е. М., 1922 г.— В. И. Пичета. «История народного хозяйства в России. XIX—XX вв.», вып. I. М., 1922 г.— Н. А. Рожков. «Из русской истории», т. II. Птр., 1923 г.— И. Боголюбский. «Историко-статистический очерк производительности Нерчинского горного округа с 1703 по 1871 гг.». Спб., 1872 г.— А. Смирнов. «Павлово и Ворсма, известные стале-слесарным производством села Нижегородской губ.», М., 1864 г.— Б. И. Сыромятников. «Очерк истории русской текстильной промышленности». Иваново-Вознесенск, 1925 г.— Е. Дюбюк. «Основные черты в развитии крупной промышленности в Костромской губ. в до-

реформенный период», в «Трудах Костр. Научн. Общ. по изучению местного края», вып. I, 1914 г. — А. Погожев. «Вотчинные фабрики и их фабричные», в «Вестн. Европы», 1889 г., № 8.— К. А. Пажитнов. «Положение рабочего класса в России», т. I. Изд. 2-е, Л., 1925 г.— М. Балабанов. «Очерки по истории рабочего класса в России», т. I. Киев, 1922 г.— С. В. Вознесенский. «Рабочие Экспедиции заготовления государственных бумаг в первую половину XIX в.», в «Архиве Истории Труда в России», кн. 6—7. Л., 1923 г.— И. Кулишер. «Попытка регламентировать труд в нашей кустарной промышленности (в 40-х гг. XIX в.)», там же, кн. 4.— И. Степанов. «Сравнительно-исторический очерк организации ремесленной промышленности в России и западно-европейских государствах». Киев, 1864 г.— Л. Айзенберг. «Быт крестьян на частных горных заводах и рудниках в Оренбургском крае (накануне освобождения от крепостной зависимости)», в «Архиве Истории Труда в России», кн. 3. Л., 1922 г.

Кризис барщинной и оброчной систем помещичьего хозяйства

Если рост обрабатывающей промышленности и переход в ней количественных перемен в качественные происходили в Николаевское царствование в общем постепенно, без особенных скачков, то эволюция сельского хозяйства протекала в другой форме: сельское хозяйство пережило в рассматриваемую эпоху в своем развитии две различных полосы, водоразделом между которыми была половина 40-х годов. До этого момента, начиная с 20-х годов, хлебные цены как на международном, так в особенности на внутреннем русском рынке стояли в общем очень низко, за исключением разве особенно неурожайных лет. Напротив, со второй половины 40-х годов они снова начали ползти вверх.

Понижению цен на хлеб, как известно, способствовал экспорт в Европу заатлантического зерна, что стало возможным благодаря появлению парового морского транспорта. Однако переход ряда западно-европейских стран от зернового хозяйства к молочному фермерству, плодоводству и огородничеству и в особенности рост городов и промышленности в передовых экономических странах Европы с течением времени привели к тому, что спрос на хлеб на мировом рынке стал обгонять предложение его со стороны Америки, Аргентины и Египта. Это последнее обстоятельство и привело снова к повышению хлебных цен, поправившему дело и в тех европейских странах, которые, благодаря своей экономической отсталости, оставались попрежнему зернопроизводящими. Имел значение для повышения цен, конечно, и тот факт, что английское правительство, под влиянием уси-

лившейся промышленной буржуазии, в 1846 г. отменило хлебные пошлины, введенные в интересах лендлордов и вообще аграрной буржуазии в годы сельскохозяйственного кризиса.

Понятно, что русское сельское хозяйство, занятое, главным образом, производством зерна, должно было быть особенно чувствительным к той или иной конъюнктуре на мировом рынке, так как с конца XVIII века и в первые два десятилетия XIX века оно в значительной мере уже втянулось в международный торговый оборот, при чем одной из основных статей вывоза стал, в ряду других сельскохозяйственных продуктов, как раз хлеб. Правда, в общей массе товарного хлеба, шедшего на внутренний рынок, наш хлебный вывоз представлял в абсолютных цифрах величину очень небольшую, но тем не менее мировые цены на хлеб оказывали с течением времени все большее влияние на высоту цен и внутри России.

Так как в России основная масса крепостных крестьян, сидевшая на барщине, вела преимущественно натуральное хозяйство, а крестьяне государственные и те помещичьи, которые были обложены оброком, в значительной части своей занимались земледелием в довольно скромных размерах, получая главные средства к существованию из промыслов, то в непосредственные отношения с хлебным рынком больше всего вступали помещики. На это указывал еще Карамзин, заявляя, что не вольные земледельцы, а дворяне наиболее снабжают у нас рынки хлебом»[1]. И действительно, судя по расчетам Николаевских статистиков, из всего обращавшегося в то время в России на рынке хлеба до 90% поставлялось дворянами и только 10% крестьянами[2]. По отдельным губерниям, и особенно в земледельческих районах, разница была еще значительнее. Так, в конце 30-х годов в Харьковской губ. в среднеурожайные годы у крестьян, за покрытием продовольственных нужд, оставалось около 15 тысяч четвертей ржи, а у помещиков — свыше 1.100 четвертей[3].

К этому нужно прибавить, что на производившийся крестьянами хлеб не было и вообще большого спроса: «Хлеб их, —

---

[1] Н. М. Карамзин. «Записка о древней и новой России» (1810 г.). Спб., 1914 г., стр. 81.

[2] П. И. Лященко. «Очерки аграрной эволюции России», т. I. Спб., 1908 г., стр. 200.

[3] А. П. Заблоцкий-Десятовский. «О крепостном состоянии в России (1841 г.)», в его книге «Граф П. Д. Киселев и его время», т. IV. Спб. 1882 г., стр. 332.

говорит Жуков,— сыромолотный, непросеянный, разрозненными возами являющийся на хлебных рынках»[1]. Что же касается крестьян нечерноземных губерний, то они действительно почти совсем не сбывали на рынках хлеба. Так, в 40-х годах в уездах Ярославской губ., обследованных Гакстгаузеном, оказалось, что многие из тамошних крестьян не занимались хлебопашеством. Например, в Мологском уезде при 40 тысячах десятин пахали землю 14½ тысяч человек, в Рыбинском из 36 тысяч десятин — 12½, и т. д.[2]. Понятно, что здесь крестьянское население не только не продавало хлеба, но вынуждено было само его прикупать. Отсюда видно, что рыночная конъюнктура на хлебном рынке по преимуществу должна была касаться именно дворянства, определяя собой его основные доходы.

Дворянство, однако, в это время было сильно диференцировано по своим интересам. Эта диференциация определялась как имущественным положением дворян, так и той экономическо-географической средой, в которой находились дворянские имения. В дворянстве, прежде всего, можно было констатировать четыре основных слоя, численность и размеры имущества которых видны из следующих данных, относящихся по времени 8-й ревизии (1835 г):[3]

Категории дворян	Количество владельцев		У них крепостных		На одного влад. крепост.
	Абсолют.	В %%	Абсолют.	В %%	
Беспоместные . . .	17 763	14,0	62.183	0,6	3
Мелкопоместные (до 100 душ крестьян)	88 874	69,9	1 950.394	18,0	22
Среднепоместные (от 100 до 1 000 душ). .	18 013	15,0	5 197.025	48,4	289
Крупнопоместные (свыше 1 000 душ) .	1 453	1,1	3 566.959	33,0	2 448

Само собой разумеется, что беспоместные дворяне никакой роли в деле развития сельского хозяйства не играли.

[1] А. И. Жуков. «Руководство отчетливо, успешно и выгодно заниматься русским сельским хозяйством». М., 1848 г.

[2] Бар. Авг. Гакстгаузен. «Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России», т. I. М., 1869 г.

[3] А. Тройницкий. «Крепостное население России по 10-й народной переписи». Спб., 1861 г., стр. 67.

Что же касается остальных слоев дворянства, то удельный вес каждого из них был различен. Как мы уже знаем, крупнопоместные дворяне, после некоторых колебаний в Александровское царствование, в общем предпочитали держать свои имения на оброке. То же делали и многие из средне- и мелкопоместных дворян, земли которых находились в малоплодородных северных губерниях и которые почему-либо не могли завести в них производство технических культур, например, льна, или какие-нибудь промышленные предприятия. Понятно, что отношение такого рода дворян к сельскому хозяйству ограничилось усиленными требованиями от своих крестьян повышенных оброков и их безнедоимочного внесения. Если такой землевладелец и вмешивался иногда в хозяйственную жизнь своих «подданных», то только с чисто фискальными целями. В этом отношении очень характерен эпизод, рассказанный в «Дневнике» В. А. Муханова. Ходоки из владимирского имения гр. Нессельроде как-то явились с просьбою к своему «государю». «Батюшка,— говорили прибывшие,— не желаем новых порядков, довольны старыми и готовы платить даже больше, если милость твоя оставит нас на прежнем основании.»— «Новые порядки,— отвечал канцлер,— не помешают вам платить более»[1].

И действительно, оброки в Николаевское царствование продолжали расти без всякой зависимости от повышения жизненного уровня оброчных крестьян. Известный уже нам вологодский помещик Межаков, например, выколачивал со своих оброчных деревень в 1812 г. 13.822 р., а в 1831 г.— 27.306 р., и в 1840 г.— 30.045 р. Что такое обложение было уже выше максимального, показывает факт роста у его оброчных крестьян недоимочности: так, в 1832 г. недоимки составляли сумму в 11.032 р., а в 1839 г.— уже 22.290 р.[2]. Размер оброка в известной также нам деревне Черкасовой, Зубцовского уезда, с 30 р. с тягла в начале XIX века прыгнул в 1828 г. до 75 р.[3]. В селе Богородском, Нижегородской губ., славившемся своим кожевенным производством, средний душевой оброк доходил в 1858 г. до 25 р. сер., а с 75 человек поступало от 30 до 95 р., с 53 человек — от 100 до 195 р., с 24

---

1 В. А. Муханов. «Дневник», в «Рус. Арх.», 1896 г., т. III, стр. 179.

2 Л. Андреевский. «Очерк крупного крепостного хозяйства на севере». Вологда, 1922 г., стр. 45.

3 П. Б. Струве. «Крепостное хозяйство». М., 1913 г., стр. 66.

человек — от 200 до 375 р., и наконец, с 9 человек — от 500 р. до 1.530 р. с каждого[1].

Сельскохозяйственный кризис 20—40-х годов, конечно, должен был способствовать тому, что и некоторые из помещиков, ведших ранее барщинное хозяйство, переводили теперь свои имения на оброк. Этим и объясняется, что процент оброчных крестьян в 50-х годах XIX века сравнительно с концом XVIII века несколько увеличился, как показывают следующие данные[2]:

Районы	Процент оброч. крест. в XVIII в. сравн. с общим числом креп.	Процент оброчн. в полов. XIX в.	
		Во всех именнях	В имениях со 100 и более душ
В 12 нечерноземных губерниях	55,0	58,9	69,4
В 7 черноземных губерниях	26,1	28,8	32,2

Конечно, при общем увеличении числа оброчных за счет барщинных, в немногих губерниях замечалось обратное явление. Например, в Воронежской губ. процент барщинных поднялся с 36 до 55, в Орловской — с 66 до 72, и в Пензенской — с 48 до 75. Возможно, что здесь барщина оказывалась выгоднее оброка потому, что в этих местах не были развиты ни кустарные, ни отхожие промыслы, а без наличия их доход от оброка не мог быть сколько-нибудь удовлетворяющим помещика.

Как бы то ни было, вся масса помещиков, эксплоатировавших свои земли при помощи оброчной системы, представляла собой в чистом виде паразитов, не имевших никакого непосредственного значения в деле развития сельского хозяйства. Такова же была, с другой стороны, и роль мелкопоместного дворянства, хотя оно в большинстве случаев, как это, между прочим, видно из только что приведенных данных, держало своих крестьян на барщине. При небольшом

[1] В. И. Снежневский. «Крепостные крестьяне и помещики Нижегородской губ. накануне реформы 19 февраля и первые годы после нее», в «Действиях Нижегород. Уч. Арх. Комиссии», т. III. Н.-Новг., 1898 г., стр. 69.

[2] В. И. Семевский. «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II», т. I, стр. 51, и И. И. Игнатович. «Помещичьи крестьяне накануне освобождения». М., 1910 г., стр. 53.

количестве последних, эксплоатация их, при всей своей исключительной жестокости, вообще свойственной мелкому помещику, тянувшемуся в своем частном обиходе за более богатым, не могла давать в большинстве случаев таких продуктовых запасов, которые требовали бы для своей реализации рынка. Обычно барщинные хозяйства мелких дворян носили по преимуществу потребительский характер. Главным поставщиком хлеба на рынок, поэтому являлось преимущественно среднепоместное дворянство, т. е. тот слой, который в первые два десятилетия XIX века проявлял склонность к энергичному сельскохозяйственному предпринимательству и благодаря этому начинал перерождаться в аграрную буржуазию.

С момента падения хлебных цен, как мы знаем, в хозяйственной деятельности среднепоместного дворянства произошел резкий перелом. Прежде оно, стремясь повысить продукцию в своих имениях, начинало интенсифицировать сельское хозяйство с помощью агрономических и технических усовершенствований, а иногда и посредством экономического улучшения — перехода к наемному труду. Теперь, при низких ценах на хлеб, помещики увидели, выражаясь словами Жукова, что «заниматься размножением сельских произведений» — значит «трудиться над уменьшением своего благосостояния», так как «накопление произведений уменьшает их цену»[1].

Понятно, что в районах, где производство хлеба можно было заменить разведением более ценных культур или известной индустриализацией сельского хозяйства, помещики начинали сокращать зерновые посевы. Так, в некоторых губерниях, особенно на юге и юго-западе, заметно стало распространяться сахароварение и винокурение. В 1825 г., например, насчитывалось всего в России 47 сахарных заводов, а в 1844 г.— уже 199, и в 1852 г.— 380, из этого числа было 77 паровых и 303 огневых, и все они производили до 1.200 тысяч пудов сахара, т. е. почти половину всего, потреблявшегося в стране[2]. В половине XIX века под посевами свеклы, по Тенгоборскому находилось свыше 35 тысяч десятин[3]. Быстро росло также и винокурение: в 1825 г. всего было выкурено 40-градусного вина почти 12 тысяч ведер, в 1851 г.— 39, а в

[1] А. И. Жуков. «Руководство отчетливо, успешно и выгодно заниматься русским сельским хозяйством». М., 1848 г.

[2] А. Семенов. «Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности», ч. 3. Спб., 1859 г., стр. 282.

[3] П. Тенгоборский. «О производительных силах России», ч. 1. М. 1855 г.

1859 г.— 60 тысяч ведер, при чем количество заводов в этом году составляло 4.624 [1]. В среднем на завод приходилось не более 5½ тысяч ведер, что указывает на значительное участие в винокурении именно среднего дворянства. Правда, росту винокурения много способствовало, помимо низких цен на хлеб, и то обстоятельство, что во многих хлебопроизводящих районах отсутствовали удобные пути сообщения, почему отсюда было крайне затруднительно сбывать зерно. Вино же обычно с лихвой покрывало издержки транспорта, если только не потреблялось в ближайших окрестностях. «Одна лошадь свезет в город на столько вина, на сколько шесть лошадей хлеба»,— писал один агроном еще в Екатерининскую эпоху [2]. За счет зерновой продукции в северо-западных и западных губерниях развивалось также льноводство и пеньководство, о чем свидетельствует рост вывоза льна, пеньки и льняного семени за границу, преимущественно в Англию. Так, вывозилось [3]:

В годы	Льна	Пеньки	Льняного семени
1821—1825	1.741 тыс. пудов	2.753 тыс. пудов	2.574 тыс. пудов
1836—1840	2.740 „ „	3.138 „ „	7.551 „ „
1856—1860	4.049 „ „	3.161 „ „	13.779 „ „

По ценности этот вывоз с 18 млн. руб. кредитками в 20-е годы дошел до 35 млн. руб. Впрочем, в конце 50-х годов дальнейшее распространение льноводства и пеньководства встретило непреодолимые препятствия в катастрофическом падении цен на продукты. Лен, например, с 4 р. 14 к. сер. за пуд в 1824—1826 гг. упал в исходе 50-х годов до 1 р. 33 к., а пенька за этот же период — с 3 р. за пуд до 50 к.[4]. Причинами этого было все большее вытеснение льняных тканей хлопчатобумажными, а русской пеньки—дешевой пенькой из ост-индских колоний Англии. Выгоднее для помещиков оказалось коневодство и особенно разведение мериносов, распространяв-

[1] В. И. Покровский. «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», т. I. Спб., 1902 г., стр. 99.

[2] «Наказ управляющему бар. Вольфа», в «Трудах В.-Экон. Общ.», ч. 12, стр. 27.

[3] В. И. Покровский. «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», т. I. Спб., 1902 г., стр. XXIV, 283.

[4] А. Семенов. «Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности», ч. 3. Спб., 1859 г., стр. 78.

шееся в южных и западных губерниях больше всего во вторую четверть XIX века, т. е. с тех пор, как упадок цен на хлеб заставил помышлять о способах к поддержанию сельских доходов не одним хлебопашеством[1]. В 1837 г. тонкорунных овец насчитывалось до 3 млн. голов, а к 1850 г. уже до 8 млн.[2], благодаря чему отпуск шерсти за границу, составлявший в 1800—1814 гг.—20 тысяч пудов, и в 1814—1824 гг.—36 тысяч пудов, вырос в середине XIX века до 700 тысяч пудов[3].

Все эти средства, пущенные в ход, чтобы выбиться из тисков сельскохозяйственного кризиса, были, однако, совершенно недостаточны, так как все же основная масса хозяйничавшего дворянства продолжала заниматься производством зерна, хотя бы уже по одному тому, что хлебопашество могло обойтись без всякого вложения в хозяйство денежных средств. Понятно, что годы сельскохозяйственного кризиса были крайне тяжелыми для дворян, и, конечно, это отрицательно влияло и на экономическое положение других классов населения. Между прочим, об этом красноречиво писал в 1829 г. гр. Н. С. Мордвинов[4]. «Настоящее стеснение, испытываемое всеми сословиями российского народа, присходит начально от чрезмерного упадка в цене наших хлебных произрастаний. Помещик, не получая от земли в надлежащей степени доходов, мало покупает от лавочника, купец не может делать значительных закупок у фабриканта, а фабрикант должен уклоняться от покупки у крестьянина сырых его произведений и употреблять в работу».

Гр. Мордвинов предлагал принять меры к усилению выпуска хлеба за границу, так как производство зерна в России уже в 30-х годах, несмотря на некоторое местами сокращение запашек, все же значительно превосходило рыночный спрос. Но, конечно, выполнить этот совет было не под силу даже самодержавному царю, и наш хлебный экспорт стал расти лишь с момента подъема на мировом рынке хлебных цен. Таким моментом был 1847 год, когда в Одессе цена четверти пшеницы прыгнула, сравнительно с 1846 г., с 5 р. 93 к. до 8 р. 14 к., а цена ржи — с 3 р. 44 к. до 4 р. 17 к., и когда то же произошло в Петербурге, где пшеница поднялась в эти же годы с

---

[1] Г. Небольсин. «Статистическое обозрение внешней торговли России», ч. 2. Спб., 1850 г., стр. 40.

[2] «Обозрение управления государственных имуществ за последние 25 лет (1825—1850)», в «Сб. Рус. Ист. Общ.», т. 98. Спб., 1896 г., стр. 552.

[3] Г. Небольсин. Назв. соч., стр. 41 и 57.

[4] «Архив графов Мордвиновых», т. VIII. Спб., 1903 г., стр. 152.

8 р. — 9 р. 15 к. до 13 р. — 14 р. 50 к., а рожь с 3 р. 25 к. — 5 р. 75 к. до 8 р. 90 к. — 9 р. 15 к.[1]. Через год этот резкий скачок вверх хлебных цен не замедлил отразиться и в хлебопроизводящих губерниях, как свидетельствует об этом прилагаемая таблица[2]:

Годы	В Саратовской губ.	В Казанской губ.	В Симбирской губ.	В Пензенской губ.
	Четверть ржи			
1846	1 р. 28 к.	2 р. 5 к.	2 р.	1 р. 80 к.
1848	3 р. 56 к.	3 р. 86 к.	4 р.	4 р. 30 к.
	Четверть пшеницы			
1846	2 р. 87 к.	3 р. 10 к.	3 р.	?
1848	5 р. 09 к.	5 р. 20 к.	5 р.	?

Приписывая этот долгожданный золотой дождь главным образом отмене хлебных пошлин в Англии, Жуков[3] предлагал русским помещикам повесить у себя портрет Кобдена, известного английского пропагандиста идеи о свободе торговли. Правда, столь высокие цены на хлеб, вызванные сильным неурожаем в Европе, в последующие годы не удержались, но все же они оставались крепкими и, что еще важнее, проявляли тенденцию к постепенному и прочному росту. Конечно, теперь русский хлеб снова нашел доступ на европейские рынки, и его вывоз из России начал быстро увеличиваться. Вот относящиеся сюда данные[4]:

Годы	Ценность всего русского вывоза	В том числе вывоза хлеба	Процент хлебного вывоза к общему
1816—1820	237,7 млн. р. асс.	74,2 млн. р. асс.	31,2
1821—1825	207,2 „ „ „	17,5 „ „ „	8,4
1826—1830	226,8 „ „ „	35,6 „ „ „	15,7
1831—1835	222,0 „ „ „	34,1 „ „ „	15,4
1836—1840	308,3 „ „ „	35,7 „ „ „	14,8
1841—1845	88,4 млн. р. кред.	14,5 лн. р. кред.	16,4
1846—1850	103,5 „ „ „	33,3 „ „ „	31,3
1851—1855	92,9 „ „ „	27,6 „ „ „	29,1
1856—1860	165,6 „ „ „	58,1 „ „ „	35,1

[1] М. Н. Покровский. «Русская история», т. V. Изд. 2-е. М., 1914 г., стр. 41—42.

[2] Там же, стр. 42, примеч.

[3] А. И. Жуков. «Руководство отчетливо, успешно и выгодно заниматься русским сельским хозяйством». М., 1848 г.

[4] В. И. Покровский. «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», т. I. Спб., 1902 г., стр. 2—3.

Отсюда видим, что, дойдя к концу второго десятилетия XIX века до 31% по ценности ко всему русскому вывозу, хлебный вывоз в первые годы сельскохозяйственного кризиса опустился до 8%, а затем до половины 40-х годов остановился приблизительно на 15%, чтобы во вторую половину 40-х годов прыгнуть снова до 31% и в 1856—1860 гг. даже до 35%. В количественном отношении отпуск хлеба изменялся следующим образом: в 1816—1820 гг. вывозилось в среднем ежегодно до 30 млн. пудов, в 1821—1825 гг.— по 10 млн. пудов, и в конце 30-х и начала 40-х годов около 27—28 млн. пудов, а в три последних «подъемных» пятилетия — по 51,46[1] и 69 млн. пудов[2]. В отношении ко всему производству в России хлеба это составляло для периода кризиса около 1½—2%, а в 40—50-х годах — от 3 до 5%.

Что же касается внутреннего рынка в России, то он, конечно, поглощал гораздо большую массу хлеба, чем внешний. О размерах спроса на хлеб внутри страны некоторое представление можно составить на основании следующих данных министерства государственных имуществ, относящихся к середине XIX века[3]. Оказывается, что тогда хлеба пошло в круглых цифрах:

На продовольствие:		
сельского населения (считая по 3 четверти на душу)	131	млн. четвертей
городов	14	„ „
войска	4	„ „
на винокурение	10	„ „
на обсеменение	60	„ „

Конечно, хлеб, шедший на продовольствие войска и городов, был целиком товарный, значительная часть товарного хлеба потреблялась и винокуренными заводами. В совокупности это давало примерно около 25 млн. четвертей. Что же касается товарного хлеба, предназначенного для удовлетворения потребностей сельского населения неземледельческих районов, то он также примерно составлял до 20 млн. четвертей. Отсюда можно вывести, что на внутреннем рынке всего обращалось хлеба до 45 млн. четвертей, тогда как на внешний направлялось до 5 млн. четвертей. Таким образом хлеб, шедший в продажу, составлял к хлебному производству, доходив-

1 Уменьшение вывоза в 1850—1855 гг. объясняется влиянием войны 1854—1855 гг.

2 Там же, стр. 4—5.

3 «Сб. Рус. Ист. Общ.», т. 98. Спб., 1896 г., стр. 492.

шему тогда, по данным Валуевской комиссии, в среднем до 220 млн. четвертей в год[1], около 22%.

Как мы видели, внешний вывоз хлеба до половины 40-х годов почти не увеличивался, а с этого момента стал бурно расти. Напротив, рынок внутренний обнаруживал рост в течение всего изучаемого периода. Так, между 1812 г. и 1835 г. городское население увеличилось с 4,4% до 5,8%, а между 1835 г. и 1856 г. — с 5,8% до 8,9%, дойдя в абсолютных цифрах до 5½ млн. душ[2]. И это не считая поселений торгово-промышленного характера, считавшихся официально слободами и селами, вроде Иванова, Павлова, Лыскова и т. п. Интересно отметить, что более быстрый прирост горожан проявился во второй из указанных промежутков времени, т. е. большее расширение внутреннего рынка совпало с усиленным ростом внешнего.

Кроме роста городов, об углублении и расширении рыночных отношений в 1825—1860-х годах дают более наглядное представление и следующие данные по водному грузообороту в стране[3]:

Годы	По всем водным путям	
	Число судов	Ценность их груза
1825. . .	23.530	55.445 тыс. руб.
1850. . .	57.000	138.200 „ „

В 1823 г. впервые образовалась в России компания пароходства по Волге, при чем до 1843 г. ходили от Астрахани до Нижнего-Новгорода только четыре парохода, а затем к 1850 г. уже 20 пароходов, поднимавшихся до самого Рыбинска. Кроме главного пути по Волге, появились пароходы и на Неве и Ладожском озере, на Онежском озере, на Волхове и Ильмене, на западных реках и Днепре, и даже на Байкале[4].

1 «Доклад высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России». Спб., 1873 г., стр. 9.

2 П. Н. Милюков. «Очерки по истории русской культуры», ч. I. Изд. 5-е. Спб., 1904 г., стр. 82; и Н. П. Огановский. «Очерки по истории земельных отношений в России». Саратов, 1911 г., стр. 262.

3 «Историческое обозрение путей сообщения и публичных зданий с 1825 по 1850 гг.», в «Сб. Рус. Ист. Общ.», т. 98. Спб., 1896 г., стр. 552.

4 Там же, стр. 553.

Понятно, что постепенно изменившаяся в благоприятную сторону в 40-е годы рыночная конъюнктура должна была сопсобствовать выходу сельского хозяйства России из той застойной полосы, в какую оно попало со времени падения хлебных цен.

И действительно, со второй половины 40-х годов снова начинается сильное оживление предпринимательской энергии в некоторых слоях среднепоместного дворянства, особенно в тех губерниях, где были более или менее удобные пути сообщения. Так как производство зерна, при изменившихся ценах на хлеб, снова стало выгодным, помещики, почему-либо не имевшие возможности взяться за более ценные культуры, начинали, как в конце XVIII—начале XIX вв., прежде всего увеличивать барскую запашку. В среднем Поволжье и Новороссии дворянство вновь занялось усиленной колонизацией черноземно-степных пространств. Так, в Саратовской губ. количество только одних крепостных душ увеличилось в 1831—1857 гг. с 258 тысяч до 658 тысяч [1], несмотря на то, что в 1850 г. Новоузенский и Николаевский уезды отошли к Самарской губ., а в Новороссии вместе с Бессарабской губ. все население в 1838—1862 гг. возросло с 2.296 тысяч душ до 5.118 тысяч душ [2]. Что эта колонизация имела в виду именно развитие земледелия, показывает тот факт, что в новороссийских губерниях с 1845 г. по 1851 г. посевы выросли с 1.997 тысяч четвертей до 2.909 тысяч четвертей [3]. Конечно, такое колоссальное увеличение, не наблюдавшееся ни в одном из других районов, вызывалось возможностью выгодного сбыта хлеба в черноморские порты.

Напротив, в центрально-земледельческом районе, где давно уже чувствовалось относительное перенаселение, и отчасти в центрально-промышленном, помещики стремились все более и более обезземеливать своих крестьян, сокращая их наделы, продавая многих из них на своз или переводя в дворовые. Как далеко заходил процесс обезземеления крестьянства, показывают следующие данные: в 1858 г. на одну ревизскую душу приходилось в нечерноземной полосе России в среднем по 4,3 десятин, в черноземной — 3,2 десятины [4],

---

[1] Н. Ф. Хованский. «Помещики и крестьяне Саратовской губ.», в «Материалах по крепостному праву». Саратов, 1911 г., стр. 58.

[2] Н. П. Огановский. «Очерки по истории земельных отношений в России». Саратов, 1911 г., стр. 226.

[3] Там же, стр. 257.

[4] Н. П. Огановский. «Наделение землею помещичьих крестьян». М., 1913 г., стр. 37—38.

между тем как в конце XVIII века в нечерноземной полосе у оброчных крестьян было 13½ десятин на душу, а у барщинных в нечерноземной — 8 и в черноземной — 7 десятин[1]. Другими словами, в конце XVIII века частновладельческая земля находилась в равномерном пользовании крестьянства и помещиков, между тем как в половине XIX века в распоряжении первого оставалась одна треть, в распоряжении вторых — две трети.

Статистики продажи крестьян на своз, в целях разгрузки крепостных деревень от избыточного населения, не имеется, зато есть вполне точные сведения о росте дворовых, благодаря, как было указано выше, усиленному переводу в их число пашенных крестьян. Так, в 1838 г. процент дворовых по всему крепостному населению составлял 4,14, в 1851 г.— 4,79 и в 1858 г.— 6,79, а их абсолютное число за те же годы увеличилось с 914 тысяч до 1.036 тысяч и 1.467 тысяч душ[2]. Правда, часть прироста дворовых между 1851 и 1858 гг. должна быть отнесена за счет стремления некоторых категорий помещиков накануне крестьянской реформы обеспечить за собой оставление большей земельной площади; но, тем не менее, это нисколько не устраняет факта значительного обезземеления крепостных указанным путем в период как раз возобновления предпринимательской деятельности дворянства.

Этот процесс обезземеления крестьянства особенно бурно происходил в центрально-земледельческом, густо-населенном районе. По сведениям, доставленным в редакционные комиссии местными властями, оказалось, что ко времени реформы 1861 г. в Полтавской губ. на 83 тысяч крепостных крестьян, наделенных землею, насчитывалось свыше 47 тысяч имевших только усадьбу и до 25 тысяч не имевших даже последней. Для Черниговской губ. цифры, определяющие численность трех указанных разрядов крепостного сельского населения, будут такие: 100 тысяч имевших землю, 5 с лишним тысяч имевших одни усадьбы и 33 тысячи совершенно безземельных[3].

Расширение дворянского сельскогохозяйственного предпринимательства, приводившее к значительным отрезкам крестьянской земли, конечно, сопровождалось, как это наблюдалось

---

[1] В. И. Семевский. «Крестьяне в царствование Екатерины II», т. I. Спб., 1903 г., стр. 34—36.

[2] А. Тройницкий. «Крепостное население России по 10-й народной переписи». Спб., 1861 г., стр. 59—60.

[3] «Материалы Редакционных комиссий», т. III. Спб., 1860 г., стр. 437.

и раньше, прежде всего увеличением барщинной повинности крестьян. По словам одного крепостного из саратовской экономии гр. Воронцова-Дашкова, «до 1843 г. барщина была легкая, работали три дня в неделю, и то кое-как; всего было вдоволь: земли, лугов, лесу, скота, из хлеба не нуждались». С этого года барщина начала расти, и в результате «не стало в 1850-х годах ни одного тесового дома с топкой по-белому, все земледельческие орудия и лошадиная сбруя были из дерева, конопли и мочала»[1]. Понятно, что разорение крестьянства, шедшее параллельно с расширением барщины, все более и более уменьшало продуктивность последней и заставляло наиболее вдумчивых помещиков, как и в исходе XVIII и начале XIX вв., приниматься за всякого рода технические и агрономические улучшения. Об охватившем снова дворян интересе к рациональной постановке дела в их имениях свидетельствует хотя бы развитие сельскохозяйственных обществ. Последние впервые появились в наиболее развитых экономических районах, как Прибалтийский край, Белоруссия, Новороссия, Московская и Ярославская губернии, а в 40—50-х годах стали возникать и в наиболее отсталом центрально-земледельческом районе. Кроме того с половины 40-х годов снова усиленно вводятся и улучшенные орудия производства. В 1837 г. существовала в России только одна фирма Бутенопов, изготовлявшая сельскохозяйственных орудий всего на 20 тыс. руб. сер., а в 1850 г. действовало уже 19 заводов, производивших изделий на 150 тыс. руб. сер., не считая четырех заведений при казенных фермах и небольших мастерских, устроенных во многих губерниях помещиками и крестьянами[2].

Такая рационализация хозяйства требовала не только знаний, но и наличия капиталов. Трудно управлять «имением своим с одной литературой и политикой в голове»,— говорит автор «Описания Тверской губ.»[3]. И если раньше, особенно с момента наступления сельскохозяйственного кризиса, дворянство находило необходимые для него денежные средства путем залога своих имений, к этому способу оно продолжало

---

1 Н. Ф. Хованский. «Помещики и крестьяне Саратовской губ.», в сб. «Материалы по крепостному праву». Саратов, 1911 г., стр. 70—71.

2 «Обозрение Управления Государственных Имуществ за последние 25 лет (1825—1850)», в «Сб. Рус. Ист. Общ.», т. 98. Спб., 1896 г., стр. 491—492.

3 Преображенский. «Описание Тверской губ. в сельскохозяйственном отношении». Спб., 1854 г.

широко прибегать и в период окрепших хлебных цен, о чем свидетельствует следующая таблица:

Годы	В государственных кредитных учреждениях:	
	Количество заложенных душ	Размер долга кредитным установлениям
1820 [1]	1,8 млн. душ, или 20%	110 млн. руб. асс.
1833 [2]	4,5 „ „ „ 37%	950 „ „ „ или 270 млн. руб. кред.
1856 [3]	6,6 „ „ „ 62%	398 „ „ „
1859 [4]	7,1 „ „ „ 65%	425 „ „ „

При общем количестве крепостного крестьянства в 10.196.139 ревизских душ, заложенные души составляли накануне крестьянской реформы 7.107.184 души, или 65,5%, а заложенные имения — 44.166 — к общему числу их — в 111.693 — 39,5%. Из данных этих усматривается, что в то время как на одно имение в среднем приходилось 95 ревизских душ, на одно заложенное имение — 161; наиболее задолженными оказывались имения, превышавшие средний размер крепостного поместья. Задолженность дворянского землевладения особенно распространена была в центрально-промышленном и центрально-земледельческом районах, которые представляли собой старинный плацдарм дворянского землевладения. Что касается других сельскохозяйственных районов, малозаселенного еще новороссийского, например, или юго-западного, перешедшего к интенсификации сельскохозяйственного производства уже сравнительно давно, то там к ипотечному кредиту прибегали сравнительно мало. По данным 1856 г., средняя цифра заложенных имений для всей России равня-

[1] С. В. Вознесенский. «К вопросу о земельной задолженности русского дворянства в крепостную эпоху».

[2] А. Д. Заблоцкий-Десятовский. «О крепостном состоянии в России (1841 г.)», в его книге «Граф П. Д. Киселев и его время», т. IV. Спб., 1882 г., стр. 331.

[3] «Банковские долги и положение губерний в 1856 г.», в «Журн. Мин. Вн. Дел», 1860 г., № 2.

[4] А. Скребицкий. «Крестьянское дело в царствование Александра II», т. IV. Бонн-на-Рейне, 1868 г. Прилож. IX.

лась 39,11%. Следующая таблица показывает, что в вышеназванных районах процент этот изменялся таким образом[1].

Процент заложенных имений в 1856 г. ко всему количеству имений

В центрально-земледельческом районе		В юго-западном и новороссийском районах	
Калужская	93%	Таврическая	7%
Тульская	61%	Полтавская	16%
Симбирская	51%	Екатеринославская	25%
Пензенская	50%	Волынская	25%
Рязанская	50%	Херсонская	27%
Орловская	47%	**В центрально-промышленном районе**	
Саратовская	44%	Нижегородская	78%
Тамбовская	39%	Московская	62%
		Тверская	61%
		Владимирская	61%
		Ярославская	59%
		Костромская	52%

Конечно, банковский кредит обходился недешево, и дворянские хозяйства, в огромной массе своей базировавшиеся на малопроизводительном барщинном труде, редко выдерживали его тяжесть даже в годы повышавшихся хлебных цен. Немудрено, что необычайно усилившаяся задолженность дворянского землевладения именно в районе классической барщины — центрально-земледельческом — и одновременно с этим необходимость повышения сельскохозяйственной продукции снова поставили, как и в первые десятилетия XIX века, в порядок дня вопрос о переходе от феодального спо-

[1] «Банковские долги и положение губерний в 1856 г.», в «Журн. Мин. Вн. Дел», 1860 г., № 2, стр. 233.

соба производства к капиталистическому. Другими словами, объективная обстановка, созданная повышательной тенденцией хлебных цен, благоприятствовала сельскохозяйственному подъему, но изживавшая себя барщинная система воздвигала на этом пути серьезную преграду. «Барщина,—писал в 40-х годах один неизвестный помещик,— отнимающая возможность у бедного выйти из бедности, у зажиточного разбогатеть, у человека, одаренного каким-нибудь особым талантом, развивать талант этот, у промышленника заниматься своим промыслом, действует на всех крестьян подобно медленному яду, убивающему и тело и душу». И он делал следующий вывод: «Удивительно ли, что помещики не получают от своей земли, обрабатываемой барщиною, всех тех выгод, какие могли бы получить» [1]. Убеждение, что «производительность труда находится в прямом отношении к свободе трудящегося», становилась снова символом веры прогрессивных помещиков, круг которых все более расширялся. «Земледельческий Журнал», издававшийся при Московском обществе сельских хозяев, еще в 30-е годы доказывал, с этой точки зрения, предпочтительность, оброчной эксплоатации крестьян перед барщинной [2]. «Оброчник имеет,— то же самое писал в 1841 г. Заблоцкий-Десятовский в своей известной «Записке»,— гораздо более возможности развертывать свои способности, чем барщинник, ибо он улучшает свое состояние на том пути, куда влечет его склонность» [3]. Но оброчная система была непригодной для помещиков в чисто земледельческих районах, где крестьяне исключительно жили от земли, не имея никаких подсобных промыслов, кроме отхода. «Доходы барщинного имения, — писал член Лебедянского общества сельского хозяйства Е. П. Молчанов,— всегда гораздо выше оброчного. У меня 57 рабочих тягол, и я получаю 3.000 руб. одними деньгами, кроме продовольствия и содержания себя, лошадей, прислуги, многочисленной дворни, что составит более 80 руб. на тягло. Такого огромного оброка никакое тягло не в состоянии выплатить» [4].

Поэтому раз помещики — сельские хозяева начинали признавать барщинный труд недостаточно производительным, они могли найти выход не в замене его оброчной системой,

---

1 «Труды Вольно-Экон. Общ.», 1845 г., № 4.

2 Статья П. Л. в «Землед. Журнале», 1835 г., стр. 470 и сл.

3 А. Заблоцкий-Десятовский. «О крепостном состоянии в России». в его книге Граф П. Д. Киселев и его время», т. IV. Спб., 1882 г., стр. 286.

4 П. Б. Струве. «Крепостное хозяйство». М., 1913 г., стр. 92.

представлявшей большие выгоды лишь в промысловых губерниях, а в обращении к найму рабочей силы. Правда, известный агроном 30—40-х годов, Вилькинс, учитывая плохие качества работы барщинных крестьян, с их скверным живым и мертвым инвентарем, предлагал заменить их месячниками[1]. Последние, совершенно не имея земли, должны были жить по несколько семейств в одном доме и выходить на работы с барскими орудиями и упряжью, а на жизнь получать от барина все необходимое натурою. Другими словами, по его мнению, крепостническо-барщинная система хозяйства могла перейти в настоящую плантаторскую, и это подняло бы продукцию помещичьих имений. И действительно, некоторые помещики местами, еще во время Радищева[2], завели у себя месячину, но это явление сделалось довольно частым лишь в 40—50-х годах. Ю. Самарин свидетельствует, что в этот период месячину можно было встретить на Украине, в Белоруссии, а также и в других «многих губерниях, даже в многоземельных, как, например, Оренбургской и Симбирской, при чем всегда в самых мелких поместьях»[3].

П. Б. Струве, основываясь на этом, склонен был думать, что, «развиваясь в направлении сельскохозяйственного предпринимательства, русское крепостное хозяйство несомненно должно было кульминировать в полном или частичном обезземелении крестьян и в создании класса свободных от средств производства, слабо связанных с землей сельских рабочих». Он полагает, что в переходе барщины в месячину заключается «реальное начало» этого процесса, и что последний не достиг «возможного конца» только благодаря подоспевшей реформе 1861 г.[4]. Это утверждение в корне ошибочно. Как подчеркивает Самарин, месячина встречалась обычно у мелкопоместных дворян, так как только они и могли так произвольно распоряжаться своими крепостными: ведь последних у них было очень немного, и, естественно, они, что называется, стоя над душой каждого из своих работников, имели в руках средства выколачивать из этой души все, что она могла дать. В имениях с сколько-нибудь многочисленным населением такая организация труда была совершенно не-

---

1 «Землед. Журнал», 1843 г., № 18.

2 А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву», в его «Полн. собр. соч.», т. I. М., 1907 г.

3 Ю. Ф. Самарин. «О крепостном состоянии», в его «Сочинениях», т. II. М., 1878 г., стр. 55.

4 П. Б. Струве. «Крепостное хозяйство». Спб., 1912 г., стр. 60.

мыслима уже в силу одной невозможности организовать достаточный контроль. Организация этого контроля и при барщинной системе, как известно, была для многих помещиков крайне затруднительной. Но месячина не могла найти широкого распространения главным образом потому, что обезземеление тем или другим из мелкопоместных владельцев десятка — двух своих крепостных проходило более или менее спокойно, но едва ли бы прошел без эксцессов повсеместный сгон крестьян с земли. Недаром, указывая на большую выгодность месячины перед барщиной, Вилькинс в то же время предупреждал, что введение ее может вызвать значительные неприятности: «владелец должен заранее подготовиться к тому, что мужики его не с большой охотою примут это нововведение»[1].

Поэтому в действительности помещики, работавшие на рынок, констатируя падение производительности труда своих барщинных крестьян, особенно по мере обеднения последних, приходили к мысли не о замене барщины месячиной, а о переходе к капиталистическому способу производства. 40-е и 50-е годы и видят уже примеры обращения таких помещиков к наемному труду. Последний, например, уже давно применялся в среднем Поволжье и Новороссии, где крепостное население было немногочисленно и где уже по одному этому землевладельцы не могли справляться с урожаем при помощи одной только барщины: в страдную пору они вынуждены были широко обращаться к найму. Так, в огромных саратовских имениях Нарышкина, в которых было до 102 тысяч десятин земли и в которых вообще преобладала оброчная система, собственное хозяйство помещика велось следующим образом: озимые хлеба сеялись и убирались урочной, огульной работой всего Львовского общества, представлявшего собой волость, составленную из переводившихся на барщину задолжавших оброчных крестьян и насчитывавшую к моменту реформы 19 февраля до 200 ревизских душ; что же касается пшеницы и проса, то их уборка производилась наймом или исполу, и наймом же справлялись с сенокосом[2].

Такого рода сезонные работы вообще нередко практиковались в Саратовской губ. «Многие помещики,— говорил в 1848 г. саратовский губернский предводитель дворянства,—

---

1 «Землед. Журнал», 1843 г., № 18.

2 Н. Ф. Хованский. «Помещики и крестьяне Саратовской губ.». Саратов, 1911 г., стр. 60 и 61.

которые производят засевы не по числу работников, в рабочую пору в помощь своим крестьянам нанимают для уборки хлеба вольных жнецов[1].

По свидетельству А. Никольского, на летние заработки в среднем Поволжье приходили большей частью жители малоземельных уездов Пензенской, Тамбовской и Рязанской губ., а также из Балашовского уезда Саратовской губ., где было много недостаточно наделенных землей казенных крестьян[2].

Еще обычнее становился наем рабочих в Заволжском крае. Про Новоузенский уезд Самарской губ. в те же 50-е годы К. Д. Кавелин писал в своих письмах из деревни: «Наем рабочих, особливо жнецов, — любопытнейшая вещь в нашем крае. Приспела жатва — всюду начинается усиленная деятельность и необыкновенное столпление народа. Хозяева спешат на базары — пункты, где нанимаются жнецы... В то же время рабочие тысячами идут в глубь степи искать работы. В последние годы наемные цены на жнецов страшно провысились: с 3 р. сер. за сороковую десятину, как бывало прежде, они поднимались до 6—6½ и 7 рублей»[3]. В Херсонской губ. также обрабатывают,— писал в 1848 г. Шостак,— обширные пустоши более наемным трудом, нежели барщиною с своего незначительного населения». При недостатке «захожих рабочих» помещикам приходилось нанимать «для уборки хлебов» и живших здесь государственных крестьян, конечно, за усиленную плату, так как последние «в урожайные годы не хотят наниматься, имея довольно занятий дома»[4]. Для найма пришлой рабочей силы в Новороссии существовали своего рода биржи труда, но кроме того, «многие тамошние землевладельцы для законтрактования рабочих посылали своих доверенных в малоземельные губернии еще до косовицы»[5].

Заработная плата пришлых косцов и жнецов доходила здесь в 40-х годах до 20 р. в месяц[6]. Перед реформой 1861 г.

---

1 Л. Н. Юровский. «Саратовские вотчины». Саратов, 1923 г., стр. 17.

2 А. Никольский. «Хозяйственное описание Балашовского уезда Саратовской губ.». Спб., 1855 г., стр. 62.

3 К. Д. Кавелин. «Письма из деревни», в его «Собр. соч.», т. II. Спб., стр. 655—656.

4 В. Шостак. «Работа барщиной и наймом в Херсонской губ.», в «Зап. Общ. Сельск. Хоз. в Южной России», 1848 г., № 5.

5 Букинский. «О промыслах земледельческого сословия в Новороссийском крае». Спб., 1847 г.

6 «Быт русского дворянина в разных эпохах и обстоятельствах жизни». Изданный автором «Семейства Холмских». В. 2. М., 1851 г., стр. 32.

в этот край направлялось, по данным Редакционных комиссий, ежегодно уже до 300 тысяч рабочих, приходивших обычно из густонаселенного и уже чувствовавшего малоземелье центрально-земледельческого района. Из этого района отправлялись в земледельческий отход как государственные крестьяне, так и помещичьи. В Орловской губ., например, судя по отчету губернатора о влиянии Крымской войны на местное хозяйство, «многие имения, употребляя определенное число тягол на земледельческие работы, остальные излишни тягла отпускали на заработки»[1]. Из такого же отчета по Полтавской губ. видно, что здесь отход был особенно распространен в среде государственных крестьян, которые, «по значительности народонаселения и недостатку земли», обычно находили для себя «занятия, выходя на заработки в летние месяцы, главным образом во время косовицы, в южные губернии». Число отправлявшихся в отхожие промыслы из Полтавской губ. государственных крестьян доходило в 1853 г. до 74 тысяч, в 1854 г.— до 69 тысяч и в 1855 г.— почти до 58 тысяч[2]. Столь же значителен был и отход этой части крестьянства в Харьковской губ.; так, билетов на отлучку было выдано здесь в 1853 г. 61 тысяча, в 1854 г.— 63 тысячи и в 1855 г.— 60 тысяч[3].

Средневолжский и новороссийский районы, как известно, давно уже применяли в широком масштабе наемный труд, так как в этих районах, вновь колонизируемых, было очень мало крепостного населения. Так, оно составляло в Саратовской губ — 40%, в Самарской—15%, в Екатеринославской и Херсонской — по 31%, в Таврической — 6%, в Бессарабской области — 1%[4].

Наемный труд в 40—50-х годах начал применяться и в правобережной Украине, но здесь его распространению способствовали уже другие обстоятельства. Так как этот край был густо населен,— процент крепостных, например, в Киевской губ. доходил до 58, в Волынской до 56[5],— то массовое обращение к наемному труду в этих местах вызывалось главным образом распространением свекловичных посевов, упра-

---

1 Л. А. «Сведения о положении крестьян к концу Крымской кампании (по офиц. данным)», в «Архиве Истории Труда в России», кн. 10. Птр., 1923 г., стр. 13.

2 Там же, стр. 135.

3 Там же, стр. 136.

4 А. Тройницкий. «Крепостное население России по 10-й народной переписи». Спб., 1861 г., стр. 49—50 и 85—86.

5 Там же.

виться с которыми при помощи крепостного труда не представлялось возможным. «Прежде нанять чужого бедного крестьянина,— писал в своих киевских заметках 1849—1850 гг. Ю. Самарин,— считалось делом бесчестным, теперь же все это делают по необходимости, и никто не жалуется. Помещики, возделывающие свекловицу, зазывают баб с соседних деревень, они приходят тысячами и договариваются о цене. Другие отбивают их обещанием высшей платы; начинается торг, но о крепостном праве и помину нет. Потребность вольного труда так велика, стремление рабочих сил к нему так неудержимо, что притязания, основанные на букве устарелого закона, как бы умолкли» [1].

С 40-х годов к найму рабочей силы стали обращаться, конечно в гораздо меньшем масштабе, и в давно страдавшем уже относительным перенаселением центрально-земледельческом районе. Наемный труд, например, был распространен в многоземельных имениях Черниговской губ., в которых обработка производилась с помощью людей, отпускаемых на заработки соседними малоземельными владельцами [2]. Наем рабочих производился также в большом тульском имении гр. А. Бобринского, который для своего громадного свеклосахарного завода, на котором работали из найма, покупал свеклу по вольной цене у своих оброчных крестьян [3]. В имении зарайского предводителя дворянства Титова тоже работали его оброчные крепостные, но «по вольному соглашению» [4]. Так же поступал и нижегородский помещик В. А. Демидов [5]. Начинали переходить к наемному труду и многие помещики-славянофилы. Так кн. Черкасский, имевший сахарные заводы, отпустил на свободу работавших там мастеровых за большой выкуп, без земли, и тоже перешел к наемному труду [6]. А. И. Кошелев в своих рязанских имениях, где он вводил усовершенствованные машины, выполнял часть работ барщиной, а часть наймом, при чем впоследствии он

---

1 Ю. Ф. Самарин. «Замечания об инвентарях, введенных в 1847 и 1848 гг.», в его «Сочинениях», т. II. М., 1878 г., стр. 5.

2 Л. А. «Сведения о положении крестьян к концу Крымской кампаниии (по офиц. данным)», в «Архиве Истории Труда в России», кн. 10. Птр., 1923 г., стр. 135.

3 С. Т-в. «Бобринский, А. А.», в «Русском Биографическом Словаре». Спб., 1908 г., стр. 112.

4 А. П. Заблоцкий-Десятовский. «О крепостном состоянии в России», в его книге «Гр. П. Д. Киселев и его время», т. IV. Спб., 1882 г., стр. 327.

5 Л. Снежневский. «Быковская вотчина Демидовых», в «Действиях Нижегор. Уч. Архивн. Ком.», т. VII. Н.-Новгород, 1909 г., стр. 95.

6 Кн. Трубецкая. «Материалы для биографии кн. Черкасского», т. I.

всех барщинников перевел на оброк[1]. Это последнее сделал и Хомяков[2], человек чрезвычайно расчетливый, про которого гр. Растопчина не без остроумия писала[3]:

Православия страж в народе,
Крепко держит он посты[4],
Много пишет о свободе,
Восстает на суеты.

Но, несмотря на это,

Говорят, рука витии
Для крестьян его строга.

Кроме того, в Данковской деревне Рязанской губ. Хомяков завел сахарный завод «с видами эмансипации», на котором также применялся наемный труд[5].

Но гораздо чаще, чем у дворян, вольнонаемный труд встречался в купеческих имениях, количество которых особенно выросло за годы сельскохозяйственного кризиса, когда многие помещики вынуждены были продавать свои земли. О размерах мобилизации дворянского землевладения дают представление следующие факты. В Смоленской губ., например, было продано в 1841—1849 гг. 45,3 тысяч десятин незаселенной земли. Много дворянских имений перешло в руки купцов в Тверской губ., особенно путем продажи их с публичных торгов, за частные и казенные долги[6]. В Харьковской губ. накануне реформы из 5½ млн. десятин земли, принадлежащей государственным крестьянам, помещикам и казне, уже 280 тысяч десятин находилось «в личной собственности недворянских сословий»[7]. Значительно развита была скупка земель недворянами также на малозаселенном юге и юго-востоке. По свидетельству А. П. Заболоцкого-

---

1 Колюпанов. «Биография А. И. Кошелева», т. II. М., 1892 г.

2 Ю. Ф. Самарин. «Хомяков и крестьянский вопрос», в его «Сочинениях», т. I. М., 1877 г., стр. 249—250. См. также письмо Хомякова к Самарину от 6 августа 1852 г., в «Русском Архиве», 1879 г., кн. 3, стр. 338.

3 «Дом сумасшедших в Москве», в «Рус. Стар.», 1885 г., № 3, стр. 681.

4 «Даже в Париже (куда Хомяков ездил в ранней молодости) он сумел во весь великий пост ни разу не оскоромиться» (А. И. Кошелев. «Воспоминания о Хомякове», в «Рус. Арх.», 1879 г., кн. 3, стр. 272).

5 Письмо Хомякова к А. И. Кошелеву (1854 г.), в «Рус. Арх.», 1879 г., кн. 3, стр. 284 и прим.

6 Н. П. Огановский. «Очерки по истории земельных отношений в России», т. I. Саратов, 1911 г., стр. 282.

7 «Эпоха освобождения крестьян в воспоминаниях П. А. Семенова-Тяньшанского», т. I. Спб., 1911 г., стр. 350.

Десятовского, «в губерниях Воронежской, Тамбовской и в особенности в Саратовской за Волгой есть множество купцов, имеющих по 500, по 1.000 и более десятин земли, обрабатываемой ими вольнонаемными работниками» [1]. Кн. В. И. Васильчиков также свидетельствует, что в Лебедянском уезде, Тамбовской губ., где у него были имения и где он с братом начал перед освобождением «исподволь подготовляться к водворению вольнонаемного батрацкого хозяйства», уже «издавна существовало несколько купеческих хозяйств, которые постоянно нанимали рабочих для возделывания своих полей». При этом он отмечает, что применение наемного труда в купеческих имениях с обширными посевами проса, горчицы, льна и пшеницы вообще было очень распространено в черноземной полосе России[2]. Указания на этот счет для Тамбовской и Харьковской губ. содержатся также в труде Гакстгаузена [3]. В результате, землевладение купцов, колонистов и крестьян-собственников выросло к моменту отмены крепостного права до 6,2 млн. десятин. Наемный труд, занимавший на этих землях господствующее положение, приводил к тому, что доходность таких хозяйств была значительно выше, чем дворянско-барщинных. По свидетельству министра внутренних дел Перовского, «опыты обработки земли наемными людьми в губерниях: Саратовской, Тамбовской, Пензенской, Воронежской и других показали, что там, где нет недостатка в руках, владелец ненаселенной земли при подобном хозяйстве оставался в выигрыше противу помещика» [4]. Упоминавшийся нами Заболоцкий-Десятовский в качество примера, дающего возможность наглядно сравнить производительность барщинного и наемного работника, приводит следующий случай: в Новоузенском уезде у князей К-в, при самой усиленной барщине — на помещика крепостные работали вдвое больше, чем на себя,— ежегодная запашка на

---

[1] А. П. Заблоцкий-Десятовский. «О крепостном состоянии в России», в его книге «Граф Киселев и его время», т. IV. Спб., 1882 г., стр. 283.

[2] Кн. Васильчиков. «Несколько слов о вольнонаемном труде в сельском хозяйстве в черноземной полосе России», в «Русск. Сельском Хозяйстве»,

[3] Бар. Гакстгаузен. «Исследования внутренних отношений народной жизни и т. д.», т. I. М., 1869 г., стр. 394 и сл.

[4] Записка Перовского (1845 г.) об ограничении крепостного права, представленная Николаю I. Цит. у В. И. Семевского. «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в.», т. II. Спб., 1888 г., стр. 617.

одного работника не превышала 5 десятин, тогда как в соседнем имении купца Рекка, работавшего на наемном труде, каждый работник пахал 9 десятин [1].

Немудрено, что в черноземных губерниях имение без крестьян ценилось иногда дороже имения с крестьянами. Так, например, в этих губерниях, по словам некоего «плантатора и меланхолика», «земли распродавались без крестьян чуть не вдвое дороже того, почем пришлась бы десятина при продаже имений с крестьянами» [2]. Недаром известный откупщик, торговец и фабрикант Кокорев, занимаясь, между прочим, и скупкой дворянских земель, предпочитал покупать их без крепостных. Так, приобретя у гр. Р. в Орловской губ. 2.200 десятин за 100.000 р. сер., он сдал в аренду за 9.000 р., указывая, что такое же имение с крестьянами этого дохода ему бы не дало. Поэтому, когда ему в той же губернии кн. О. предлагал купить 3.500 десятин по той же расценке, но с 500 крестьянами в придачу, за которых, значит, ничего не брал, он отказался [3]. Земля с крепостными дорого ценилась лишь в центрально-промышленном районе, где иногда крепостные приносили своим владельцам значительные оброки. Вследствие этого, по расчету П. П. Маслова [4], средняя рыночная стоимость крепостного здесь равнялась 50,4 р., а в центрально-земледельческих губерниях — 20,4 р.

Введение капиталистического способа производства в отдельных имениях, однако, не могло вполне удовлетворить помещиков-прогрессистов. На рынке эти хозяйства встречались с конкуренцией крепостнических хозяйств, ведшихся без всякой затраты капитала. Кроме того, не везде можно было получить достаточно дешевых работников, так как крепостное право затрудняло свободный отлив рабочей силы из густонаселенных губерний в степные. Наконец, бездорожье, отличавшее Россию, благодаря низкому уровню ее технического и экономического развития,— всего, например, шессей-

---

1 А. П. Заблоцкий-Десятовский. «О крепостном состоянии в России», в его книге «Граф П. Д. Киселев и его время», т. IV. Спб., 1882 г., стр. 283—284.

2 «Журн. Землевлад.», 1859 г., т. IV, отд. VII, стр. 54.

3 М. Н. Покровский. «Крестьянская реформа», в «Истории России в XIX в.», т. III, стр. 108.

4 П. Маслов. «Аграрный вопрос в России». Изд. 3-е. Спб., 1906 г. стр. 384.

ных дорог было в 1850 г.— 4.841 верста[1],— приводило к огромным колебаниям хлебных цен в стране, часто совершенно спутывавшим всякие хозяйственные расчеты землевладельцев и в корне подрывавшим самую возможность сельскохозяйственного прогресса.

Насколько, действительно, огромны были колебания хлебных цен во времени, видно из следующей таблицы, показывающей отношение средних высших цен к средним низшим за 1823—1841 гг.[2]:

Потребляющие районы		Производящие районы	
В Москве	как 10 : 42	В Ставрополе	как 10 : 111
„ Владимире	„ 10 : 38	„ Туле	„ 10 : 100
„ Ярославле	„ 10 : 26	„ Саратове	„ 10 : 67
„ С. Петербурге	„ 10 : 22	„ Симбирске	„ 10 : 48

Столь же широка была и амплитуда колебаний хлебных цен в пространстве. Так, в 1843 г. хлеб в Петербурге стоил в 5 раз дороже, чем в Курской губ., а в 1845 г. куль ржи в этой последней продавался за 1 р. 50 к. сер., тогда как в Псковской губ.— за 14 и 15 р.[3]. Немудрено, что сельские хозяева, по свидетельству Н. Тимашева, приходили нередко в отчаяние, видя, что «урожайный год — разорение земледельца, особенно в тех странах, где нет сбыта; а неурожайный — гибель его: он обогащает одних только хлебных торговцев, подрядчиков, поставщиков, запасающихся хлебом за бесценок во время урожаев»[4].

Все эти невыгоды крепостного строя приводили к тому, что с изменением в 40-х годах рыночной конъюнктуры на хлеб и возобновлением сельскохозяйственного предпринимательства, перерождавшийся в аграрную буржуазию среднепоместный слой дворянства снова поставил в порядок дня крестьянский вопрос. Крепостнический, феодальный способ производства, по мере роста внутреннего и внешнего рынка на хлеб, в конце концов начинал полностью исчерпывать се-

---

1 «Историческое обозрение путей сообщения и публичных зданий с 1825 по 1850 гг.», в «Сборн. Рус. Ист. Общ.», т. 98. Спб., 1896 г., стр. 556. Отметим, что шоссе стали строиться в России с 1817 г., и к 1825 г. их протяжение равнялось 180 верстам (там же, стр. 555).

2 Д. С. Протопопов. «О хлебной торговле в России», в «Журн. Мин. Госуд. Имущ.», 1842 г. Цит по П. Б. Струве. «Крепостное хозяйство». Спб., 1911 г., стр. 127.

3 П. Б. Струве. Назв. соч., стр. 128.

4 Н. Тимашев. Статья в «Библ. для Чтения», 1844 г. Цит. по П. Б. Струве. Назв. соч., стр. 128, примеч.

бя. Ни агрономические, ни технические улучшения, какие иногда вводились в сельском хозяйстве, ни даже частичный переход к наемному труду не давали возможности как следует развиваться производительным силам. Эту возможность несла с собой лишь отмена крепостного права в целом.

ЛИТЕРАТУРА ПО СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ В 1825 — 1860 гг.

Источники. «Труды Вольн.-Экономич. Общества», 1842—1860 гг.— «Журнал Сельск. Хозяйства», 1851—1859 гг.—«Земледельческий Журнал», 1821—1841 гг.— «Журнал Землевладельцев», 1858—1860 гг.— «Журнал Министерства Госуд. Имуществ», 1841—1860 гг.— «Земледельческая Газета», 1834—1860 гг. — «Журнал Сельского Хозяйства, издаваемый от Имп. Моск. Общества Сельских Хозяев», 1851—1859 гг. — Н. Дубенский. «Владимирская губерния в сельскохозяйственном отношении», Спб., 1851 г.— В. Преображенский. «Описание Тверской губ. в сельскохозяйственном отношении». Спб., 1854 г. — Л. Никольский. «Хозяйственное описание Балашовского уезда, Саратовской губ.». Спб., 1855 г.— Авксеньев. «Очерк сельскохозяйственной промышленности Новороссийского края». М., 1850 г.— «Веневский уезд в географическом, земледельческом и вообще промышленном отношениях». М., 1852 г. — Горизонтов. «Хозяйственно-статистическое описание Пензенского уезда». Спб., 1859 г.— М. Кишкин. «О земледелии, скотоводстве и сельских промыслах в Кирсановском уезде». М., 1860 г.— Э. Лоде. «Хозяйственное обозрение Вологодской губ.». Спб., 1843 г.— Новиков. «Материалы для землевладельческой статистики Оренбургской губ.». (1859 г.).— П. Островский. «Сельскохозяйственное статистическое описание Ростовского, Углического и Романоборисоглебского уездов Ярославской губ.». Спб., 1860 г.— А. Скальковский. «Опыт статистического описания Новороссийского края», 2 тт. Одесса, 1850—1853 гг.— Фундуклей. «Статистическое описание Киевской губ.», 3 тт. Киев, 1852 г.— Черемшанский. «Описание Оренбургской губ.». Уфа. 1859 г.—В. Андросов. «Хозяйственная статистика России». Спб., 1849 г.— К. Арсеньев. «Статистические очерки России». Спб., 1848 г. — И. Горлов. «Обозрение экономической статистики России». Спб., 1849 г.— «Материалы для хозяйственной статистики России». Изд. В.-Э. Общ., кн. I. Спб., 1853 г.— И. Платонов. «О мерах, принятых в России к поощрению и усовершенствованию сельского хозяйства вообще», в «Журн. Мин. Вн. Дел», 1838 г., №№ 10 и 11, и отд. Спб., 1839 г. — Л. В. Тенгоборский. «О производительных силах России», 2 чч. М., 1855 г. и Спб., 1858 г. — Д. Шелехов. «О настоящем положении сельского хозяйства в России и о причинах прошлогодних неурожаев». Спб., 1841 г.— Р. Бунин. «Мысли о русском хозяйстве и о некоторых причинах дешевизны сельских произведений нашего земледелия, с учетом земледельческих работ при возделывании разных хлебов на черноземной почве». М., 1832 г. — Егунов «О ценах на хлеб в России». М., 1855 г.— Его же. «О средних ценах на главнейшие жизненные потребности в России за последнее пятилетие», в «Отеч. Зап.», 1852 г., №№ 10—12.— А. Заблоцкий. «Причины колебания цен на хлеб в России», в «Отеч. Зап.», 1847 г.— Его же. «О крепостном состоянии в России», в его книге «Граф Киселев и его время», т. IV. Спб., 1882 г. — А. Фомин. «О понижении цен на земледельческие произведения в России». Спб., 1829 г. — Поздюнин. «Об оброчных работниках или совершенно новом образе взимания помещичьих повинно-

стей». М., 1845 г. — И. Сабуров. «Записки пензенского помещика о теории и практике сельского хозяйства», в «Отеч. Зап.», 1842—1843 гг. — Е. Лодыженский. «Русский помещик». Спб., 1856 г. — Шишков. «Оброк и барщина», в «Зап. Лебедян. Общ. Сельск. Хозяев», 1857 г. — Д. Шелехов. «О пользе и средствах улучшения в русском сельском хозяйстве», в «Библ. для Чтения», 1838 г., № 7.— И. И. Снежневский. «Крепостные крестьяне Нижегородской губ. накануне реформы 19 февраля», в «Действиях Нижегородской Уч. Арх. Ком.», т. III. Н.-Новгород, 1898 г. — Н. С. Волконский. «Условия помещичьего хозяйства при крепостном праве», в «Трудах Рязан. Уч. Арх. Ком.», т. XII, 1897 г., вып. 2—3.— Н. Ф. Хованский. «Помещики и крестьяне Саратовской губ.», в «Материалах по крепостному праву». Изд. Сарат. Губ. Уч. Арх. Ком. Саратов, 1911 г. — Повалишин. «Рязанские помещики и их крепостные». Рязань, 1903 г.— И. Вильсон. «Объяснения к хозяйственно-статистичесому атласу Европейской России». Спб., 1851 г. (и 2 след. изд. 1854—1869 гг.). Работы по движению населения Кеппена, Бунге и Тройницкого, указанные в одном из предыдущих библиографических перечней.

Исследования. П. И. Лященко. «Очерки аграрной эволюции России», т. I. Спб., 1908 г., гл. IV и V. — Н. П. Огановский. «Закономерность аграрной эволюции», ч. 2: «Очерки по истории земельных отношений в России». Саратов, 1911 г., гл. V. — П. Б. Струве. «Крепостное хозяйство». Спб., 1913 г.— И. И. Игнатович. «Помещичьи крестьяне накануне освобождения». Изд. 3-е, дополн. Л., 1925 г. — В. Г. Бажаев. «Крестьянское травопольное хозяйство в нечерноземной полосе Европейской России». М., 1900 г.— П. Г. Архангельский. «Очерки по истории земельного строя России». Казань, 1921 г., гл. V—VI. — К. А. Вернер. «Агрономическая помощь населению в конце XVIII и первой половине XIX вв.». М., 1901 г.—А. А. Корнилов. «Из истории крепостного хозяйства в России» (по поводу книги Струве), в «Научн. Ист. Журн.», 1913 г., № 5.— И. В. Чернышев. «Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет». Птр., 1918 г., гл. I и II. — А. Лосицкий. «Хозяйственные условия накануне падения крепостного права», в «Образовании», 1906 г., № 11.— В. И. Семевский. «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX вв.», т. I. Спб., 1888 г. — Н. А. Рожков. «Русская история в сравнительно-историческом освещении», т. X. Л., 1924 г. — Его же. «Из русской истории. Очерки и статьи», в. 2. Птр., 1923 г.— М. Н. Покровский. «Русская история», т. V, гл. XIV, §§ 1 и 2. — П. И. Лященко. «История русского народного хозяйства». Гиз, 1927 г., гл. XII. — В. И. Пичета. «История народного хозяйства в России XIX—XX вв.». М., 1922 г., гл. III. — Л. Андреевский. «Очерк крупного крепостного хозяйства на севере». Вологда, 1922 г.— Б. Кашин. «Экономический быт и социальное расслоение крепостной деревни в XIX в.», в ж. «Звезда», 1926 г.— Его же. «Землевладение крепостных крестьян», в сборн. «Крепостная Россия». Л., 1930 г.— С. Вознесенский. «К вопросу о дворянской земельной задолженности в крепостную эпоху». (Печ.).

Правительственный гнет и классовая борьба на идеологическом фронте в Николаевскую эпоху

Царствование Николая I началось победой над буржуазной революцией, предпринятой в 1825 г. декабристами, и кончилось поражением, которое нанесла в 1853—1855 гг. бур-

жуазная Европа феодальной России. В промежутке между этими двумя датами над страной нависла свинцовая туча небывалой еще реакции, отбрасывавшая мрачную тень и на соседние с запада страны. Экономической почвой для этой реакции послужил появившийся в 20-х годах сельскохозяйственный кризис, который и остановил на несколько десятилетий коренную перестройку крепостнических отношений, противоречащих начинавшемуся развиваться капиталистическому способу производства. Господствующее положение в России, таким образом, надолго еще оставалось в руках феодальной крупноземлевладельческой знати, тесно сгрудившейся вокруг самодержавного царя, призванного поддерживать всей полнотой своей власти существующий порядок вещей. Эта знать, представлявшая собой правительственный аппарат, в котором она занимала руководящие посты, встречала полное доверие в самых широких слоях дворянства, крепко цеплявшихся, в эпоху низких хлебных цен и упадка доходов со своих имений, за крепостное право и подпиравшую последнее правительственную власть. Принцип Карамзина: «самодерживие есть палладиум России: целость его необходима для ее счастья» [1], находил теперь в дворянстве самое широкое признание. Немудрено, что правящий слой, ощутив под ногами после декабрьских событий 1825 г. твердую почву, старался смотреть на положение дел глазами жандармского генерала Бенкендорфа, бывшего правой рукой Николая I: «Прошлое России удивительно, — сказал как-то генерал Бенкендорф, — настоящее более, чем великолепное, будущее выше всего, что может себе представить пылкое воображение» [2].

При таких обстоятельствах власть Николая I приобрела исключительную силу, а правящая верхушка дворянства в его царствование настолько обюрократилась, что превратилась в простых исполнителей самодержавной воли: «Как молод я ни был,— говорит Герцен,— но я помню, как наглядно высшее общество пало и стало грязнее, раболепнее с воцарением Николая. Аристократическая независимость, гвардейская удаль Александровских времен — все это исчезло с 1826 годом» [3].

---

1 Н. М. Карамзин. «Записка о древней и новой России». Спб., 1914 г., стр. 126.

2 А. Н. Пыпин. «Характеристики литературных мнений от 20-х до 50-х годов». Спб., 1909 г.

3 А. И. Герцен. «Сочетания», т. VII. Женева, 1879 г., стр. 282.

Спокойно чувствуя себя дома после подавления собственной революции, новый самодержец считал себя достаточно сильным, чтобы бороться с революционными движениями и в их главном очаге — Западной Европе. Следуя принципам Священного Союза, Николай I самодовольно заявлял, что цель его внешней политики — «поддерживать власть везде, где она существует, подкреплять ее там, где она слабеет, и защищать ее там, где на нее нападают». Когда в Петербург пришло известие о Февральской революции во Франции, Николай I, бывший в это время на придворном балу, обращаясь к танцующим офицерам, громко провогласил: «Седлайте коней, господа: во Франции объявлена республика» [1]. Он хотел было двинуть трехсоттысячную армию для наказания французов, да Волконский и Киселев доказали ему, что для отправки такого количества войск за границу в казне не хватит денег [2]. Впрочем, Николаю зато удалось вполне проявить свою полицейскую энергию спустя несколько месяцев, когда восстала Венгрия. Русская армия Паскевича, заставила венгерских повстанцев, только что вдребезги разбивших австрийцев, вновь признать над Венгрией власть Франца-Иосифа.

Играя роль международного жандарма, Николай I, типичный капрал на престоле, естественно, стремился всю Россию превратить в грандиозную казарму, где, по меткому выражению кн. Вяземского, «не было общества, было одно народонаселение». Все, кто имел несчастье жить в России, не принадлежа к правительству, должны были беспрекословно склоняться перед Молохом государственности, построенной бюрократически, в которую сомкнулась правящая верхушка дворянства. Эта государственность, инстинктивно боявшаяся всего нового, нашла в лице Николая I убежденного защитника существующего порядка. Историк С. М. Соловьев, очевидец «моровой полосы», как назвал Николаевское царствование А. И. Герцен, дал необычайно меткую характеристику этого царя в следующих словах: «Деспот по природе, имея инстинктивное отвращение от всякого движения, всякого выражения индивидуальной свободы и самостоятельности, Николай любил только бездушное движение войсковых масс по команде. Это был страшный нивелировщик... он не желал, подобно известному безумному императору, чтобы народ имел одну голову, которую можно было бы отрубить одним

---

[1] А. А. Корнилов. «Курс истории России XIX в.», т. II М., 1912 г., стр. 101.

[2] Там же, стр. 102.

ударом; он хотел бы другого — возможности одним ударом отрубить все головы, которые поднимались над общим уровнем»[1].

Возглавляемое Николаем I правительство, действительно старалось регламентировать весь обиход жизни не только в канцеляриях и департаментах, но и в семье, школе, на улице, предписывая правило ношения бороды и курения в публичных местах. За недостаточно чисто выбритый подбородок при представлении великому князю Михаилу Павловичу офицер Момбелли просидел две недели на гауптвахте. Немудрено, что он писал в своем дневнике: «Служба наша в самое короткое время... останавливает и притупляет умственные способности»[2]. П. Я. Чаадаев, осмелившийся в 30-х годах думать по-своему, не так, как предписывалось сверху, был официально объявлен сумасшедшим. Вакханалия самодержавно-бюрократического режима, зажавшего в крепкий кулак страну, воспитывала в широких обывательских массах чисто рабью психологию, ярко очерченную Глебом Успенским: «Не шевелиться, хотя и мечтать; не показывать виду, что думаешь; не показывать виду, что не боишься. показывать, напротив, что боишься, тогда как для этого и оснований-то нет: вот что выработали эти годы в русской толпе»[3].

Поставив перед собой задачей воздействовать на все стороны общественной и даже частной жизни, верховная власть должна была позаботиться о создании соответствующего аппарата. Существующие высшие бюрократические учреждения, Государственный Совет, сенат и министерства, оказывались далеко не достаточными для такого размаха государственной деятельности, особенно, при условии самого энергичного вмешательства в эту деятельность царя. И вот Николай I стремился все главные нити управления стянуть в свои руки, образовав для этого «Собственную его величества канцелярию», напоминавшую собою во многом «приказ тайных дел» времен царя Алексея Михайловича. Реакционная политика, в основе которой лежала реставрация феодальных отношений в области сельского хозяйства, потребовала, таким образом, установления и в области государственного устройство своего рода, казалось, давно уже изжитого вотчинного режима. В Собственной его величе-

---

1 «Записки С. М. Соловьева». Птр., (б. г.), стр. 117.

2 Выдержка наудачу из дневника Момбелли, в изд. В. М. Саблина «Петрашевцы». М., 1907 г., стр. 35.

3 «Сочинения Глеба Успенского», т. I Спб., 1889 г., стр. 175—176.

ства канцелярии было устроено пять отделений, в которых мало-по-малу сосредоточилась вся текущая работа по управлению и все более или менее важные вопросы законодательного характера. Министры превратились в бравых исполнителей воли монарха. Таким образом, правительственная система, начало которой было положено еще Петром I и которая окончательно сложилась при Александре I, теперь была поставлена под непосредственный надзор и руководство самого Николая I, стремившегося держать свою «команду» в «должном порядке». Карамзин, негодовавший на учреждение Александром I Государственного Совета и министерств, потому что они явились средостением между царем и «народом», теперь мог вполне торжествовать, так как предлагавшееся им развитие личного управления при Николае I достигло своего апогея. Царь действительно стал близок к народу, но лишь при помощи «Отдельного корпуса жандармов», действовавшего в тесном контакте с знаменитым III Отделением «Собственной канцелярии». В результате у Николая I явилась полная возможность успешно бороться как с активными выступлениями преимущественно крепостного крестьянства, так и с «вольнодышащими» стихами сильно присмиревших «либералистов».

Но нельзя сказать, чтобы правящая крупнопоземлевладельческая знать во главе с Николаем I не чувствовала, что победа в декабре 1825 г. и жестокая расправа с побежденными, из которых пятеро были казнены, несколько сот погребены в снегах Сибири или ущельях Кавказа, еще далеко не упрочили «полного порядка» в стране. Николай I, сам ведший следствие над декабристами, имел полную возможность убедиться, что в основе их движения лежали вполне реальные причины, хотя и выставлял их в своих официальных заявлениях беспочвенными мечтателями, стремившимися осуществить в России чуждые последней, заимствованные с Запада идеи. Недаром, по его требованию, делопроизводитель Следственной комиссии Боровков составил из писем и показаний арестованных о внутреннем состоянии России систематический свод, один экземпляр которого находился всегда в кабинете царя, а два других были переданы Константину Павловичу и председателю комитета министров кн. Кочубею. Впоследствии Кочубей говорил Боровкову: «Государь часто просматривает ваш любопытный свод и черпает из него много дельного, да и я часто к нему прибегаю». Но, конечно, не знакомство с идейным наследием декабристов, а

вполне объективные обстоятельства заставляли Николая I и его правительство, помимо политики всяческого удушения, браться время от времени и за проведение некоторых реформ.

Дело в том, что если дворянские слои общества пока что нуждались в охране своих привилегий, то ведь в России продолжала расти и промышленная буржуазия, с которой вовсе не считаться было невозможно. Понятно, что Николаевское правительство, беспощадно подавляя всякий намек на недовольство, вынуждено было в то же время делать попытки к некоторому смягчению вызывавших его причин. Немудрено, что, еще под свежим впечатлением выступления декабристов, в декабре 1826 г. Николай I образовал под председательством гр. В. П. Кочубея особый секретный комитет, в состав которого вошли М. М. Сперанский, кн. А. Н. Голицын, гр. П. А. Толстой, бар. И. И. Дибич и Ил. В. Васильчиков. Этому комитету было указано ознакомиться с бумагами, найденными в кабинете Александра I, после его смерти, и рассмотреть, что «ныне (т. е. в существующем порядке) хорошо, чего оставить нельзя и чем (в таком случае) заменить» [1]. Комитет проработал до 1832 г., не предприняв никаких реформ и ограничившись лишь пересмотром уставов действующих в империи учреждений и составлением проекта «законов о состояниях». С тех пор в продолжение царствования Николая собиралось еще целых восемь секретных комитетов, но результаты их деятельности были очень скромные. По возможности все оставить по-старому, — таков был лозунг сановных реформаторов. Бар. Корф рассказывает, что при разъезде с заседания одного из таких комитетов кто-то сказал ему: «В том-то и беда наша: коснуться одной части считают невозможным, не потрясая целого, а коснуться целого отказываются потому, что, дескать, опасно тронуть 25 миллионов народу. Как же из этого выйти?» На это Корф ответил: «Очень просто: не трогать ни части, ни целого; так мы, может быть, долее проживем» [2].

Основным злом, от которого проистекали и все остальные беды, являлось, конечно, крепостное право. Это хорошо сознавал и сам Николай I. Но он считал себя «первым дворянином в государстве», полагая, что хотя «крепостное право в нынешнем его положении есть зло, для всех ощутитель-

---

1 Сборн. Рус. Ист. Общ.», т. 74, Спб., 1891 г., стр. XXI.
2 «Из записок бар. М. А. Корфа», в «Рус. Стар.», 1899 г.

ное и очевидное, но прикасаться к нему было бы делом еще более гибельным»[1], ибо это вызвало бы бурный протест со стороны дворянства, являвшегося наиболее прочной опорой самодержавной власти. «Ни один помещик своей земли не отдаст добровольно»,— говорил помощник шефа жандармов Дуббельт, выражая в этом отношении общедворянскую точку зрения. Последняя еще ярче выражена в следующих словах того же Дуббельта: «Пусть государь не думает, что, дав свободу крестьянам, не нужно будет более или менее изменить образ нашего правления; а малейшее изменение сделает в престоле щели и подкопает его»[2]. Понятно, что если дворянство не хотело крестьянской реформы, то Николаю I не нравилась реформа политическая. «Нет, князь, — как-то сказал он московскому генерал-губернатору Д. В. Голицыну, — пока я буду царствовать, России не нужны адвокаты, без них проживем»[3]. А в «адвокатах», игравших видную роль во французских революциях, Николай видел ненавистных для него республиканцев.

Вот почему все, на что отваживалось в области реформ Николаевское правительство, было паллиативами, или подкрепляющими существующий порядок,— как например, циркуляр губернаторам о необходимости оказания последними большего уважения к становым[4], или делающими незначительные уступки антагонисту правящего класса, буржуазии. В этом последнем отношении можно отметить образование в 1832 г. из богатого «купечества» особого сословия «почетных граждан, потомственных и личных», разрешение в 1840 г. поссессионным фабрикантам ликвидировать у себя на фабриках принудительный труд, покровительство мануфактурным выставкам, введение высшего технического образования и т. п.

Во всем этом нет, конечно, никаких признаков «буржуазной политики», а видно лишь стремление не ссориться с капиталистическим классом. С такой же точки зрения следует рассматривать и поиски внешних рынков для русской промышленности, которая не находила достаточного сбыта внутри страны, благодаря существованию крепостного права, лишавшего массу населения всяких покупательных спо-

---

1 «Речь Николая I на заседании Государственного Совета 30 марта 1842 г.», в «Сборн. Рус. Ист. Общ.», т. 93, стр. 114.

2 «Из заметок Л. Дуббельта», в «Голосе Минувш.», 1913 г., № 3.

3 «Из воспоминаний М. Н. Колмакова», в «Рус. Стар.», 1886 г., № 12.

4 «Рус. Стар.», 1889 г., т. 64, стр. 367.

собностей. Что же касается таможенного протекционизма, то ведь он, в сущности, диктовался интересами фиска, а его проведение самодержавно-феодальным правительством облегчалось тем обстоятельством, что в области сельского хозяйства в 20—40-х годах был застой, при котором поместное дворянство мало нуждалось в иностранном ввозе, по крайней мере орудий производства. Самый же кардинальный для буржуазии вопрос, крестьянский, несмотря на то, что несколько раз ставился в порядок дня, так и не сошел во все Николаевское царствование с мертвой точки, если не считать изданного в 1842 г. совершенно ублюдочного закона об обязанных крестьянах. Дело в том, что применение закона 1803 г. о вольных хлебопашцах требовало, с одной стороны, уступки крестьянам в собственность земли, на что многие помещики не шли, с другой — наличия у крепостных достаточных денежных средств, необходимых для выкупа, что встречалось далеко не часто. Новый закон 1842 г. предоставлял помещикам право отводить своим крестьянам участки земли в пользование, под условием несения известных повинностей, или оброков. На таком основании при Николае I было освобождено от крепостной зависимости до 60 тысяч душ, да по закону 1803 г.— около 63, а всего до 123 тысячи душ из 10½ млн. душ, остававшихся в крепостном положении[1].

1848 год, страшно встревоживший Николая I, заставил его совершенно отказаться и от таких жалких попыток реформаторского топтания на месте. Теперь все силы правительства были брошены на то, чтобы всячески охранить Россию от «тлетворного дыхания» Запада, — Россию, которая признавалась «сильной и богатой» от того, как выразился Дуббельт, «1-е) что в ней государь самодержавный, 2-е) что в ней есть помещик с властью над крестьянами, и 3-е) от того, что есть в ней крестьянин, который кормит и себя, и помещика, и горожанина, и купца, и солдата, и вельможу, и самого государя»[2]. Только Николай I находил, что к этому крестьянину-кормильцу его барин должен относиться мягче, иначе этот крестьянин из кормильца может превратиться в бунтовщика. Это было ясно для него и раньше: «Пугачевский бунт доказал, до чего может достигнуть буйство черни»,— говорил он в Государственном Совете в 1842 г., в за-

---

[1] В. И. Семевский. «Крестьянский вопрос», т. II. Спб., 1888 г.
[2] «Из заметок Л. Дуббельта», в «Голосе Минувш.», 1913 г., № 3.

седании, рассматривавшем проект закона об обязанных крестьянах [1]. Поэтому царь на приеме депутатов от петербургского дворянства, 21 марта 1848 г., заявил: «Я должен сказать с прискорбием, что у нас весьма мало хороших и попечительных помещиков, много посредственных и еще более худых, а при духе времени, кроме предписаний совета и закона, вы должны для собственного своего интереса заботиться о благосостоянии вверенных вам людей» [2].

В целях непосредственной борьбы с «духом времени» Николай I с самого вступления своего на престол решил «отпускать ученость только по рецепту правительства» [3], хотя она и ранее отпускалась в России в аптекарских дозах. По своему внутреннему содержанию ученость эта не имела ничего общего с западно-европейской наукой, представляя собой, в формулировке министра народного просвещения гр. Уварова, «образование правильное, основательное, необходимое в нашем веке, с глубоким убеждением и теплой верою в истинно-русские охранительные начала православия, самодержавия и народности, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего отечества» [4]. Над самим министерством народного просвещения давно уже стремившимся, под руководством гр Уварова, «умножать, где только можно, число умственных плотин» [5], был поставлен в 1848 г. в качестве «недреманного ока» знаменитый в летописях русской литературы «бутурлинский комитет», буквально терроризовавший печатное слово в России. Комитету этому Николай I предписал «занятия... начать немедля» и сообщить ему, «где найдет какие упущения цензуры и ее начальства, т. е. министерства народного просвещения» [6]. Руководитель этого комитета Бутурлин однажды серьезно доказывал гр. Блудову, что необходимо вырезать несколько неуместных стихов в акафисте Покрову богородицы, вроде следующих: «Радуйся, незримое укро-

---

1 «Рус. Стар.», 1883 г., № 9, стр. 595.

2 А. П. Заблоцкий-Десятовский. «Гр. П. Д. Киселев и его время», т. II. Спб., стр. 254.

3 «Из записок Л. Дуббельта», в «Голосе Минувш.», 1913 г., № 3.

4 Отчет министра народного просвещения Уварова, от 4 декабря 1832 г., у Н. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. А. Спб., 1891 г., стр. 83.

5 Там же, стр. 84.

6 «Цензура в царствование императора Николая I», в «Рус. Стар.», 1903 г., № 7, стр. 127—138.

щение владык жестоких и зверонравных»[1]. В 1849 г. товарищ министра народного просвещения кн. Ширинский-Шихматов представил Николаю I записку, где доказывал, что в университетах преподавание должно быть поставлено так, «чтобы впредь все положения в науке были основаны не на умствованиях, а на религиозных истинах»[2]. Вскоре после этого Николай назначил Ширинского на место Уварова, оказавшегося недостаточно твердым, и новый министр начал с того, что, побывав в университетах, объявил, что «польза философии не доказана, а вред от нее возможен». Поэтому он закрыл кафедры истории философии и метафизики, а преподавание логики и психологии возложил на профессоров богословия, которые должны были «сроднить» эти дисциплины с «истинами откровения»[3].

Казарма, в которую Николай I старался загнать Россию с момента появления своего на престоле, теперь, после событий 1848 г., превратилась в настоящий застенок. А между тем социальная база, поддерживавшая реакционную политику Николаевского правительства, начала как раз в 40-е годы значительно суживаться. Сельскохозяйственный застой сменился новым подъемом, и некоторые слои среднепоместного дворянства вновь стали стремиться к капитализации своих имений и, естественно, перерождались на этом пути в аграрную буржуазию. Все больше и больше встречала препятствий в существующем крепостном праве для дальнейшего развития своих фабрик и заводов также крупная промышленная буржуазия. Наконец, учащались крестьянские бунты, и расширялось движение рабочих, особено поссессионных. Понятно, что на фоне этой обострявшейся классовой борьбы, во время которой отдельные классы и внутриклассовые группировки все более и более нащупывали свои основные интересы и осознавали их, происходило и самоопределение тогдашней русской интеллигенции.

Часть ее, историки Погодин и Шевырев, публицисты Греч и Булгарин, литераторы, вроде Кукольника и Загоскина, художники, вроде Брюллова и Бруни, выполняла социальный заказ правящей феодальной верхушки дворянства, обосновывая и проводя в жизнь в разных формах ее идеологию, известную под неуклюжим названием «теории офици-

---

1 «Воспоминания гр. А. Блудовой», в «Рус. Арх.», 1874 г., т. I, стр. 726.
2 Бар. М. А. Корф. «Из записок», в «Рус. Стар.», 1900 г., № 5, стр. 282.
4 В. С. Иконников. «Русские университеты в связи с ходом общественного образования», в «Вестн. Европы», 1876 г., № 11.

альной народности». Сущность этой «теории», наиболее развитой Погодиным, сводилась к тому, что Россия признавалась совершенно особым государством, непохожим на государства Европы. «Россия есть особливый мир, — писал Погодин Шевыреву, — у ней другая земля, нравы, религия, основания, словом — другая история»[1]. В то время как западно-европейская история является цепью непрерывной внутренней борьбы, исходной точкой для которой послужило завоевание романских стран германцами, в русской истории наблюдается «иное зрелище»: у нас «нет ни разделения, ни феодализма, ни убежищных городов, ни среднего сословия, ни рабства, ни ненависти, ни гордости, ни борьбы», так как «наше государство началось не вследствие завоевания, а вследствие призвания»[2]. С тех пор Россия «с оригинальными учреждениями, с древней верой» сохранила «патриархальные добродетели, мало известные народам западным». Поэтому «наш быт» следует всеми мерами поддерживать, так как даже «крепостное право, хотя и нуждающееся в улучшении и преобразовании, сохраняет в себе много патриархального, и хороший помещик — лучше охраняет интересы крестьян, чем могли бы сделать они сами». Про самодержавие же и говорить нечего: у нас «управление государством учреждается на всеобщем, всестороннем и исключительном попечении власти и благе народа». Правда, мы отстали от Европы в цивилизации и науке, но это служит к нашей пользе, так как просвещение получается у нас, когда все семена его тщательно отделены высшими учреждениями от плевел[3]. Не то на Западе, где под влиянием «вредных умствований» общество, по мнению представителей теории официальной народности, было «потрясено в своих основаниях», живет, как выразился в 1848 г. поэт Жуковский, «на кратере вулкана, который недавно пылал, утих и теперь снова готовится к извержению»[4]. От этого «гниющего» Запада, особенно после 1848 г., и предлагалось «китайскою стеною отгородиться».

«Теория официальной народности», безраздельно царившая в первое десятилетие после выступления декабристов,

---

[1] Н. Барсуков. «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. 4. Спб., 1891 г., стр. 9.

[2] М. П. Погодин. «Сравнение русской истории с историей западных европейских государств, онтосительно начала», в его «Древней русской истории до монгольского ига», т. I. М., 1871 г., стр. 86 и 87.

[3] Н. Барсуков. Назв. соч.

[4] Сочинения В. А. Жуковского, т. XII. Спб., 1902 г., стр. 38.

начинала затем встречать в рядах русской интеллигенции более или менее резкие протесты. Первым осмелился выступить против нее П. Я. Чаадаев, поместивший в 1836 г. в «Телескопе» свое «Философическое письмо», в котором подверг беспощадной критике роль России в истории цивилизации и высказал совершенно безнадежный взгляд на ее будущее. «По нашему местному положению между Востоком и Западом, — писал он, — опираясь одним локтем на Китай, другим на Германию, мы должны бы соединить в себе два великие начала разумения: воображение и рассудок; должны бы возмещать в нашем гражданственном образовании историю всего мира. Но не таково предназначение, павшее на нашу долю... Отшельники в мире, мы ничего не дали, ничего не взяли у него, не приобщили ни одной идеи к массе идей человечества; ничем не содействовали совершенствованию человеческого разумения и исказили все, что сообщало нам это совершенствование... Мы ничего не выдумали сами и из всего, что выдумано другими, заимствовали только обманчивую наружность и бесполезную роскошь» [1].

Письмо Чаадаева произвело впечатление взорвавшейся бомбы не только в правительственно-феодальных сферах, исповедывавших ура-патриотизм, но и в широких кругах тогдашней интеллигенции. Эта интеллигенция, поскольку она не продавала своего пера и своих умственных способностей «господам положения», в эту пору глухой реакции с головой ушла в изучение философии Шеллинга и Гегеля и разрешение вопросов личного самоусовершенствования. Экономический перелом 40-х годов заставил ее спуститься с высот отвлеченного философского мышления в окружающую действительность и заняться обсуждением назревавших практических проблем. Сам Чаадаев, обозревая исторические судьбы России в сравнении с Западом, пришел к глубоко пессимистическому выводу. Он выступил в 30-х годах в полном одиночестве и казался «умной ненужностью», так как его критика не нашла никакой реальной поддержки в русском обществе. Не так стало в 40-е годы, когда Николаевская реакция начинала встречать уже некоторую оппозицию. Обострявшиеся противоречия классовых интересов и рост активности в различных общественных слоях, естественно, заставили и русскую интеллигенцию выходить на путь разрешения практических вопросов и на этом пути расслаиваться сообразно классовой

1 П. Чаадаев. «Философитеские письма». Казань, 1906 г., стр. 11.

структуре общества. Не играя самостоятельной роли в производстве и, значит, не являясь особым классом общества, интеллигенция, как известно, представляет собою профессиональную группу, занятую по преимуществу умственным трудом. Сознание этой группы, как и всякое классовое сознание, определяется бытием, но не бытием одного класса, а всех тех классов, на какие в данную эпоху распадается общество.

Пессимистический вывод Чаадаева послужил перчаткой, брошенной в лицо всему русскому обществу, и, естественно, в 40-е годы должен был вызвать отпор, ибо просыпавшиеся после долгой спячки различные общественные слои, недовольные своим положение на сегодня, не могли отказаться от своего завтрашнего дня. Такими слоями прежде всего являлись среднепоместное дворянство и промышленная буржуазия. В формулировке своих ответов Чаадаеву интеллигенция и пошла по пути отстаивания интересов, прежде всего, этих классов общества. Так образовались в среде русской интеллигенции 40-х годов два основных оппозиционных течения — славянофильское и западническое.

Социальной средой, породившей славянофильство, было среднепоместное дворянство преимущественно черноземных губерний, начинавшее подумывать о ликвидации крепостного хозяйства и переходе к новому, капиталистическому способу производства. Недаром крестьянский вопрос занимал доминирующее положение в практических программах славянофилов. Кроме того, эти провинциальные дворяне, по словам Б. Чичерина, «уважали власть, в которой видели охрану порядка и залог своего благосостояния», но при этом «не преклонялись перед нею, держали себя в стороне, с независимостью и достоинством». Им очень не нравился окончательно утвердившийся в Николаевскую эпоху бюрократический режим, с его неизбежными, при наличии полного бесправия общества, спутниками: казнокрадством, волокитою, неправосудностью и взяточничеством. Поэтому, как говорит тот же Чичерин, «они ценили свободу и понимали потребность реформ», но только реформ сверху: в них совершенно не было «воинствующего либерализма», с которым Чичерину приходилось сталкиваться в Москве[1].

Славянофилы не только выражали классовые интересы этого слоя дворян, но сами большею частью вышли из его

[1] «Из воспоминаний Б. Н. Чичерина», в «Рус. Арх.», 1890 г., кн. I, стр. 515.

рядов. И. Киреевский, Хомяков, кн. Черкасский, А. И. Кошелев были известны как помещики, старавшиеся завести в своих имениях интенсивное хозяйство. К. и И. Аксаковы хотя сами и не хозяйничали, но зато были близки к такому хозяину, как их отец, С. Т. Аксаков. К состоятельному дворянству принадлежал и Ю. Самарин. Недаром разночинцу Белинскому все они представлялись «баричами», изучавшим народ «через своего камердинера» [1].

Этот слой дворянства начинал в 40-е годы в своей экономической деятельности поворачивать с феодального пути на буржуазный, но при этом желал сохранить полностью как можно больше из своих сословных привилегий. Славянофильство и явилось выражением его половинчатой идеологии, проникнутой как прогрессивными, так и реакционными элементами. В Николаевскую эпоху несколько вперед выступали первые, а после проведения реформы 1861 г. верх взяли вторые. Ведь крупноземлевладельческую знать и среднепоместного дворянство больше всего и разделял крестьянский вопрос. Немудрено, что между славянофилами и представителями теории официальной народности не существовало резкого различия по существу, а было лишь временное различие, и Плеханов имел полное основание зачислить оба эти течения в «восточный лагерь».

Свою практическую программу, как и теорию официальной народности, славянофильство стремилось обосновать исторически. «Направление будущего, — писал Хомяков, — почти вполне зависит от понятия нашего о прошедшем. Если доброго и плодотворного не существовало в прежней жизни России, то нам приходится все черпать из жизни других народов... и из стремлений современных... Если же, напротив, старина русская была сокровищем всякой правды и всякого добра, то труд наш переменит свой характер» [2]. В своих взглядах на прошлое России славянофилы в значительной мере примкнули к Шевыревско-Погодинской концепции русской истории. Только они полагали, что самобытное развитие России, при котором гармонически сливались в одно целое «сила власти» и «свободное мнение земли», в Петровскую эпоху было прервано, и с этого момента стало расти бюрократическое средостение, разрушившее единение царя и земства.

---

1 В. Г. Белинский. «Письма». Спб., 1914 г.
2 «Сочинения», т. I. М., 1861 г., стр. 362.

Из философии русской истории славянофилы, таким образом, делали другой вывод, чем теоретики официальной народности. «Современное состояние России, — писал в 1855 г. К. Аксаков, — представляет внутренний разлад, прикрываемый бессовестной ложью... И народ и правительство стоят теперь на разных путях, на разных началах... Народ не имеет доверенности к правительству, правительство не имеет доверенности к народу». Чтобы уничтожить этот пагубный разлад, необходимо «восстановить древний союз правительства с народом, государства с землею на прочном основании истинных коренных русских начал. Правительству — неограниченная свобода правления, исключительно ему принадлежащая; народу — полная свобода жизни и внешней и внутренней, которую охраняет правительство. Правительству — право действия и, следовательно, закона; народу — право мнения и, следовательно, слова»[1]. В переводе на разговорный язык это означало, что славянофилы требовали, в области экономической, отмены крепостного права, но непременно сверху: «мы столько стоим, — писал Кошелев, — за предоставление людям свободы, сколько против того, чтобы люди у нас ее выхватывали»[2]. При этом реформа, отменявшая личную зависимость, должна сохранить за крестьянами некоторое количество земли, и притом непременно в общинном владении, обеспечивавшем, благодаря круговой поруке, как полагал Хомяков[3], «права землевладельцев» (на выкупные платежи и прочие повинности — С. В.) и устранявшем, благодаря переделам, по мнению Кошелева[4], «быть может, навсегда возможность пролетариата». Почему «русский поселянин» не должен был превратиться в «западного пролетария», видно из следующих слов Хомякова: если этот «поселянин» будет переносить из края в край свои руки и труд свой» — он станет слишком дорогим работником», когда понадобится землевладельцу[5]. Что же касается земельных наделов, то

---

[1] К. С. Аксаков. «О внутреннем состоянии России» (записка, представленная в 1855 г. Александру II), в сб. под ред. Н. Л. Бродского: «Ранние славянофилы». М., 1910 г., стр. 96 (перепечатка из газ. «Русь», 1881 г., №№ 27 и 28).

[2] А. И. Кошелев. «Записка о финансах», в его «Записках», Берлин, 1884 г., стр. 78.

[3] А. С. Хомяков. «О сельских условиях», в «Москвитянине», 1842 г., № 6, стр. 261, и письмо А. С. Хомякова к А. И. Кошелеву, от 1860 г., в «Рус. Арх.», 1879 г., т. III, стр. 299.

[4] Проект освобождения крестьян, составленный Кошелевым, в его «Записках».

[5] А. С. Хомяков. «Полное собрание сочинений, т. I. Изд. 2-е. М., 1900 г.

славянофилы, большей частью землевладельцы центрально-черноземной полосы, в общем, настаивали на очень низкой норме. Десятинная пропорция на душу, — думал, например И. Киреевский[1], — «будет довольно важной поддержкой крестьянина и, вместе с тем, поставит его в необходимость искать посторонней работы, без чего все поля помещика остались бы необделанными». Щедрее был Хомяков, стоявший за предоставление крестьянам, «сверх свободы, усадьбы и двухдесятинного надела»[2].

В политической области славянофилы стремились к еще меньшему: здесь они желали свободы слова в очень скромных размерах и земского собора, на котором, впрочем, не особенно настаивали. К. Аксакова, например, страшила та противоположность классовых интересов, которая вскрылась в 50-е годы, и он полагал, что при ее наличности на соборе не могло бы получиться согласного «голоса всей русской земли», а при этом условии созыв его в настоящее время был бы «делом бесполезным»: «из кого состоял бы он? Из дворян, купцов, мещан и крестьян. Но стоит написать имена этих сословий, чтобы почувствовать, как далеки они в настоящее время друг от друга, как мало единства между ними»[3]. Мечтая в половине XIX века о восстановлении политических порядков Московской эпохи, к тому же плохо ими изученных, славянофилы, таким образом, оставляли самодержавие в неприкосновенности. «Гарантия не нужна, гарантия есть зло»,—заявляли они устами К. Аксакова[4]. В этом политическом консерватизме они думали, сознавая упадок социальной силы дворянства, встретить поддержку в среде освобожденного от крепостной неволи крестьянства. «Мы обращаемся к простому народу, — писал Ю. Самарин, — потому, что у нас народ хранит в себе дар самопожертвования, свободу нравственного вдохновения и уважения к преданию»[5]. Наблюдая в дворянской среде иногда полное перерождение дворян в настоящих предпринимателей, выработавших уже настоящую буржуазную идеологию, славянофилы считали

---

1 Письмо И. Киреевского к А. Кошелеву, от весны 1851 г., в его «Полном собр. соч.», т. II. М., 1911 г., стр. 254.

2 Письмо А. С. Хомякова к гр. И. И. Ростовцеву, от 1858 г., в «Рус. Арх.», 1876 г., т. I, стр. 289.

3 К. С. Аксаков. «О внутреннем состоянии России», в газ. «Русь», 1881 г., № 27.

4 Там же.

5 Ю. Ф. Самарин. «Сочинения», т. II. М., 1878 г.

оплотом старины не столько помещичью усадьбу, сколько «черную избу крестьянина».

Славянофильство, как идеология некоторых слоев среднепоместного дворянства, складывалась в «дворянских гнездах», экономика которых перестраивалась на капиталистический лад, а духовный быт был еще во многом подчинен старинным обычаям и преданиям. Вот почему в сараях у славянофилов стояли иноземные сельскохозяйственные машины, а в жилых комнатах висели богатые божницы и пахло лампадным маслом.

Напротив, западничество возникло в городской обстановке, и прежде всего в столице, где жизнь в значительной мере приобретала уже буржуазный характер. Если основоположники славянофильства, прошедшие университет, представляли собой сплошь интеллигентов-помещиков, то идеологи западничества почти все являлись интеллигентами-горожанами. Многие из них были разночинцы, как, например, сын врача В. Г. Белинский, купец В. П. Боткин, актер из крепостных М. С. Щепкин. Те же, кто по своему происхождению принадлежали к дворянству, в общем вполне уже оторвались от земли и тем более от сельского хозяйства, как профессор Т. Н. Грановский, университетский библиотекарь К. Ф. Корш, А. И. Герцен, Н. П. Огарев и М. А. Бакунин.

Отрицательно относясь, подобно славянофилам, к русской современности, западники, в противоположность им, отрицательно смотрели и на прошлое России, находя в нем единственный положительный факт — Петровскую реформу. Свои идеалы они черпали в Западной Европе и полагали, что спасение России заключается в дальнейшем усвоении западно-европейской культуры, начало которому положил Петр. Он европеизировал высший класс, дворянство, да и то чисто внешним образом, а теперь предстоит европеизация всего русского народа. Это было общее убеждение всех западников, резко отделявшее их от оппозиции в «восточном лагере». Но в их среде были два течения, долгое время не порывавшие друг с другом: одни, стоя на буржуазных позициях, обращали взоры к Европе сегодняшнего дня, с капиталистическим строем производства и представительной системой управления; другие, принимая во внимание интересы широких демократических слоев, тянулись к Европе близкого, казалось, будущего. Отсюда одна часть западников приходила к буржуазно-индивидуалистическому либерализму, другая — к утопическому социализму.

В обстановке Николаевского режима поле деятельности западников было крайне ограниченно. Этот режим даже славянофилов считал, по выражению В. Назимова[1], «людьми опасными и вредными, чем-то вроде якобинцев», между тем как они были «люди весьма мирные, отцы семейств, помещики, вовсе не помышлявшие о нарушении законного порядка вещей». Тем не менее западники с неимоверной энергией пробовали выступать печатно, но, конечно, только в области беллетристики и литературной критики. Несмотря, однако, на крайнюю осторожность в выражениях, на виртуозно разработанный эзоповский язык, многим из них приходилось переносить полицейские кары, которые одних сводили в преждевременную могилу, других заставляли эмигрировать за границу. Развернуть полностью свои программы они поэтому могли лишь в дружеских кружках и интимных письмах. Только университет служил иногда для них более широкой аудиторией.

Прежде всего все западники неустанно призывали к усвоению науки и пробуждению общественной активности. «Возбуждение к практической деятельности, — говорил однажды на лекции студентам Грановский, — вот назначение истории; она избавит вас от пристрастия к прошедшему, от надежд, фаталистических и самодовольных, на будущее»[2]. Но культурный уровень и самодеятельность буржуазных, а тем более демократических элементов в стране, особенно крестьянства, были очень не высоки. Тесных связей с ними у интеллигенции не было, и поэтому, естественно, строя планы на будущее, она подчас в настоящем поддавалась пессимистическим настроениям. «Без цели нет деятельности, — писал Белинский в 1841 г. В. П. Боткину, — без интересов нет цели, а без деятельности нет жизни... Мы люди без отечества — нет, хуже, чем без отечества: мы люди, которых отечества — призрак, и диво ли, что сами мы — призраки»[3]. Те же ноты звучат и в письмах Грановского к Герцену в 1850 г.: «Слышен глухой, общий ропот, но где силы? где противодействие? Тяжело, брат, а выхода нет живому»[4].

---

[1] Письмо Вл. Назимова к А. С. Норову, от декабря 1875 г., в «Рус. Стар.», 1882 г., т. 33, стр. 489.

[2] А. Станкевич. «Грановский и его переписка». Изд. 2-е. М., 1897 г., т. I, стр. 138.

[3] В. Г. Белинский. «Письма», т. II. Спб., 1914 г., стр. 263.

[4] «Т. Н. Грановский и его переписка». М., 1897 г.

Понятно, что западники, поскольку они не сходили с реальной почвы, строили свои программы в очень укороченном виде. Так, в своем знаменитом письме к Гоголю, представляющем своего рода манифест западнического лагеря, Белинский, давая резкую отповедь реакционным взглядам, высказанным последним в его «Избранных местах из переписки с друзьями», выдвигает следующую, очень умеренную, практическую программу: «Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и соре, — права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое по возможности их исполнение. А вместо этого она представляет собой ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр — не человек; страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Степками, Палашками, страны, где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей». Выходом из такого положения Белинский считает: «уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть» [1]. Таковы были практически пожелания интеллигенции в эпоху 40-х годов.

Сам Белинский, переживший ряд увлечений, начиная от «примирения с действительностью» и кончая утопическим социализмом Луи Блана, в конце концов, устав от бесплодных абстракций, ждал настоящего обновления России от дальнейшего развития в ней капитализма. В письме к Анненкову, от 15 февраля 1848 г., он писал: «Когда я в спорах с вами о буржуазии называл вас консерватором, я был осел в квадрате, а вы были умный человек. Вся будущность Франции в руках буржуазии, всякий прогресс зависит от нее одной, а народ тут может по временам играть пассивно-вспомогательную роль... Теперь ясно видно, что внутренний процесс гражданского развития в России начнется не преж-

[1] В. Г. Белинский. «Письма», т. III. Спб., 1914 г., стр. 231.

де, как с той минуты, когда русское дворянство обратится в буржуазию»[1]. Но считая единственно прогрессивным вступление современной ему России в стадию капиталистического развития, Белинский отнюдь не рассматривал капитализм как естественный, исключительно возможный общественный строй, подобно, например, Грановскому. «Признавая, — по словам П. Анненкова, — европейский социализм явлением, которое уже не может быть оставлено без внимания ни историком, ни вообще мыслящим человеком, Грановский смотрел на него, как на болезнь века, тем более опасную, что она не ждет и не ищет помощи ниоткуда. Социализм, — говорил он, — чрезвычайно вреден тем, что приучает отыскивать разрешение задач общественной жизни не на политической арене, которую презирает, а в стороне от нее, чем и себя и ее подрывает»[2].

Для Белинского, в последнем периоде его умственного развития, становилось ясным, что капиталистический строй — неизбежная стадия в историческом развитии всякой страны, имеющей будущность, и он начинал ощущать необходимость этого строя и для России. Эту новую точку зрения с поразительной для своего времени ясностью он изложил в своем замечательном письме к Боткину, в декабре 1847 г.: «В Англии, — говорит он, — средний класс много значит — нижняя палата представляет его; а в действиях этой палаты много величавого, а патриотизма просто бездна. Но в Англии среднее сословие контрабалансируется аристократиею, оттого английское правительство столько же государственно, величаво и славно, сколько французское мизерабельно, низко, пошло, ничтожно и позорно[3]. Кончится время аристократии в Англии — народ будет контрабалансировать среднему классу; а не то — Англия представит собою, может быть, еще более отвратительное зрелище, нежели какое представляет теперь Франция. Я не принадлежу к числу тех людей, которые утверждают за аксиому, что буржуазия — зло, что ее надо уничтожить, что только без нее все пойдет хорошо. Так думает наш немец — Мишель[4], так, или почти так, думает

---

1 В. Г. Белинский. «Письма», т. III. Спб., 1914 г., стр. 338—339.

2 П. А. Анненков. «Замечательное десятилетие 1838—1848 гг.», в его «Воспоминаниях». Л., 1928 г., стр. 429.

3 Это относится к эпохе Луи-Филиппа, когда у власти стояли банковские дельцы — «большие капиталисты», как называл их Белинский, отделяя от них буржуазию и считая их «холерой современной Франции».

4 Бакунин.

Луи Блан. Я с этим соглашусь только тогда, когда на опыте увижу государство, благоденствующее без среднего класса, а как, пока я видел только, что государства без среднего класса[1] осуждены на вечное ничтожество, то и не хочу заниматься решением априорно такого вопроса, который может быть решен только опытом. Пока буржуазия есть и пока она сильна, я знаю, что она должна быть и не может не быть. Я знаю что промышленность—источник великих зол, но знаю, что она же — и источник великих благ для общества»[2]. В этой, в основе своей совершенно правильной, оценке роли буржуазии Белинский, как это отметил Г. В. Плеханов, проявил необычайную для своего времени «проницательность». Возлагая все свои надежды на экономическое развитие России, он приветствовал всякий факт, способный ускорить последнее. В этом отношении характерно, как он, уже умирающий, ходил смотреть на строящийся вокзал Николаевской железной дороги, видя в нем символ будущего расцвета страны.

Однако не все западники удержались на чисто реальной почве. Объективные причины вели Россию от феодального способа производства к капиталистическому. Но этот последний способ, особенно на первых порах, в стадии так называемого первоначального накопления, нес с собой как в Западной Европе, так и в России массу отрицательных явлений, затушевывавших его положительные следствия. Крупное производство, основанное на применении машин, разоряло мелких самостоятельных производителей, создавая из них огромную резервную армию труда, которая жила в прямо-таки ужасающих условиях, и жестоко эксплоатировало занятых пролетариев, еще не выработавших никаких средств самообороны. Немудрено, что часть интеллигенции, в такой экономической обстановке, заняла резко враждебную по отношению к капитализму позицию и пришла к утопическому социализму, с его девизом — все для народа, но только не через народ. Сен-Симон, Фурье и другие идеологи утопического социализма объективно являлись выразителями интересов именно мелкой буржуазии, пауперизировавшейся под влиянием конкуренции с капиталистическими предприятиями.

Этот процесс превращения мелких производителей в пролетариев, лишавшихся своей карликовой собственности, да-

---

[1] Имеется в виду, между прочим, Польша.

[2] В. Г. Белинский. «Письма», т. III. Спб., 1914 г., стр. 331.

леко зашедший в передовых странах Запада, в 40-е годы давал себя знать и в России, где кустарная светелка или ремесленная мастерская начинали местами погибать в борьбе с фабрикой, вводившей машины. Понятно, что почва для усвоения идей утопического социализма подготовлялась, таким образом, и у нас. Уже Пестель, борясь с аристократией крови, обдумывал в 20-х годах меры, которые, по его мнению, обеспечили бы народ от господства аристократии богатства. В Николаевскую эпоху в рядах русской интеллигенции начинают появляться люди, увлекающиеся сен-симонизмом и особенно фурьеризмом. Сен-симонистски настроен был небольшой кружок Герцена и Огарева, а Фурье серьезно заинтересовал довольно многочисленную группу интеллигентов, образовавшуюся в 1845—1849 гг. вокруг Буташевича-Петрашевского.

Большинство петрашевцев состояло из представителей трудовой интеллигенции, писателей, педагогов, мелких чиновников, поневоле вынужденных браться за службу, потому что Николаевская общественность еще не предъявляла большого спроса на чисто интеллигентские профессии. Личные мотивы, заставлявшие этих интеллигентов усваивать социалистические идеи, прекрасно вскрыты в следующих словах писателя М. И. Венюкова, ученика петрашевца Ястржембского: «слушая лекции последнего, учащиеся, — говорит он, — в глубине души страдали от сознания несправедливости» существующего строя, при котором «богатый дурак и мерзавец счастливее бедного гения и честного труженика». Фурьеризм, учивший об организации общества, в котором капитал, талант и труд были бы гармонически слиты и дополняли бы друг друга в целях обеспечения всеобщего счастья, стремившийся обезвредить капитализм, реформируя его в интересах всех классов, но не уничтожая при этом его базы — частной собственности, естественно, должен быть приобрести особую популярность в интеллигентской среде, по существу своему индивидуалистически-мелкобуржуазной. Эта среда тяготилась той ничтожной ролью, которую играли представители умственного труда как в Западной Европе, в эпоху первоначального накопления капитала, когда еще примитивная техника и организация производства на этот труд не предъявляли большого спроса, так в особенности в Нико-

---

1 Райский. «Социальные воззрения петрашевцев». Л., 1927 г., стр. 95—96.

лаевской России, где интеллигентская деятельность была заключена в невыносимо тесные пределы. Социалистическое устройство общества, о котором говорили утописты, напротив, руководящее значение в общественно-государственной жизни отводило как раз интеллигентам, а не людям, отличающимся от других только породой или богатством, как это было при современном строе. Именно такой взгляд на интеллигенцию как «на умственную аристократию», которой принадлежит будущее, высказывался в «Словаре», изданном петрашевцами. Последние заимствовали его не только от Платона или Фурье, но иногда и сами до него доходили. Петрашевец Баласогло, рассказывая о своих переживаниях в период острой борьбы за существование, отмечает: в эти годы «я и передумал весь общественный порядок... и приходил в восторг, когда находил, что мои выводы сходятся во многом с выводами, например, Платона и Фурье» [1].

Угнетенная сама, как в силу своей необеспеченности, так и благодаря тому, что в русской жизни ум и способности не ценились, что личность не могла вполне проявить себя, эта трудовая интеллигенция, естественно, сочувствовала всем угнетенным. «Мы живем, — писал петрашевец Ахшарумов,— в столице безобразной, громадной, в чудовищном скопище людей, томящихся в однообразных работах, испачканных грязным трудом, пораженных болезнями, развратом» [2]. Немудрено, что если верхи русской интеллигенции, отражавшие интересы капиталистического развития России, с недоверием относились к народу, считая его пригодным только на «бессмысленную» пугачевщину или бесконечную терпеливость, и в лучших своих представителях ждали обновления России от «образованного общества», от буржуазных и перерождавшихся в буржуазию дворянских кругов, то многие петрашевцы непрочь были опереться на этот самый народ. Ахшарумов, например, хотел заняться пропагандой, во время поездки на юг, среди приходящих на заработки в города рабочих, ремесленников, торговцев разных губерний, вольных крестьян. «Между этими людьми, — замечает он, — которых я встречал в разных городах и с которыми иногда говорил, заметно очень много общественности, любезности, склонности к разговору» [3]. Головинский на вечерах у Пет-

---

1 В. Лейкина. «Петрашевцы». М., 1924 г., стр. 10.

2 Д. Ахшарумов. «Из моих воспоминаний». Спт., 1905 г., стр. IX.

3 Из рукописи Д. Ахшарумова «Три вопроса», в «Голосе Минувш.», 1916 г., № 3, стр. 64.

рашевского говорил о возможности крестьянского восстания в случае отсрочки с отменой крепостного права, а Спешнев уже нащупывал реальную почву для предварительной организации этого восстания.

Многие из петрашевцев, если не большинство, однако полагали, говоря словами Толя, что хотя «социализм — не химера», тем не менее «мы не должны слишком увлечься этим движением и по причине его бросить наши стремления к прогрессу в области политики, ремесел и народного хозяйства»[1]. А «стремления к прогрессу», т. е. обсуждение вопросов, ставившихся окружающей действительностью, низводили петрашевцев к принятию, в качестве ближайших требований, общей либеральной платформы, где было и освобождение крестьян, и введение конституционной монархии. Встав на этот практический путь, некоторые из петрашевцев в значительной мере растеряли свои фурьеристские идеи, тем более, что эти идеи не могли встретить сильной поддержки со стороны городской мелкой буржуазии, которая в России была крайне немногочисленна и распылена. К тому же петрашевцам не пришлось долго действовать: их в 1849 г. разгромила Николаевская полиция. Что же касается сен-симонизма, то он исчез еще ранее, с отъездом Герцена и Огарева за границу.

Но если сен-симонизм и фурьеризм быстро сошли с арены русской жизни, утопический социализм, скоро, уже в начале 50-х годов, возродился в чисто национальной оболочке «народничества». Еще Петрашевский писал: «Взгляните... на мужичка, при всей нерадивости не дошедшего до той нищеты, которая бы его лени соответствовала, ищите причину — вы найдете, что передел полей — общее пользование землею — и есть этому причина»[2]. Вот эта-то крестьянская община, открытая бар. Гакстгаузеном и рассматривавшаяся славянофилами как оплот патриархальности, очень выгодный для помещиков, в конце концов привлекла к себе внимание Герцена. Правда, сначала он относился к ней довольно скептически. «Наши славянофилы, — писал он в своем дневнике в 1844 г., — толкуют об общинном начале, о том, что у нас нет пролетариев, о разделе полей; все это — хо-

---

[1] Л. Райский. «Социальные воззрения петрашевцев». Л., 1927 г., стр. 101.

[2] В. И. Семевский. «М. В. Буташевич-Петрашевский», ч. I. М., 1922 г., стр. 184.

рошие зародыши, но они основаны на неразвитости»[1]. Позже, разочаровавшись в «мещанстве» Европы, не только буржуазной, но и рабочей, Герцен в русской общине увидел основную ячейку социалистической организации общества и, кроме того, средство, с помощью которого Россия может перескочить через «фазу» капитализма. «Сохранить общину и дать свободу лицу,— писал он в 1854 г. в «Письмах к Линтону»,— распространить сельское и волостное self-government по городам и всему государству, сохраняя народное единство, — вот в чем состоит вопрос о будущем России, т. е. вопрос о той же социальной антиномии, которой решение занимает и волнует умы Запада»[2].

Народничество, однако, проявило себя гораздо позже. А пока что, после разгрома петрашевцев, началась в России самая глухая пора жизни, конец которой был положен Севастопольской катастрофой.

ЛИТЕРАТУРА ПО КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ В НИКОЛАЕВСКУЮ ЭПОХУ

О настроении общества в Николаевскую эпоху в целом. Источники. П. В. Анненков. «Литературные воспоминания». Спб., 1909 г.—«Воспоминания Т. П. Пассек. Из дальных лет», 3 тт. Изд. 2-е. Спб., 1905 г. — И. Панаев. «Литературные воспоминания». Спб., 1876 г.— В. С. Аксакова. «Дневник». Спб., 1913 г.— А. В. Никитенко. «Моя повесть о самом себе», т. I. Спб., 1905 г.— А. И. Кошелев. «Записки». Берлин, 1884 г.— «Из записок бар. М. А. Корфа», в «Рус. Стар.», 1899—1900 гг.[3].

Исследования. А. Е. Пресняков. «Самодержавие Николая I», в ж. «Рус. Прошлое», кн. 2, 1923 г.— М. А. Полиевктов. «Николай I». М., 1918 г.— М. Н. Покровский. «Ламартин, Кавеньяк и Николай I», в его сборн. ст. «Дипломатия и войны царской России в XIX ст.». М., 1923 г.— Его же. «Крымская война», там же.— Н. Г. Чернышевский. «Очерки Гоголевского периода русской литературы». Спб., 1893 г., и в его «Собр. соч.». — А. Н. Пыпин. «Характеристика литературных мнений от 20-х до 50-х годов». Спб., 1909 г. — В. Ветринский. «В 40-х годах». М., 1899 г. — А. С. Нифонтов. «1848 год в России. Очерки по истории 40-х годов» М., 1931 г.

О крестьянском движении[4]. Исследования. И. И. Игнатович. «Борьба крестьян за освобождение». М.— Л., 1924 г.— Д. Мордовцев. «Политические движения русского народа», т. II. Спб., 1871 г.— В. И. Семев-

---

[1] А. И. Герцен. «Полное собрание сочинений и писем», т. 2 Птр., 1919 г., стр. 117.

[2] А. И. Герцен. «Полное собрание соч. и писем», т. 8. Птр., 1919 г., стр. 49.

[3] Более подробные указания на мемуарную литературу см. у С. Р. Минцлова «Обзор записок, дневников, воспоминаний и т. д.», вв. 2, 3. Новгород. 1912 г.

[4] Более подробные указания см. у Е. Мороховца, в «Вестн. Социалист. Акад.», 1923 г., кн. 3, стр. 416—420; кн. 4, стр. 465—472.

ский. «Борьба крепостных с помещичьей властью в царствование Николая I», в «Рус. Стар.», 1887 г., № 2.— В. С. Иконников. «Крестьянское движение в Киевской губ. 1826—1827 гг.». Спб., 1905 г.

О рабочем движении. Исследования. М. И. Туган-Барановский. «Русская фабрика», т. I. Изд. 3-е. Спб., 1907 г., гл. 4. Изд. 4-е. М., 1922 г.— К. А. Пажитнов. «Положение рабочего класса в России», т. I. Изд. 2-е. Л., 1925 г., гл. IX и XI.—М. Балабанов. «Очерки по истории рабочего класса в России», т. I. Изд. 4-е. М., 1926 г., гл. VIII.

О петрашевцах[1]. Источники. «Петрашевцы» (Сборн. офиц. документов писем и др. материалов)». Изд. В. М. Саблина. М., 1907 г.—«Петрашевцы, Сборник материалов». Под ред. П. Е. Щеголева. 3 тт. Гиз, 1926—1928 гг.— Кириллов. «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка». Спб., 1845 г.— Д. Д. Ахшарумов. «Из моих воспоминаний». Спб., 1905 г.— Ф. М. Достоевский. «Дневник», в его «Собр. соч.», тт. 11 и 12. 1883 г.— «Из записок генерал-лейтенанта Кузьмина», в «Рус. Стар.», 1895 г., №№ 2—4.— В. Р. Зотов. «Петербург в 40-х годах», в «Ист. Вестн.», 1890 г., №№ 6 и 8.— «Воспоминания А. Г. Рубинштейна», в «Рус. Стар.», 1889 г., № 11.— А. П. Милюков. «Литературные встречи и знакомства». Спб., 1890 г.— Н. А. Огарева-Тучкова. «Воспоминания. 1843—1870 гг.». М., 1903 г.—«Записки Липранди», в «Рус. Стар.», 1872 г., т. VI.— Л. Жемчужников. «Мои воспоминания из прошлого. 1830—1850 гг.», в «Вестн. Евр.», 1900 г., № 12.—Н. Флеровский. «Воспоминания», в «Голосе Минувш.», 1915 г., №№ 3 и 4.— «Письмо Петрашевского к Н. С. Кириллову», там же, 1914 г., № 8.— Н. П. Кашин. «Высылка из Москвы в 1848—1855 гг.», там же, 1914 г., № 8.

Исследования. В. И. Семевский. «Из истории общественных идей в России в конце 1840-х годов». 2-е изд. М., 1919 г.— Его же «Сен-симонисты и фурьеристы в России в царствование Николая I», в «Книге для чтения по истории нового времени», т. 4, в. 2. М., 1914 г. — «Петрашевцы и крестьянский вопрос», в сборн. «Великая реформа», т. III. М., 1911 г. — Его же «М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы», т. 1. М., 1922 г. — Его же. «Крепостное право и крестьянская реформа в произведениях Салтыкова». Изд. 2-е. М., 1913 г. — Его же. «Петрашевцы», в «Голосе Минувш.», 1915 г., №№ 11, 12; 1916 г., №№ 2, 3, 4, 5 и 12. — Его же. «Пропаганда петрашевцев в учебных заведениях», там же, 1917 г., № 2. — Г. Ветринский. «Д. Д. Ахшарумов», в «Вестн. Евр.», 1910 г., № 5.— В. Лейкина. «Петрашевцы». М., 1825 г. — Л. Райский. «Социальные воззрения петрашевцев». Л., 1927 г.

О Герцене и его кружке[2]. Источники. А. И. Герцен. «Полное собр. соч.», 24 тт. Под ред. М. Лемке. Л., 1919 г.

Исследования. Г. Ветринский. «Герцен». Спб., 1908 г. — В. Н. Шкловский. «Герцен как социалист», в «Образов.», 1907 г., №№ 1 и 2. — Г. В. Плеханов. «Философские взгляды А. И. Герцена», в его «Сочинениях», т. XXII. Гиз, 1926 г., и в его сборн. статей «Очерки истории русской общественной мысли в XIX столетии». Л., 1923 г. — Его же. «Герцен-эми-

---

[1] Более подробные указания см. у Г. Бекшина, в «Вестн. Социалист. Акад.», 1923 г., кн. 6, стр. 443—450, у В. Лейкиной «Петрашевцы». М., 1924 г., стр. 130—147, и у А. А. Шилова. «Что читать по истории русского революционного движения». Птр., 1922 г.

[2] Более подробные указания см. в статье Г. А. Фомина, в книге Г. Ветринского «Герцен». Спб., 1908 г.

грант», там же. — Его же. «А. И. Герцен и крепостное право», там же. — В. И. Ленин. «Памяти Герцена», в его «Собрании сочинений», т. XII, ч. 1. Гиз, 1923 г. — Кирик Левин. «А. И. Герцен. Личность. Идеология». Птр., 1920 г. — Иванов-Разумник. «А. И. Герцен». Птр., 1920 г.

О западниках[1]. Источники. В. Г. Белинский. «Полное собр. соч.», 11 тт. Под ред. С. Венгерова. — Его же. «Письма», 3 тт. Спб., 1914 г. — П. Чаадаев. «Философические письма». С прилож. письма его к Шеллингу. Казань, 1906 г. — Его же. «Апология Сумасшедшего». Казань, 1906 г. — «Т. Н. Грановский и его переписка». М., 1897 г.

Исследования. М. О. Гершензон. «П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление». Спб., 1910 г. — Г. В. Плеханов. «Пессимизм П. Я. Чаадаева» и «П. Я. Чаадаев», в его «Сочинениях», т. 23. Гиз, 1926 г. — М. М. Ковалевский. «Ранние ревнители философии Шеллинга в России. Чаадаев и Ив. Киреевский», в «Рус. Мысли», 1916 г., № 12. — А. А. Корнилов. «Молодые годы Мих. Бакунина». М., 1915 г. — Ю. Стеклов. «М. А. Бакунин, его жизнь и деятельность», 3 тт. (1814—1861 гг.). М., 1920—1925 гг. — В. А. Мякотин. «Профессор сороковых годов (Грановский), в его сборн. ст. «Из истории русского общества». Спб., 1906 г. — Г. В. Плеханов. «В. Г. Белинский», в его «Сочинениях», т. XXIII. Гиз, 1926 г. — Его же. «Белинский и разумная действительность», в его сборн. «За 20 лет». Спб., 1906 г. — Его же. «Литературные взгляды В. Г. Белинского», там же. — Его же. «Вис. Белинский и Вал. Майков», в его «Сочинениях», т. 23. Гиз, 1926 г. — А. Н. Пыпин. «Белинский, его жизнь и переписка», Спб., 1876 г. — С. Е. Щукин. «В. Г. Белинский и социализм». М., 1929 г.

О славянофилах[2]. Источники. «И. С. Аксаков в его письмах», 4 тт. М., 1888 г. Спб., 1896 г. — К. С. Аксаков. «Полн. собр. соч.», 3 тт. М., 1861 г. (не оконч. изд.). — Его же. Статьи из «Молвы», в «Рус. Арх.», 1910 г., № 11. — Его же. «Собрание стихотворений». М., 1903 г. — «Полное собр. соч. И. И. Киреевского», 2 тт. М., 1911 г. — Ю. Ф. Самарин. «Сочинения», 10 тт. М., 1877—1896 гг. — А. С. Хомяков. «Сочинения», 8 тт. М., 1900 г.

Исследования. Г. А. Максимович. «Учение первых славянофилов». Киев, 1907 г. — М. Д. Чадов. «Славянофилы и народное представительство». Харьков, 1906 г. — С. А. Венгеров. «Передовой борец славянофильства И. С. Аксаков», в его «Собр. соч.», т. 3. Спб., 1912 г. — В. Виноградов. «И. Киреевский и начало московского славянофильства», в «Вопр. Филос. и Псих.», 1891 г., № 11. — Г. В. Плеханов. «И. В. Киреевский», в его «Сочинениях», т. 23. Гиз, 1926 г. — Л. Е. Владимиров. «А. С. Хомяков и его этико-социальное учение». М., 1904 г. — Колюпанов. «Биография А. И. Кошелева», 2 тт. М., 1889—1892 гг. — Н. Рубинштейн. «Историческая теория славянофилов и ее классовые корни», в сб. «Русская историческая литература в классовом освещении», под ред. М. Н. Покровского, т. 1. М., 1927 г.

О теории официальной народности. Источники. С. П. Шевырев. «Взгляд русского на образование Европы», в «Москвитянине»,

---

[1] Более подробные указания см. у С. Вознесенского «Русская история. Указатель литературы». Птр., 1922 г., стр. 190—191 и 193—196, и у Н. К. Пиксанова «Два века русской литературы». Гиз, 1923 г., стр. 110—132.

[2] Более подробные указания см. у М. Д. Чадова «Славянофилы и народное представительство». Харьков, 1906 г.

1841 г., № 1. — М. П. Погодин. «Древняя русская история до Монгольского ига», т. 1. М., 1872 г. — Его статьи, у Н. Барсукова. «Жизнь и труды М. П. Погодина», 18 тт. Спб., 1903 г. и сл. — Л. В. Дуббельт. «Заметки», в «Голосе Минувш.», 1913 г., № 3. — Н. В. Гоголь. «Избранные места из переписки с друзьями», в его «Собр. соч.». Выпущенные из отд. изд. места см. в «Рус. Арх.», 1866 г., стр. 1820 и сл. — «Донос Ф. Ф. Вигеля на П. Чаадаева», в «Рус. Стар.», 1870 г., т. 1.

Исследования. Н. А. Рожков. «Тридцатые годы. (Очерк из истории дворянской культуры в России)», в его сборн. «Из русской истории», в. 2. Птр., 1923 г. — А. А. Корнилов. «Теория официальной народности и внутренняя политика Николая I», в «Книге для чтения по истории нового времени», т. IV, в 2. М., 1914 г. — М. К. Лемке. «Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.». Спб., 1908 г. — Г. В. Плеханов. «М. П. Погодин и борьба классов», в его сборн. «Очерки по истории русской общественной мысли в XIX столетии». Птр., 1923 г., и в его «Сочинениях», т. XXIII. Гиз, 1926 г.

Полубуржуазная реформа 1861 г. в целях предупреждения крестьянской революции снизу

Правящая верхушка дворянства, экономическое положение которой базировалось на оброчной эксплоатации своих крестьян, была кровно заинтересована в сохранении крепостного права. На этой же позиции твердо стоял и Николай I, поскольку он хотел сохранить самодержавную власть. Ведь для всех было ясно, в том числе и для него, что «вопрос о крепостном праве тесно связан с вопросом о самодержавии и даже единодержавии», как выразился однажды гр. Уваров. Понятно, что Николаевское правительство, после слабых попыток разрешения основной проблемы эпохи крестьянского вопроса, — попыток, про которые Белинский остроумно писал к Анненкову, что «дело об освобождении крестьян идет и вперед не подвигается» [1], — в 1848 г. твердо решило все оставить по-старому. Летом 1848 г. гр. Киселев сказал своему племяннику, Милютину, что «вопрос о крестьянах лопнул» окончательно.

Разгул ничем не сдерживаемой реакции, которым ознаменовались последние годы вообще реакционного Николаевского царствования, совершенно придавил промышленно- и аграрно-буржуазную оппозицию, но, конечно, не мог остановить роста в стране чисто экономических антагонизмов. Развивавшийся капиталистический способ производства все настоятельнее требовал соответствующего переустройства

[1] В. Г. Белинский. «Письма», т. III. Спб., 1914 г., стр. 339.

производственных отношений, и это не только увеличивало потенциальную мощь буржуазных элементов в обществе, но и вело к их сплочению на чисто практической платформе. «Не о наших и не наших[1], не об истории Византии и о ее наследии следует помышлять русским, — писал А. И. Тургенев своему брату Николаю, в 1845 г., — у коих сердце бьется любовью к их земле, а о голоде и холоде, о палке и кнуте, одним словом, о рабстве и его уничтожении»[2].

Господство николаевщины, возможно, протянулось бы еще довольно долго, так как буржуазные слои общества в России были все же слабы и, главное, не революционны: преображавшийся в агрария дворянин, естественно, не мог и не хотел опереться на мужика, а капиталист-фабрикант недоверчиво смотрел на рабочего. Но в середине 50-х годов произошли два события, которые в корне изменили позицию правящей знати. Это были севастопольское поражение и начавшееся в связи с войной серьезное крестьянское движение. В этот момент русская знать почувствовала необходимость избрать для себя один из путей, по которым шла, при аналогичных обстоятельствах, знать Западной Европы. «Во Франции, — писал гр. Киселев 3 января 1852 г. кн. Воронцову, — упрямство аристократии произвело революцию со всеми ее гибельными последствиями. В Англии аристократия своим практическим умом сумела избегнуть смут и удержаться до сих пор при общем смятении»[3]. Накануне Севастопольской кампании гр. Киселев сомневался, можно ли в России использовать «этот урок». Однако «опасность», вставшая во весь рост в 1855—1856 гг., заставила феодальную верхушку дворянства, убегая от революции, взять в свои руки назревавшую реформу.

Начатая в 1853 г. война с Турцией имела в виду приобрести для России «ключи от собственного дома», т. е. Босфор и Дарданеллы. Эти последние стали необходимы в виду быстро развивавшегося с 40-х годов из русских черноморских и азовских портов хлебного вывоза. О росте последнего говорят следующие данные[4]:

---

1 Намек на славянофилов и западников.

3 «Остафьевский архив», т. IV. Спб., 1899 г., стр. 333.

2 А. П. Заблоцкий-Десятовский. «Гр. Киселев и его время», т. II. Спб., 1882 г., стр. 226.

4 Журнал «Мин. Вн. Дел», 1854 г., ч. 2.

Периоды	Сумма вывоза хлебов в тысячах четвертей	
	Всего	В среднем в год
1824—1831 гг.	7.822	1.307
1832—1840 „	13.196	2.032
1841—1846 „	14.099	2.349
1847—1852 „	20.963	3.493

Насколько азовско-черноморская хлебная торговля превосходила балтийскую, видно из того, что за 26 лет из азовско-черноморских портов было вывезено 56.415 млн. четвертей всякого хлеба, а из балтийских — только 30.536[1]. Но Англия и Франция, имевшие с Турцией тесные торговые связи, естественно, не могли допустить утверждения русских в Константинополе и выступили на поддержку «больного человека», каким давно уже сделался турецкий султан. К ним присоединилась еще и Сардиния, а Пруссия и даже спасенная Николаем I в 1849 г. Австрия, не вступив в войну, повели себя в отношении России крайне двусмысленно.

Политичская изолированность России, вызванная, по замечанию Погодина, тем, что «правительства нас предали, народы возненавидели»[2], трудная сама по себе, усугублялась полной неподготовленностью страны к такого рода борьбе с передовыми европейскими государствами. Когда печальный исход этой борьбы уже вполне выяснился, Николай I, которого еще недавно европейские публицисты называли «русским императором, занявшим место Наполеона», отравился, передав ликвидацию надвигавшейся катастрофы своему сыну Александру II. Падение Севастополя привело к Парижскому миру, по которому Россия лишилась всех своих привилегий на Балканах, уступила Валахии устье Дуная и, главное, обязалась не держать на Черном море военного флота.

Война, столь самонадеянно начатая, — Николай I собирался через месяц быть в Константинополе, — вскрыла с необычайной яркостью техническую и экономическую отсталость России. На военном совете, собранном Александром II, великий князь Константин Павлович заявил: «Когда неприятельские флоты подошли к Свеаборгу и стали бросать бомбы, они сожгли город. Мы также открыли огонь, но через

1 Там же.
2 М. П. Погодин. «Политические письма». М., 1850 г.

пять минут должны были прекратить его, ибо наши бомбы, не достигая неприятельских судов, падали в море»[1].

Панический страх охватил правящую верхушку дворянства. «Давно ли мы, — писал в середине 1855 г. П. А. Валуев, — покоились на самодовольном созерцании нашей славы и нашего могущества? Оказалось, что в нашем флоте не было тех именно судов, в сухопутной армии того именно оружия, которые требовались для уравнения боя; что состояние и вооружение наших береговых крепостей были неудовлетворительны; что у нас недоставало железных и даже шоссейных дорог, более чем где-либо необходимых на тех неизмеримых пространствах, где нам надлежало передвигать наши силы»[2].

Неподготовленность России в деле военного снаряжения, естественно, ставилась в тесную связь с ее общей народнохозяйственной и культурной отсталостью. «Нельзя жить в Европе, — писал теперь тот самый Погодин, который раньше своим пером не мало содействовал укреплению «самобытных» русских начал, приведших к Севастополю, — и не участвовать в общем ее движении, не следить за ее изобретениями, открытиями физическими, химическими, механическими, финансовыми, административными, житейскими». И он призывал «Россию, державшую свои таланты под спудом, к принятию деятельного участия в общем ходе потомства Иафетова на пути к совершенствованию гражданскому и человеческому»[3]. И наиболее проницательные из «господ положения» поняли это, решив, что прежде всего необходимо покончить с крепостным правом. «Хорошо, что мы заключили мир, — сказал Александру II кн. М. Д. Горчаков, вернувшись из Крыма, — больше воевать мы были бы не в силах. Мир даст нам возможность заняться внутренними делами, и этим должно воспользоваться. Первое дело — нужно освободить крестьян, потому что здесь узел всяких зол»[4].

Но если Севастопольская кампания приводила правящую знать к постановке крестьянского вопроса во имя возрождения пошатнувшейся военной мощи России, то принявшее в это время грозный характер крестьянское движение заставляло с этой постановкой спешить в целях сохранения круп-

---

1 «Из дневника В. А. Муханова», в Рус. Арх.», 1896 г., кн. 3, стр. 165.
2 «Дума Русского», в «Рус. Стар.», 1891 г., № 5.
3 М. П. Погодин. «Политические письма». М., 1856 г.
4 «Материалы по крепостному праву в Саратовской губ.». Саратов, 1911 г., стр. 11.

ной земельной собственности, этого оплота феодального господства внутри страны. Причины недовольства крестьян лежали, конечно, в экономических условиях их жизни, особенно ухудшившихся с половины 40-х годов, когда дворянство вновь обратилось в широких размерах ко всякого рода сельскохозяйственному предпринимательству. «Параллельно с изменением системы помещичьего управления, — писал Ю. Самарин, — изменяется и взгляд крестьян на помещиков. Прежняя безропотная покорность крепостных людей, доходившая иногда до изумительного самозабвения, слабеет с каждым поколением, несмотря на то, что суровость и жестокость в личном обращении с ними еще быстрее смягчается» [1].

При столь обостренной психике крепостных крестьян, вызванной усилившейся эксплоатацией их труда и понижением уровня их жизни, естественно, поводами к открытым выступлениям могли служить самые разнообразные случаи. «При современном настроении крепостного сословия, — говорит Ю. Самарин, — пьяная речь беглого солдата, превратно понятый указ, появление небывалой болезни, приезд государя в Москву (как это было в 1843 г.), всякое происшествие, почему-либо обращающее на себя внимание, может произвести где-нибудь тревогу и возбудить мгновенно присущую мысль о свободе; ничтожный беспорядок может так же легко перейти в бунт, а бунт развиться до общего восстания» [2].

Формы протеста против крепостного права практиковались крестьянами самые различные. Здесь были и убийства помещиков или их приказчиков, и массовые побеги, и поджоги дворянских усадьб, и, наконец, волнения. Последние количественно росли в царствование Николая I с каждым десятилетием, как это видно из следующей таблицы [3]:

В 1826—1834	гг.	было	148	волнений
„ 1835—1844	„	„	216	„
„ 1845—1854	„	„	348	„
„ 1855—1861	„	„	476	„

Особенно грандиозные размеры крестьянское движение приняло в конце 40-х годов, в связи с «Галицийской резней» 1846 г., и в разгар Севастопольской кампании, когда поводом послужили призывы в 1854 г. в морское ополчение и в 1855 г.

---

[1] Ю. Ф. Самарин. «О крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе», в его «Сочинениях», т. II. М., 1878 г., стр. 64—65.

[2] Там же, стр. 38, прим.

[3] И. И. Игнатович. «Борьба крестьян за освобождение». М., 1924 г., стр. 21.

в государственное ополчение. Поступление в ополченцы было понято крепостными крестьянами как основание для получения воли, и в 16 губерниях произошли крупные беспорядки. Для их подавления в одну только Киевскую губернию пришлось двинуть 16 эскадронов кавалерии, 2 роты сапер, 1 батальон пехоты и 1 артиллерийский дивизион [1]. Немудрено, что убеждение, высказанное в 1847 г. киевским генерал-губернатором Бибиковым в отношении крестьян смежных с Галицией губерний, что они «весьма расположены вырезать помещиков» [2], в половине 50-х годов становится всеобщим. Чиновник особых поручений при рязанском губернаторе Славутинский писал в своих воспоминаниях, что «крестьянскими бунтами и всем, что относилось к ним, даже причинами, по которым они возникали, интересовались уже чрезвычайно [3]. В целом ряде губерний народ, видимо, терял всякое терпение и все смелее выступал против помещичьего гнета. Прося о присылке войск для усмирения бунтующих крестьян, рязанская помещица Снесарова заявляла губернскому предводителю дворянства, что со времени обнародования высочайших рескриптов у нее в вотчине «правление сделалось совершенной республикой» [4]. Точно так же один из уездных предводителей дворянства Нижегородской губ., Сущев, доносил губернатору: «Дух народа в уезде чрезвычайно дурен и неблагоприятен спокойствию; во многих имениях возникают беспрерывно беспорядки и неповиновение властям, так что приходится почти беспрестанно разъезжать мне самому» [5]. Из сообщения губернатору тамбовского предводителя дворянства видно, что в этой губернии крепостные крестьяне принялись систематически жечь дворянские усадьбы: «в Скопинском уезде неизвестно отечего происходящие пожары, вот уже во многих имениях, истребили озимый и яровой хлебы во многом количестве» [6]. Имея в виду все эти проявления, возраставшей активности крепостного крестьянства, М. П. Погодин совершенно правильно умозаключал: «ведь это все мест-

1 Там же, стр. 19.
2 Там же, стр. 25.
3 Славутинский. «Выдержки из отрывочных воспоминаний», в «Древней и Новой России», 1879 г., № 9, стр. 388.
4 М. В. Довнар-Запольский. «На заре крестьянской свободы». Киев, 1911 г., стр. 154.
5 В. И. Снежевский. «Крепостные крестьяне и помещики Нижегородской губ.», в «Действиях Нижегород. Уч. Арх. Ком.», т. III. Н.-Новг., 1898 г., стр. 62.
6 М. В. Довнар-Запольский. Назв. соч., стр. 156.

ные революции, которым недостает только связи, чтобы получить значение особого рода»[1]. Страх перед ожидавшейся со дня на день Пугачевщиной становился настолько сильным, что многие ярые крепостники, по словам Кошелева, соглашались на самые невыгодные для них условия освобождения, лишь бы развязаться с крепостным правом[2].

Обессиленная севастопольской катастрофой и напуганная крестьянским движеним, правящая верхушка дворянства, у представителей которой, к тому же, едва ли не большая часть земель была обременена колоссальной задолженностью, решилась, наконец, пойти навстречу домогательствам аграрной и промышленной буржуазии, ждавшей почина в проведении крестьянской реформы от верховной власти. Последняя, однако, приступила к делу с необычайной осторожностью. В манифесте от 19 марта 1856 г., изданном по случаю заключения Парижского мира, указывалось, что правительство для излечения ран, нанесенных войной, вступает на путь мирной деятельности: «при помощи небесного промысла, всегда благодеющего России, да утверждается и совершенствуется ее внутреннее благоустройство; правда и милость да царствует в судах ее; да развивается повсюду и с новою силою стремление к просвещению и всякой полезной деятельности, — и каждый, под сенью законов, всем равно покровительствующих, да наслаждается в мире плодом трудов невинных»[3].

Спустя несколько дней после объявления манифеста Александр II, приехав в Москву на коронацию, произнес речь перед депутацией от московских дворян, в которой уже определенно заявил: «Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнет отменяться снизу». При этом он предложил дворянству «подумать о том, как бы привести это в исполнение»[4].

Речь царя, произнесеная экспромтом, без ведома даже министра внутренних дел Ланского, произвела колоссальное впечатление. Дворянские и буржуазные круги резко всколыхнулись, и в короткое время было выработано более ста записок по крестьянскому делу. Одни из этих записок отстаивали интересы феодальных групп дворянства, другие — аграрно-капиталистических, наконец, третьи—интересы промыш-

---

1 М. П. Погодин. «Политические письма». М., 1856 г.

2 «Записки А. И. Кошелева». Берлин, 1884 г.

3 А. И. Левшин. «Достопамятные минуты в моей жизни», в «Рус. Арх.», 1885 г., № 8, стр. 476.

4 Там же.

ленной буржуазии. Наиболее выпукло феодальная точка зрения на предстоящую реформу была проведена в записке кн. П. Гагарина. Вынужденные внешними обстоятельствами ликвидировать крепостное право, феодальные группы дворянства стремились во что бы то ни стало сохранить при этом возможность вести крепостное хозяйство. При этом крупнопоземлевладельческая знать представляла себе это свое хозяйство в будущем в виде сдачи земли освобожденным крестьянам в аренду, приблизительно на «ирландских» началах, а остальные слои, предполагавшие оставаться в своих имениях,— в виде отработочной системы. Для этого и тем и другим необходимо было обезземелить крестьян и в то же время прикрепить их к земле. Последней цели должно было служить предоставление крестьянству в собственность усадебной оседлости, конечно, за выкуп. Помимо этого многим феодалам, особенно ведшим барщинное хозяйство, хотелось окончательный переход к свободно-договорным отношениям отодвинуть на возможно отдаленный срок.

Все эти стремления и нашли себе место в записке Гагарина, исходной точкой которой являлось следующее утверждение: «В самодержавной империи нашей свобода может быть только лично дарована крестьянам без права на землю и должна состоять в личном их ограждении от притеснений владельца». Гагарин против стремления поощрять переход крепостных в обязанные, так как у таких обязанных производительность труда очень низка. «Дарование помещикам права освобождать крестьян без условий и без земли есть, — по его мнению, — мера самая благодетельная, так как она упрочивает за помещиками право земельной собственности и оставляет крестьян под тем влиянием, с которым они свыклись и которое охраняло общий интерес в государстве». Единственное, к чему следует принудить помещиков, это чтобы они предоставили в пользование крестьянам усадебную оседлость в целях предупреждения их пролетаризации. Далее, необходимо будет разрешить покупку земли почетным гражданам и личным дворянам, и всем вообще селить на своих землях свободных крестьян на условиях арендного договора. Наконец, требуется провести ряд мер для смягчения вообще бесправного положения крестьян[1].

---

[1] Гагаринский проект приведен у А. З. Попельницкого «Секретный комитет в деле освобождения крестьян от крепостной зависимости», в «Вестн. Европы», 1911 г., № 2, стр. 60—64.

Цели Гагаринского проекта ясны: он имел в виду создание из крепостного крестьянства миллионов людей, готовых по дорогой цене арендовать помещичьи земли или за отработки батрачить на них. При таком способе отмены крепостного права Гагарин рассчитывал, что оброчная система, практиковавшаяся крупнопомещичьей знатью, безболезненно перейдет в систему продовольственной аренды, при которой землевладельческая рента может поглотить весь чистый доход с арендованной земли, предоставив самому арендатору сдуклное пропитание. Но зато в его проекте не было других условий, необходимых для перехода барщинных хозяйств к системе вольного труда. Главным из этих условий являлось получение при отмене крепостного права значительных денежных средств, необходимых помещикам-предпринимателям для ликвидации образовавшегося у них земельного долга и для оборудования своих имений сельскохозяйственным инвентарем. Таких помещиков особенно много находилось в центрально-земледельчском районе, и как им ни жалко было расставаться с землей, они все же видели единственное средство приобрести капитал—это предоставить крестьянам на условиях выкупа часть их наделов, хотя бы самую небольшую. Выразителем этих кругов черноземного дворянства, в особенности тех, кто еще только раскачивался перейти от барщинной системы к наемному труду, явился полтавский помещик М. П. Позен, подавший лично Александру II в декабре 1856 г. свой проект.

Исходя из того, что условия гражданской свободы необходимы для всякого государства и для всего его населения, Позен считал, что в отмене крепостного права заинтересованы три стороны: правительство, крестьяне и помещики. Правительство давно уже хочет, по его мнению, провести эмансипацию, но не знает, как ее осуществить. «Такое положение не может продлиться долго. Оно неминуемо произведет взрыв, равно тяжкий для всех трех сторон». Так как «крестьяне желают свободы; они желают перестать быть вещью; желают, чтобы в них было признано достоинство человека», правительство обязано «вразумить их... подтвердив, что они — собственность помещика и что получить свободу они могут только путем выкупа». Что же касается помещиков, то правительству следует их успокоить, указав, что освобождение возможно лишь «с достаточным вознаграждением и не иначе, как с их согласия», при чем казна готова будет «помогать крестьянам и финансовыми средствами». Само освобожде-

ние крестьян Позен допускал лишь на основании двух существующих уже законов: о вольных хлебопашцах и обязанных крестьянах, которые надлежит пересмотреть и согласовать «в общих вопросах, касающихся личных прав тех и других, меры наделения землею, прав крестьян на эти земли, нормы денежных ссуд от казны и порядка перехода крестьян в то или другое состояние». При этом «мера наделения землею зависит от взаимного согласия помещиков и крестьян», передаваемая крестьянам земля делается «собственностью целого общества, которое разделит ее между крестьянами, по мере повинности, на каждого возлагаемой», и, наконец, выкупу подлежит самая личность крепостного, оцененная в размере капитализации «трехдневной барщины»[1].

Записка Позена, представлявшая в общем компромисс между крупными феодалами вообще и среднепоместным дворянством черноземной полосы, еще медлившим полностью переходить к чисто капиталистическому способу производства, конечно, не могла встретить сочувствия в рядах тех тоже среднепоместных дворян, которые уже выросли в аграрную буржуазию. В среде этих помещиков-буржуа, однако, следует различать два основных слоя — помещиков южной полосы и северной. Представители аграрного капитализма на черноземном юго-востоке непрочь были, как и среднее дворянство центрального чернозема, установить переходный период, но зато в деле обеспечения крестьян надельной землей шли несколько дальше. Так, Ю. Самарин, имение которого находилось в среднем Поволжье, в своей записке[2] высказался за необходимость «переходных мер от настоящего положения крепостного сословия к гражданской свободе», в частности и за «издание нового положения о добровольных сделках», и после известного срока его действия за законодательную нормировку «обязанностей и повинностей крестьян во всех тех имениях, в которых владельцы сами не договорятся с сельскими обществами». За этим «первым и бесспорно самым трудным периодом» должен последовать второй, окончательный, когда «в сельском сословии несколько укоренится понятие о его обязанностях, когда разовьются применения вольнонаемного труда к различным отраслям помещичьего

---

[1] «Бумаги по крестьянскому делу Позена». Дрезден, 1864 г.

[2] Ю. Самарин. «О крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе (1856 г.)», в его «Сочинениях», т. II. Спб., 1878 г., стр. 17—136.

хозяйства и когда, по естественному ходу дел, возвысится ценность земли, правительство приступит к оценке всех предварительно уже определенных повинностей крестьян» и затем к выдаче помещикам причитающегося выкупа «с зачетом или без зачета банковского долга». Эта операция должна совершиться путем внутреннего или внешнего займа, уплата процентов по которому и погашение падут на крестьян. «С выплатою помещикам полного вознаграждения упразднится всякое с их стороны право как на землю, состоящую у крестьян во владении, так и на их труд». Крестьяне же, организованные в сельские общества с мирским самоуправлением, «после погашения казенного долга... станут к правительству в отношения свободного сельского сословия, владеющего землею своею на праве полной собственности». Такой способ освобождения вполне обеспечивал южного помещика-предпринимателя и необходимым ему капиталом, и постоянным контингентом прочно сидевшей на земле по соседству с ним рабочей силы.

Помещики-капиталисты северной, промышленной полосы России, согласные с южными в принципиальном признании предоставления крестьянам земельного надела за выкуп, не разделяли, однако, точки зрения последних на необходимость переходного периода. Наличие наемных рук в центрально-промышленных губерниях и незначительная роль здесь, при скудной почве, чисто зернового хозяйства заставляли их требовать немедленной ликвидации крепостного права. Кроме того, при определении норм земельного обеспечения крестьян они оказывались гораздо щедрее, а при назначении выкупа, напротив, жаднее, так как их интересовала не столько земля, сколько деньги, необходимые им в большом количестве для организации более доходных производств, чем производство хлеба. Позиция этого слоя дворянства, вполне обуржуазившегося, лучше всего была обоснована в записке К. Д. Кавелина[1]. Последний прежде всего категорически и целиком отвергал феодальную программу освобождения. «Некоторые предлагают выкупить помещичьих крепостных с тем лишь количеством земли, — писал Кавелин, — какое нужно для удержания их оседлыми, но которого было бы совершенно недостаточно для прокормления их с семейством». Этим путем предлагается «побудить их поневоле нанимать землю у соседних

[1] «Записка об освобождении крестьян в России (1855 г.)», в его «Собр. соч.», т. II. Спб., 1904 г.

землевладельцев», но путь этот будет иметь последствием одно из двух: «или бывшие крепостные впали бы в крайнюю нищету и обратились бы в бездомников и бобылей, — нечто вроде сельских пролетариев, которых у нас покуда, слава богу, очень мало, — или они стали бы толпами выселяться в другие губернии и края империи» [1]. Поэтому Кавелин настаивал на предоставлении крестьянам всей «земли, которою владеют и пользуются для себя, изб, в которых живут, и всего движимого и недвижимого имущества, которое приобрели собственными трудами или наследовали от отцов своих».

Но крепостное право в то же время составляет «неотъемлемую гражданскую собственность» дворянства, а «государство не может ни желать, ни допустить освобождения крестьян без вознаграждения владельца», так как этим оно нарушило бы право собственности и «повергло бы в бедность многочисленный класс образованных и зажиточных потребителей». Отсюда, по мнению Кавелина, освобождение должно «совершиться не иначе, как с вознаграждением владельцев», причем в сумму этого вознаграждения войдут не только оценка уступаемой крестьянам земли, но и самой личности крепостного. Выкуп за одну землю, не принимавший в расчет крепостных людей, был бы весьма неуравнителен, «потому что в некоторых губерниях, преимущественно густо населенных и землевладельческих, земля имеет большую ценность, а крепостные почти никакой, или весьма малую; в других же губерниях, преимущественно промышленных, или хотя и земледельческих, но мало населенных, владельцы получают доход не от земли, а от крепостных». Такого рода выкуп и даст возможность сейчас же по освобождении поставить «наши помещичьи имения на коммерческую ногу». Иначе, — замечает Кавелин, — «при всеобщей бедности и разорении нашего дворянства, ему неоткуда взять капиталов, необходимых для покрытия таких чрезвычайных издержек». Проектируя предоставление крестьянам прежних наделов и выдачу помещикам повышенного выкупа, Кавелин настаивал на немедленной и полной отмене крепостного права «в видах общественной тишины и порядка». Таковы были те три основных принципа, на которых следовало строить «мирное, благодетельное для России разрешение вопроса о крепостном помещичьем праве» [2].

---

[1] Там же, стр. 45.
[2] Там же, стр. 39 и сл.

Если все эти требования наиболее полно отражали интересы вполне капитализировавшегося слоя дворян, то два из них — немедленная отмена крепостничества и оставление за крестьянами их прежней земли — были вполне приемлемы и для промышленной буржуазии. Последняя, как известно, ждала от реформы прежде всего расширения внутреннего рынка и затем образования вполне приспособленной к фабричному производству рабочей силы. От имени этого класса общества выступил известный откупщик В. А. Кокорев, владелец многочисленных фабрик и имений, в лице которого причудливо слились все формы капитала. На устроенном в Московском купеческом собрании банкете на 180 человек, среди именитого купечества и видных представителей интеллигенции, вроде Кавелина, Погодина, Каткова, этот чистокровный представитель промышленно-торговой буржуазии произнес речь, восхваляя «истинных благодетелей» из среды «богатейших» за их намерения «дать бедным часть землицы, чтобы было можно на ней попахать и коровку покормить». Обращаясь к богатым московским толстосумам, Кокорев предлагал им возблагодарить крестьян «за богатства», ими же «сообщенные», и собрать пожертвования для выкупа крестьянских земель в имениях мелкопоместных дворян, которым «при настоящем перевороте необходимы денежные средства для насущных потребностей жизни». По его мнению, купцы получат «огромную выгоду» от нового порядка вещей, который «сообщит довольство крестьян» и при котором в силу этого «вся торговля разовьется»[1]. Несколько позже тот же Кокорев подал в Главный комитет по крестьянскому делу записку, где высказывался за необходимость организации частного банка для выдачи крестьянам ссуд на выкуп в их собственность надельной земли. «Соображения о народном богатстве, — подчеркивал он[2], — настойчиво требуют того, чтобы крестьяне были наделены землею, и тогда развитие благосостояния будет несомненное и широкое». Повидимому, в этом намерении поддерживали Кокорева и многие московские капиталисты, вроде Гучковых и Алексеевых[3].

Таким образом, создать из освобожденного крестьянства мощного потребителя фабрично-заводских изделий путем на-

---

[1] «Материалы для упразднения крепостного права». Изд. Хрущова. Берлин, 1861 г., т. I, стр. 192—193.

[2] А. З. Попельницкий. «Запрещенный по высочайшему повелению банкет в Москве 19 февраля 1858 г.», в «Голосе Минувш.», 1914 г., № 2, стр. 210—211.

[3] Там же, стр. 209.

деления его землей и облегчения условий выкупа этой земли являлось для Кокорева и его единомышленников, как видно, главнейшей задачей. Во всяком случае, 10½ миллионов пауперов, будут ли они без земли, чего хотели феодалы, или с землей, но обремененной непосильным выкупом, как этого добивались аграрии, промышленной буржуазии были не нужны. Она понимала, что с каким бы количеством земли ни вышли на волю крестьяне, среди них всегда найдутся те 500 тысяч, которые были необходимы ей, как рабочая сила. Ведь общественное разделение труда давно уже придало промысловый характер северной полосе России, а развившаяся здесь товаризация деревни привела к заметному расслоению крестьянства. Значительная часть последнего уже не имела других источников существования, как отход, о распространенности которого говорило все растущее количество выдававшихся паспортов. Так, в 1848—1850 гг. в среднем ежегодно получали годовые и полугодовые паспорта до 1 млн. человек и краткосрочные — до 2 млн. человек [1].

В то время как различные общественные группы горячо обсуждали крестьянский вопрос и составляли свои проекты, почин в деле практического осуществления реформы взяло на себя правительство. 3 января 1857 г. Александр II, по инициативе министра внутренних дел Ланского, образовал Секретный комитет, в составе наиболее видных сановников из среды феодальной крупнопоземлевладельческой знати. Сюда вошли, кроме Ланского, председатель Государственного Совета кн. Орлов, председатель департамента законов гр. Блудов, министр двора гр. Адлерберг, министр финансов Княжевич, министр юстиции гр. Панин, жеф жандармов кн. Долгоруков, члены Государственного Совета кн. Гагарин и бар. Корф, генерал-адъютанты Чевкин и Ростовцев, наконец, великий князь Константин Павлович. Комитету было предложено царем обсудить вопрос: «следует ли приступить теперь к каким-либо мерам для освобождения крепостных людей». При этом, как говорилось в протоколе первого заседания, «его императорское величество изъявил непреклонную волю свою, дабы все рассуждения, какие будут происходить в настоящем собрании, были сохранены в строгой тайне». Исходя из того, что «в настоящее время умы и помещиков и принадлежащих им крепостных людей, особенно

---

1 А. Семенов. «Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности», ч. 3. Спб., 1859 г., стр. 301.

крестьян, находятся в каком-то ожидании», комитет единогласно высказался за необходимость реформы, при чем, спустя примерно четыре месяца, он наметил следующие принципы, которые должны были лечь в ее основание. Реформу следует осуществлять не сразу, а в три периода. В первом, или «приготовительном периоде правительство должно принять меры «для смягчения или облегчения крепостного сословия», «открыть помещикам все средства для увольнения крестьян по взаимного с ними соглашению» и собрать необходимые материалы «для указания тех мер, какие должны быть приняты во втором, т. е. переходном периоде». Во втором же периоде «возможно приступить к освобождению не по взаимному уже соглашению помещиков и крестьян, а обязательному, только не вдруг, а постепенно, шаг за шагом». Наконец, в третий период, окончательный, «крестьяне, получив права личные, будут поставлены в отношениях своих к помещикам как люди совершенно свободные» [1].

Как видно, Секретный комитет всецело разделял феодальную точку зрения, стремясь как можно дальше отодвинуть окончательное освобождение крестьян и представляя его себе лишь в виде дарования последним гражданских прав. Александр II, однако, начинал выражать нетерпение и потребовал конкретного «приступа» к реформе, «не откладывая оного под разными предлогами в долгий ящик», так как он попрежнему опасался, «чтобы дело не началось само собою снизу» [2]. Повидимому, по указанию царя, в министерстве внутренних дел была составлена особая записка об основах реформы, где определенно указывалось на необходимость, «с освобождением помещичьих крестьян, дать им право собственности на оседлость или усадьбу, т. е. на жилище с принадлежащими к нему строениями, с огородом и даже выгоном» [3].

В то же время министр внутренних дел предлагал комитету привлечь к разработке вопроса и местные дворянские органы. По всей вероятности, в это время в среде правящей знати начинался раскол. Часть ее, Ланской, Ростовцев, великий князь Константин Павлович, во главе с самим Александром II, начинали понимать, что ни отсрочка полного

---

[1] «Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу», т. I. Спб., 1915 г., стр. 1 и 19.

[2] П. И. Лященко. «Последний Секретный комитет по крестьянскому делу». Спб., 1911 г., стр. 28

[3] Назв. «Журналы», т. I, стр. 23.

освобождения, ни безземельный выход крестьян на волю не смогут пройти безнаказанно. Отсюда и явилось теперь у царя и министра внутренних дел желание несколько приподнять с реформы покров тайны и привлечь к ее обсуждению более широкие круги дворянства, от которых можно было ожидать большей уступчивости в вопросе о предоставлении крестьянам некоторого количества земли. Комитет, однако, в своем большинстве так далеко итти не хотел. Он полагал, что достаточно будет разрешить министерству внутренних дел «требовать не только сведения, но даже мнения, мысли и предположения» от губернаторв, предводителей дворянства и опытных помещиков, но «с тем только, чтобы министерство действовало при этом со всевозможною осторожностью и благоразумием» [1].

Тогда Александр II с Ланским, поддержанные еще некоторыми представителями знати, решили все же настоять на своем, воспользовавшись для этого ходатайством литовского дворянства об учреждении у них местных комитетов для урегулирования их взаимоотношений с крестьянами. В этом крае, где помещиками являлись преимущественно поляки, после восстания 1831 г. были введены инвентарные правила, регламентировавшие повинности крестьян в пользу их владельцев. На почве применения этих правил, естественно, происходили частные недоразумения, и местное дворянство, воспользовавшись слухами о готовящейся реформе, пожелало пересмотреть действующие инвентари. Стремясь предупредить крестьянскую революцию и обезвредить феодальную оппозицию, правительство, или, вернее, руководящий правительственный кружок, решило сделать вид, что идет навстречу стремлениям самих дворян в деле открытой постановки вопроса о реформе. Ланским и министром государственных имуществ вместе с литовским генерал-губернатором Назимовым были выработаны общие начала освобождения крестьян и порядок работ по составлению на их основе проектов освобождения в открываемых в трех губерниях Литовского края дворянских комитетах. Сущность указанных начал состояла в том, чтобы «а) земля оставалась собственностью помещиков; б) крестьяне получили свободу не вдруг, а постепенно, в особо определенный срок от 8 до 12 лет; в) им была сохранена оседлость, которую они должны приобресть в свою собственность за деньги или особую работу в течение опре-

[1] Там же.

деленного срока; г) в их постоянное пользование была отведена часть господской земли, за что они должны были отбывать помещику работы в натуре или оброк, и д) помещику сохранялась полицейская власть, но крестьяне, образуя особые сельские общества, имели и свое управление»[1]. Начала эти, в сущности резко не порывавшие с точкой зрения большинства крупных феодалов, были внесены в Секретный комитет, который, под некоторым давлением свыше, их и одобрил. Так явился рескрипт от 20 ноября 1857 г. на имя Назимова, предписывавший учредить в трех литовских губерниях дворянские комитеты. Александр II и Ланской, вырвав согласие на эту меру у Секретного комитета, так спешили с проведением ее в жизнь, что документ этот был в одну ночь отпечатан и, вопреки первоначальному намерению хранить его в тайне, уже 24 ноября разослан губернаторам и дворянским предводителям остальных губерний для сведения. Этим путем крестьянская реформа перешла во вторую стадию своего развития, когда к ее обсуждению, на ряду с феодальной знатью, было допущено и поместное дворянство.

Последнее, однако, не сразу откликнулось на приглашение царя, так как основания, изложенные в Назимовском рескрипте, далеко не удовлетворяли интересов различных его слоев. Поэтому комитеты образовались только к концу 1858 г. В состав этих комитетов, действовавших под председательством губернских предводителей дворянства, входило по два человека от каждого уезда по выбору местных помещиков и два члена от правительства, назначенных губернатором из дворян его губернии. Свои проекты эти комитеты должны были составить в шестимесячный срок со дня открытия своей деятельности и представить их затем в Главный комитет, в который был переименован 8 января 1858 г. прежний Секретный комитет. В губернские дворянские комитеты, естественно, прошли главным образом представители среднепоместного дворянства, из которых большинство обычно являлось сторонниками феодальной позиции в крестьянском вопросе, а меньшинство — позиции аграрно-буржуазной.

Только в Тверском комитете соотношение сил оказалось обратным, и этот комитет решил выйти за пределы предначертанной в Назимовском рескрипте правительственной про-

[1] «Журналы Секретного и Главного комитетов», т. I. Спб., 1915 г., стр. 29.

граммы, высказавшись определенно за предоставление крестьянам в собственность надельной земли, на условиях повышенного выкупа. В Петербург была отправлена специальная депутация во главе с дворянским предводителем А. М. Унковским, которая и получила для Тверского комитета разрешение составить выкупной проект. В это время, примерно к осени 1858 г., в руководящем правительственном центре все более и более утверждалась мысль о необходимости наделения крестьян землей, чтобы, как выразился позже Александр II в своей речи в Государственном Совете, «не сделать из крестьян людей бездомных и потому вредных как для помещиков, так и для государства»[1]. Мысль эту особенно начал поддерживать генерал Ростовцев, который ранее опасался, что для выкупа надельной земли в казне не окажется необходимых средств[2]. Теперь мало-по-малу он усвоил те основания выкупной операции, которые впервые были ясно изложены еще в записке Кавелина. При таких условиях, 4 декабря 1858 г. Главный комитет в присутствии самого Александра II принял следующее постановление: «Необходимо стараться, чтобы крестьяне постепенно делались поземельными собственниками»[3].

Между тем, по примеру Тверского комитета, вопросам о наделении крестьян землею на условиях обязательного выкупа занялись и другие губернские комитеты, большей частью в нечерноземной полосе России. Комитеты же степной полосы, принципиально признавая предоставление крестьянам земельных наделов, были против обязательного выкупа, из опасения сразу лишиться рабочих рук благодаря слабой населенности края. Что же касается комитетов черноземного центра, то они настаивали исключительно на личном освобождении крестьян, соглашаясь дать им небольшой надел лишь в пользование, да и то только на срочно-обязательный период. По вопросу о количестве земли, уступавшейся крестьянам в собственность или во временное пользование, четыре комитета: Могилевский, Смоленский, Тверской и Самарской и меньшинство в некоторых других, главным образом северных комитетах, высказались за сохранение прежних наде-

---

[1] «Журналы и мемории общего собрания Государственного Совета по крестьянскому делу». Птр., 1915 г., стр. 5.

[2] И. Иванюков. «Падение крепостного права в России». Изд. 2-е. Спб., 1903 г., стр. 62.

[3] «Журналы Секретного и Главного комитетов», т. I, Спб., 1915 г., стр. 298.

лов; огромное же большинство комитетов старалось более или менее сильно урезать участки, бывшие в крестьянском пользовании при крепостном праве. Особенной скупостью отличались, конечно, южные комитеты. Кроме того Тверской, Ярославский и меньшинство членов Владимирского и Калужского комитетов стояли за полную замену барщины оброком в течение действия срочно-обязанных отношений, тогда как остальные или требовали ее сохранения, или предлагали лишь частичную ее ликвидацию. Наконец все без исключения комитеты провели в своих проектах в замаскированном виде оценку личности крепостного, скрыв ее в чрезмерно возвышенном выкупе за усадьбы или надельную землю.

В этом отношении все они стояли на точке зрения, впервые открыто высказанной Кавелиным и еще откровеннее формулированной Унковским. «Лица, имеющие по закону право владеть людьми, — писал последний в своей записке, — надеясь на силу законов, до сего времени не опасались употреблять капиталы на покупку людей, как имущества, которого обладание дозволено и ограждено законом. Признать это имущество незаконным и изъять без всякого вознаграждения несправедливо потому, что лица, владеющие крепостными людьми в данную минуту, не могут отвечать за прочность государственных, вековых учреждений, и потому, что законы не могут иметь обратной силы. Таким образом справедливость требует, чтобы помещики были вознаграждены как за землю, отходящую из их владения, так и за самих освобожденных крестьян». Что это была за справедливость, показывают следующие слова Унковского, вскрывающие основной стимул этого требования: «Выдача капитала необходима для поддержания помещичьих хозяйств и приспособления их к обработке наемными руками»[1]. Словом, в губернских комитетах среднепоместное дворянство распоясалось во-всю, решив ликвидировать крепостной строй с наибольшими для себя выгодами. Характеризуя вообще настроение дворян в это время, А. Гильфердинг говорил, что «большинство хлопотало почти исключительно о хозяйственной стороне дела: десятиной меньше надела, рублем больше оброка — вот к чему сводились их толки и представления»[2]. Немудрено, что в деле

---

[1] Г. Джаншиев. «А. М. Унковский и освобождение крестьян». М., 1894 г., стр. 63.

[2] М. В. Довнар-Запольский. «На заре крестьянской свободы». Киев, 1911 г., стр. 225.

определения выкупа многие комитеты доходили до прямо-таки астрономических цифр. Так, большинство Московского комитета оценило усадебную землю от 720 р. до 1.200 р. за десятину, большинство Черниговского — от 600 р. до 840 р., а Ярославский положил за усадьбу по 160 р. сер. с ревизской души[1]. При этом южные комитеты не стеснялись и в деле урезки крестьянских наделов. Например, Саратовский комитет проектировал дать крестьянам всего от 2 до 3,2 десятины, хотя в помещичьих имениях Саратовской губ. приходилось на душу от 8,5 до 16,8 десятин[2]. Воронежский же комитет считал, что для улучшения быта крестьян, «сверх утверждения между ними веры и нравственности, достаточно одной свободы труда», а большинство Симбирского комитета говорило, что «надел земли для крестьян обязательный, хотя бы они желали от оного отказаться, бросается в глаза, как явная несправедливость и покушение на свободу крестьян»[3].

Когда некоторые из дворянских комитетов стали заканчивать свои работы, в марте 1859 г. были образованы при Главном комитете две Редакционных комиссии, «под начальством» Ростовцева, из чиновников разных ведомств и нескольких членов губернских комитетов, преимущественно из меньшинства последних. В основу деятельности этих комиссий была положена следующая программа, на которой теперь окончательно уже остановился Ростовцев: 1) освободить крестьян с землей, 2) конечной развязкой освобождения считат выкуп крестьянами их наделов у помещиков, 3) правительству оказать содействие делу выкупа, 4) избегнуть по возможности регламентации временно-обязанного периода или сократить переходное состояние, 5) барщину уничтожить через три года путем перевода временно-обязанных крестьян на оброк, за исключением тех, которые сами того не пожелают, и 6) дать самоуправление освобожденным крестьянам в их сельском быту[4]. Таким образом, представитель руководящего правительственного центра определенно предложил Редакционным комиссиям составить проект реформ в общем в направлении, очень близком аграрно- и даже промышленно-буржуазной точке зрения.

---

[1] «Материалы Редакционных комиссий», т. III, кн. 1. Спт., 1860 г., стр. 274—275.

[2] Там же, стр. 469.

[3] Там же, стр. 167.

[4] Н. П. Семенов. «Освобождение крестьян в царствование Александра II», т. I. Спб., 1889 г.

В составе членов комиссий образовалось три основных группы — феодальная, в которую входили в большинстве члены губернских комитетов: Позен, кн. Паскевич и особенно рьяный защитник дворянских интересов петербургский предводитель дворянства гр. Шувалов; аграрно-буржуазная, к которой принадлежали некоторые члены губернских комитетов, вроде Самарина, и несколько чиновников, и, наконец, приближавшаяся по своим стремлениям к промышленно-буржуазной позиции, состоявшая главным образом из более просвещенных чиновников, как, например, управляющий земским отделом министерства внутренних дел Я. А. Соловьев и товарищ министра внутренних дел Николай Милютин. К этой группе примыкал и кн. Черкасский, бывший ранее членом по назначению в губернском комитете. Опираясь на поддержку Ростовцева в Редакционных комиссиях, верх одержали прогрессивные группы — аграрно- и промышленно-буржуазные.

Редакционные комиссии, приступив к составлению общего «Положения» о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости, прежде всего разрешили вопрос о размере земельного надела. Многие члены стояли за уменьшение существующих норм, но Ростовцев прямо заявил: «Отрезкой мы уничтожим крестьянина, а это — бунт». Поэтому, хотя предложение Черкасского и Милютина, об оставлении за крестьянами всей находившейся в их распоряжении земли, целиком не было принято, тем не менее комиссии признали необходимым по возможности придерживаться существующих наделов, но при этом установили максимальный и минимальный размеры их в каждой местности. Этим предполагалось не обижать дворян, имения которых полностью находились на оброке, и не обижать крестьян там, где последние превращены были в безземельных месячников[1]. Острые разногласия возникли и в другом вопросе, тесно связанном с наделами, в вопросе о выкупе, где Редакционным комиссиям пришлось сделать еще более значительные уступки в пользу дворянства.

Прежде всего выкуп полевых угодий комиссии признали обязательным для крестьян и добровольным для помещиков. а что касается самих размеров выкупа, то они были определены окончательно в следующем виде: на срок действия временно-обязанных отношений устанавливался оброк за

---

1 П. П. Семенов-Тяньшанский. «Эпоха освобождения крестьян в Россия (1857—1861 гг.)» в «Воспоминаниях», т. I. Спб., 1911 г., стр. 222—223.

высший надел в 8 р., при чем этот оброк был разложен так, что за первую десятину в нечерноземной полосе платилась половина оброка, за вторую десятину — четверть, и за все остальные — другая четверть, а в черноземной — за первую десятину немного меньше половины, а за все остальные — вторая половина. Выкупная сумма и определялась не оценкой выкупаемой земли, а капитализацией платимого за нее оброка. Другими словами, по желанию помещика казна выкупала надельную землю, давая ему капитал, который, считая по 6%, приносил бы ему доход, равный ежегодному оброку. Конечно, определяемая таким способом выкупная сумма была по большинству губерний ниже той, которую требовали стоявшие за выкуп губернские комитеты. Так Саратовский комитет хотел получить за надел в 2½ десятины 110 р., Редакционные комиссии определили 79 р. 45 к.; Ярославский — за надел от 1 до 5 десятин от 196 р. до 270 р., Редакционные комиссии — от 75 р. до 166 р. 66 к., Пензенский—за 2¼ десятины от 140 до 150 р., Редакционные комиссии—от 104 р. 16 к. до 118 р. 75 к.; меньшинство Московского комитета — за надел от 1⅛ до 2 десятин — от 160 до 179 р., Редакционные комиссии — от 76 р. 25 к. до 120 р. 83 к. и т. д.[1]. Но все же и установленная Редакционными комиссиями выкупная сумма значительно превышала рыночную стоимость наделов, т. е. в нее в замаскированной форме входила и цена самой личности крепостного. Кроме того, система градаций оброка, возлагая всю тяжесть платежей на первую десятину, села к повышенной оценке этой десятины и давала помещикам, особенно южным, стимул стремиться выпускать крестьян на волю не с высшими, а с низшими наделами, так как они и при этих низших наделах получали значительные выкупные суммы. Таким образом, в основных вопросах реформы, как, впрочем, и во всех остальных, Редакционные комиссии встали на почву компромисса между аграрно-буржуазной и промышленно-буржуазной точками зрения.

Несмотря, однако, на всю предупредительность к дворянским интересам, позиция Редакционных комиссий встретила ожесточенные нападки со стороны феодальных групп дворянства. Когда Редакционные комиссии закончили выработку проекта «Положения», в Петербург были вызваны представители губернских дворянских комитетов для выявления

---

[1] А. Скребицкий. «Крестьянское дело в царствование имп. Александра II», т. IV. Бонн-на-Рейне. Прилож., стр. 1232.

своего отношения к этому проекту. Эти «эксперты» особенно резкой критике подвергли принятые Редакционными комиссиями нормы наделения крестьян землей. Псковские депутаты говорили: «Полезнее не для помещика, а для государства не слишком увеличивать надел... потому, что многие крестьяне перейдут тогда в мещане, давая более простора остающимся». Черниговские депутаты указывали, что «уменьшение крестьянских наделов совсем не представляется столь вредным для крестьян, как полагают Редакционные комиссии, ибо труд есть главный капитал человека». Точно так же представители дворянских комитетов оспаривали и нормы выкупа, установленные Редакционными комиссиями, в основу которых и без того лег несколько возвышенный против существующего оброк. Так, в Рязанской губ. средний оброк накануне реформы равнялся 3 р. 14 к. с десятины, Редакционные комиссии назначили 3 р. 27 к., а губернский комитет в лице меньшинства требовал 5 р., в лице же большинства — 6 р. 85 к. с десятины. Для Воронежской губ. соответствующие цифры были 2 р. 28 к. за десятину, 2 р. 87 к. и 6 р. 46 к.

Критика экономической стороны проекта Редакционных комиссий встретила сочувствие в феодальном большинстве Главного комитета, и Редакционным комиссиям, где место умершего Ростовцева занял типичный феодал гр. В. П. Панин, было предложено уменьшить проектируемые наделы и повысить оброк с 8 р. до 9 р. С такими «поправками» проект Редакционных комиссий перешел на рассмотрение в Главный комитет, в котором феодальное большинство снова усилилось, так как в правительственных сферах несколько успокоились насчет настроения крестьянства, увидев, что его революционность, под влиянием волнений середины 50-х годов, была значительно переоценена. Уже вскоре после издания рескриптов об открытии губернских комитетов один из генерал-губернаторов доносил: «Я твердо убежден, что крестьяне, ожидая и предвидя изменение своего положения к лучшему, никогда не посягнут на какие-либо преступные действия». От другого получилось известие, что «неблагонамеренные толки начинают затихать, встревоженные умы видимо успокаиваются». Начальник одной губернии определенно подчеркивал, что «помещичьи крестьяне тише и спокойнее, чем когда-либо» [1]. Правда, не мало было и противоположных отзывов—

[1] Все эти отзывы взяты у М. Н. Покровского, в «Истории России в XIX веке», изд. Гранат, т. III, стр. 115—116.

так, например, секретарь великого князя Константина Павловича, объехавший по его поручению южные губернии в 1860 г., писал, что «помещики исполнены тревожного, боязливого ожидания неизвестного будущего, крестьяне с возрастающим нетерпением ожидают вольности и составляют себе несбыточные мечты», и таким образом «нынешнее спокойствие есть только наружное и крайне ненадежное»[1]. Тем не менее царь, полагаясь на принятые в министерстве внутренних дел меры, стал спокойнее и снова почувствовал, что он прежде всего «дворянин», как он назвал себя при приеме депутатов от губернских комитетов.

Однако отрицательное отношение большинства в Главном комитете, предводимого кн. П. П. Гагариным, к проекту Редакционных комиссий, уже несколько искаженному последними, было так сильно, что оно хотело отвергнуть этот проект целиком, и только энергичное вмешательство Александра II предотвратило этот срыв. Царь резко заявил, что более «не допустит никаких отмен, отлагательств и проволочек», и, обращаясь по приемуществу к министрам, сказал: «Вы должны помнить, что в России издает законы самодержавная власть». Тем не менее, когда, еще раз испорченный уже в Главном комитете понижением наделов проект 28 января 1861 г. поступил из Главного комитета в Государственный Совет, куда входило и большинство членов Главного комитета, Александру II снова пришлось выступить. Указав, что освобождение крестьян он считает «жизненным для России вопросом, от которого будет зависеть развитие ее силы и могуществ», он определенно подчеркнул, что «всякое дальнейшее промедление может быть пагубно для государства»[2]. Собравшиеся в Государственном Совете феодалы-сановники еще раз почистили проект, приняв, между прочим, предложение кн. Гагарина о нищенском наделе, и в измененной таким образом трижды редакции приняли его. 19 февраля 1861 г. проект этот, подписанный царем, получил силу закона.

В каком духе был изменен Главным комитетом и Государственным Советом проект, выработанный первоначально и затем переделанный Редакционными комиссиями, наглядно показывают следующие данные относительно перемен в раз-

---

[1] Записка А. В. Головина от сентября 1860 г., в «Записках Научного Общества Марксистов», 1927 г., № 7, стр. 142.

[2] «Журнал и мемории общих собраний Государственного Совета по крестьянскому делу». Птр. 1915 г., стр. 3.

решении наиболее важного вопроса — о крестьянских наделах[1]:

Губернии	По первонач. проекту Редакционных комиссий	После пересмотра проекта депутатами от губернских комитетов увеличены на	В Государственном Совете увеличены на	Общая сумма отрезок	Уменьшение существовавших в крепостную эпоху наделов
Сибирская . . .	40	15	14	69	11%
Псковская . . .	50	50	12	112	12%
Саратовская . .	150	4	10	164	16%
Новгородская .	500	30	25	555	35%

Главный комитет по соглашению с гр. Паниным уменьшил наделы в 322 уездах от ¼ до 2½ десятин и только в четырех малоплодородных уездах увеличил на ¼—½ десятины. Государственный же Совет успел еще раз уменьшить наделы только в восьми уездах на ⅓—½ десятины, но зато разрешил «при обоюдном согласии» помещиков и крестьян предоставлять последним, под условием отказа от выкупа, ¼ высшего или указного надела.

В конечном счете, после всех переделок, экономические итоги «Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости», могут быть представлены в следующем виде. По размеру выкупаемых наделов 34 губернии Великороссии, Новороссии и Белоруссии были разделены на три полосы: нечерноземную, черноземную и степную. В первой и второй полосах устанавливались «высший» и «низший» наделы, причем низший был равен ⅓ высшего; третья полоса получила единый «указной» надел. В нечерноземной полосе высшие наделы колебались от 3 до 7 десятин, а в черноземной — от 2¾ до 6 десятин; в степной же полосе в новороссийских губерниях указные наделы определялись в размере от 3 до 6½ десятин, в Поволжье — от 6 до 12 десятин. В трех украинских губерниях (Полтавской, Черниговской и Харьковской) высший надел определялся в 2¾—4½ десятины. Сами Редакционные комиссии выражали опасение, что принятые размеры высших наделов малы и никоим образом не могут подлежать дальнейшему понижению, так как они «только что обеспечивают существование крестьян»[2]. Как это было показано

[1] И. В. Чернышев. «Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет». П., 1918 г., стр. 192—193.

[2] А. Скребицкий. «Крестьянское дело в царствование Александра II», т. III. Бон-на-Рейне, 1865/6 г., стр. 111.

выше, Главный комитет и Государственный Совет все же сократили количество отводимой крестьянам земли, вследствие чего ни в одной губернии, как в черноземной, так и в нечерноземной полосах России, высшие наделы далеко не достигали тех норм, которые по вычислению проф. Янсона были необходимы для удовлетворения потребности крестьян. Что же касается низших наделов и дарственных, то о них и говорить не приходится — с таких наделов могла быть сыта не крестьянская, а разве куриная семья. Что же касается вопроса о том, сколько земли было отрезано помещиками при освобождении крестьян и в каких именно областях, то на этот счет имеются такие данные[1]:

	Крестьянское землепользование до 1861 г.	Сумма отрезок	Их процент
В 15 губерниях нечерноземной полосы .	14.550 тыс. дес.	1.437 тыс. дес.	9,9
В 21 губернии черноземной и степной полос	14.619 „ „	3.825 „ „	26,2

Всего, таким образом, в указанных 36 губерниях было отнято у крестьян их прежней земли 18% с небольшим, т. е. почти 1/5 часть, при чем особенно значительны были отрезки в наиболее плодородных губерниях. Так, в Самарской они составляли 44%, в Саратовской 41%, в Полтавской и Екатеринославской по 40%, в Донской области 33% и т. д. При этом как можно больше сохранить за собой земли стремились наиболее многоземельные помещики, которые мечтали о переходе от оброка к аренде или у которых их имения не были заложены. Так, в Вольском уезде Саратовской губ. у крестьян было отрезано[2]:

в имениях менее	100 десятин	8%	земли
от 100 до 500	„	29%	„
„ 500 „ 1 000	„	30%	„
„ 1 000 „ 5 000	„	43%	„
„ 5 000 „ 10 000	„	57 1/5	„
свыше 10 000	„	75%	„

Эта последняя цифра говорит, что феодалы, владевшие громадными латифундиями, старались своих крестьян при

[1] А. Лосицкий. «Хозяйственные отношения при падении крепостничества» в журн. «Образование», 1906 г., № 11.

[2] Там же.

выходе на волю всячески склонять к соглашению на дарственный надел. Конечно, это делалось ими исключительно в плодородных губерниях, где они рассчитывали, что обезземеленные крестьяне жадно потянутся к аренде их земель, и значит арендные цены будут очень высоки.

Впрочем, в одной части России, именно в западных губерниях, реформа 19 февраля принесла крестьянам некоторую прирезку земли. Здесь в 1863 г. вспыхнуло восстание, в котором деятельное участие приняли поляки-помещики. После подавления этого восстания правительство, в целях привлечения на свою сторону жившего в этом крае украинского, белорусского и литовского крестьянства, решило вернуть последнему назад сделанные дворянством у него отрезки и даже несколько увеличить крестьянское землевладение. Так, в Минской губ. до реформы у крестьян было 1.017 тыс. десятин, после 1864 г. стало 1.440 тыс. десятин, соответствующие цифры для Гродненской будут 563 и 629 тыс. десятин, для Киевской 1.071 и 1.300 тыс. десятин и т. д.[1].

В среднем по всей Европейской России при реформе пришлось земли на душу у помещичьих крестьян по 3,3 десятины и у крестьян удельных по 4,5 десятины, в то время как у крестьян государственных находилось в пользовании по 5,9 десятины. Средняя же величина душевого надела для всех категорий крестьянства равнялась 4,4 десятины[2].

Предоставив, таким образом, выходившим из крепостной зависимости крестьянам недостаточные наделы, «Положение» возложило на них уплату за эти наделы очень больших выкупных платежей. Последние особенно велики были в северной полосе, где помещики дороже ценили личность оброчника-крепостного, чем малоплодородную землю, а поэтому и постарались компенсировать себя тем, что определили стоимость передаваемой крестьянам земли слишком высоко. Впрочем, и в черноземной полосе земля была оценена также выше ее рыночной цены. Только крестьяне в западных губерниях, получившие в 1864 г. назад свои отрезки, выиграли и в деле платы выкупа, который был в том же 1864 г. значительно понижен. Следующая таблица содержит относящиеся сюда данные[3] (см. на стр. 252).

---

[1] Статья Д. И. Рихтера в № 39 «Весн. Финас.» за 1900 г.

[2] В. И. Анисимов. «Наделы», в сб. «Великая реформа», т. VI. М., 1911 г., стр. 99 и 100.

[3] А. Лосицкий. «Выкупная операция». Спб., 1906 г.

Полосы	Площадь наделов	Стоимость их по ценам 1854—1858 гг.	Сумма выкупа, полученная помещиками
Нечерноземн.	12 286 тыс. дес.	155 млн. р.	342 млн. р.
Черноземная и степная .	9 841 „ „	219 „ „	342 „ „
Западная . .	10 141 „ „	170 „ „	183 „ „
Итого	32 263 тыс. дес.	544 млн. р.	867 млн. р.

Из этих данных видно, что за землю, которая на рынке стоила 544 млн. р., дворянство получило выкупную сумму в 867 млн. р., а это значит, что премия за уничтожение крепостного права была равна 323 млн. р. или 30 р. за каждую душу мужского пола.

Крестьянство уплатить помещикам такую сумму денег не могло, и на помощь ему пришла казна. Скинув 425 млн. р. поземельного долга, она остальные 422 млн. р. выдала дворянству в виде, главным образом, выкупных свидетельств, приносящих 5% в год. Крестьяне же обязаны были погасить свой выкупной долг в течение 49 лет с момента перевода их на выкуп, в форме ежегодно вносимых выкупных платежей. Только в 1906 г. под влиянием острого аграрного движения Николай II решил их «простить». К этому времени крестьянство успело выплатит казне, в погашение долга и в виде процентов, целых 1½ миллиарда рублей. Но этой суммой не ограничились расходы крестьян по приобретению надельной земли. Как уже говорилось, выход на выкуп зависел от воли помещика, и только в Западном крае он был сделан в 1864 г. обязательным. До такого же выхода крестьяне должны были находиться в положении временно-обязанных, т. е. платить своим помещикам определенные оброки. Что многие помещики не спешили вчистую разделаться с крепостным правом, показывают следующие данные о выдаче им выкупных сумм из казны[1] (см. стр. 253).

За эти годы временно-обязанных отношений помещиками было получено до 500 млн. р. оброка. Если прибавить эту сумму к 1½ миллиардам выкупных платежей, то получится сумма, фактически уплаченная бывшими помещиками кре-

[1] Н. П. Огановский. «Выкупная операция», в «Нов. Энциклоп. Слов.» Брокгауза, т. XII, стр. 31—32.

Пятилетия	Перешло на выкуп на сумму	В %% к общей сумме ссуд
1862—1866	424 млн. р.	47,8
1867—1871	183 „ „	20,6
1873—1876	88 „ „	9,9
1877—1881	66 „ „	7,6
После 1881 г.	144 „ „	14,1
Итого	866 млн. р.	100,0

стьянами за полученную ими землю. Сумма эта почти в четыре раза превышала рыночную стоимость предоставленных помещиками наделов.

В конечном итоге реформа 19 февраля совершенно не оправдала возлагавшихся на нее промышленной буржуазией надежд: она не подняла, а значительно понизила уровень экономического состояния крестьянства и в этом отношении наиболее соответствовала интересам феодального и частью аграрно-капиталистического слоев дворянства, из которых первый хотел получить дорого платящего за земли арендатора, второй — дешевого батрака. Такой характер отмене крепостного права сообщило именно то обстоятельство, что она проводилась сверху, господствующим землевладельческим классом. И прав был представитель тогдашней радикальной интеллигенции Н. Г. Чернышевский, который в 1862 г. писал: «Результат оказался такой, что изменены были формы отношений между помещиками и крестьянами, с очень малыми, почти незаметными изменениями существа прежних отношений» [1].

Эту оценку итогов буржуазной реформы 1861 г., проведенной феодалами и почти на полстолетие отсрочившей буржуазную революцию в России, блестяще подтвердило исследование В. И. Ленина: «Развитие капитализма в России», вышедшее в свет в 1899 г., где он, между прочим, писал: отменой крепостного права в России «старая, барщинная система хозяйства была лишь оборвана, но не уничтожена окончательно» [2].

---

[1] Н. Г. Чернышевский. «Письма без адреса», в его полном собр. соч.», т. XI. Птр., 1918 г., стр. 301.

[2] Вл. Ленин. «Развитие капитализма в России». Спб., 1908 г., стр. 133—134.

ЛИТЕРАТУРА ПО КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЕ 1861 г.[1]

Источники. Материалы официального характера: «Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу», 2 тт. Птр., 1915 г. — «Приложения к журналу Главного комитета по крестьянскому делу. С 10 октября 1860 г. по 14 января 1861 г.». Птр., 1915 г. — «Журналы и мемории общих собраний Государственного Совета по крестьянскому делу. С 28 января по 14 марта 1861 г.». Птр., 1915 г.— «Первое издание материалов Редакционных комиссий для составления положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости», 18 чч. Спб., 1859—1860 гг. — «Второе издание материалов Редакционных комиссий. Журналы и доклады», 3 тт. Спб., 1859—1860 гг. — «Приложения к трудам Редакционных комиссий. Сведения о помещичьих имениях». Спб., 1860 г. — А. Скребицкий. «Крестьянское дело в царствование имп. Александра II. Губернские комитеты, их депутаты и Редакционные комиссии», 4 тт. Бонн-на-Рейне, 1862—1868 гг. Главнейшие проекты крестьянской реформы: К. Д. Кавелин. «Записка об освобождении крестьян в России (1858 г.)» и др. записки и статьи, в его «Собр. соч.», т. II. Спб., 1904 г.—Ю. Ф. Самарин. «О крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе (1856 г.)» и др. статьи, в его «Сочинениях», т. II. М., 1878 г.— «Бумаги по крестьянскому дела П. П. Позена». Дрезден, 1864 г. — Сердобский помещик. «Об улучшении быта помещичьих крестьян в Сердобском уезде (Саратовской губ.)», в «Архиве ист. и практ. свед., относящ. до России», Н. Калачева, кн. 1. Спб., 1858 г.— «Записки А. М. Унковского», в кн. 1 Джаншиева «А. М. Унковский». М., 1894 г. — Н. Г. Чернышевский. «Статьи по крестьянскому вопросу», в его «Полн. собр. соч.», т. IV. Птр., 1918 г. — А. И. Герцен. «Полн. собр. соч.», тт. 8—10. Птр., 1919 г. — Мемуары и письма современников. П. П. Семенов-Тяньшанский. «Эпоха освобождения крестьян в России», 4 тт. Спб., 1913—1915 гг. — А. Попельницкий. «Письмо депутата первого призыва», в «Рус. Стар.», 1911 г., № 2, и отд. Спб., 1911 г. — Славутинский. «Выдержки из отрывочных воспоминаний», в «Древн. и Нов. России», 1879 г., № 9, — П. А. Валуев. «Дума Русского», в «Рус. Стар.», 1891 г. № 5. — «Записки Левшина», в «Рус. Арх.», 1895 г., № 8 — А. Головкин. «Общие заметки о поездке по некоторым губерниям в 1860 г.», в «Зап. Научн.-Общ. Марксистов», 1927 г., № 7. — В. В. Берви-Флеровский. «Воспоминания», в «Голосе минувш.», 1915—1916 гг. — «Записки Н. К. Беркута», в «Ист. Вестн.», 1911 г., №№ 10—12. — «Всеподданнейший отчет гр. А. Г. Строганова за 1857—1861 гг.», в «Рус. Стар.», 1911 г., № 2. — «Из записок К. Н. Лебедева», в «Рус. Арх.», 1911 г., № 3. — Г. Р. Пантелеева. «Из прошлого и пережитого в 60-х гг.». Спб., 1911 г. — С. И. Носович. «Крестьянская реформа в Новгородской губ.». Спб., 1899 г.

Исследования. Н. П. Семенов. «Освобождение крестьян в царствование Александра II», 3 тт. Спб., 1889—1893 гг. — И. Иванюков. «Падение крепостного права в России». Изд. 2-е. Спб., 1903 г. — А. А. Корнилов. «Крестьянская реформа». Спб., 1905 г. — Г. В. Плеханов. «Освобождение крестьян» в «Соврем. Мире», 1911 г., и в его «Сочинениях», т. 24.

---

[1] Более подробные указания см. у С. Вознесенского «Русская история. Указатель литературы». Птр., 1923 г., стр. 225—229, и у С. Авалиани «Библиографический указатель юбилейной литературы о крепостном праве и крестьянской реформе». Одесса, 1911 г.

Гиз, 1924 г. — М. Н. Покровский. «Русская история», т. V, М., 1914 г., гл. XIV (в новых изд. т. IV). — Его же. «Крестьянская реформа», в «Истории России в XIX в.», изд. Гранат, т. III — Н. А. Рожков. «Русская история в сравнительно-историческом освещении», т. XI. Л., 1925 г. — Г. Евреинов. «Крестьянское дело по Положению 19 февраля 1861 г.». Спб., 1914 г. — Б. Д. Рязанов. «19 февраля». Изд. 2-е. Пгр., 1918 г. — А. З. Попельницкий. — «Секретный комитет в деле освобождения крестьян от крепостной зависимости», в «Вестн. Евр.», 1911 г., №№ 1 и 2. — П. И. Ляшенко. «Последний Секретный комитет по крестьянскому делу». Спб., 1911 г. — А. А. Корнилов. «Губернские комитеты по крестьянскому делу в 1858—1859 гг.», в его книге «Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России». Спб., 1905 г. — В. Н. Ширяев. «Ярославский губернский комитет 1858—1859 гг. и составленный им проект Положения», в «Трудах Яросл. Уч. Арх. Ком.», кн. 7, вып. 2. Ярославль, 1912 г. — А. З. Попельницкий. «Дело освобождения крестьян в Государственном Совете», в «Русс Мысли», 1911 г. № 2. — А. Д. Оболенский. «Дело освобождения крестьян в Государственном Совете», в «Рус. Мысли», 1911 г., № 2. — А. А. Корнилов. «Основные течения правительственной и общественной мысли во время разработки крестьянской реформы», в сборн. «Освобождение крестьян. Деятели реформы». Изд. «Научн. Слова». М., 1911 г. — А. Лосицкий. «Надел и выкуп», в «Соврем. Мире», 1911 г., № 2. — Его же. «Выкупная операция». Спб., 1906 г. — Н. П. Огановский. «Наделение землей помещичьих крестьян». М., 1913 г. — А. Мануйлов. «Происхождение нищенского надела», в газ. «Рус. Вед.». 1911 г., № 40. — А. З. Попельницкий. «Как принято было Положение 19 февраля освобожденными крестьянами», в «Соврем. Мире», 1911 г., №№ 2 и 3. — И. И. Игнатович. «Борьба крестьян за освобождение». Л.—М., 1924 г. — И. И. Игнатович. «Волнения помещичьих крестьян от 1857 по 1862 гг.», в «Минувших Годах», 1908 г., №№ 5—11. — А. А. Кизеветтер. «Русское общество и реформа 1861 г.», в его книге «Исторические отклики». М., 1915 г. — Н. П. Борецкий-Берсфельд. «19 февраля пред судом европейской печати», в «Соврем. Мире», 1911 г., № 3. — «Великая реформа». Юбил. изд. Сытина, 6 тт. М., 1911 г. — В. И. Пичета. «Вопрос об усадебной оседлости в Московском губернском комитете», в ж. «Институт Истории. Ученые Записки», т. V. М., 1929 г.

Основные черты социально-экономического развития феодальной России

Основными процессами, совершавшимися в недрах народного хозяйства с конца XVIII и до половины XIX вв., являлись разложение крепостного или иначе феодального способа производства и шедшее параллельно с этим развитие нового, капиталистического способа производства. Оба эти процесса происходили под влиянием значительно усилившегося как внутреннего, так и внешнего товарооборота в России, который стал захватывать уже не только господствующий класс, но и более или менее широкие народные массы. Товаризация деревни, делавшая в течение XVIII в. значительные шаги вперед,

в исходе этого века достигла таких размеров, что в среде мелких производителей, составлявших основу господства феодальных отношений, отслоились очень заметные кадры разорявшихся крестьян, крестьян, хотя бы частично освобождавшихся от орудий труда и этим самым уже не могущих служить объектом феодальной эксплоатации. Отход, пока еще временный, из деревень и работа по найму являлись для таких крестьян единственно возможным источником для получения средств к собственному существованию и уплате лежавших на них податей и оброков. Появление на рынке нового и качественно отличного от всех прочих товаров — рабочей силы — при наличии капитала, в смысле концентрированных денежных сумм, и рынка, начинавшего предъявлять такой спрос, который не мог быть покрыт мелкой ремесленной или кустарной промышленностью, и послужило решающим моментом в деле возникновения капиталистического способа производства. «Капитализм — это та стадия товарного обращения, — писал Ленин еще в 1899 г., — когда и рабочая сила становится товаром» [1].

Организатором капиталистического способа производства и у нас, как и всюду в Европе, явился торговый капитал, историческая миссия которого, как это исчерпывающе выяснил Маркс, заключалась в том, что, с одной стороны, он постепенно подтачивал крупную привилегированную земельную собственность, экономически разоряя класс феодалов, с другой — подрывал натурально-хозяйственные основы жизни массы мелких, в хозяйственном отношении самостоятельных, но юридически зависимых производителей, расслаивая их.

Разлагая, таким образом, феодальный способ производства и покоившиеся на его базе производственные отношения, торговый капитал, однако, не приводил механически к созданию нового, капиталистического способа производства. Другими словами, он являлся необходимой, но еще далеко не достаточной предпосылкой для перехода феодальной общественной формации в буржуазно-капиталистическую. «Торговля, — говорит Маркс по этому поводу, — повсюду влияет более или менее разлагающим образом на организации производства, которые застает и которые во всех своих различных формах имеют целью, главным образом, потребительскую ценность. Но в какой степени она влияет на разложение ста-

[1] Н. Ленин. «Некритическая критика», в его «Собр. соч.», т. III. Гиз, 1923 г., стр. 509.

рого способа производства, это зависит от его прочности и внутреннего строя. А к чему приводит этот процесс разложения, т. е. какой новый способ производства выступает на место старого, это зависит, не от торговли, но от характера старого способа производства»[1]. Иными словами, торговый капитал, возникающий впервые в области торговли, «является, — говорит Маркс в другом месте, — одним из орудий, создающих новый (капиталистический. — С. В.) способ производства», не всюду и не всегда, а «лишь там и тогда, где и когда имеются в наличности остальные условия капиталистического способа производства»[2].

История России блестяще подтверждает эти заявления Маркса. Торговый капитал, как известно, впервые встречается у нас еще в Приднепровье X—XII вв., в обстановке разлагавшегося родового или общинного быта и зарождения феодальных отношений. Позже, в XIII—XV вв., т. е. в эпоху вполне установившегося господства феодального способа производства, торговый капитал играл крупную роль в Новгородской и Псковской республиках, а также в великих княжествах Северо-Восточной Руси, Тверском и Московском. Но ни в Приднепровье X—XII вв., ни в Новгороде со Псковом, ни в Северо-Восточной Руси XIII—XV вв. он нисколько не разлагал и не преобразовывал старого способа производства. Почему?

Торговый капитал, складывавшийся в экономически передовых странах Западной Европы в позднее средневековье, в XII—XV вв., являлся там, в конечном счете, естественным следствием процесса общественного разделения труда, в частности отделения ремесла от добывающей промышленности, в том числе от сельского хозяйства. На фоне этого процесса складывалась цветущая ремесленно-цеховая промышленность городов-сеньорий в северной и средней Италии, городов-коммун южной Франции и Нидерландов, имперских городов Германии. Все эти города положили конец экономической самостоятельности феодального поместья, втянув в торговый оборот массы сельского населения. Развившаяся внутренняя торговля, естественно, уже тогда вносила в среду мелких производителей, как деревни, так и города, расслоение, выделяя некоторые пролетаризировавшиеся элемен-

---

[1] К. Маркс. «Капитал», т. I, ч. 1, стр. 308.
[2] К. Маркс. Назв. соч., т. III, ч. 2, стр. 134.

ты. И мы видим, что в странах, где рядом с внутренней торговлей возникала и внешняя, открывавшая более или менее широкие рынки для сбыта промышленных изделий, как это имело место в эпоху после Крестовых походов, особенно в Италии и Нидерландах, торговый капитал рано взялся за организацию нового, капиталистического способа производства. В XIV—XV вв. появляются мануфактуры, эта начальная форма промышленного капитала, в Венеции, Флоренции, нидерландских городах, даже в Нюрнберге, где, напр., была организована Кобергерами обширная типография с 24 станками и сотней подмастерий[1].

Эти ранние побеги капиталистического способа производства впоследствии, в XVI—XVII вв., особенно быстро пошли вперед после великих географических открытий, отдавших в руки промышленных стран Западной Европы целые обширные материки, до тех пор совершенно недоступные и даже неизвестные. При этом первенство в деле развития капиталистического способа производства в этот период прочно и надолго переходит к Англии, где процесс огораживания полей отдал в распоряжение торгового капитала огромные кадры экспроприированного крестьянства, которые он превратил в мануфактурный пролетариат.

Не такова была долгое время роль торгового капитала в странах Восточной Европы: Пруссии, Австро-Венгрии, Польше, России. Здесь, — при этом чем дальше на восток, тем в большей мере, — процесс общественного разделения труда выражался не столько в выделении ремесла из сельского хозяйства, сколько географически — в распаде страны на отдельные, постепенно специализировавшиеся в области сельского хозяйства и добывающей промышленности, районы. При таком характере производства в этих странах торговый капитал, особенно, когда он являлся в значительной мере не столько результатом развития внутренней торговли, сколько внешней, не мог захватить в свои руки производственного процесса. Товарами в этих странах являлись продукты земледелия и промыслов, так или иначе связанных с эксплоатацией земли, а земля, обрабатываемая мелкими производителями-крестьянами, юридически принадлежала феодалам. Понятно, что если торговый капитал в Италии XIII—XV вв. или

---

[1] В. Зомбарт. «Современный капитализм», т. I. Спб., 1907 г., стр. 370—371.

в Англии XVI—XVII вв. приводил к разложению феодального способа производства, то, напр., в Германии XV—XVII вв. его развитие вызывало лишь, как это наглядно показал Фр. Энгельс, усиление феодальной эксплоатации и большее закабаление феодалами крестьянской массы[1].

Необычайно рельефно эту последнюю роль торговый капитал сыграл в истории наиболее экономически примитивной из стран Восточной Европы — в России. Как известно, торговля Приднепровья была вызвана на первых порах исключительно, воздействием соседних стран, нуждавшихся в таком сырье, как меха, мед, воск, а также в рабах. Дружинники-купцы воглаве с князьями, поставляя эти товары на Арабский Восток и в Византию, сами приобретали их путем грабежа и дани подвластного им населения. Но уже в XI в. они проявляют стремление к освоению земли, этого источника большинства требовавшихся на рынке товаров, а осваивая землю, они осваивали вместе с нею и жившее на ней население. Рядом с грабежом и данью возникает новое средство получения продуктов, могущих быть превращенными в товар,—натуральная рента, платившаяся порабощенными мелкими производителями. Правда, в приднепровских городах, ведших международную торговлю, начали возникать и ремесленные кадры, появились местные рынки, протягивались и экономические связи городского рынка с прилегающими селами. Но этот процесс не мог сколько-нибудь значительно развиться, так как в XII в., в силу ряда причин, главным образом перенесения путей восточной торговли с южно-русских степей на Средиземное море, в Приднепровье начался быстрый упадок городов и усиленная, в связи с этим, феодализация страны.

Таково было, приблизительно, и значение торгового капитала в Псковской и особенно Новгородской республиках. И здесь торговля питалась исключительно тем спросом на всевозможное сырье — меха, деготь, смолу, мед, воск и т. д., — который предъявляла к новгородцам и псковичам немецкая Ганза. Новгород и Псков запасали нужные им товары так же, как Приднепровье, главным образом путем сбора дани с подчиненного им сельского населения. Новгород, кроме того, широко практиковал колониальные грабежи и захваты в Беломорье и в Приуралье. Разбогатевшие на такого рода торговле новгородские и псковские купцы, подобно князьям

---

1 Фр. Энгельс. «Крестьянская война в Германии». Птр., 1921 г., стр. 30, 32 и 39—40.

и их дружинникам в Приднепровье X—XI вв., охотно осваивали самые источники, где добывались ценные для торга продукты, земли, и таким образом превращались не в промышленников-предпринимателей, как это было в передовых экономически странах Запада, а в бояр-феодалов. Конечно, самое существование таких многолюдных городов, как Новгород и Псков, приводило и здесь к образованию местных рынков и внутренней торговли, но они не достигали размеров, которые могли бы уничтожить или хотя бы приостановить сильный процесс феодализации, тем более, что начавшийся с исхода XV в. упадок Ганзейского союза не мог не поколебать роста денежного хозяйства в наших республиках. Наконец, развившаяся в XIII—XV вв. торговля в Тверском и Московском княжествах, особенно в последнем, где на ее основе и происходил рост политического могущество московского князя, также совершенно не затрогивала существовавшего феодального способа производства: она была направлена преимущественно на удовлетворение потребностей высшего класса в предметах роскоши, получавшихся из-за границы, через посредство Новгорода с Псковом и Золотой Орды.

Лишь с самого конца XV в. и в первой половине XVI в. в Московском княжестве, превратившемся теперь в великорусское государство, можно констатировать несомненный перелом в деятельности торгового капитала. В этот период процесс общественного разделения труда стал делать заметные успехи. Население давно скучившееся на сравнительно ограниченной территории в междуречье верхней Волги и Оки, стало экономически диференцироваться и, благодаря этому, вовлекаться в торговый оборот. Города, бывшие раньше административно-военными центрами, понемногу приобретают торгово-ремесленный характер; возникают крупные ярмарки — в Холопьем городке и у Макарьевского монастыря, появляются периодические сельские торжки. Казна и феодалы начинают переводить натуральные повинности и оброки на деньги, что является особенно характерным симптомом начинавшего проникать в толщу народной жизни денежного хозяйства [1].

Все это, вместе взятое, приводило к образованию в стране первых кадров наемного труда, отслаивавшихся из мас-

---

[1] Н. А. Рожков. «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.». М., 1889 г.

сы мелких производителей, крестьян и ремесленников. Имеются сведения, что в этот период, напр., строительные работы начинают производиться из найма. Так, в 1536 г. строилась в Новгороде церковь Бориса и Глеба 20-ю «урочными» новгордскими мастерами, получившими за свою работу 53 новгородских рубля. Несколько позже, за пристройку к той же церкви притвора, сданную также «на урок», т. е. сдельно, мастера получили 13 новгородских рублей[1]. Таким же путем выполнялись тогда и работы по возведению крепостей и других правительственных сооружений из камня и кирпича. Наемный труд стал применяться даже в некоторых феодальных вотчинах, где организовывалось собственное хозяйство вотчинника. Так, в деревне Маркове, Кречневского погоста, принадлежавшей новгородскому Софийскому дому, в 1547—1548 гг. имелись сельскохозяйственные батраки, кирпичник и коровники, работавшие с помощью купленных из софийской казны орудий производства и за определенную заработную плату. Тогда же посредством «дружин», т. е. наемных рабочих, Софийский дом вел свое хозяйство и в двух других деревнях, Старой и Новой Мельнице[2]. Нечего и говорить, что наемный труд в это время особенно практиковался и непосредственными агентами торгового капитала, крупными купцами, в заводившихся ими различных промысловых предприятиях, напр., в соляных варницах, в охотнических и рыболовных ватагах и т. д.

Раннему идеологу боярского вассалитета, который в начальные годы самостоятельного правления Грозного готовился к борьбе со своей классовой верхушкой — боярством, Ивашке Пересветову, в обстановке развивавшегося денежного хозяйства, казалось, что для дворянства вполне возможно покончить с феодальными привилегиями, в том числе и с зависимостью крестьянства и, вместо того, превратиться в царское воинство, живущее на казенном жалованье.

Но этот процесс охвата торговым оборотом непосредственных мелких производителей, находившихся в зависимости от отдельных феодалов и феодального государства в целом, не был прочным и сколько-нибудь продолжительным. Общественное разделение труда в Московском государстве, т. е. «от-

---

1 А. Н. Сперанский «Очерки по истории приказа каменных дел Московского государства». М., 1930 г., стр. 15.

2 Б. Д. Греков. «Очерки по истории хозяйства Софийского Новгородского дома», в «Летописи Занятий Археогр. Ком.», в I (XXXIV), Л., 1927 г., стр. 108 и 117.

деление города от деревни», шло гораздо медленнее «территориального разделения труда, прикреплявшего отдельные отрасли производства к определенным областям страны»[1], и основная масса населения, специализируясь на добывании разного рода сырья, в тех или иных областях, в зависимости от естественных условий, продолжала удовлетворять свои потребности в изделиях в собственных хозяйствах. На рынке поэтому доминировали продукты сельского хозяйства и добывающей промышленности, спрос на которые особенно поднялся, когда на Белом море утвердились с конца XVI в. англичане и голландцы. «Прочность и характер» старого производства, о которых говорил Маркс, таким образом, приводили к тому, что торговый капитал, возникший в Московской Руси, как следствие начавшейся диференциации народного труда, появился здесь тогда, когда русское «средневековье» переживало еще свою раннюю стадию, т. е. когда города, как центры ремесленного производства, были еще крайне незначительны и на появившемся рынке основным товаром являлось сырье, добывавшееся в деревнях.

Немудрено, что при таких условиях от начинавшего развиваться в стране товарооборота больше всего должны были выиграть крупные землевладельцы, державшие в своих руках основную область приложения народного труда — землю. Поворот в сторону капитализма, намечавшийся в Московском государстве в конце XV в. и в первой половине XVI в., заменился, таким образом, по выражению Энгельса, «вторым изданием» феодализма. В этом отношении с Московским государством произошло то же самое, что и с Германией, которая с XVI в., в силу своей международно-торговой роли, все более и более превращалась в поставщицу сельскохозяйственной продукции для экономически более развитых стран Европы, вследствие чего, как это отметил Маркс, в ней «возрастали исключительно материальные источники существования земельного дворянства и увеличивалось его относительное могущество в ущерб городскому населению»[2].

В Московской Руси этот хозяйственный упадок оказался особенно глубоким и особенно болезненным для крестьянства благодаря ряду привходящих обстоятельств. Упорная и неудачная борьба Грозного за Балтийское побережье вызва-

---

[1] К. Маркс. «Капитал», т. III. Гиз, 1923 г., стр. 331 и 332.
[2] К. Маркс и Фр. Энгельс. «Сочинения», т. V, стр. 213.

ла исключительное разорение северо-западных областей. «Пересмотр» боярско-княженецкого землевладения в опричнине, сопровождавшийся дробной раздачей земель дворянству, значительно ухудшил положение крестьянства и в центре государства. Но, повторяю, особенно роковым для начинавшегося процесса общественного разделения труда и дифференциации крестьянства оказалось то обстоятельство, что в конечном итоге больше всего использовали в своих интересах переход от натурального хозяйства к денежному именно феодалы и их государство. Подати и оброки, ранее носившие стабильный характер, платившиеся натурой «по старине—по пошлине», теперь стали колоссально расти. Увеличивалась и еще более отягощавшая крестьян барщина.

Для борьбы с острым экономическим кризисом, вызывавшим значительное запустение в старых областях государства многих городов и уездов, из которых население массами «брело розно», направляясь к южным степям и на недавно завоеванную территорию Казанского царства, господствующий класс — дворянство — энергично взялось за феодальную реставрацию. Сверху, при помощи правительства, устанавливаются «заповедные воды», отменявшие для крестьян действие Юрьева дня; снизу проводится закрепощение разоренного крестьянства с помощью помещичьей ссуды, необходимой для восстановления самостоятельного крестьянского хозяйства, которая давалась под условием обязательства со стороны крестьянства оставаться за помещиком «до своего живот» или «вечно» и при этом отправлять в пользу помещика все, чем он его «ни изоброчит». Не помогал крестьянам и уход на новые земли — в южные и юго-восточные колонии, так как вслед за крестьянской колонизацией шла и колонизация дворянская.

Процесс расслоения массы мелких производителей, в особенности крестьян, сменился, таким образом, процессом пауперизации, поставившим их в большую зависимость от феодалов-землевладельцев, чем та, какая была в эпоху «раннего» феодализма. Зависимость эта еще более усилилась после Смуты, этой первой грандиозной борьбы разорившегося крестьянства против феодалов.

В такой социально-экономической обстановке, вполне естественно, в конце XVI и в XVII вв. принудительный труд стал частично распространяться и в области некоторых городских ремесел. Запустение городов чрезвычайно уменьшило предложение квалифицированного труда, а кроме того происходило

сокращение притока рабочей силы из деревни, так как в это время, по справедливому замечанию М. Н. Покровского, «в вотчинных и поместных хозяйствах натуральные повинности, кристаллизовавшиеся в сложное целое, известное нам под именем крепостного права, становятся основой всей организации этих хозяйств», благодаря чему «вольнонаемный рабочий, снившийся публицисту первой половины века и местами действительно заводившийся в более передовых имениях, исчезает на целые два столетия»[1].

Раньше всего в деле перехода от добровольного найма к организации обязательной «службы» выступило правительство, которое, напр., создало в самом исходе XVI в. особый приказ каменных дел, рекрутировавший каменщиков и кирпичников и в порядке тягла их использовавший[2].

Процесс феодализации в середине XVII в. распространился и на первые возникшие тогда в Московском государстве мануфактуры, устраивавшиеся преимущественно иностранцами. На каширских, тульских, олонецких железоделательных «заводах» на ряду с наемными рабочими начал применяться и труд приписывавшихся к этим заводам правительственной властью крестьян[3]. Так, задолго до Петровской эпохи появилась у нас «поссессионная мануфактура». Феодализировались также и некоторые крупные промысловые предприятия богатых московских купцов. Строгановы, напр., получили в XVII в. исключительные привилегии в области землевладения и суда, превращавшие их в настоящих феодалов. Право владения населенными имениями было предоставлено уложением 1649 г. и всем вообще московским «гостям». Таким образом, в Московской Руси XVII в. торговый капитал уже не столько разлагал феодализм, сколько сам воспринимал, так сказать, феодальную оболочку, когда брался за то или иное производство. В данном случае у нас

---

[1] М. Н. Покровский. «Русская история с древнейших времен», т. I. Изд. 2-е. М., 1918 г., стр. 343—344.

[2] А. Н. Сперанский. «Очерки по истории приказа каменных дел Московского государства». М., 1930 г.

[3] «Крепостная мануфактура в России», т. I: «Тульские и каширские железные заводы». Л., 1930 г. — Т. II.: «Оленецкие заводы». Л., 1931 г. Непонятно, почему редактор сборника очень ценных материалов, С. Г. Томсинский, назвал указанные заводы «крепостной мануфактурой». Настоящих крепостных на них не было: на них работали наемные рабочие, которых позже частично сменили «приписные крестьяне». Последние — не крепостные, а тот особый разряд рабочих, который получил в XVIII в. название «поссессионных».

происходило то же, что происходило в западно-европейских странах, но только в средние века: «В феодальном обществе, — говорит Маркс, — сама промышленность, ее организация и соответствующие ей формы собственности имеют в большей или меньшей степени такой же характер, как и землевладение»[1].

Нельзя, конечно, сказать, что рынок, втягивая крестьян, особенно живших на оброке, а также принадлежавших непосредственно государству, в торговый оборот, хотя бы и однобокий, их не расслаивал. Известное расслоение происходило, но его темпы до последней четверти XVIII в. были очень слабы. И только в этот период торговый капитал значительно усилил свое действие в указанном направлении, так как теперь уже довольно явственно обозначились результаты общественного разделения труда, хотя и медленно, но все же шедшего вперед. Обрабатывающая промышленность, хотя бы в форме кустарных промыслов, в течение XVIII в. широко распространилась в ряде губерний, примыкавших с севера к Москве, и уже начинала все более отделяться от земледелия. В среде кустарей, все более подчинявшихся скупщику, процесс диференциации, естественно, протекал быстрее, отсеивая полупролетарские и даже пролетарские элементы. С другой стороны, неуклонно возраставший со стороны и казны, и городов, и господствующего класса — дворянства—спрос на промышленные изделия, приведший в Петровскую эпоху к массовому появлению поссессионной мануфактуры, а в середине XVIII в. вотчинной или крепостной, теперь, с появлением наемного рабочего, приводил к созданию торговым капиталом уже мануфактуры капиталистической. Процесс феодализации в области промышленности заменился процессом ее капитализации, пошедшим особенно быстро с 30—40-х годов XIX в., в период начавшегося и в России промышленного переворота — перехода крупной промышленности от ручного труда к машинному, превращения мануфактуры в настоящую фабрику.

Вслед за промышленностью, игравшей в этом отношении ведущую роль, процесс капитализации, в меньшей степени и с перерывами, зависевшими, главным образом, от рыночной конъюнктуры, захватил и область земледелия. Капитализировалось частично мужицкое хозяйство, но в особенности

---

[1] К. Маркс. «Введение к критике политической экономии». М., 1919 г., стр. 44.

этот процесс проявлялся в хозяйстве помещичьем. Это помещичье хозяйство, по мере увеличения спроса в стране и вне ее на сельскохозяйственное сырье, давно уже втягивалось в торговый оборот, базируясь на неуклонно растущей барщине, и, таким образом, делалось все более и более товарным, но отнюдь не капиталистическим[1]. Таковым оно могло стать лишь с того момента, когда непосредственный производитель, крестьянин, под воздействием чрезмерной барщинной эксплоатации пауперизировался настолько, что у него не было уже всех необходимых средств производства. Именно в исходе XVIII в. стали наблюдаться такие факты, затем, с переходом в XIX в., все более и более учащавшиеся. Между тем экономическая обстановка страны была теперь совершенно иной, чем, напр., в исходе XVI и в XVII вв., когда разорявшиеся крестьяне легко получали от землевладельцев ссуду для восстановления своего инветаря, под условием своего юридического закабаления.

К моменту новой массовой пауперизации крестьянства помещики уже создали свои крупные хозяйства и, естественно, предпочитали не ссужать денежными средствами своих крестьян в целях поднятия их хозяйственной мощности, а обзаводиться собственным инвентарем и переходить к эксплоатации наемного труда. Применение последнего в области промышленности давно уже приводило отдельные группы феодального дворянства к усвоению мысли о большей выгодности вольного труда по сравнению с принудительным, а рынок, в свою очередь, властно диктовал им необходи-

[1] Эту простую, казалось бы, мысль, в свое время прекрасно обоснованную Марксом и затем Лениным, к сожалению, русская историография до сих пор недостаточно усвоила. Б. Д. Греков, напр., считает «настоящим капиталистическим предприятием» вотчинную фабрику, заведенную в 20-х гг. XIX в. декабристом Луниным, на основании того, что вырабатываемое его сукно «предназначалось на продажу и продавалось действительно на ярмарках и дома», а «сырье, краски, инструменты приобретались за наличные». Что на этой фабрике применялся исключительно труд крепостных, на этот факт автор не обратил никакого внимания. Больше того, все хозяйство Лунина, организованное на барщине, Б. Д. Греков склонен был рассматривать как конкретный пример общего процесса создания русской хозяйственной жизнью новых форм — в направлении капиталистическом (Б. Д. Греков. «Хозяйственное состояние России накануне выступления декабристов», в сб. «Бунт декабристов». Л., 1926 г., стр. 17 и 12). Не следовал ли Б. Д. Греков в данном случае за М. Н. Покровским, который в одной из своих ранних работ говорил о развитии в России в 1-й половине XIX в. «новой капиталистической барщины» (М. Н. Покровский. «Крестьянская реформа», в «Истории России в XIX в», изд. Гранат, т. III. Спб. (1908 г.), стр. 102).

мость интенсификации их хозяйств, перестройки этих хозяйств на основе расширенного воспроизводства. При таких условиях начал бить час феодального способа производства и в сельском хозяйстве. «Собственное хозяйство крестьян на своем наделе, — говорит Ленин, — было условием помещичьего хозяйства, имело целью «обеспечение» не крестьянина средствами к жизни, а помещика — рабочими руками» [1]. Когда это собственное хозяйство крестьян начало падать, и этот процесс сделался массовым, стал назревать кризис барщинной системы, выход из которого, в эпоху уже значительного развития товарного хозяйства, состоял, единственно, в переходе к капиталистическому способу производства. Частичные попытки в этом направлении многие помещики делали сепаратно, но если еще капиталист-фабрикант мог до известных пределов развивать капиталистическую промышленность в стране с крепостным правом, то для помещиков на пути к капиталистической организации сельского хозяйства стояли препятствия, которые единичными усилиями преодолеть было нельзя. Освобождение крепостных, перераставшим в аграрную буржуазию помещикам, рисовалось лишь в форме продажи воли за деньги, а для этого требовались мероприятия общего характера, содействие политического аппарата.

Так как процесс перерождения феодала-помещика в аграрного предпринимателя захватывал преимущественно среднепоместное дворянство, ведшее дворянское хозяйство на барщинной основе, домогательства его в деле проведения крестьянской реформы долгое время наталкивались на сопротивление как крупнопоместных дворян, державших своих крестьян на оброке, так и мелкопоместных, эксплоатировавших крестьян хотя и при помощи барщины, но не переживавших кризиса барщинной системы, уже по одному тому, что они вели большею частью натуральное хозяйство. Крупнопоместные дворяне представляли собой политически правящий страной класс, группируясь вокруг самодержца как при дворе, так и на высших правительственных должностях. Что касается мелкопоместного дворянства, то в изучаемую эпоху значительная часть его заполняла бюрократический аппарат, который в основном своем ядре всецело стоял за сохранение status quo.

На самой, можно сказать, заре начинавшегося кризиса барщинной системы и довольно бурного роста промышленно-

[1] Ленин. «Развитие капитализма в России», в его «Собр. соч.», т. III, Гиз, 1923 г., стр. 143.

го капитала, в первые два десятилетия XIX века, аграрно- и промышленно-буржуазные слои общества на фоне развивавшегося столкновения производительных сил с тормозящими их рост производственными отношениями, начинали частично если не революционизироваться, то, по крайней мере, становиться в оппозицию к существующему порядку вещей. Так создавался декабризм. Но идеологи нарождавшейся буржуазии, декабристы, решившиеся в конце концов перейти с либерального пути на революционный, сделали попытку открытого выступления в 1825 г., т. е. в момент крайне неудачный для его успеха. Действительно, в 1822 г. русское правительство, в силу ряда обстоятельств, вынуждено было от пагубных для промышленного капитала полуфритредерских тарифов довольно резко повернуть на путь протекционизма. Этот шаг свел на-нет процесс «революционизирования» промышленной буржуазии, пока что вполне удовлетворенной в ее «сегодняшних» интересах. Что касается аграрной буржуазии, в которую выростало среднепоместное дворянство, то наступивший в начале 20-х годов кризис зернового хозяйства, в связи с падением на международном рынке хлебных цен, вызвал в ее рядах поворот от интенсификаторских попыток, связанных с упразднением крепостного права, в сторону укрепления традиционной барщинной системы. При низких ценах на хлеб и падении доходности зерновых хозяйств, — а масса русских помещиков вела именно зерновые хозяйства, — нельзя было уже думать о переходе к капиталистической системе производства, которая требовала значительных денежных затрат. Реакция в области сельскохозяйственной экономики, естественно, вызвала и политическую реакцию: помещичий либерализм Александровской эпохи стал тускнеть. Аракчеевщина таким образом, почувствовала под собой довольно широкую социальную базу. Отсюда идеологи буржуазии, декабристы, принадлежащие по преимуществу к военной интеллигенции, были предоставлены собственным силам. Они сделали попытку выступить, опираясь исключительно на очень незначительные элементы армии, и, естественно, потерпели крах.

Новая ситуация, при которой можно было рассчитывать на ликвидацию все более становившихся устарелыми производственных отношений, стала складываться лишь во второй половине 40-х годов, когда закончился сельскохозяйственный кризис, а промышленность явно уже перерастала недостаточный, благодаря существованию крепостного права, рынок. В

этот период снова возобновляются, и на этот раз со значительно большей интенсивностью, в хозяйствах среднепоместного дворянства аграрно-капиталистические тенденции, ставящие в порядок дня ликвидацию крепостных отношений. С другой стороны, выросшая очень заметно крупная обрабатывающая промышленность, в значительной мере перешедшая к наемному труду, особенно под влиянием начавшейся замены ручного способа производства машинным, все острее и острее ощущала недостаточную емкость внутреннего рынка. Кроме того, она все более и более убеждалась в необходимости иметь не только наемного рабочего, но и рабочего, юридически свободного, который был бы в полном ее распоряжении и при этом стоил бы дешевле, чем отпущенный на заработки помещичий крестьянин: ведь в заработную плату последнего должен был входить и тот оброк, какой он обязан был выплатить своему барину.

На ряду с вновь поднимавшим, таким образом, голову либерализмом, распространявшимся среди все более растущих элементов буржуазии, аграрной и торгово-промышленной, в 40—50 годах оппозиция по отношению к крепостному строю все сильнее охватывала и огромную крестьянскую массу и складывавшийся промышленный предпролетариат. Эта оппозиция чем дальше, тем больше принимала революционную окраску, проявляясь в актах насилия над отдельными помещиками и их приказчиками, в неповиновениях и бунтах отдельных групп крестьянства и в фабрично-заводских волнениях.

Все эти вспышки народного возбуждения, вызванные полным несоответствием существующих производственных отношений развивавшимся производительным силам, воспринимались господствующими классами как начинающаяся новая Пугачевщина, на которую они смотрели глазами Пушкина, считая ее «бессмысленным и беспощадным бунтом». Такое восприятие надвигавшейся революции определяло собой в значительной мере позицию буржуазных элементов общества, особенно аграрно-буржуазных. Не насильственную ломку феодального строя, не полное сметение его с лица земли, а лишь расчистку пути для дальнейшего капиталистического развития с помощью реформы сверху ставили они в порядок дня.

Особенно умеренным в этом отношении, естественно, был лагерь аграрно-буржуазный, хотя бы уже по одному тому, что он не представлял собою какого-нибудь нового общест-

венного слоя, вроде, напр., английских джентри XVI—XVII вв., разгромивших старую феодальную знать и вобравших в свой состав немало выходцев из рядов торгово-денежной буржуазии. В России первой половины XIX в. аграрии-капиталисты принадлежали в массе своей к феодальному дворянству и, перерождаясь в социально-экономическом отношении, совершенно отделаться от своего сословия в большинстве своем не могли и не хотели. Что же касается промышленной буржуазии, представлявшей собой выходцев из демократических низов и не принадлежавшей к числу привилегированных, то она также не смела быть слишком радикальной в своей программе хотя бы уже по одному тому, что была крайне немногочисленна. Не забудем, что на 120 тысяч дворянских имений в России в половинеXIX в. считалось фабрично-заводских предприятий не полных 15 тысяч, и среди них большинство не на много возвышалось над мелкими ремесленными заведениями.

С другой стороны, и политически господствующий слой феодалов, крупноземлевладельческая сановная знать, чем дальше шло экономическое развитие страны, тем больше терял свою былую мощь. Являясь в своей социальной сущности, по терминологии Маркса, чистой воды «расточителями», или, иначе, представителями исключительно «потребляющего богатства» [1], эти феодалы давно уже жили за счет денежно-оброчной эксплоатации своих крепостных и, кроме того, восполняли свой доход от «крещеной собственности» всякого рода подачками со стороны своего правительства, а также возведенными в систему казнокрадством и взяточничеством. «Золотым веком» в этом отношении являлся для верхушки русского дворянства XVIII век с его изумлявшей иностранцев роскошью. Грандиозные особняки в городах, вроде Шереметьевского, Юсуповского или Потемкинского в Петербурге, роскошные дворцы в подмосковных вотчинах, рысаки, крепостные театры и бесконечная вереница исключительных по своему великолепию и безумным тратам легко нажитых денег празднеств, вот что характеризовало широкую жизнь русской знати в XVIII в., особенно в Екатерининскую эпоху.

В первой половине XIX века все эти источники материальных ресурсов, легко обеспечивавшие привольную жизнь первенствующего сословия, начинали иссякать. Народная масса, обессиленная многовековой феодальной экспло-

---

[1] Карл Маркс. «Капитал», т. III, стр. 255.

атацией, начала вконец разоряться, когда, по мере охвата страны торговым капиталом, «прибавочный продукт», шедший на удовлетворение потребностей феодального класса, в виде оброка и барщины, не говоря уже о податях, стал безмерно возрастать. Для юридически закабаленных мелких производителей, крестьян, таким образом, с ростом в стране внутренней и внешней торговли, к «ужасам крепостничества» прибавились «цивилизованные ужасы, порождаемые чрезмерным трудом»[1], а это самым погубным образом отразилось на состоянии производительных сил в их хозяйствах.

Раньше всего и острее всего денежные затруднения стал испытывать государственный аппарат. С конца XVIII в. ему уже не хватало для своего существования обычных доходных статей, покоившихся на налоговом обложении «податных», т. е. низших, т. е. наименее материально обеспеченных слоев населения. Если абсолютные размеры государственных налогов в России были значительно ниже тех налогов, какие платило население экономически развитых стран Западной Европы, то их удельный вес в сумме дохода плательщиков был крайне велик, и перманентный недобор наглядно свидетельствовал, что налоговый пресс достиг своего предельного напряжения. А между тем расходный бюджет государства неимоверно возрастал по мере втягивания страны в сложные международные отношения. Особенно исключительным было увеличение денежных трат, связанное с ростом вооруженных сил. При таких условиях правительство, не имевшее кредита на европейских биржах, для покрытия своих дефицитов стало широко прибегать к печатному станку, выпуская бесконечное количество ассигнаций, а затем кредитных билетов, что, естественно, не могло не расшатывать в конце концов еще больше народного благосостояния.

Господствующий политически класс, в свою очередь, испытывая затруднения в деле собирания оброков со своих крепостных, абсолютно, как и подати, в общем небольших, но, подобно податям, являвшихся уже предельными, теперь, в обстановке упадка государственных финансов, мог рассчитывать на ту поддержку со стороны правительства, в какой он привык за все прошлое время. Процесс оскудения дворянского сословия, и особенно его верхнего слоя, «аристократии», явственно развернулся в 50-х годах XIX ст., о чем свидетельствуют прежде всего размеры его земельной задолженности.

---

[1] К. Маркс. «Капитал», т. I. Спб., 1898 г., стр. 187.

Феодалы, или, иначе — по-русски — крепостники, властвовавшие над Россией через посредство абсолютизма, стали понимать, что сук, на котором они не без удобства сидели, дал серьезную трещину, и, чтобы не упасть, им приходится подумать о том, как бы удобнее сойти с него самим. Освобождение крестьян от крепостной зависимости, чего все настойчивее требовали аграрии из среднепоместного дворянства и промышленная буржуазия и за что начинало открыто бороться само крестьянство, и этому слою дворян начинало представляться как единственный выход из тупика.

Был и еще один момент, почему феодальное, по своей классовой природе, правительство решилось наконец пойти навстречу «буржуазным стремлениям» и взять в свои руки инициативу в проведении реформы. Со времени роста капиталистического способа производства в стране в государственный аппарат, в основном феодальный, все более и более проникали чужеродные социальные элементы. Усложнение задач в области управления страной уже в XVIII в. вызывало со стороны государственной власти заботы по созданию кадров специалистов. Университеты Елизаветинской и Александровской эпох должны были дать правительству юристов и педагогов, всякого рода институты и школы — путейцев, технологов и пр. Дворянская молодежь, предпочитавшая, по своим феодальным традициям, военную службу, далеко не заполняла стен всех этих учебных заведений, и в них попадало не мало разночинного элемента, не говоря уже об обезземелившихся дворянах, которых становилось все более и более и которые в классовом отношении уже выбывали из состава дворянства. Все эти люди, не принадлежавшие к «благородному сословию» или фактически порывавшие с ним, проникали и на низшие чиновнические или же офицерские места. Былая чисто феодальная монолитность всего правительственного аппарата, сверху и донизу, естественно, при таких условиях, начинала исчезать: в ней стали складываться буржуазные прослойки.

При таком пестром составе мелкого гражданского чиновничества и даже офицерства и могли иметь место в первой половине XIX в. такие факты, как участие армейских офицеров и мелких чиновников в декабристском восстании, где они составляли наиболее радикальное крыло, или в кружках петрашевцев. Больше того, в это время даже в сановной среде, дававшей направление и тон правительственной политике, появились люди с определенно буржуазными стрем-

лениями. В начале XIX в. таков был попович Сперанский, в конце 50-х годов — дворянин по происхождению и буржуа по своим воззрениям Николай Милютин. Когда феодальная знать в эпоху Севастопольского разгрома и несомненного назревания крестьянской революции решила, наконец, сойти со своей прежней непримиримо-консервативной позиции, эта буржуазная прослойка бюрократии на время особенно выдвинулась вперед. Это произошло тем более легко, что политической формой классового господства феодалов в России было самодержавие, которое, не стесняясь никакими юридическими рамками, могло свободнее выбирать себе тех или иных агентов. А так как в эту эпоху классовые интересы особенно обострились, при чем в среде феодалов и буржуазии намечались вполне определенно тенденции к обоюдному компромиссу, это временное выдвижение царизмом на первый план буржуазно-бюрократического элемента, естественно, не могло встретить сколько-нибудь резкой оппозиции.

Все это вместе взятое, нам думается, делает более или менее понятным, почему «переход» России от феодализма к капитализму, совершенный в 1861 г., произошел не путем революции, а путем реформы. Народная масса только еще начинала раскачиваться на революцию, тогда как потребность в реформе уже вполне была осознана господствующими экономически классами, и в особенности наиболее сильным классом землевладельцев. Исчерпывающую характеристику, с классовой точки зрения, той «борьбы», какая развернулась вокруг реформы,— при чем не вокруг вопроса: быть ей или не быть, а вокруг вопроса: в каком духе ее проводить,— дает Ленин в следующих словах[1]. «Пресловутая борьба крепостников и либералов, столь раздутая и разукрашенная нашими либеральными и либерально-народническими историками, была борьбой внутри господствующих классов, большей частью внутри помещиков, борьбой исключительно из-за меры и формы уступок. Либералы так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об уничтожении этой собственности, о полном свержении этой власти».

Революционная программа, включавшая полную ликвидацию дворянского землевладения, а вместе с тем и «всех старых властей», в том числе и самодержавия, к практическо-

---

[1] Н. Ленин. «Собрание сочинений», т. XV, изд. 3-е, стр. 96.

му осуществлению которой подходили народные массы в их бунтах, а теоретической разработкой занимались вожди радикальной интеллигенции Чернышевский и Добролюбов, как известно, не воплотилась в жизнь. Вопрос разрешился путем компромисса между крупным феодальным землевладением и землевладением среднепоместным, воспринимавшим буржуазно-капиталистическую окраску. Сущность этого компромисса заключалась в том, что «крепостники», сначала настаивавшие на освобождении крестьян с усадебной оседлостью, но без наделов, в целях превращения их в дорого плативших за помещичьи земли арендаторов, вынуждены были пойти навстречу аграрно-капиталистической части по преимуществу среднего дворянства, требовавшей предоставления крестьянам некоторого количества надельной земли за высокий выкуп, так как только при таком способе освобождения они рассчитывали получить необходимый для собственного хозяйства денежный капитал.

Нечего и говорить, что буржуазная реформа 1861 г., проведенная в сущности феодалами разных мастей, не только не обеспечила сколько-нибудь интересов крестьянства, но даже, по крайней мере на первых порах, и интересов промышленной буржуазии. В сущности эта реформа явилась лишь первым шагом на пути капиталистического развития сельского хозяйства России по прусскому образцу. А на что это обрекало страну, ярко показал Ленин в следующих словах[1]: «Чем больше земли получили бы крестьяне при освобождении и чем дешевле бы они ее получили, тем быстрее и свободнее шло бы развитие капитализма в России, тем выше был бы жизненный уровень населения, тем шире был бы внутренний рынок, тем быстрее шло бы применение машин к производству, тем больше, одним словом, походило бы экономическое развитие России на экономическое развитие Америки». Понятно, что такого рода половинчатая реформа, сохранившая в неприкосновенности массу остатков феодализма, не могла уничтожить необходимости в революционной их ломке, а только эту необходимость отодвинула на известный срок: полный переход России из феодальной общественной формации в капиталистическую без революционного взрыва оказался недостигнутым, и за 1861 годом должен быть последовать 1905 год.

---

[1] Н. Ленин. «Некритическая критика (По поводу статьи С. П. Скворцова «Товарный фетишизм»)», (март 1900 г.), в его «Собр. соч.», т. III. Гиз, 1923 г., стр. 517.

Гос. Центр. Историческая Библиотека

ИЗ РАБОТ ТОГО ЖЕ АВТОРА

Городские депутатские наказы в Екатерининскую Комиссию 1767 г. «Журнал Мин. Народн. Просв.» 1909 г., №№ 11 и 12.

Дворянский Конституционализм в 1730 г. «Записки Научн. О-ва Марксистов», № 6 (2), 1924 г.

Дворянская реакция по смерти Петра I и «Русское Прошлое», кн. 2, 1923 г.

Профессиональные союзы рабочих. СПБ. 1906 г. (изд. «Новый Мир»); 2-е изд. СПБ. 1917 г., стр. 32.

Рабочие экспедиции заготовления Гос. Бумаг в 1-й половине XIX в. «Архив Истории Труда в России», кн. 6—7, 1923 г.

Стачечная борьба рабочих в России в 1870—1917 гг. «Архив Истории Труда в России», кн. 8, 1923 г.

Государственное хозяйство России накануне революции 1905 г. (эпоха Витте), «Записки Научн. О-ва Марксистов», № 8 (2), 1927 г.

Сто лет экспедиции заготовления госуд. бумаг. Птр. 1918 г., стр. 56.

Экономический переворот в Зап. Европе и реформация. Л. 1925 г., стр. 207.

Библиографические материалы для словаря декабристов. Л. 1926 г., стр. 152.

Библиография по истории народов СССР. Ч. 2. (XVI—XVII вв.) Л. 1922 г., стр. 360.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А. Л.—191, 192.
Авалиани С.—254.
Авксеньев — 197.
Адамс К. — 10.
Адлерберг В. Ф., граф — 238.
Айзенберг Л. — 171.
Аксаков И. С. — 211, 224.
Аксаков К. С. — 211—213, 224.
Аксаков С. Т. — 211.
Аксакова В. С. — 222.
Александр I — 36, 42, 43, 47, 55, 56, 66, 73, 78—87, 89—94, 97, 101. 102, 104—107, 109—111, 131, 132, 134, 139, 202, 203.
Александр II — 227, 228, 231, 233, 238—242, 248.
Алексеевы — 237.
Алексей Михайлович, царь — 8, 11, 18, 21, 87, 201.
Андреевский Л. — 62, 76, 174, 198.
Андреевич 2-й Я. М., декабрист — 141, 143, 144, 147.
Андросов В. — 56, 76, 169, 197.
Анисимов В. И. — 251.
Анна Иоанновна, императрица — 82.
Анненков П. В. — 216, 217, 222, 225.
Анциферов Н. — 170.
Аракчеев А. А., граф — 106.
Арсеньев К. — 76, 197.
Архангельский П. Г. — 198.
Ахшарумов Д. Д., петрашевец — 220, 223.

Бабкины, фабриканты — 157.
Бажаев В. Г. — 31, 69, 198.
Базилевич К. В. — 38.
Бакунин М. А., революционер — 214, 217, 224.
Балабанов М. — 56, 171, 223.
Барсуков Н. П. — 206, 208, 225.
Бартенев П. И. — 68, 70, 73, 88.
Батенков Г. С., декабрист — 11, 123, 125, 135, 139.
Бахрушин, С. В. — 38.
Беарде-Делябей, доктор прав — 32, 33.
Безобразов А. И. — 8.
Бекшин Г. — 223.
Белинский В. Г. — 211, 214—218, 224, 225.
Бельский С. — 170.
Бенкендорф А. Х. — 199.
Берви-Флеровский В. В. — 254.
Берд, заводчик — 161.
Бердников В. — 56.
Беркут Н. К. — 254.
Берлин П. А. — 55, 56.
Бестужев А. А., декабрист — 105, 134—136.
Бестужев Н. А., декабрист — 135, 136.
Бестужевы, братья — 150.
Бестужев-Рюмин М. П., декабрист — 18, 129—133, 140, 143—147.
Бибиков Д. Г. — 230.
Бирюкович В. В. — 101.
Блудов Д. Н., граф — 206, 238.
Бобринский А. А. — 192.
Боголюбский И. — 170.
Богословский А. — 56.
Богучарский В. — 149.
Болотов А. Т. — 24, 38.
Болтин И. — 38.
Большаков А. М. — 37.
Бондаренко В. Н. — 40.
Борецкий-Берсфельд — 255.
Борисовы, братья, декабристы — 118.

Борисов П., декабрист — 142—144.
Бороздин А. К. — 73, 110, 112, 130, 131, 138, 149.
Боровков А. Д. — 202.
Боткин В. П. — 214, 215, 217.
Бочкарев В. Н. — 37.
Бродский Н. Л. — 212.
Бруни, художник — 207.
Брюллов К. П., художник — 207.
Брюс Я. А., граф — 31.
Букинский — 190.
Булатов А. М., декабрист — 136.
Булгаков А. Я. — 74.
Булгарин Ф. В. — 207.
Бунге Н. Х. — 169, 198.
Бунин Р. — 197.
Бурнашев В. — 55.
Бурцев И. Г., декабрист — 115, 117, 118.
Буташевич-Петрашевский М. В., — 219—221, 223.
Бутурлин Д. П. — 206.
Быстрицкий А. А., декабрист — 147.
Бюшинг — 28.

Вадковский Ф. Ф., декабрист — 147.
Валуев П. А., граф — 228, 254.
Вандаль А. — 42.
Василевский — 47.
Васильев А. — 101.
Васильчиков, камергер — 67.
Васильчиков В. И., князь — 194.
Васильчиков Ил. В. — 203.
Введенский А. А. — 37.
Венгеров С. — 224.
Венюков М. И. — 219.
Вернер К. А. — 76, 198.
Ветринский В. — 222, 223.
Вешняков — 86.
Вилькинс — 188, 189.
Вильсон И. — 198.
Виноградов В. — 224.
Виртембергский Евгений, принц — 137, 148.
Витчевский В. — 40, 56.
Владимиров Л. Е. — 224.
Вознесенский С. В. — 37, 56, 74, 82, 149, 171, 185, 198, 254.
Воейкова, помещица — 159.
Волконский Н. С. — 198.
Волконский П. М., князь — 78, 200.
Волконский С. Г., князь, декабрист — 114, 131, 150.
Вольф, барон — 178.
Воронцов С. Р., граф—80, 81, 84, 88, 113.
Воронцов-Дашков, граф — 184.
Вранищкий В. И., декабрист — 145.
Вулих Е. З. — 38.
Вяземский П. А., князь — 74, 200.

Гагарин П. А., князь — 80.
Гагарин П. П., князь — 232, 233, 238, 248.
Гайсинович А. А., — 39, 56, 76.
Гакстгаузен, барон — 60, 154, 155, 159, 164, 173, 194, 221.
Гарелин Я. — 56, 170.
Гебель, полк. Черниговск. полка — 140, 146, 147.
Гегель, философ — 209.
Герберштейн С. — 37.
Герман К. Ф., проф. — 111.
Герман И. Ф. — 39, 56.
Герман К. Т. — 55.
Герцен А. И., революционер — 149, 199, 200, 214, 215, 219, 221—224, 254.
Гершензон М. О. — 224.
Гильденштедт, академик — 39.
Гильфердинг А. — 243.
Гоголь Н. В. — 216, 225.
Голицын, князь — 103.
Голицын А., князь — 89.
Голицын А. М., князь — 34.
Голицын А. Н. — 203.
Голицын А. Н., князь — 33.
Голицын Д. А., князь — 33, 34.
Голицын Д. В., князь — 33, 34.
Головачев Н. М. — 149.
Головин А. В. — 248.
Головкин А. — 254.
Гольштинский Г., генер.-губернатор — 103.
Горбачевский И. И., декабрист — 140, 145, 148, 150.
Горизонтов — 197.
Горлов И. — 169, 197.
Горчаков М. Д., князь — 228.
Готье Ю. В. — 9, 37.
Грановский Т. Н. — 214, 215, 217, 224.

Грабе-Горский О. В., декабрист — 138.
Греков Б. Д. — 10, 37, 38, 53, 64, 66, 76, 150, 261, 266.
Греч Н. И. — 104, 207.
Громницкий П. Ф., декабрист — 143.
Груздев, помещик — 159.
Грязнов А. Ф. — 152.
Гулишамбаров С. О. — 65, 170.
Рурьев Д. А. — 73.
Губин, фабрикант — 157.
Гучковы — 237.

Давыдов В. Л., декабрист — 131.
Даниил, принц из Бухова — 6, 7.
Демидов В. А. — 192.
Демидовы Сан-Донато — 19.
Державин Г. Р. — 74, 81, 101.
Джаншиев Г. — 243, 254.
Дибич И. И., граф — 139, 203.
Дмитриев-Мамонов М. А., граф — 112.
Довнар-Запольский М. В. — 37, 38, 111, 124, 133, 139, 149, 150, 230, 243.
Доброклонский А. П. — 37.
Добролюбов Н. А. — 274.
Долгоруков П., князь — 78.
Достоевский Ф. М. — 223.
Дуббельт Л. В. — 204, 205, 224.
Дубенский Н. — 197.
Дубровин Н. — 101, 103, 104, 116.
Дубровский С. М. — 38.
Дьяконов М. — 37, 38
Дюбюк Е. — 170.
Дюмон Этьен — 74.

Евреинов Г. — 255.
Егунов — 197.
Екатерина I — 35.
Екатерина II — 21, 22, 24, 35, 36, 78, 80.
Елагин — 104.
Ермолов А. П., генерал — 135.

Жемчужников Л. — 223.
Жеребцова — 78.
Жуков А. И. — 138, 161, 164, 165, 173, 176, 179.
Жуковский В. А. — 208.

Забелин И. Е., историк — 37.
Заблоцкий — 197.
Заблоцкий-Десятовский А. П. — 168, 169, 185, 187, 190, 193—195, 206, 226.
Завадовский, граф — 82, 101.
Завалишин Д. И., декабрист — 150.
Завьялов — 155.
Загоскин М. Н. — 207.
Зак И. — 51.
Закревский А. А., ген.-губернатор — 154.
Заозерский А. И. — 37.
Зензинов М. — 149.
Зиновьев — 170.
Злотников М. В. — 39.
Зотов В. Р. — 39.
Зомбарт В. — 30, 59, 258.
Зубов П., граф — 25, 81, 86.
Зубовы братья — 78, 80.

Иван Васильевич (Грозный), царь — 9, 21, 261.
Иванов И. — 170.
Иванов И. И., декабрист — 143, 144.
Иванов-Разумник (Иванов) Р. В. — 224.
Иванюков И. — 242, 254.
Игнатович И. И. — 175, 198, 222, 229, 255.
Изюмов А. Ф. — 38.
Иконников В. С. — 68, 207, 223.
Иовий Павел — 37.

Кавелин К. Д. — 190, 235—237, 242, 243, 254.
Кавеньяк — 222.
Кайсаров А. С. — 58, 59.
Калачэв Н. — 254.
Кампенгауз, барон — 74.
Канкрин Е. Ф. — 103.
Карамзин Н. М. — 78, 79, 90, 98—101, 172, 199.
Карл XII, король шведский — 21.
Карнович Е. — 40.
Карнович С. — 39.
Карпович Е. — 170.
Катков М. Н. — 237.
Кауфман И. И. — 44.
Каховский П. Г., декабрист — 73,

110—112, 136, 137, 138.
Калшин Б. — 198.
Кашин В. Н. — 37.
Кашин Н. П. — 223.
Кеппен П. И. — 169, 198.
Кизеветтер А. А. — 26, 27, 88, 102, 255.
Кильбургер — 37.
Киреев И. В., декабрист — 141.
Киреевский И. И. — 211, 213, 224.
Кириллов И. — 13, 39.
Кириллов Н. С. — 223.
Киселев П. Д., граф — 160, 172, 192, 200, 225, 226.
Кишкин М. — 197.
Ключевский В. О. — 37.
Княжевич А. М. — 238.
Князьков С. — 25.
Кобертеры — 258.
Коваленский М. Н. — 37, 75.
Кокорев В. А., фабрикант — 195, 237, 238.
Колмаков М. Н.—204.
Колокольников П. Н. — 56, 66.
Колокольцев, фабрикант — 157, 158.
Колюшанов — 190, 224.
Комаров Н., член Союза Благоденствия — 118.
Константин Павлович, вел. кн. — 134, 135, 138, 227, 238, 239, 248.
Коркунов К. М. — 101.
Корнилов А. А. — 198, 200, 224, 225, 254, 255.
Коробьин — 33.
Корф М. А., барон — 160, 203, 222, 238.
Корш К. Ф. — 214.
Костомаров Н. И. — 38.
Кочубей В. П., князь — 83, 88, 105, 202, 203.
Кошелев А. И. — 192, 193, 211—213, 222, 224, 231.
Кржижановский А. — 104.
Крижаничь Юрий — 37.
Крюденер, баронесса—102.
Крюков П. — 170.
Кузьмин, ген.-лейт. — 223.
Кузьмин А. Д., декабрист — 143, 146—148.
Куклин А. К. — 149.
Кукольник Н. В. — 207.
Кулишер И. — 171.
Кулишэр М. И. — 23, 37, 39.
Куракин А. Б., князь — 87.
Курц Б. Г. — 9, 37.
Кутайсов И. П., граф — 79.
Кушелев Г. Г., адмирал — 80.
Кюхельбекер М. К., декабрист — 136.

Лабзин А. Ф. — 104.
Ламартин — 222.
Ланжерон А. Ф. — 78.
Ланской С. С. — 231, 238, 239, 240, 241.
Лаппо-Даниловский А. С. — 39.
Латкин В. Н. — 18, 20.
Лебедев К. Н. — 254.
Левашев В. В., ген.-адъютант—73, 138.
Левин Кирик — 224.
Левшин — 55, 254.
Левшин А. И. — 231.
Лейкина В. — 220, 223.
Лемке М. К. — 223, 225.
Ленин В. И. — 120—122, 148, 149, 224, 253, 256, 266, 267, 273, 274.
Лепехин И. — 39.
Лешков В. Н. — 38, 39.
Линтон — 222.
Липранди И. П., декабрист — 223.
Люде Э. — 197.
Лодыженский Е. — 198.
Лодыженский К. — 20, 45, 46, 56.
Лопухин, князь — 80.
Лопухин И. В. — 85, 104.
Лорер Н. И., декабрист — 128, 129, 150.
Лосицкий А. — 198, 250, 251, 255.
Луи Блан — 215—218.
Луи Филипп — 217.
Лунин М. С., декабрист — 53, 64, 65, 66, 69, 111, 113, 121, 149. 150.
Любименко И. — 38.
Люблинский Ю. К., декабрист—118, 142.
Любомиров П. Г. — 39.
Лядов Ив. — 56.
Ляхов Арс. — 56.
Лященко П. И. — 39, 56—58, 76, 172, 198, 239, 255.

Майборода А. И. — 139.
Майков Вал. Н. — 224.

Макарий, архим. — 155.
Маккиавели — 99.
Максимович Г. А. — 224.
Малышев А. — 38.
Мануилов А. — 255.
Манштейн — 39.
Мария Федоровна, супруга Павла I — 91.
Маркс Карл — 10, 168, 256, 257, 262, 265—266, 270, 271.
Маслов П. П. — 195.
Меерсон Г. — 39.
Межаков — 174.
Межаков А. — 63, 65, 69.
Межаков П. — 62.
Мейерберг — 37.
Мещерский, князь — 71.
Мещеряков Фома — 66.
Миклашевский И. Н. — 10.
Милорадович М. А., граф — 134, 137.
Милюков П. Н. — 21, 27, 39, 57, 181.
Милютин Н. А. — 225, 245, 273.
Митрополов — 63.
Михаил Павлович, вел. князь — 201.
Михайловский-Данилевский А. И.— 148.
Мозалевский А. Е., декабрист — 148.
Модзалевский Б. Л. — 149.
Молчанов Е. П. — 185.
Момбелли — 201.
Монтескье — 82.
Мордвинов — 55.
Мордвинов Н. С.—68, 81, 85, 86, 112, 135, 178.
Мордовцев Д. — 222.
Морозов — 55.
Морозов, боярин — 8.
Мороховец Е. — 222.
Мошинский П. И., граф — 140.
Муравьев А. М., декабрист — 115, 150.
Муравьев А. Н., декабрист — 113.
Муравьев Арт. Зах., декабрист — 140, 145, 146.
Муравьев М. — 135, 150.
Муравьев Н. М., декабрист — 113, 116—118, 121, 123, 124, 126—128.
Муравьев-Апостол И. М., сенатор — 135.
Муравьев-Апостол Ип. И., декабрист— 148.
Муравьев-Апостол М. И., декабрист — 113, 129, 140, 146, 147, 150.
Муравьев-Апостол С. И., декабрист — 113, 118, 128—133, 139, 140, 143—148.
Муханов В. А., декабрист — 174, 228.
Мякотин В. А. — 224.

Набоков, полковник — 146.
Надеждин Н. И. — 163.
Назимов Вл. И. — 215, 240, 241.
Наполеон I — 42, 43, 90, 100, 102.
Нарышкин Н. Н., декабрист — 118.
Небольсин Г. — 178.
Невзоров М. И. — 104.
Нессельроде К. В., граф — 174.
Нечкина М. В. — 140—141, 145, 146.
Никитенко А. В. — 222.
Николай I — 106, 108, 134—137, 139, 149, 151, 154, 158, 165, 168—170, 194, 198—199, 202—207, 222, 223, 225—227, 229.
Николай II — 252.
Николай Михайлович, вел. князь — 78, 83, 86, 100, 101.
Никольский А.—190.
Никольский Л.—197.
Никон, патриарх—8.
Нисселович Л. Н.—44, 46, 51, 52, 56.
Нифонтов А. С.—222.
Новиков—197.
Новиков Н. И. — 34, 35.
Новосельский А. В.—8.
Новосильцев Н. Н.—83, 100.
Норов А. С.—215.
Носович С. И.—254.

Оболенский А. Д.—255.
Оболенский Е. П., декабрист — 114, 115, 118, 125, 137, 150.
Обольянинов, ген.-прокурор — 79.
Оганович Н. П.—76.
Огановский Н. П.—21, 182, 193, 198, 252, 255.
Огарев Н. П.—214, 219, 221.
Огарева-Тучкова Н. А.—223.
Оглобин А. П.—39, 56.
Озерский А. Д.—54, 170.
Оксман Ю. Г.—149, 150.

Олеарий Адам—11.
Олизар Г., граф—118.
Ольминский М.—150.
Орлов, князь—238.
Орлов М. Ф., декабрист—112, 116, 117.
Орлов Вл. Г., граф—23, 66, 67, 69.
Орлов-Давыдов В. П., граф — 23.
Орлов-Давыдов В.—67.
Осокин, фабрикант—156.
Островский П.—197.

Павел I—35, 36, 51, 78, 79, 80, 81, 86, 110.
Павлов, проф.—151.
Павлов-Сильванский Н. П. — 37, 115, 150.
Пажитнов К. А.—56, 153 — 155, 160, 169, 171, 223.
Пален П. А., граф—78, 80.
Панин В. П., граф—238, 247, 249.
Панин Никита, граф—78, 82.
Панов Н. А., декабрист—136, 137.
Пантелеев Г. В.—254.
Паскевич И. Ф., фельдмаршал — 200, 245.
Пассек В. В.—111.
Пассек Т. П.—222.
Пельчинский В. С.—56, 170.
Пересветов Ивашка—261.
Перовский Л. А., граф—194.
Пестель П. И., декабрист—113, 115—120, 124, 126—133, 135, 139, 140, 144, 146, 149, 150, 219.
Петр I—13, 21, 24, 39, 50, 56, 82, 169, 202, 214.
Петрович Н.—76.
Петрово-Соловово — 87.
Пиксанов Н. К.—224.
Пичета В. И.—37, 39, 170, 198, 255.
Пнин Ив.—19.
Платон, философ—220.
Платонов И.—197.
Платонов С. Ф., академик—37.
Плеханов Г. В.—211, 218, 223 — 225, 254.
Повалишин А.—76, 198.
Повало-Швейковский И. С., декабрист — 132, 145, 146.
Погодин М. П.—207, 208, 225, 227, 228, 230, 231, 237.
Погожев А.—159, 170.
Поджио А. В., декабрист—129.
Поздеев О. А.—85.
Поздюнин—197.
Позен М. П.—233, 234, 245, 254.
Покровский В. И.—30, 52, 54, 58, 59, 73, 75, 76, 161, 163, 177, 179.
Покровский М. Н.—37—39, 76—78, 82, 90, 92, 97, 101, 106, 120, 125, 140, 146, 148, 150, 164, 195, 198, 222, 224, 247, 255, 264, 266.
Поленов А. Я.—33.
Полетика В. А.—56.
Полиевктов М. А.—222.
Полосин И. И.—29.
Полторацкий, помещик—69.
Пономарев И.—170.
Пепельницкий А. З.—232, 237, 254, 255.
Посошков И. Т.—38.
Потемкин Г. А., граф—31.
Преображенский В.—184, 197.
Пресняков А. Е.—110, 150, 222.
Прокофьев И. В.—126.
Прохоров—55.
Протопопов Д. С.—196.
Путачев Е. С.—85.
Путята Н.—73.
Пушкин А. С.—138, 150, 153, 269.
Пущин И. И., декабрист—150.
Пыпин А. Н.—101, 199, 222, 224.
Пыхачев М. И., декабрист—145.

Р., граф—195.
Радищев А. Н.,—34, 35, 39, 188.
Райский Л.—219, 221, 223.
Растопчин Ф. В., граф—68, 70, 74, 76, 88, 113.
Растопчина, графиня—193.
Рекк купец—195.
Рихтер Д. И.—251.
Ришелье, герцог—66.
Родес—37.
Роджерс—68.
Рождественский С. В.—38.
Рожков Н. А.—37, 39, 56, 57, 76, 101, 150, 170, 198, 255, 260.
Розен А. Е., барон, декабрист—109, 135, 136.
Романов Б. А.—76.

Россоловский А. Ф.—170.
Ростовцев И. И., граф — 213, 238, 239, 242, 244, 245, 247.
Рубинштейн Н. Л. — 76, 150, 224.
Румянцев С. П., граф—68, 87, 88, 101.
Рыбников И. Н.—169.
Рылеев К. Ф., декабрист — 125, 126, 128, 133—135, 137—139.
Рычков Н.—24, 32, 39.
Рязанов Б. Д.—255.

Сабуров И.—198.
Савари, генерал—90, 91.
Савич А. А.—38.
Салтыков М. Е.—223.
Самарин Д. Ф.—69.
Самарин И. И.—69.
Самарин Ю. Ф.—60, 188, 193, 211, 213, 224, 229, 234, 254.
Самоквасов Д. Я.—37.
Салтыков Н. И., фельдмаршал—80.
Сапожников, купец — 126.
Свербеев Д. Н.—76.
Сегюр, граф—18, 19.
Селивановский Сем., типограф—125.
Семевский В. И.—16, 24, 25, 27, 30, 33, 36, 39, 70, 76, 92, 101, 111, 115, 150, 175, 183, 194, 198, 205, 221—223.
Семенов А.—20, 41, 46, 48, 54, 56, 58, 76, 151, 155, 161, 162, 165, 170, 176, 177, 238.
Семенов Н. П.—224, 254.
Семенов-Тяньшанский П. А.—193.
Семенов-Тяньшанский П. П. — 245, 254.
Сен-Симон—218.
Серафим (Глаголевский), митр. петербургский—137.
Сергеевич В. И.—39.
Середонин М. С.—52, 56, 61.
Сиверс Я. Е., граф—33.
Сисмонди—118.
Скальковский А. А.—197.
Скальковский К. А.—56.
Скворцов С. П.—274.
Скребицкий А.—180, 246, 249, 254.
Слабченко М. Е.—39.
Славутинский—230, 254.
Смирнов А.—170.
Смит Адам—45.
Снежевский В. И.—76, 175, 198, 230.
Снежевский Л.—192.
Снесарева, помещица—230.
Соколовская Т.—104.
Соловьев В. Н. барон, декабрист — 143, 147.
Соловьев С. М.—200, 201.
Соловьев Я. А.,—245.
Сперанский А. Н. — 38, 261, 264.
Сперанский М. М. — 44, 90, 92—97, 100, 101, 135, 273.
Спиридов М. М., декабрист—142, 145, 146.
Станкевич А.—215.
Сташевский Е. Д.—38.
Стеклов Ю.—224.
Степанов И.—171.
Столыпинский А.—56.
Столыпинский П. Н.—39.
Сторожев В. Н.—101, 105, 106.
Строганов А. Г., граф—254.
Строганов П. А., граф — 83, 101.
Строгановы—7, 19, 264.
Стройновский Пр.—76.
Струве П. Б.—17, 39, 61, 174, 187, 188, 196, 198.
Сутгоф А. Н.—декабрист—136.
Сухинов И. И., декабрист—143, 147, 148.
Сухово-Кобылин—160.
Сущев—230.
Сыромятников Б. И.—170.
Сыромятников Р.—170.

Талейран, министр—42.
Талызин, командир гвард. полков — 78.
Тарасов Ст.—169, 170.
Тарле Е. В.—39, 56, 150.
Татаринова Е. Ф.—104.
Т-в С.—192.
Татищев В. Н.—16, 38.
Тельберт Г. Г.—101.
Тенгобергский Л. В.—169, 176, 197.
Тизенгаузен В. К., декабрист—145.
Тимашев Н.—196.
Титов—192.
Толстой П. А., граф—203.
Толь, Ф. Т., петрашевец—221.
Томсинский С. Г.—38, 264.

Тройницкий А. Г.—169, 173, 188, 191.
Троцинский Д. Н.—79, 80.
Трубецкая, кн.—192.
Трубецкой С. П., князь, декабрист—111, 113, 118, 123, 126, 128, 129, 133, 136, 137, 150.
Туган-Барановский М. И.—12, 20, 25, 39, 43, 51, 52, 53, 54, 56, 151, 152, 156, 157, 162, 170, 170, 223.
Тургенев А. И.—226.
Тургенев Н. И.—52, 53, 89, 112, 117, 118, 121, 150, 159, 226.
Турчанинов, полковник—28.
Тучинович О.—76.
Тучков А. А.—71, 76.
Тютчев А. И., декабрист—143, 146.

Уваров, генерал—78.
Уваров С. С.—206, 207, 225.
Унковский А. М.—242, 243, 254.
Успенский Г. И.—201.

Фалькович П.—37.
Фирсов Н. Н.—39, 46, 56.
Флеровский Н.—223.
Флетчер—9, 37.
Фомин А.—60, 76, 197.
Фомин А. Г.—59.
Фомин Г. А.—223.
Фонвизин М. А., декабрист—78, 79. 109, 110, 117, 150.
Фохт И. Ф., декабрист—130.
Франц-Иосиф, император австрийский—200.
Фролов А. Н. декабрист—145.
Фундуклей—197.
Фурье—218, 219, 220.

Хованский Н. Ф.—182, 184, 189, 198,
Ходецкий—170.
Хлебникова, фабрикантша—167.
Хлебниковы, купцы—156.
Хомяков, А. С.—193, 211—213, 224.
Хоткевич А., граф—118.
Хотяинцев И. Н., декабрист—116.
Храповицкий В., помещик—75.

Цицианов П. О., князь—68, 70, 74, 76, 88.

Чаадаев М. Я.—73.
Чаадаев П. Я.—163, 201, 209, 210, 224.
Чадов М. Д.—224.
Чарторижский Адам, князь—83, 101.
Чевкин К. В., ген.-ад'ютант—54, 170, 238.
Ченслер Р., начальник англ. эскадры — 10.
Ченцов Н. М.—149.
Черемшанский—197.
Черкасский В. А., князь — 192, 211, 245.
Чернышев И. В.—198, 249.
Чернов С.—76.
Чернов С. Н.—117, 150.
Чернышев А. И., генерал—139.
Чернышев И. С.—198, 249.
Чернышевский Н. Г.—149, 222, 253, 254, 274.
Чечулин Н. Н.—38, 40
Чичерин Б. Н.—210.
Чулков Е.—23.

Ш. А.—157, 158, 168.
Шварц Гр. Еф., полк. Семен. полка — 117.
Швитков М.—60, 61, 70, 76.
Шебунин А. Н.—67, 101, 150.
Шевырев С. П., проф.—207, 208, 224.
Шелехов, помещик—69.
Шелехов Д.—197, 198.
Шеллинг, философ—209, 224.
Шепелевы—161.
Шереметев, граф—55, 61, 155.
Шереметев А. Вл.—74.
Шереметев Б. С.—66.
Шереметев Н. П., граф—28.
Шилов А. А. — 223.
Шильдер Н. К.—97.
Шипов А.—170.
Ширинский-Шахматов А. П., князь—207.
Ширяев В. Н.—255.
Шишков А. С.—102, 198.
Шкловский В. Н.—223.
Шостак В.—190.

Штейнгель В. И., декабрист—106, 108, 125, 126, 136, 138, 150.
Штраух Л. Н.—38.
Штраух С. Я.—111.
Шувалов, граф—51.
Шувалов А. П., граф—245.
Шулепников А.—170.

Щеглов—170.
Щеглов В. Г.—101.
Щеголев П. Е.—118, 149, 150, 223.
Щепилло А. А., декабрист—143, 147, 148.
Щепин-Ростовский Д. А., княз., декабрист—136, 137, 139.
Щепкин М. С., актер—214.
Щепкина Е.—150.
Щербатов М. М., князь—13, 19, 22,
Щербатов М. М., князь — 13, 19, 22, 35, 39, 82.
Щукин С. Е.—224.

Энгельс Фр.—259, 262.

Юровский Л. Н.—190.
Юшневский А. П., декабрист — 116, 117, 131, 132.

Яблоновский А. С., князь—118.
Якоб—70.
Яковлев А. И.—37.
Якубович А. И. декабрист—136.
Якушкин В. Е.—39.
Якушкин И. Д., декабрист—71—73, 110—113, 115, 121, 150.
Янсон Ю. Э. — 250.
Янчевский Н. Л.—38.
Ястржембский И.-Ф. Л., петрашевец — 219.
Яшвиль В. М., князь—79.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Торговый капитал и его роль в экономическом развитии России XVI—XVIII вв. 5
Литература по истории экономического развития России XVI—XVIII вв. 37

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Борьба капиталистической фабрики с фабрикой вотчинной и поссессионной в первой четверти XIX века 41
Литература по промышленному развитию России в первую четверть XIX в. 55
Ростки аграрного капитализма в России в первой четверти XIX в. 57
Литература по сельскому хозяйству России в первой четверти XIX века 76
Фракционная борьба внутри правящего дворянства и попытки реформ в первые годы царствования Александра I 77
Литература по правительственным реформам в первую половину царствования Александра I 101
Правительственная реакция второй половины александровского царствования и первая вспышка в России буржуазной революции в декабре 1825 г. и начале января 1826 г. 102
Литература о декабристах 149

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Рост промышленного капитала в 20—30-х годах и его столкновение с феодально-крепостническим строем 151
Литература по истории промышленности в 1725—1785 гг. 169
Кризис барщинной и оброчной систем помещичьего хозяйства . . 171
Литература по сельскому хозяйству в 1825—1860 гг. 197
Правительственный гнет и классовая борьба на идеологическом фронте в николаевскую эпоху 198
Литература по классовой борьбе в николаевскую эпоху 222
Полубуржуазная реформа 1861 г. в целях предупреждения крестьянской революции снизу 225
Основные черты социально-экономического развития феодальной России 245
Из работ того же автора 275
Именной указатель 276